

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА — ФРОНТУ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

1941-1945

АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА – ФРОНТУ

К 80-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

1941–1945

Издание второе, дополненное

*Под редакцией
члена-корреспондента РАН
Н.Н. ФЕДОСЕЕНКОВА*

МОСКВА • НАУКА • 2025

УДК94(47 + 57)
ББК 63.3(2)622
А38

Академическая наука – фронту: К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 / под ред. Н.Н. Федосеенкова; сост. М.О. Смирнова / Издание второе, дополненное. – М.: Наука, 2025. – 293 с. – ISBN 978-5-02-041164-7

Издание, посвященное 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, включает два раздела. В первом разделе рассматриваются проблемы использования научного потенциала Академии наук для разгрома фашистских агрессоров, раскрываются формы организации научной деятельности, изменения тематики исследований и сети научных достижений в условиях военного времени, а также ключевые достижения академической науки военных лет. Второй раздел включает воспоминания членов РАН – участников боевых действий и труженников тыла.

Для историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-02-041164-7

© Российская академия наук, 2015, 2025
© Архив РАН, 2025
© Аносов Д.В., Виноградова Л.Д., Зинич М.С.,
Лифшиц О.Д., Осипова Н.М., 2025
© Федосеенков Н.Н., 2025
© Смирнова М.О., составление, 2025
© ФГБУ Издательство «Наука», редакционно-
издательское оформление, 2025

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ул. Воронцово поле, д. 13, строение 1, Москва, 101000

«16» января 2025 г. № 01-13

*Читателям издания
«Академическая наука — фронту»*

Уважаемые читатели!

Победа в Великой Отечественной войне, положившая конец преступным планам нацистов, стала триумфом всего советского народа. В то время как бойцы Красной армии героически сражались за каждый метр родной земли, а затем освобождали оккупированные государства Европы, в тылу миллионы людей самоотверженно трудились ради разгрома врага.

Особенно ценный вклад в этот всенародный подвиг внесли наши учёные. Получение пенициллина, защита кораблей от магнитных мин, новации в артиллерии и танкостроении — каждое научное достижение укрепляло обороноспособность страны, тем самым приближая Победу. Беспрецедентную стойкость и самопожертвование проявили и сотрудники Всесоюзного института растениеводства, которые, умирая от голода в блокадном Ленинграде, сохранили нетронутой уникальную Вавиловскую коллекцию семян. В тяжёлый военный период советские исследователи не только выполняли свой профессиональный долг, но и всеми силами помогали фронту: собирали средства на танковую колонну «За передовую науку», дежурили на крышах домов во время авианалётов, возводили укрепления.

Подробности многих сделанных тогда открытий, а также воспоминания трудившихся в годы войны учёных легли в основу издания «Академическая наука — фронту», впервые вышедшего 10 лет назад. Отрадно, что обновлённый сборник дополнился материалами, посвящёнными деятельности Института истории Академии наук СССР и комиссии Исаака Израилевича Минца, сохранившей для потомков многочисленные примеры героизма поколения победителей.

Уверен, что публикация этой книги станет заметным событием среди мероприятий к 80-летию Великой Победы, а само издание будет интересно как профессиональным исследователям, так и всем любителям истории.

С.Е. Нарышкин

Российская Академия Наук

Уважаемые читатели!

Перед вами — издание, посвящённое особым страницам нашей истории. Великая Отечественная война принесла нашей стране тяжелейшие испытания. Столкновение с высокотехнологичной машиной фашистской Германии потребовало мобилизации всех сил общества, скорейшей переориентации народного хозяйства под нужды фронта. Беспрецедентные по своему масштабу и характеру задачи возникли и перед Академией наук СССР.

В год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне мы с особой признательностью вспоминаем имена наших учёных, сотрудников институтов Академии наук СССР, которые достойно ответили на возникшие вызовы. Они приложили все усилия для того, чтобы приблизить Победу, отстаивали независимость нашей страны и укрепили её позиции как мировой научной державы.

Вклад наших учёных в достижение Победы — поистине многогранен. Многие институты Академии наук СССР, оказавшись в эвакуации, продолжали активно работать. В самой Академии были сформированы экспертные комиссии, в чьи обязанности входило изучение производственных возможностей Поволжья, Урала, Сибири, других регионов для развёртывания новых промышленных объектов, разработки новых месторождений, прокладки

логистических маршрутов. Все научные силы нашей страны — без преувеличения — работали на укрепление военного потенциала Советского Союза и скорейшее возвращение к мирной жизни.

Исследования академических институтов легли в основу создания новых лекарств, позволили улучшить двигатели для авиации и бронетехники, создать инновационные материалы. Труд учёных воплотился во многих инженерных решениях, обеспечив армию образцами новейшего оружия. И конечно, многие из наших учёных, научных сотрудников — оказывали прямую помощь и поддержку солдатам, уходили на фронт добровольцами.

Академия наук всегда была и сегодня служит организацией, жизнь которой неотделима от судьбы страны. И период 1941-1945 гг. наглядно показывает включённость академических институтов в решение задач государственной важности.

Уверен, что книга, которую держите в руках, позволит вам больше узнать о жизни учёных нашей страны в условиях военного времени, их вкладе в Победу. Будет способствовать — увековечению их трудового подвига.

Президент РАН
академик РАН

 Г.Я. Красников

ЧАСТЬ I

АКАДЕМИЯ
НАУК – ФРОНТУ

АКАДЕМИЯ НАУК В ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Академия наук СССР в период Великой Отечественной войны – эта тема освещена в обобщающих трудах по истории Академии и в специальных исследованиях, посвященных этой теме. Тем не менее еще многие факты из истории деятельности Академии наук в этот период и ее вклада в Победу остаются неизвестными или малоизвестными. Это в полной мере относится к начальному, самому трудному периоду войны. Это было, наверно, самым сложным временем в деятельности АН СССР.

23 июня 1941 г. состоялось внеочередное заседание Президиума АН СССР, в котором приняло участие более 60 членов Президиума АН СССР и ведущих ученых Академии наук. В их числе академики-секретари Отделения физико-математических наук А.Н. Колмогоров, Отделения технических наук В.П. Никитин, Отделения истории и философии А.М. Деборин, заместители академиков-секретарей. Вел заседание вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт. Заслушав и обсудив его выступление, члены Президиума АН СССР приняли ряд решений.

На заседании выступили многие его участники. Стенограмма заседания свидетельствует, что в соответствии с моментом времени, а также традициями тех лет, заведенным ритуалом на заседании звучали идеологически окрашенные речи, участники заседания «заверяли народ, правительство и Коммунистическую партию» в своей готовности участвовать в победе над врагом. В этом духе выступали многие ученые, например академики А.М. Деборин и М.Б. Митин. Но на этом же заседании были приняты решения, которые «положили начало перестройке работы научных учреждений Академии наук на нужды обороны», академическим учреждениям было поручено пересмотреть тематику научно-исследовательской работы, отдавая приоритет работам, которые имели оборонное значение и могли бы быть закончены в ближайшее время. Приводим их перечень.

«1. Обязать все отделения и научные учреждения Академии немедленно пересмотреть и перестроить тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников в первую очередь на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической родины.

2. Обеспечить всеми необходимыми силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике.

3. Обеспечить научными силами и снабдить всем необходимым оборудованием и материалами, прежде всего, заканчиваемые научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и народном хозяйстве.

4. Уполномочить Бюро Президиума в составе президента и вице-президентов осуществлять оперативное руководство работой учреждений Академии, разрешать все возникающие вопросы, в том числе утверждать конкретные планы научно-исследовательских работ.

5. Обязать всех работников Академии наук СССР соблюдать строжайшую дисциплину, соответствующую военному времени».

Иных решений Президиум АН СССР в тех условиях принять не мог. Академия, по-видимому, никаких конкретных указаний от партийно-государственной власти не получала. Во всяком случае, Политбюро ЦК ВКП(б) таких решений не принимало. Только 10 июля для координации научной деятельности научно-исследовательских учреждений, в т.ч. Академии наук, и высших учебных заведений по решению оборонных проблем был создан Научно-технический совет Государственного комитета обороны.

Во всех обобщающих трудах по истории Академии наук советского периода среди участников заседания называется и президент АН СССР академик В.Л. Комаров. Но это не соответствовало действительности. Дело в том, что в августе 1939 г. президент АН СССР, и до этого имевший хронические болезни, перенес тяжелое заболевание – инсульт. Он полностью так и не оправился от этого. Начало войны застало президента АН СССР на Кавказе, где он проходил лечение.

Академические учреждения стали устанавливать связи с Наркоматом обороны для срочного решения практических задач. Так, Институтом физических проблем под руководством П.Л. Капицы меньше чем за неделю была решена задача разработки метода обезвреживания не разорвавшихся фугасных бомб. Академические учреждения начали выполнять и другие срочные задания наркоматов, учреждений и предприятий.

Первые итоги работы по перестройке своей деятельности на военный лад Президиум АН СССР подвел на своем заседании уже 1 июля 1941 г., также под председательством О.Ю. Шмидта. Было принято общее решение сконцентрировать деятельность академических учреждений на проблемах, имеющих оборонное значение, научной помощи промышленности и мобилизации сырьевых ресурсов. Ни на первом, ни на втором заседании Президиума АН СССР даже не возникали идеи о возможности эвакуации. До решения партийно-государственных органов такие мысли могли быть восприняты как пораженческие.

Однако планы АН СССР изменила тяжелая обстановка на фронтах. Более 2 тыс. сотрудников академических учреждений были мобили-

зованы в армию, ушли на фронт. Было принято решение правительства об эвакуации академических учреждений и сотрудников из Москвы. 2 июля уполномоченным Советом по эвакуации АН СССР был утвержден вице-президент АН СССР О.Ю. Шмидт.

Академия наук к 1941 г. стала крупнейшим научным центром СССР. В нее входили 123 действительных члена, 182 члена-корреспондента и 4700 научных и научно-технических сотрудников, создано 47 научно-исследовательских института, 76 самостоятельных лабораторий. Они были сосредоточены главным образом в Москве и Ленинграде. Поэтому задачи по эвакуации были масштабными. Эвакуация проходила в несколько этапов.

Вся тяжесть первого периода эвакуации легла на плечи О.Ю. Шмидта и сотрудников Президиума АН СССР, оставшихся в Москве. Первоначально планировалось разместить учреждения Академии наук в Томске, но вскоре было принято другое, более правильное решение об эвакуации Президиума АН СССР и основной части академических учреждений в Татарскую АССР, в Казань. Но и здесь для всех академических учреждений не хватало места, поэтому пришлось их размещать в промышленных центрах Урала и дальше, на востоке страны. 19 июля О.Ю. Шмидт вылетел в Казань на самолете для подготовки к размещению академических учреждений. И уже в двадцатых числах июля из Москвы в Казань началась эвакуация более десятка академических институтов и лабораторий. Тогда же началась эвакуация и институтов из Ленинграда. На первом этапе эвакуации перемещались учреждения физико-математического, химического и технического профиля, геологические и биологические институты и учреждения гуманитарного профиля оставались на месте. В августе в Казань переехал Президиум АН СССР во главе с вице-президентами АН СССР О.Ю. Шмидтом и Е.А. Чудаковым. Здесь разместилось 1884 научных сотрудника, включая 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР, 33 научных учреждения.

Решение правительства оказалось недостаточно подготовленным. Полностью Академия наук разместиться в Казани не могла. Осенью, с 15 октября 1941 г. до конца 1941 г., проходил второй этап эвакуации. Геологические учреждения эвакуировались на Урал, некоторые из этих учреждений, а также биологические и гуманитарные – в Ташкент, Фрунзе и другие города республик Средней Азии, на площади Казахского, Узбекского, Туркменского, Таджикского и Киргизского филиалов и баз АН СССР. Всего в среднеазиатских городах жило и работало 735 научных сотрудников, 13 академиков и 30 членов-корреспондентов АН СССР.

Всего академические учреждения были размещены в 16 географических пунктах страны.

Из-за блокады Ленинграда часть ведущих научных сотрудников с семьями пришлось вывозить самолетами, нередко под огнем противника. Эвакуация затянулась до июля 1942 г. Вывозилось не только научное оборудование и инструменты, но и музейные ценности, архивные и библиотечные собрания.

Несмотря на масштабную эвакуацию, из Москвы и Ленинграда выехали не все сотрудники академических учреждений, включая 10 академиков и 34 члена-корреспондента АН СССР.

В целом из Москвы и Ленинграда было эвакуировано 4000 сотрудников, 100 академиков и 128 членов-корреспондентов АН СССР, 35 научных учреждений.

По решению правительства В.Л. Комаров в связи с возрастом и состоянием здоровья должен был эвакуироваться вместе с больными академиками на курорт Боровое в Казахстане. Но в конце августа он прибыл в Свердловск, где располагался Уральский филиал АН СССР и Уральская комплексная экспедиция, куда были эвакуированы Институт металлургии, Лаборатория кристаллографии, а позднее и Институт горного дела, для организации работы академических учреждений в области мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, и принял решение остаться здесь. В Свердловске и других уральских городах собралось 17 академиков и 8 членов-корреспондентов АН СССР, значительное число научных сотрудников. Тогда же В.Л. Комаровым на базе комплексной комиссии была создана специальная Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны. В составе комиссии работали многие крупные ученые. Комиссия стала претендовать на роль главного рабочего органа АН СССР.

В результате эвакуации сложились два наиболее крупных академических центра – в Казани, во главе с двумя вице-президентами, и в Свердловске, во главе с президентом АН СССР. В силу сложившихся обстоятельств на первом этапе всю работу по эвакуации возглавил О.Ю. Шмидт. Казанской группой в августе–сентябре 1941 г. был срочно разработан новый план работы учреждений АН СССР. Он был скорректирован с учетом необходимости в сжатые сроки доводить научные исследования до производства и расширения тем по оборонной тематике. О.Ю. Шмидт доложил его в Москве уполномоченному Государственного комитета обороны по науке С.В. Кафтанову.

Несмотря на все организационные сложности, большие материальные затруднения в развертывании работы, бытовые лишения, ученые сразу же включались в работу, в выполнение широкого круга заданий по оборонной тематике и уже в первые месяцы войны внесли большой вклад в оборону, в будущую Победу.

Публикуемые ниже материалы внеочередного расширенного заседания Президиума АН СССР 23 июня 1941 г. хранятся в Архиве Российской академии наук.

ПРОТОКОЛ № 24
ВНЕОЧЕРЕДНОГО РАСШИРЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ
ПРЕЗИДИУМА АН СССР
23 июня 1941 г.

Председательствовал вице-президент Академии наук СССР академик О.Ю. Шмидт.

Присутствовали:

Академик-секретарь Отделения физико-математических наук А.Н. Колмогоров

Академик-секретарь Отделения технических наук В.П. Никитин.

Академик-секретарь Отделения истории и философии А.М. Деборин.

Члены Президиума Академии наук СССР академики: Т.Д. Лысенко, В.Н. Образцов.

Зам[еститель] академика-секретаря Отделения физико-математических наук, академик В.Г. Фесенков.

академик С.Л. Соболев

Зам[еститель] академика-секретаря Отделения химических наук, член-корреспондент АН СССР С.И. Вольфович.

Зам[еститель] академика-секретаря Отделения геолого-географических наук академик А.А. Григорьев.

Зам[еститель] академика-секретаря Отделения биологических наук:

академик А.А. Борисяк

член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштоянц

член-корреспондент АН СССР Н.И. Гращенков

Зам[еститель] академика-секретаря Отделения истории и философии, академик Б.Д. Греков.

Академики: И.П. Бардин, Э.В. Брицке, И.М. Виноградов, А.В. Винтер, П.Л. Капица, Б.А. Келлер, М.В. Кирпичев, В.А. Кистяковский, Г.М. Кржижановский, П.П. Лазарев, М.Б. Митин, В.Ф. Миткевич, С.С. Наметкин, Н.Д. Папалекси, В.Л. Позднюин, С.Г. Струмилин, И.П. Трайнин, А.Н. Фрумкин, Л.С. Штерн.

Секретарь Президиума Академии наук СССР П.А. Светлов

Зам[еститель] Управляющего делами Академии наук СССР С.Д. Носов

На заседании присутствовали также 60 ч[еловек] руководящих и научных работников московских учреждений АН СССР.

1. Сообщение академика О.Ю. Шмидта о разбойном нападении фашистской Германии на СССР и о работе АН СССР в условиях военного положения.

В обсуждении участвовали: академики – В.П. Никитин, Г.М. Кржижановский, А.Н. Колмогоров, П.Л. Капица, Б.А. Келлер, И.П. Трайнин, В.Л. Позднюин, член-корреспондент АН СССР С.И. Вольфович, академики А.М. Деборин, А.А. Григорьев, член-корреспондент АН СССР П.Ф. Юдин, академики А.А. Борисяк, Л.С. Штерн, А.Н. Фрумкин, В.Н. Образцов, Т.Д. Лысенко, М.Б. Митин.

I

Расширенное заседание Президиума Академии Наук СССР с участием академиков и руководителей Московских институтов Академии от лица Академии наук СССР вместе со всем 200-миллионным народом нашей Великой Социалистической родины выражает глубокое негодование и презрение к фашистским разбойникам, вероломно напавшим 22-го июня с.г. на Советский Союз. Поработители народов Франции, Чехии, Польши, Сербии, Норвегии, Бельгии, Дании, Голландии, Греции и других народов, опьяненные кровью своих жертв, решили наброситься на народы Советского Союза, мирно строящие общество подлинно свободных людей, общество новой культуры и цивилизации.

Нынешние правители Германии – фашистские бандиты во главе с Гитлером, проповедующие самые реакционные и человеконенавистнические идеи угнетения народов, уничтожающие повсюду величайшие достижения культуры, стремятся свергнуть человечество в омут невежества обскурантизма и средневекового варварства.

Наше Советское правительство во главе с любимым вождем товарищем Сталиным делало все возможное для того, чтобы оградить социалистическое строительство наших народов от опасности войны, но фашистские разбойники навязали нам войну. Эта война для Советского Союза поистине является священной отечественной народной войной, войной за человеческий прогресс, культуру народов СССР и всех народов мира.

От имени Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик мы заверяем наш народ, наше правительство, нашу Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков, нашего Сталина в том, что мы отдадим все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и за полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся нарушить священные границы нашей Великой социалистической родины.

Да здравствует могучая и героическая Красная Армия и Красный воздушный и морской флот!

Да здравствует победа советского народа!

Да здравствует великий и любимый учитель и вождь народов – Иосиф Виссарионович СТАЛИН!

II

Выступить с обращением к интеллигенции и ученым всего мира.

Текст обращения поручить разработать Комиссии в составе академиков:

А.Н. Бах	А.М. Деборин	Н.Д. Зелинский
А.Ф. Иоффе	П.Л. Капица	А.Н. Колмогоров
Б.А. Келлер	Т.Д. Лысенко	Б.М. Митин (председатель)
В.П. Никитин	В.А. Обручев	Е.В. Тарле
А.Н. Фрумкин	О.Ю. Шмидт	Л.С. Штерн
И.И. Шмальгаузен	А.Е. Ферсман	Е.М. Ярославский

III

Учитывая горячее желание всех советских ученых сделать все возможное для ускорения победы над германским фашизмом – заклятым врагом трудящихся, расширенное заседание Президиума Академии Наук СССР с участием академиков и руководителей московских институтов Академии считает необходимым:

1. Обязать все отделения и научные учреждения Академии немедленно пересмотреть и перестроить тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников в первую очередь на выполнение задач по укреплению военной мощи нашей социалистической родины.

2. Обеспечить всеми необходимыми силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике.

3. Обеспечить научными силами и снабдить всем необходимым оборудованием и материалами прежде всего заканчиваемые научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и народном хозяйстве.

4. Уполномочить Бюро Президиума в составе президента и вице-президентов осуществлять оперативное руководство работой учреждений Академии, разрешать все возникающие вопросы, в том числе утверждать конкретные планы научно-исследовательских работ.

5. Обязать всех работников Академии наук СССР соблюдать строжайшую дисциплину, соответствующую военному времени.

2. О порядке отчетных докладов Бюро Отделений технических и химических наук на Президиуме АН СССР.

Докладчик академик О.Ю. Шмидт.

Отложить обследование работы Бюро Отделений технических и химических наук, назначенное постановлением Президиума АН СССР от 17 июня с.г.

3. Об Управлении делами АН СССР.

Докладчик академик О.Ю. Шмидт.

1. Принять к сведению, что Управляющий делами АН СССР В.А. Козлов мобилизован в ряды Красной Армии.

2. Подчинить работу Управления делами Секретарю Президиума АН СССР П.А. Светлову.

Вице-президент
Академии наук СССР, академик

О.Ю. Шмидт

Секретарь Президиума
Академии наук СССР

П.А. Светлов

АРАН. Ф.2. Оп.6. Д.31. Л.195–199. Машинопись с правкой. Подлинник.

Приложение к протоколу № 24,
п. I от 23 июня 1941 г.

[Обращение]

К УЧЕНЫМ ВСЕХ СТРАН

В эти дни, когда по вине фашистских правителей земля заливается все новыми потоками человеческой крови, Академия наук СССР обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом: сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров.

Может ли кто-либо из нас – работников науки – спокойно смотреть на то, что фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества – свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру? Может ли хоть одна страна считать себя в безопасности, пока не разгромлен гитлеризм – очаг насильнических войн?

Фашизм – злейший враг культуры и науки.

Фашизм – это перманентная война.

В течение восьми лет Гитлер и его клика истязают Германию. Во что они превратили эту страну, которая дала человечеству великих гениев науки и искусства? Что стало

с германскими учеными? Они либо уничтожены, либо скитаются на чужбине. Что стало с германской наукой? Она заменена глубоко антинаучными, человеконенавистническими расистскими бреднями о том, что немецкая раса является якобы избранной, и это дает ей право на мировое господство, право обращать все другие народы в рабов.

Вотптав в грязь и кровь собственную страну, гитлеровцы поработили и ограбили пол-Европы и угрожают всему миру. Ученые Советского Союза выражают свою глубочайшую симпатию нациям, стонущим под игом гнуснейшего из режимов, какие известны истории.

Сейчас Гитлер совершил свое последнее злодеяние – напал и на нашу страну. Наш народ не хотел войны. Он строго соблюдал верность международным договорам. Он никогда не притязал, и не притязает на чужие земли. Но в ответ на наглое нападение, 200-миллионный советский народ, объединенный вокруг своего правительства, вокруг И.В. Сталина, встал на защиту своей родины, своей земли, на защиту великих демократических завоеваний, на защиту мировой культуры с такой решимостью, сплоченностью, с такой силой, которых, видимо, не предполагали зарвавшиеся враги, но в которых не сомневались те, кто знает Советский Союз.

Эта решительная борьба будет концом фашизма, его крахом.

Советские ученые, в полном единении со всем народом, занимают свое место в рядах защитников родины и свободы. Советские ученые и интеллигенция со всей своей энергией участвуют в великом культурном строительстве, охватившем нашу страну за последние четверть века. Они отдавали все свои силы и знания на то, чтобы помочь поднять народы темной отсталой царской России к высотам культуры. Они помогали знакомить свой народ с великими творениями Шекспира, Гёте и Пушкина, Бальзака и Толстого, Бетховена и Чайковского, Рембрандта и Леонардо да Винчи. Они в своих работах продолжали и развивали традиции Ньютона, Дарвина, Гельмгольца, Пастера, Менделеева, Павлова, корифеев мысли всех наций. Они с радостью и гордостью видят расцвет культуры советских народов. На основе накопленных с древнейших времен и чтимых нами культурных ценностей народы Советского Союза свободно творят свою культуру, каждый на своем языке.

В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны, – во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству.

Необходимо, чтобы все передовые люди, озабоченные будущим человечества, объединили свои усилия, чтобы предотвратить возврат к средневековью, задержку роста мировой культуры на многие поколения, которую несет с собой озверелый фашизм.

Все, кому дорого культурное наследие тысячелетий, для кого священны высокие идеалы науки и гуманизма, должны положить все силы на то, чтобы бесчестный, безумный и опасный враг был уничтожен.

Академия Наук СССР

В.Л. Комаров (подпись), А.Н. Бах (подпись), А.А. Богомолец, Н.Н. Бурденко (подпись), Е.С. Варга (подпись), В.И. Вернадский (подпись), И.М. Виноградов (подпись), А.Я. Вышинский (подпись), Н.Ф. Гамалея (подпись), А.М. Деборин, Н.Д. Зелинский, М.А. Ильинский (подпись), А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица (подпись), В.А. Келлер (подпись), А.Н. Колмогоров (подпись), А.Н. Крылов, Т.Д. Лысенко (подпись), И.И. Мещанинов, М.Б. Митин (подпись), Н.И. Мухелишвили, В.П. Никитин (подпись), В.Н. Образцов (подпись), В.А. Обручев, И.А. Орбели, Л.А. Орбели, Д.Н. Прянишников (подпись), Н.Н. Семенов, П.И. Степанов, Е.В. Тарле, А.Н. Толстой, А.Е. Фаворский, А.Е. Ферсман, А.Н. Фрумкин (подпись), С.А. Чаплыгин (подпись), подпись В.Г. Хлопина, Е.А. Чудиков (подпись), И.И. Шмальгаузен (подпись), О.Ю. Шмидт, М.А. Шолохов, Л.С. Штерн (подпись), Ф.И. Щербатской, Е.М. Ярославский (подпись), подписи В.П. Волгина, Ю.В. Гогье, А.А. Борисьяка, В.А. Кистяковского, Б.Д. Грекова.

АРАН. Ф.2. Оп.6. Д.31. Л.200–204. Машинопись. Подлинник.

Выступление
вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта
на расширенном заседании Президиума АН СССР

23 июня 1941 г.

Академик О.Ю. ШМИДТ. Позвольте открыть заседание. Мы просили товарищей собраться в составе расширенного Президиума с участием директоров институтов и ряда крупнейших ученых нашей страны, ибо страна наша переживает момент исключительный – без всякого повода на нас напали, напал враг, который стремится уничтожить все наши достижения, достижения нашей страны, которые связаны с лучшими надеждами всего человечества, враг, который разрушил культуру в своей стране, когда-то давшей много славных имен, подавил, уничтожил культуру ряда стран и пытается тоже самое делать с нашей страной, не учитывая, насколько наша страна сильнее и по внешней мощи и по внутреннему духу, как первая в мире свободная страна социализма.

Наша страна вся мобилизовалась, чтобы дать наглому врагу отпор. На ученых падает очень большая задача в этот ответственный момент. Современная война в значительной степени война техники, стало быть война науки. Во многом решает то, где то или иное изобретение будет сделано раньше, на сколько месяцев удастся опередить. Велика роль ученых еще и потому, что в этой войне против нас пытаются использовать в широком масштабе клевету, выступая якобы, защитниками какой-то системы цивилизации, будучи на самом деле основными палачами цивилизации в мире. Необходимо нашим ученым и в этом направлении дать отпор, дать отпор во весь голос от лица самой квалифицированной интеллигенции.

Несомненно, каждый из нас сейчас имеет одно желание: все силы, каждый час, каждую минуту своей жизни отдать работе на пользу родине.

Мы сегодня обсудим, в какой форме, какими мероприятиями мы эту задачу, стоящую перед нами, решим наилучшим образом. Мы несомненно сегодня выразим в словах, идущих от души, наше убеждение в правоте нашего дела, в нашей победе и в готовности передовой интеллигенции, в частности ученых, выполнить свой долг и много дать нашей обороне. Может быть окажется не бесполезным не ограничиться кратким постановлением, а выработать (это потребует некоторого времени) документ, который имел бы значение, выходящее за пределы нашей страны, в форме ли обращения известных всему миру ученых нашей страны к интеллигенции всех стран, к той интеллигенции, которая должна была бы быть носителем культурных ценностей и раздавлена, и, пожалуй, только от нас может получить спасение своих идеалов, может быть в иной форме – это мы обсудим. Обсудим мы также сегодня формы и пути перестройки нашей текущей работы.

Во всех наших институтах и отделениях уже вчера, а в особенности сегодня, продвигалась интенсивная работа, к нам в Президиум поступают отовсюду сведения об инициативе ученых, о постановке новых задач, о желании концентрировать свою работу на задачах, наиболее актуальных в настоящий момент.

Ученые многих институтов выдвигают предложение концентрировать сейчас силы и средства на тех оборонных работах, которые ведутся. А мы можем констатировать с радостью, что большое число серьезных оборонных работ за последнее время предпринято в Академии, часть которых доведено до конца, многие еще не доведены до конца, но при нашем настоящем усилии могут быть доведены до конца гораздо скорее, чем намечено по плану сроку.

Другие ученые выдвигают предложение наряду с задачами оборонными в непосредственном смысле этого слова концентрировать свое внимание на тех проблемах, которые близки к оборонным и могут помочь промышленности, в особенности такой решающей отрасли промышленности, как нефтяная и ряд других. И здесь, концентрируя свои усилия на темах, которые близки к концу, передвигая научную мысль от тем дальнего прицела к таким темам, которые по существу могут быть решены в самом близком будущем, как можно скорее довести эти работы до конца. Хотя это может быть и означает для ряда

ученых временное изменение своего индивидуального плана и переключение на другие работы, конечно, в рамках своей специальности.

Ряд товарищей выдвигают предложение теснее связаться с организациями, ведающими оборонной подготовкой, – военными и военно-промышленными, чтобы получить еще новые задания, в выполнении которых они заинтересованы.

Представители наших общественных наук в свою очередь уже провели большую работу в части концентрации сил на разрешение задач, стоящих перед нами по части разоблачения тех вредных для нас теорий, которые распространяются нашими врагами на идеологическом фронте во всем мире, а также разоблачения того, якобы, своего благополучия, которое стремятся очковгирательски представить наши враги. Это относится прежде всего к нашим Отделениям гуманитарных наук – Отделению истории и философии и другим.

Таким образом не только техника, физика и химия, но и все науки могут сделать максимум для обороны нашей страны и для того, чтобы ускорить этот решительный бой, в который вступила наша страна, борющаяся за лучшие идеалы всего человечества. Именно ускорить, поэтому ч[то] никто не сомневается в нашей победе. Но вот чтобы ускорить результаты, надо концентрировать усилия на разрешении оборонных задач и создать организационные формы, способные отразить этот энтузиазм, это горячее желание помочь общему делу.

И для того чтобы решить эту стоящую перед нами задачу, всем нашим институтам надо перестроить свою работу. Надо ускорить наши обычно довольно медлительные темпы в разрешении этих задач, имеющих огромное значение для обороны нашей страны.

Сегодня, конечно, мы не можем говорить о конкретных планах, которые наши институты уже намечают. Некоторые институты мне уже сообщили свои предложения, ряд других еще не успели сообщить, но вероятно выступят здесь и расскажут, что они намечают сделать по перестройке своей работы, имея в виду усиление оборонной тематики и обеспечение всех наиболее острых нужд, которые в настоящее время испытывает наша страна.

Поэтому я просил бы товарищей широко высказаться по всему фронту работ, которые перед нами стоят. В результате этих высказываний мы вероятно поручим той или иной комиссии составить тексты тех документов, с которыми мы найдем нужным выступить перед нашей страной и всем миром. Мы также найдем организационные формы – кому поручить работы, связанные с внутренней организацией сил и перестройкой.

Все это придется делать быстро. Придется от практики больших заседаний перейти к практике летучих, быстрых заседаний из 2–3 человек, которые будут решать вопрос. Вероятно собрание одобрит, чтобы президент и вице-президенты большое число вопросов решали втроем, или распределив между собой работу, с последующим докладом Президиуму, не собирая людей, высокоценных и занятых своей непосредственной работой.

При подготовке главы использована статья *В.Ю. Афиани и Н.М. Осиповой* «Академия наук СССР в первые месяцы войны». Исторические Записки № 13(131). М.: Наука, 2010.

НАУЧНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Перестройка деятельности, новые формы управления исследованиями, изменение их тематики

В Великой Отечественной войне наука продемонстрировала свою способность в короткие сроки поставить свои достижения на службу обороны страны. Работы ученых находили широкое применение в создании нового оружия и совершенствовании боевых средств, в решении многочисленных научно-технических задач, связанных с производством и мобилизацией промышленности на выпуск оборонной продукции, в изыскании дополнительных источников сырья и их освоении.

В начальный период войны прежде всего пришлось осуществить перестройку работы научных учреждений на военный лад. Одним из главных в этом отношении являлся процесс изменения тематики исследований в соответствии с требованиями военного времени. Он, с одной стороны, шел по инициативе самих ученых, а с другой – направлялся и координировался государством как важнейшее оборонное мероприятие. Новая тематика, которая вводилась в научных учреждениях, рассматривалась и утверждалась наркоматами, президиумами академий наук, Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР. Как правило, она базировалась на теоретических и экспериментальных исследованиях, выполненных в предвоенные годы. Для усиления использования научных исследований в оборонных целях ЦК ВКП(б) провел совещание представителей науки и научно-технических управлений Наркомата обороны.

Перестройка тематики научных учреждений была проведена в кратчайшие сроки. Ее первые итоги по академическим учреждениям были подведены к 1 июля, а по высшим учебным заведениям – в сентябре 1941 г. Результаты показали, что работа осуществлялась успешно. Это объяснялось, во-первых, огромным энтузиазмом, с которым ученые стремились скорее поставить свои знания на службу Родине, а во-вторых, тесной связью науки с практикой, которая установилась в годы предвоенного мирного строительства.

В ходе разработки оборонной тематики и ее практического применения сложились основные направления деятельности научных учреждений в военных условиях, произошла расстановка сил и средств для успешного выполнения планов. Основное внимание было направлено на исследования, которые должны были дать нужный эффект

в ближайшее время. Они в основном были сосредоточены на трех главных направлениях: 1) разработка проблем, имеющих оборонное значение, поиски и конструирование средств вооруженной борьбы, 2) научно-техническая помощь промышленности в улучшении и освоении новых производств, 3) мобилизация сырьевых ресурсов, замена дефицитных материалов местным сырьем. Организация научных исследований по этим направлениям создала необходимые условия для максимального и эффективного использования научного потенциала страны в интересах укрепления обороноспособности государства.

Не менее важным фактором перестройки деятельности научных учреждений на военный лад явилось создание новых организационных форм их деятельности, способствовавших быстрому и комплексному решению актуальных научных проблем.

Были приняты меры по созданию такого управления научными исследованиями, которое обеспечивало наиболее полное взаимодействие науки с оборонными нуждами государства. Для координации научной работы исследовательских учреждений и высших учебных заведений и направления ее на решение актуальных оборонных проблем 10 июля 1941 г. ГКО создал Научно-технический совет.

Необходимость максимального привлечения достижений науки для нужд армии и военного производства потребовала наряду с использованием традиционных форм деятельности научных коллективов (институты, лаборатории) введения новых форм их работы в военное время в виде получивших широкое распространение комиссий и комитетов. Они объединяли ученых и специалистов различных учреждений и ведомств, что давало возможность оперативно решать многие вопросы военного производства и научно-технической помощи фронту, теснее связывать работу исследовательских учреждений с запросами заинтересованных ведомств и насущными практическими нуждами страны.

Комиссии по целевому назначению и характеру деятельности делились на региональные и проблемные. Региональные комиссии, особенно Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана и Комиссия по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья, сыграли важную роль в использовании сырьевых ресурсов восточных районов страны на нужды обороны.

Кроме региональных, были образованы и успешно действовали во время войны проблемные оборонные комиссии, такие как Военно-инженерная, Военно-санитарная, по военно-морским вопросам, по авиации, по геолого-географическому обслуживанию армии и др. Примером объединения сил ученых-обществоведов стала Комиссия по истории Великой Отечественной войны, образованная в конце 1941 г.

Наряду с комиссиями по инициативе ученых были созданы комитеты и научные советы ученых (Томский, Новосибирский, Новокузнецкий, Кемеровский, Магнитогорский и др.), которые координировали научные исследования, имевшие оборонное значение, содействовали работе рационализаторов, внедрению научных разработок и т.д.

Новые формы организации научной деятельности обеспечивали оптимальное участие науки в обороне страны. Созданные в первый год войны, они способствовали быстрому и планомерному использованию научных сил на наиболее важных направлениях. Комплексное изучение каждой проблемы, к которой привлекались крупные ученые и специалисты народного хозяйства, позволяло решать вопросы экономического развития целых районов, охватить важнейшие отрасли народного хозяйства, оказать необходимую научно-техническую помощь армии.

Перестройка деятельности научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений на военный лад была осложнена процессом эвакуации значительного количества научных учреждений. Она являлась составной частью общегосударственного плана сохранения людских, материальных и культурных ценностей. Эвакуация была проведена в три этапа. На первом этапе, в течение июля–августа 1941 г., были перебазированы научные учреждения из западных и частично центральных районов. Второй этап эвакуации, октябрь–ноябрь 1941 г., охватывал научные учреждения центральных районов. Третий этап, с февраля по июль 1942 г., был связан с вывозом научных учреждений из Ленинграда. На восток были перемещены Академия наук СССР, академии наук союзных республик, Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук, Академия архитектуры, значительное количество отраслевых научно-исследовательских институтов и 147 высших учебных заведений страны. Таким образом, врагу не удалось захватить в свои руки научные учреждения, хотя это и входило в планы гитлеровской Германии.

Планомерно осуществленное перемещение на тысячи километров сотен институтов с их научными кадрами, сложным оборудованием, приборами, материалами и научной литературой было проведено успешно. На новых местах научные учреждения не только быстро справились с восстановлением собственной материальной базы, но и сумели наладить разорванные войной научные связи.

В результате эвакуации научные учреждения оказались в центрах больших и бурно развивающихся промышленных комплексов Урала, Поволжья, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, располагавших огромными запасами стратегического сырья – металла, угля, нефти и др. Перебазированные на восток научные учреждения получили возможность применить свои силы в наиболее важных, решающих для Победы в войне отраслях народного хозяйства. Намного увеличился научный потенциал тыловых районов, которые стали во время войны главной базой военного производства. В результате на востоке появился мощный военно-промышленный комплекс, обеспеченный собственной научной базой.

При этом следует учесть, что фашистские захватчики нанесли огромный урон нашей науке. По учреждениям высшей школы ущерб составил 3 млрд руб., а по учреждениям Академии наук СССР вылился в сумму в 1,1 млрд руб. Из научных учреждений, оказавшихся в зоне временной оккупации или в районах, близких к фронту, было

уничтожено 605 научных институтов и полностью или частично разрушено 334 высших учебных заведения.

По поручению правительства регулированием состава и количества научных учреждений в ноябре 1941 г. занимался Госплан СССР. Учитывая важность продолжения научных исследований, несмотря на большие материальные трудности, основные ведущие научные центры страны были сохранены. Некоторая же их часть перестала существовать или продолжала работать в составе других учреждений. Тяжелые потери понесла сеть высших учебных заведений. Из 786 вузов к 1942 г. насчитывалось всего 449.

Хотя общее число учреждений науки в стране значительно сократилось, государство тратило на научные исследования даже в самый тяжелый период войны около 1 млрд руб.

В 1942 г. наступила временная стабилизация сети научных учреждений, а после разгрома фашистов под Сталинградом правительство сочло возможным начать реэвакуацию научных учреждений. С мая по октябрь 1943 г. в Москву из 11 городов возвратилось 61 учреждение Академии наук СССР, многие отраслевые научные учреждения и высшие учебные заведения.

По завершении процесса реэвакуации научных учреждений увеличился объем теоретических исследований, что способствовало росту их числа. Это стало возможным в основном за счет создания крупных специализированных научно-исследовательских институтов, а также организации целых комплексов отраслевого характера. К числу последних относились организованная в 1943 г. Академия педагогических наук с сетью учреждений и созданная в 1944 г. Академия медицинских наук с 25 научно-исследовательскими институтами.

Кроме роста сети научных учреждений, особого внимания заслуживает факт расширения «географии» научной деятельности за счет восточных районов, что было вызвано, с одной стороны, возросшими потребностями там в научных центрах, а с другой – перемещением на восток во время эвакуации крупных научных комплексов, способствовавших своей деятельностью созданию в этих районах новых научных учреждений. В результате были образованы новые филиалы Академии наук СССР в Киргизии, Западной Сибири и подготовлены условия для их организации в Татарии, Башкирии, созданы базы Академии наук СССР на Дальнем Востоке, в Коми АССР, Дагестане и Карелии.

Дальнейший подъем науки, ускоренное развитие промышленности, сельского хозяйства и культуры страны в условиях войны требовали организации новых научных центров. При активном участии российских ученых они были открыты в Узбекистане, Армении, Азербайджане, Казахстане, Литве и Эстонии.

Вновь созданные научные учреждения оказали огромное влияние на развитие исследовательских работ в ряде важных в экономическом отношении регионов страны. Они активно участвовали в подъеме народного творчества, рационализаторства и изобретательства.

Академия наук СССР и академии наук союзных республик за годы войны стали ведущими центрами отечественной науки. Хотя ряд академических филиалов был реорганизован в республиканские академии наук, к концу войны число филиалов не изменилось за счет создания новых. В 1945 г. имелось семь филиалов и четыре базы Академии наук СССР.

Таким образом, несмотря на войну, страна не только сохранила, но даже увеличила сеть своих научных учреждений. В СССР в 1945 г. насчитывалось 2061 научное учреждение, в том числе 914 научно-исследовательских институтов и их филиалов (в 1941 г. соответственно – 1821 и 786). Число учреждений Академии наук СССР увеличилось с 108 в 1941 г. до 132 в 1945 г. В 1944/45 учебном году было восстановлено по стране 300 вузов и 60 вновь создано.

В ряду определяющих факторов успешного взаимодействия научно-технического потенциала с народным хозяйством, кроме развития сети научных учреждений, важное значение имели научные кадры. К началу Великой Отечественной войны ни одна страна в мире не знала таких высоких темпов подготовки кадров и роста числа научных работников, какой был у нас. В Академии наук СССР с ее филиалами работало 8,4 тыс. научных сотрудников. Высшая школа располагала еще более значительным потенциалом квалифицированных специалистов. В вузах трудились 50 тыс. сотрудников, в том числе 5783 профессора и доктора наук и 15 294 доцента и кандидата наук.

Условия военного времени вызвали определенные изменения в составе научных кадров. В первые месяцы войны добровольно или по мобилизации влились в ряды армии сотрудники научных учреждений и вузов. Эвакуация научно-исследовательских институтов и сокращение их числа также повлияли на численность кадров, особенно в высшей школе. Так, в 1942 г. в 450 вузах работало всего 27 670 преподавателей, при этом число профессоров и доцентов сократилось почти вдвое. Такое же положение наблюдалось и в отраслевых научно-исследовательских институтах.

Когда наступил перелом в войне, правительство сочло возможным демобилизовать из армии некоторые контингенты специалистов. В результате число работников высшей школы и научных учреждений значительно пополнилось. К концу войны в Академии наук СССР число научных сотрудников уже на 7% превысило довоенный уровень, а профессорско-преподавательский состав вузов возрос до 50 697 человек и составил 100,1% к их числу в 1940/41 учебном году.

Огромное значение для отечественной науки имела подготовка научных кадров через аспирантуру, хотя война намного осложнила эту работу. Так, если до войны в аспирантуре обучалось 16 883 человека, из них в высших учебных заведениях – 13 169 и в научно-исследовательских институтах – 3694, в том числе 1162 в Академии наук СССР, то в первый год войны произошло резкое снижение аспирантского контингента. Тяжелое положение с подготовкой кадров молодых ученых в военные годы нуждалось в срочном улучшении.

В 1942 г. Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР направил циркулярное письмо ректорам вузов о наведении порядка с подготовкой научных кадров. Восстановлению аспирантуры было уделено большое внимание и в отраслевых научно-исследовательских институтах, и в Академии наук СССР. Это в скором времени дало свои положительные результаты, и к концу войны академическая аспирантура выросла по сравнению с довоенным уровнем почти в 1,5 раза, а в высшей школе и отраслевых научно-исследовательских институтах была доведена до 7 тыс. аспирантов. Всего за годы войны было защищено 12 116 докторских и кандидатских диссертаций.

Важную роль в подготовке научных кадров на будущее сыграло и правительственное постановление, принятое 15 сентября 1943 г., в соответствии с которым освобождались от призыва в армию студенты более 80 высших учебных заведений страны (в том числе МАИ, МАТИ, МЭИ, МИСИ и др.), а также студенты предпоследних и последних курсов всех остальных вузов.

Особенностью развития научных исследований в годы войны стало временное прекращение не имевших актуального значения исследований и сосредоточение усилий на решении важнейших задач оборонного характера. Труднейшая задача оснащения армии сложной боевой техникой и материально-технического обеспечения армии во время войны была успешно решена с помощью собственных экономических ресурсов и научно-технического потенциала.

Прогресс в деле создания боевой техники, непрерывный рост боевых качеств отечественного вооружения явились одним из важнейших условий нашей победы в войне. Усилиями ученых и конструкторов были достигнуты большие успехи в разработке современных образцов оружия. Война ускорила внедрение в производство научных открытий и изобретений, реализацию многочисленных научных идей в различных областях техники и науки для перевооружения армии самыми новейшими техническими средствами. Высокий уровень отечественной науки помогал постоянно совершенствовать отдельные виды вооружения, проводить модернизацию серийных образцов оружия, улучшать боевые качества боеприпасов, а также создавать принципиально новые образцы вооружения и военной техники с более высокими, а в ряде случаев и совершенно новыми техническими характеристиками и боевыми свойствами.

Благодаря влиянию науки военная техника за годы войны радикально изменилась. В обнаружение противника и управление военно-техническими средствами борьбы включилась радиоэлектроника, скоростная и высотная авиация стала заменяться реактивной, ствольная артиллерия намного усилилась за счет реактивной, были приняты на вооружение новые средства борьбы.

Материальную основу боевой мощи армии и флота составляет сложный военно-технический комплекс. Для его обеспечения максимально использовались возможности научно-технического потенциала страны, базирующегося прежде всего на академической науке.

Научные учреждения, кроме решения глобальных проблем повышения обороноспособности страны, принимали большое участие в обеспечении фронта артиллерийскими снарядами, различными минами, гранатами, патронами, авиабомбами и другими видами боеприпасов. В творческом содружестве ученых многих научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений была проделана большая работа по интенсификации производства аммиака, азотной кислоты, аммиачной селитры и других веществ. Вследствие этого уже в 1942 г. производство взрывчатых веществ было намного расширено и организовано в ряде случаев заново.

Еще пример. Широкий размах научно-исследовательской работы, в которую были вовлечены не только научные медицинские институты, но и госпитали и больницы, способствовал тому, что в строй возвращались свыше 72% раненых и 90% больных бойцов и офицеров армии и флота, тогда как в Первую мировую войну было возвращено в армию лишь 40–45% раненых.

Отечественная наука внесла неоценимый вклад в решение кардинальных народнохозяйственных проблем. Форсированное расширение объема производства, перевод промышленности на выпуск оборонной продукции потребовали активного участия ученых в решении военно-хозяйственных проблем. С их помощью обеспечивался бурный рост производственных мощностей ведущих отраслей народного хозяйства, подъем сельскохозяйственного производства. В соответствии с военными потребностями в промышленность внедрялись новейшие научные достижения, прогрессивные методы производства, новая технология, на передовой технической основе осуществлялось повышение качества продукции, экономия дефицитных материалов, увеличение производительности труда. Это позволило создать прочный материально-технический фундамент обороноспособности страны. Деятельность научных учреждений в годы войны отличалась высоким уровнем и эффективностью научных исследований, тесной связью с практикой, активным участием в решении крупных народнохозяйственных проблем. В этом отношении особо важное значение имело еще большее приближение науки к производству, быстрое внедрение результатов научных разработок в народное хозяйство.

В процессе перестройки промышленности на выпуск военной продукции, осложненном потерей ряда сырьевых районов, перед наукой стояла двоякая задача: активно участвовать в наращивании мощностей военного производства и бесперебойно снабжать его сырьем. Научно-техническая помощь промышленности заключалась в интенсификации производства на основе скорейшего внедрения новой и усовершенствования существующей технологии. Она осуществлялась в трех направлениях: 1) исследовательская работа по заданиям промышленности, 2) научные консультации, 3) проведение различных экспертиз.

Научная работа, направленная на помощь производству, приобрела весьма значительные масштабы. Один только Уральский филиал

АН СССР был связан с 60 заводами. По заданию Госплана СССР учреждения Академии наук СССР участвовали в составлении технического плана внедрения в различные отрасли промышленности новых химико-технологических процессов. В этой работе, проведенной в конце 1941 – начале 1942 г. и охватившей 16 отраслей промышленности, участвовали 60 специалистов. Составленный план включал 140 предложений по новой технике и был принят СНК СССР.

Решение задач производства сельскохозяйственной продукции, расширения посевных площадей и повышения урожайности зерновых, технических, овощных культур прежде всего в районах Поволжья, Урала и Сибири выполнялось Всесоюзной сельскохозяйственной академией наук, биологическими, химическими и отчасти техническими учреждениями АН СССР, многочисленной сетью научно-исследовательских институтов и опытных станций наркоматов земледелия, пищевой промышленности и др., а также вузами сельскохозяйственного профиля. Выявленные учеными ресурсы земельных фондов и районирование восточной части территории страны для сельскохозяйственного производства на основе составленных почвенных карт дали возможность использовать ряд земельных массивов Поволжья и Западной Сибири уже в 1942 и 1943 гг.

В годы войны было сделано все возможное, чтобы сохранить научные силы, расширить сеть научных учреждений и масштабы исследований. За счет сохранения и пополнения научных кадров и организации новых научных учреждений научно-технический потенциал страны еще более укрепился. Исключительно быстрыми темпами развивались научные учреждения в Среднем Поволжье, на Урале, в Западной Сибири. В этих районах возникли новые научные центры. Данный процесс был свидетельством мощи и зрелости нашей науки, бесспорным доказательством ее высокого уровня. Основные принципы проведения научных исследований, базирующиеся на планомерности и кооперировании работ, не только не потребовали в ходе войны коренных изменений, но и получили дальнейшее развитие и закрепление. В соответствии с требованиями военного времени для осуществления комплексных исследований большими группами научных учреждений были найдены новые, наиболее рациональные формы организации научной деятельности путем создания комиссий и комитетов ученых.

Несмотря на необходимость концентрации внимания на решении актуальных насущных нужд оборонного значения и на трудности военного времени, в стране не прекращались исследования фундаментального характера – база для успешного развития важнейших научно-технических проблем на длительный период.

Благодаря намного возросшим возможностям и огромному накопленному опыту был обеспечен выход на передовые рубежи мировых достижений в послевоенный период.

При подготовке главы использована книга *Б.В. Левшина* «Советская наука в годы Великой Отечественной войны». М.: Наука, 1983.

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР в 1941–1942 гг.: ЭВАКУАЦИЯ И РАБОТА В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

80-летний юбилей Победы во Второй мировой и Великой Отечественной войнах находится в центре внимания государства, общества, ученых. В России 2025 год объявлен Годом защитника Отечества. Еще в 1940-х гг. инициаторами сбора документов и материалов по Великой Отечественной войне были специалисты Института истории АН СССР – головной организации в сфере исследования истории. Они по горячим следам записывали ее события в хронологическом порядке на фронте и в тылу, стремясь сохранить память о героическом прошлом страны.

Изучение проблемы вклада историков в победу над нацизмом началось еще в военный период и продолжается в настоящее время. Среди ученых, в работах которых отражены отдельные стороны деятельности Института истории АН СССР в 1941–1945 гг., назовем Б.В. Левшина, Г.Д. Комкова, Э.И. Гракину, Г.Д. Бурдея, Н.И. Кондакову, Л.А. Сидорову, а также коллектив авторов проекта Института российской истории РАН (руководитель – С.В. Журавлев) «Вклад ученых – историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» и др.

Автором статьи выбран для исследования наиболее трудный период в деятельности коллектива Института истории: 1941–1942 годы, связанные с перестройкой работы в условиях военного времени и эвакуацией. Используются документы Научного архива ИРИ РАН, мемуары, дневники, переписка.

Характерной чертой деятельности Института истории АН СССР в новой обстановке было подчинение всех ее форм – научно-исследовательской, пропагандистской, научно-просветительной – задачам военного времени: воспитание советского патриотизма, популяризация боевых традиций и побед в борьбе с вражескими нашествиями; разоблачение чужденоненавистнических и расистских теорий. В условиях военного противоборства исторические образы, факты превращаются в мощное оружие пропаганды.

Фашистская агрессия изменила условия деятельности коллектива. Сотрудники эвакуировались, призывались в армию, переходили на работу в политические органы и другие организации. Из 27 сотрудников,

ушедших на фронт, 10 погибли в боях. В народное ополчение вступили 15 октября 1941 г. 5 человек, 16 октября – в рабочие батальоны – 6 человек¹.

Был пересмотрен план научной работы Института. Уже 22 июня 1941 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание о задачах, стоящих перед учеными-гуманитариями, на котором присутствовала член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова. 23 июня – расширенное заседание Президиума АН СССР.

В тот же день (23 июня) А.М. Панкратова на совещании у директора Института истории АН СССР академика Б.Д. Грекова сделала сообщение о задачах, обсуждавшихся в ЦК партии. В своем выступлении она отметила, что тематика работ должна раскрывать Великую Отечественную войну советского народа во всем ее многообразии, указывать на агрессивный характер войны со стороны Германии. Ближайшая задача – наметить темы брошюр, докладов, лекций патриотического содержания. Например, «Ледовое побоище», «Русские в Берлине в период Семилетней войны», «Отечественная война 1812 года», «Роль Германии в первой империалистической войне» и т.д.²

В секторах Института в изменившейся ситуации проводилась перестройка работы. Например, 26 июня 1941 г. на производственном совещании сектора истории СССР до XIX века, на котором присутствовало 17 человек, руководитель сектора В.И. Лебедев заявил: «Вся наша направленность в работе должна идти по линии максимальной помощи Родине словом и пером. <...> Многие из нас имеют задание написать в самый сжатый срок научные брошюры (Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, С.К. Богоявленский, Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, А.А. Савич), освещающие историческое прошлое русского народа в борьбе против агрессоров... <...> Наша задача – обратить слово в грозное оружие»³. В качестве лекторов московского и районного комитета партии были выделены Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, В.И. Лебедев, К.В. Базилевич, М.Н. Тихомиров и др.⁴

Приказом по Институту истории от 12 августа 1941 г. устанавливалась в соответствии с произведенным сокращением штатов новая структура Института и распределялись обязанности между руководящими кадрами. (Накануне войны в Институте вместе с Ленинградским отделением числилось 137 человек.) Общее руководство работой коллектива возлагалось на и.о. директора А.М. Панкратову, руководство административно-организационной работой – на ученого секретаря Института П.К. Алефиренко. Создавались следующие сектора:

а) сектор истории СССР до советского периода с двумя группами (группа истории СССР до XIX века и группа истории СССР XIX–XX веков). Заведующим сектором в целом назначалась А.М. Панкратова, ученым секретарем сектора – И.Н. Ловецкий. На них же возлагалось руководство группой истории СССР XIX–XX веков. Руко-

водство группой истории СССР до XIX в. возлагалось на Ю.В. Готье, ученый секретарь – В.А. Ледяев;

б) сектор истории СССР советского периода (заведующий А.П. Кучкин, ученый секретарь – А.А. Матюгин);

в) сектор славяноведения (заведующий В.И. Пичета, ученый секретарь – Р.К. Караколов);

г) сектор истории древнего мира и средних веков (заведующий А.Д. Удальцов, ученый секретарь – М.М. Смирин);

д) сектор истории Нового и Новейшего времени (заведующий Ф.В. Потемкин, ученый секретарь – Э.А. Желубовская);

е) сектор истории колониальных и зависимых стран (заведующий Г.Н. Войтинский)⁵.

Пересмотр планов и выбор новой тематики проходили непросто. В отчете сектора истории СССР советского периода за 3-й квартал 1941 г., подписанном А.П. Кучкиным, отмечалось: «...в связи с войной план сектора менялся пять раз <...>»⁶.

Тяжелое положение на фронте, тревожные сводки Совинформбюро сказывались на морально-психологическом климате в обществе в целом и в трудовых коллективах. Как вспоминала академик М.В. Нечкина, в первый месяц войны в Институте наблюдались растерянность, отсутствие четких действий руководства. Она записала в своем дневнике 11 июля 1941 г.: «Возмущение сотрудников. Вчера еще их всех почти что везли в Томск, они спешно складывались, снимались с военного учета, везли старух и детей с дач, ликвидировали дела, закупали продукты, бронировали квартиры, полная ломка жизни. Сегодня вдруг новый приказ – все в корне меняется, из сектора едут лишь 3 человека, работа идет “по-старому”?? – все остаются»⁷.

Эвакуация академиков, членов-корреспондентов началась в середине июля 1941 г. 19 июля Б.Д. Греков был уполномочен Отделением истории и философии АН СССР подыскать помещения для института и научных сотрудников в Казани на случай их переезда. 25 июля Б.Д. Греков обратился в обком партии Татарской Республики с вопросом о возможном сотрудничестве Института истории АН СССР с Татарским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории. Была получена поддержка властей республики. Намеченные с заместителем директора института Х.Х. Ярмухамедовым планы пришлось осуществлять с небольшим коллективом квалифицированных специалистов, прибывших из Москвы, в связи с затруднениями с жилой площадью в Казани⁸.

Установленная решением правительства СССР обязательная эвакуация академиков и членов-корреспондентов АН СССР в основном была завершена к середине октября 1941 г. Последними из этой группы были отправлены С.В. Бахрушин, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, и самой

последней уехала руководившая работой Института истории член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова⁹.

В ходе эвакуации Института повышенное внимание уделялось сотрудникам, имеющим детей. Некоторые родители вывозили детей самостоятельно. Так, еще в начале войны А.М. Панкратова отправила в Саратов, где она работала в 1937–1940 гг., свою дочь Майю. Старший научный сотрудник П.К. Алефиренко устроила свою дочь у сестры в Горьком, старший научный сотрудник П.Н. Шарова направила двух дочерей в Ивановскую область к родственникам.

В период битвы за Москву ученые дежурили на крышах домов при воздушных налетах противника, строили противотанковые заграждения вокруг столицы и на улицах города, дежурили в учреждении, работали на заготовке дров. В то время Институт истории помещался в здании бывшей Комакадемии на Волхонке. Е.Н. Кушева писала в своих воспоминаниях: «Я должна была ехать в Кунцево рыть окопы. Назначен был день, когда я обязана была явиться на сборный пункт в институт с ватным одеялом и небольшим запасом продовольствия. Но утром назначенного дня было уже ясно, что этот отъезд не может состояться. Я приехала в Институт, где сотрудникам предлагалось на следующий день явиться к зданию академической Библиотеки общественных наук с рюкзаком и необходимыми вещами с тем, чтобы идти пешком в сторону Горького <...>»¹⁰.

За время, предшествовавшее эвакуации, сотрудники подготовили к отправке материалы Института истории. А 4 ноября 1941 г. все ящики были погружены в вагоны на станции Канатчиково окружной железной дороги: 36 ящиков материалов Института, 8 – с пишущими машинками, 6 – с документами Секретариата и бухгалтерии. Для проведения эвакуации оставшейся части личного состава Института была установлена должность уполномоченного по эвакуации Президиума АН СССР. Приказом № 218 от 18 октября 1941 г. уполномоченным по Институту истории АН СССР был назначен профессор Ф.В. Потемкин, а после его отъезда из Москвы распоряжением Административно-хозяйственного управления АН СССР – старший научный сотрудник Института истории Б.Т. Горянов¹¹. Как отмечено в его отчете за период с 16 октября по 15 ноября 1941 г., заслушанном на совещании у директора Института истории АН СССР Б.Д. Грекова 3 января 1942 г., Президиумом АН СССР после 16 октября 1941 г. были отправлены в тыл страны следующие специалисты Института: профессора Ф.В. Потемкин, М.Н. Тихомиров, З.Р. Неедлы, Н.М. Дружинин, Ф.И. Нотович, Я.Я. Зутис, Б.Б. Кафенгауз, Р.А. Авербух, старший научный сотрудник Д.С. Густинчич.

К последующему переезду были намечены следующие кандидатуры Института: девять старших научных сотрудников (Б.Т. Горянов (уполномоченный по Институту), А.Л. Попов, В.А. Ледяев, Е.Н. Кушева,

Я.П. Крастынь, С.С. Шустерман, Р.К. Караколов, А.П. Шелюбский, А.А. Губер), докторант С.А. Фейгина, главный бухгалтер К.Н. Лебедев и шесть младших и научно-технических сотрудников (А.К. Целовальникова, Л.С. Цетлин, Е.А. Юрченко, Л.Н. Перелёшина, Е.К. Ципулина и А.Д. Тифлисова). Были уволены по сокращению штатов 6 человек (машинистки, кассир, литературные редакторы). Расчеты с сотрудниками и аспирантами были произведены уполномоченным по Институту истории в период с 18 по 27 октября 1941 г., включая компенсации за неиспользованные отпуска и выходные пособия уволенным сотрудникам¹².

Вспоминая эвакуацию из Москвы, академик Н.М. Дружинин писал: «В дороге все перезнакомились, а у некоторых даже сложились дружеские отношения. Так мы добрались до Саратова. И только здесь узнали, что конечный пункт нашего маршрута – столица Узбекистана Ташкент... В середине ноября поезд прибыл в Ташкент... Но город был уже переполнен. И нас убедили ... отправиться в Алма-Ату...

Доехав до нового места назначения, мы ступили на землю, покрытую снежным покровом... Местные органы власти были не в состоянии оперативно разместить множество приезжих... Но надо было видеть, какую страстную энергию проявила А.М. Панкратова: она быстро изучила местную обстановку, познакомилась с ведущими руководителями Комиссариата просвещения и составила организационный план, который вывел нас, казалось бы, из безвыходного положения...»¹³

В период подготовки к эвакуации специалистами Института истории АН СССР проводилась массово-политическая и агитационно-пропагандистская работа. За время с 16 октября по 15 ноября 1941 г. опубликовано в журналах и газетах по истории славянских народов 11 статей (авторы – Б.Т. Горянов, Р.К. Караколов, А.В. Мишулин, Н.П. Франич); по истории Нового времени пять статей (авторы – Ф.И. Нотович, Л.И. Зубок); по Сектору колониальных и зависимых стран – две статьи В.Б. Луцкого.

Направленный из Института истории в Всесоюзный радиокомитет старший научный сотрудник кандидат исторических наук С.И. Зинич организовал за период с 16 октября по 15 ноября 1941 г. пять радиопередач на актуальные темы, подготовленные историками: «Об Отечественной войне советского народа против фашизма» (автор – Т.Т. Барышев); «О борьбе Сербии против германского империализма» (автор – Н.С. Франич); «Черногория в борьбе против германо-итальянского фашизма» (автор – Б.Т. Горянов); «Об исторической дружбе хорватского и русского народа» (автор – С.И. Зинич)¹⁴.

Ученые Института истории, проявив почин в собирании и фиксации событий начавшейся войны, воспринимали эту работу как исполнение своего патриотического и профессионального долга. Например,

научный сотрудник П.Н. Миллер приступил к сбору документов, листовок, вырезок из газет по внутреннему побуждению в конце лета – осенью 1941 г., когда войска вермахта приближались к столице и решалась судьба страны. Оставшаяся в Москве группа сотрудников Института 6 и 14 ноября 1941 г. провела два совещания, посвященные «Летописи Великой Отечественной войны». Второе указанное совещание – с представителями отдела культуры Моссовета, Мосгороно, Политуправления МВО и отдельных специалистов по отраслям науки, искусства и литературы, ведущих дневные записи по Москве.

Член-корреспондент АН СССР И.И. Минц стал главным инициатором создания Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Официально она была создана 10 декабря 1941 г. и просуществовала до декабря 1945 г., влившись в структуру Института истории АН СССР¹⁵. Ценная коллекция документов Комиссии используется отечественными и зарубежными исследователями.

В 1941–1942 гг. к работе в Комиссии И.И. Минца были привлечены сотрудники Института Э.Б. Генкина, И.М. Разгон, А.Л. Сидоров, В.И. Шунков, О.Н. Чаадаева и др. Они, занимаясь собиранием документальных свидетельств, записывали интервью и беседы с участниками боевых сражений и героями трудового фронта, отмечая чувства и переживания людей. Историки внесли вклад в сохранение исторической памяти о войне.

Перед московской группой сотрудников Института истории задачи в области научных исследований были поставлены на совещании в Президиуме АН СССР в феврале 1942 г. при рассмотрении вопроса «О проведении институтами АН СССР научно-исследовательской работы в Москве» (докладчик академик М.Б. Митин). Было высказано предложение сосредоточить в столице небольшие группы научного состава кадров по тем специальностям, где это особенно целесообразно. По Институту истории отмечалось: «Считать желательным сохранение в Москве групп – по истории фашизма в количестве 6 человек; по тихоокеанским проблемам и по истории СССР, поручив руководство этими группами члену-корреспонденту АН СССР А.М. Панкратовой»¹⁶.

Анна Михайловна вернулась в Москву из Алма-Аты в начале 1942 г. и с 12 февраля приступила к работе по руководству Московской группой Института (распоряжение № 28 по Московскому Административно-хозяйственному управлению АН СССР от 19 февраля 1942 года)¹⁷.

В Москве в 1941–1942 гг. были опубликованы работы И.И. Минца «Красная Армия в борьбе с германскими захватчиками в 1918 г.», М.В. Нечкиной «Исторические традиции русского военного героизма» и «Денис Давыдов», Е.В. Тарле «Две отечественные войны» и «Отечественная война 1812 г. и разгром империи Наполеона»,

М.Н. Тихомирова «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв.».

Среди изданных трудов – сборники документов и статей: «Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году» (под редакцией И.И. Минца, Е.Н. Городецкого); сборник статей «Против гитлеровского фашизма»; сборник статей «Кто такие национал-социалисты» (под редакцией члена-корреспондента АН СССР А.Д. Удальцова); «25 лет советской исторической науки» (под редакцией академика В.П. Волгина, академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента А.М. Панкратовой); «Краткая летопись Октября» и др.

Опубликованные работы обществоведов – бойцов идеологического фронта – сыграли важную роль в борьбе со взглядами и идеями политиков и ученых Третьего рейха. Они пропагандировали героическую деятельность славных предков, русских полководцев.

Большую научную и пропагандистскую работу вели ученые Института истории АН СССР в эвакуации в республиках Средней Азии в новых бытовых и климатических условиях, не имея доступа к центральным архивам. Главной совместной темой научного изучения стала национальная история. В Ташкенте С.В. Бахрушин, С.В. Веселовский, Ю.В. Готье исследовали историю Узбекистана (первый том «Истории народов Узбекистана» вышел из печати в 1947 г.). Коллектив специалистов, руководимый А.М. Панкратовой, участвовал в подготовке истории Казахстана. Книга «История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней» была издана в 1943 г.¹⁸

О пребывании историков в Ташкенте Е.Н. Кушева писала так: «Жили мы в общежитии, отведенном для нашего, институтов экономики и этнографии АН СССР в здании Балетной школы имени Тамары Ханум... Каждое утро мы собирались у громкоговорителя и слушали очередное сообщение, слушали голос Левитана, а затем расходились на работу, кто в архив, кто в библиотеку, кто в помещение, отведенное в нашем же здании для работы... Научные сотрудники Института истории читали также научно-популярные лекции и были связаны со Среднеазиатским государственным университетом»¹⁹.

В Ташкенте побывал академик В.П. Волгин – вице-президент АН СССР с целью ознакомления с жизнью и творчеством эвакуированных людей. Он остался доволен тем, что научная работа продолжалась.

Приехавшая в Ташкент П.К. Алефиренко в письме П.Н. Шаровой 3 марта 1942 г. сообщала: «Мы сейчас много работаем над вузовским учебником по истории народов Узбекистана, работу эту очень ценят в Узбекистане, но непосредственного отношения она, конечно, не имеет к фронту. В то же время, если мы не напишем за свое пребывание в Ташкенте этой истории, то Узбекистан не будет иметь ее еще 10 лет, здесь мало местных исторических кадров. Наше положение здесь удовлетворительное... Но главное, небольшой группе нестерпимо

хочется в Москву»²⁰. Во время нахождения Института в Ташкенте пополнился состав Ученого совета. В марте 1942 г. в него были включены сотрудники Узбекского филиала Академии наук З.Ш. Раджабов, В.А. Шишкин и преподаватель Среднеазиатского государственного университета Массон²¹.

7 июня 1942 г. в Ташкенте в Институте истории АН СССР состоялась научная сессия, посвященная изучению эпохи Ивана Грозного. Другая научная сессия в Институте истории, посвященная 130-летию Бородинского сражения, состоялась 8 сентября 1942 года. В ней принимали участие Политотдел спецчастей Ташкентского гарнизона и Дом Красной Армии Среднеазиатского военного округа. С докладом на тему «Стратегическое и тактическое значение Бородинского боя» выступила М.В. Нечкина²².

В Ташкенте в 1942 г. были опубликованы: книга академика Б.Д. Грекова «Борьба Руси за создание своего государства»; научно-популярные работы С.В. Бахрушина «Разгром Ливонского ордена в Прибалтике» и «Дмитрий Донской»; работы В.И. Пичеты «Александр Невский», Р.Ю. Виппера «Иван Грозный» (2-е изд.) и М.В. Нечкиной «Мужественный образ наших великих предков» и др.

Научная и пропагандистская деятельность коллектива Института истории в Ташкенте неоднократно отмечалась Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений Узбекистана, а также Военного совета Среднеазиатского округа²³.

Повседневная жизнь людей, прибывших на новое место жительства, была тяжелой. На заседании Президиума Академии наук 20 июня 1942 г. под председательством вице-президента АН СССР В.П. Волгина специально рассматривался вопрос «О положении эвакуированных научных сотрудников АН СССР». Было решено организовать в Ташкенте, Фрунзе, Алма-Ате группы Президиума Академии и при них небольшой аппарат для оперативного руководства и контроля за эвакуированными учреждениями АН СССР²⁴.

Порядок снабжения работников науки, искусства и литературы был первоначально установлен приказом Наркомторга СССР № 37 от 9 марта 1942 г. Академики и члены-корреспонденты АН, лауреаты Сталинской премии, заслуженные деятели науки и техники получали продовольственные карточки по норме рабочих особого списка и обеда из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки, а также 300 г шоколада и 500 г какао или кофе в месяц; профессора, доктора наук, доценты, директора вузов, Сталинские стипендиаты получали продовольственные карточки по группе рабочих промышленности, транспорта и связи и обеда из набора продуктов, равного набору продовольственной карточки. Контингент работников науки, литературы и искусства был расширен и уточнен приказом Нар-

комторга СССР № 170 от 2 июля 1942 г. Для указанной категории лиц были организованы во всех крупных городах специальные магазины и столовые закрытого типа²⁵.

Местные органы власти и общественность оказывали помощь ученым, прибывшим в Узбекскую ССР, Казахскую ССР, Татарскую АССР, Башкирскую АССР. Однако дефицит продуктов питания, жилищный кризис резко ограничивали возможности удовлетворения каждодневных потребностей эвакуированных.

В Алма-Ату прибыла группа квалифицированных историков. Кроме А.М. Панкратовой, было пять специалистов по истории СССР (Д.А. Баевский, М.П. Вяткин, Н.М. Дружинин, Я.Я. Зутис, А.П. Кучкин) и 5 по всеобщей истории (Р.А. Авербух, С.И. Ленчнер, А.Ф. Миллер, Ф.И. Нотович, Ф.В. Потемкин). Они были зачислены внештатными лекторами городского комитета партии и получили задание подготовить методическое пособие для казахских учителей по преподаванию истории в условиях начавшейся войны с фашистами²⁶.

Разместившаяся в Алма-Ате группа специалистов Института истории в 1942 г. вела работу по следующим направлениям: подготовка книги по истории Казахстана; продолжение исследований крупных монографических тем; популяризация героического прошлого народа²⁷.

Условия работы и бытовая сторона жизни ученых были очень трудными. Н.М. Дружинин написал в своих воспоминаниях: «Найти жилье самостоятельно было делом почти безнадежным. Нам посоветовали поискать пустующие комнаты в бывшей казачьей станице на краю города. На этот раз наши усилия имели успех. В одном из домиков нам с сестрой отвели большой обособленный угол с окном... Топливо приходилось экономить. В морозные дни (до -15°) утром на стенах снимаемого нами угла появлялся снежный иней»²⁸. Работать в зале городского архива приходилось в пальто и валенках.

Личное знакомство с местными историками и писателями, их произведениями, посещение спектаклей не только русского, но и казахского театров – все это сближало русских и казахов, взаимно обогащало и тех и других.

Недостатки в работе АН СССР и руководства Института истории в частности отражались на деятельности ученых в новых местах, а ранее – на самом процессе эвакуации. В письме коллективу историков в Ташкенте А.М. Панкратова писала 16 апреля 1942 г.: «С момента эвакуации мы были просто брошены без руля и без ветрила на волю волн житейских»²⁹. Анна Михайловна критически оценивала и поведение отдельных сотрудников Института. Эвакуированные историки, как правило, рассматривали свое пребывание в тыловых районах как временное. У них была тоска по родным местам, близким людям, неотвратимое желание вернуться туда³⁰.

Для ученых Института истории АН СССР, находившихся в Москве, Казани, Ташкенте, Алма-Ате важнейшим направлением деятельности была пропагандистская работа, включавшая в том числе публичные лекции и доклады, способствовавшие мобилизации духовных сил народа для борьбы с фашизмом. Популярные лекции читались в воинских частях, госпиталях, на предприятиях, в колхозах, в различных учреждениях. Часто выступали перед различными аудиториями Б.Д. Греков, А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Е.В. Тарле, Н.М. Дружинин, Ф.В. Потемкин, В.И. Пичета, С.В. Бахрушин, Е.А. Косминский и многие другие. По отзывам слушателей М.В. Нечкина отличалась от других лекторов «зажигательной речью» и вдохновенными словами³¹.

Огромный интерес вызывала военно-патриотическая тематика: лекции о знаменитых битвах прошлого – Ледовом побоище, Куликовской битве, Бородинском сражении, а также о великих полководцах – А.В. Суворове, М.И. Кутузове.

В 1942 г. учеными Московской группы Института было прочитано 110 лекций о Великой Отечественной войне и другим темам в частях Красной Армии и гражданскому населению³²; Ташкентской группой – 367, Алма-Атинской группой – 207³³.

Современные исследователи, оценивая роль историков и других гуманитариев, политработников в победе над фашизмом, отмечают: «Они активно использовали исторические знания в пропагандистской работе на фронте и в тылу. Такая пропаганда оказалась действенной не только для поднятия боевого духа солдат, патриотизма, формирования непримиримого отношения к врагу, но и для стимулирования интереса граждан к своей истории в целом, что пробуждало в них стремление найти в прошлом ответы на насущные вопросы современности»³⁴.

Обобщим некоторые итоги деятельности Института истории АН СССР в первый период Великой Отечественной войны, самый тяжелый в военном, материальном и психологическом плане. Ученые, в связи с новыми задачами, пересмотрев планы и тематику исследований, давали в своих работах яркое, правдивое освещение героического прошлого народов СССР, боевых традиций предков. Большой размах получило разоблачение нацизма, в том числе его антинаучной теории расизма, служившей идеологическим оружием для обоснования мирового господства; разоблачение фальсификаторов, извращавших историю происхождения государственности в России.

Одним из магистральных направлений исследовательской деятельности Института истории АН СССР стали проблемы этногенеза славян, их борьба за независимость. Активизация исследований в этом направлении была вызвана фальсификацией фашистскими идеологами истории славянства, политикой лидеров Третьего рейха, имевшей целью поработить славянские народы, разрушить их культуру. Вместе с тем работы ученых были не свободны от идеологического социального заказа своего времени³⁵.

Важным направлением в работе специалистов Института истории АН СССР было продолжение работы над уже начатыми многотомными трудами. В 1941 г. вышел первый том «Истории дипломатии», работа над которой началась в 1937 г. под руководством В.П. Потемкина (издание было завершено в 1945 г.). Лауреатами Сталинской премии 1942 г. за второй том «Истории Гражданской войны» стали И.И. Минц, Э.Б. Генкина, Е.Н. Городецкий, И.М. Разгон³⁶.

Следует подчеркнуть, что ведущее место в деятельности историков в первый период Великой Отечественной войны занимала военно-патриотическая, пропагандистская работа. Из опубликованных Институтом за 16 месяцев войны более 50 брошюр по отечественной и всемирной истории 40 были научно-популярными³⁷. Они давали в руки пропагандистов и агитаторов ценный материал, раскрывающий варварскую сущность фашизма, помогали в проведении идейно-политической работы в Красной Армии и в тылу.

Ученые внесли вклад в сохранение памяти о Великой Отечественной войне. Работа Института истории Академии наук СССР в 1942 г. была отмечена Почетной грамотой Президиума АН СССР и ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений³⁸.

В традициях, возникших при изучении истории Великой Отечественной войны непосредственно в военное время, продолжалось ее исследование в первое послевоенное десятилетие³⁹.

Указывая на успехи и недостатки, проблемы в работе историков в 1941–1942 гг., необходимо учитывать объективные сложности того времени, которые делали решение целого ряда задач трудновыполнимыми или невозможными. На творческой деятельности коллектива Института истории сказывалась суровая повседневность военной поры: тяжелые жилищные условия, ограниченное питание по карточкам, недостаточное медицинское обслуживание и т.д. Каждодневные будни ученых, их эмоциональные переживания, настроения не изучены. История повседневной жизни, как специальная область научных исследований, стала востребованной, особенно в отечественной историографии, сравнительно недавно.

Таким образом, для обогащения наших знаний о труде историков, их обыденной жизни в военное лихолетье необходимо продолжить исследование истории Института после реэвакуации в Москву в 1943 г., привлекая новые источники.

Примечания

¹ Институт российской истории РАН сегодня. М.: ИРИ РАН, 2011. С. 7; Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // Научный архив Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 3, 12.

- ² Протокол № 17 совещания у директора Института истории Академии наук СССР 23 июня 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 139. Л. 181.
- ³ Протокол производственного совещания сектора истории СССР до XIX в. Института истории АН СССР 26 июня 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 145. Л. 189.
- ⁴ Там же. Л. 189, 203.
- ⁵ Там же. Д. 95. Л. 36.
- ⁶ Отчет о работе сектора истории СССР советского периода Института истории АН СССР за III квартал 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 15.
- ⁷ Цит. по: *Нечкина М.В.* Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 122.
- ⁸ Протокол № 1 заседания сотрудников Института истории АН СССР и представителей Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории 31 июля 1941 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 96а (135). Л. 1–3.
- ⁹ Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 12.
- ¹⁰ *Кушева Е.Н.* Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. 1993. № 4. С. 142.
- ¹¹ Протокол № 4 совещания у директора Института истории АН СССР 3 января 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 15.
- ¹² Там же. Л. 13–16.
- ¹³ *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки. М.: Наука, 1985. С. 25–28.
- ¹⁴ *Зинич М.С.* Судьба политэмигранта в Советском Союзе // История и историки: историографический вестник. 2011–2012: М.: ИРИ РАН, 2013. С. 231–232.
- ¹⁵ Вклад ученых-историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. (кол. авт.; отв. ред. С.В. Журавлев). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 7–8.
- ¹⁶ Выписка из протокола заседания Президиума АН СССР от 28 февраля 1942 г. // НА ИРИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 177. Л. 3.
- ¹⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁸ Институт российской истории РАН сегодня. С. 8.
- ¹⁹ *Кушева Е.Н.* Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. 1993. № 4. С. 143.
- ²⁰ Личный архив М.С. Зинич.
- ²¹ Протокол № 12 совещания у директора Института истории АН СССР 9 марта 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 183. Л. 38–39.
- ²² 50 лет советской исторической науки. Хроника. М.: Наука, 1971. С. 234; *Нечкина М.В.* Дневники академика М.В. Нечкиной // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 139.
- ²³ Почетные грамоты Института истории АН СССР // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Раздел «Ю». Оп. 1. Л. 2–3.
- ²⁴ Выписка из протокола № 19 заседания Президиума АН СССР. 20 июня 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 103. Д. 2. Л. 16.

²⁵ Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. С. 185.

²⁶ *Дружинин Н.М.* Избранные труды. Воспоминания. Мысли. Опыт историка. М., 1990. С. 253.

²⁷ Протокол производственного совещания Алма-Атинской группы Института истории АН СССР 19 января 1943 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 222. Л. 1, 1 об.

²⁸ *Дружинин Н.М.* Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. С. 29.

²⁹ Письмо А.М. Панкратовой коллективу Института истории АН СССР в Ташкенте 16 апреля 1942 г. // НА ИРИ РА. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 3. Д. 3. Л. 13.

³⁰ Письмо А.М. Панкратовой З.К. Эггерт 7 мая 1942 г. // Там же. Л. 9.

³¹ *Вандалковская М.Г.* Милица Васильевна Нечкина // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 399–400.

³² Отчет о работе московской группы Института истории АН СССР за 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 7–8.

³³ Отчет о работе Института истории АН СССР за 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 194. Л. 12.

³⁴ Цит. по: Вклад ученых историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. С. 9.

³⁵ Подробнее см.: *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. 464 с.

³⁶ Институт российской истории РАН сегодня. С. 6

³⁷ *Гракина Э.И.* Ученые – фронту. М.: Наука, 1989. С. 186.

³⁸ Почетная грамота Президиума АН СССР и ЦК профсоюза работников высшей школы и научных учреждений Института истории АН СССР. 1942 г. // НА ИРИ РАН. Ф. 1. Разд. «Ю». Оп. 1. Л. 3.

³⁹ *Сидорова Л.А.* Великая Отечественная война в работах советских историков в первые послевоенные годы (1945–1956 гг.) // История и историки. 2008. Историографический вестник. М.: Гриф и К, 2010. С. 3.

М.С. Зинич

НАУЧНЫЕ ДЕЯТЕЛИ В БОРОВОМ

23 июня 1941 г. – второй день войны. Созвано внеочередное расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. Председательствовал вице-президент Академии наук СССР академик О.Ю. Шмидт. Участвовали в обсуждении и выступили: академик-секретарь Отделения физико-математических наук А.Н. Колмогоров, академик-секретарь Отделения технических наук В.П. Никитин, академик-секретарь Отделения истории и философии А.М. Деборин.

Члены Президиума Академии наук СССР академики: Т.Д. Лысенко, В.Н. Образцов, заместитель академика-секретаря Отделения физико-математических наук, академик В.Г. Фесенков, академик С.Л. Соболев.

Заместитель академика-секретаря Отделения химических наук, член-корреспондент АН СССР С.И. Вольфович. Заместитель академика-секретаря Отделения геолого-географических наук, академик А.А. Григорьев. Заместитель академика-секретаря Отделения биологических наук, академик А.А. Борисяк, член-корреспондент АН СССР Х.С. Коштоянц, член-корреспондент АН СССР Н.И. Гращенков. Заместитель академика-секретаря Отделения истории и философии, академик Б.Д. Греков. Академики: И.П. Бардин, Э.В. Брицке, И.М. Виноградов, А.В. Винтер, П.Л. Капица, Б.А. Келлер, М.В. Кирпичев, В.А. Кистяковский, Г.М. Кржижановский, П.П. Лазарев, М.Б. Митин, В.Ф. Миткевич, С.С. Наметкин, Н.Д. Папалекси, В.Л. Поздюнин, С.Г. Струмилин, И.П. Трайнин, А.Н. Фрумкин, Л.С. Штерн.

Секретарь Президиума Академии наук СССР П.А. Светлов, заместитель Управляющего делами Академии наук СССР С.Д. Носов. На заседании присутствовали также 60 человек руководящих и научных работников московских учреждений АН СССР.

Ученые различных научных направлений собрались на внеочередном расширенном заседании Президиума Академии наук СССР и продемонстрировали объединение, объявив о консолидации всех ресурсов, что позволило в дальнейшем быстро решать многие вопросы военного производства.

«Эта война для Советского Союза поистине является священной отечественной народной войной, войной за человеческий прогресс, культуру народов СССР и всех народов мира.

От имени Академии Наук Союза Советских Социалистических республик мы заверяем наш народ, наше правительство, нашу Все-

союзную Коммунистическую партию большевиков, нашего Сталина в том, что мы отдадим все свои знания, все свои силы, энергию и свою жизнь за дело нашего великого народа, за победу над врагом и за полный разгром фашистских бандитов, осмелившихся нарушить священные границы нашей Великой социалистической родины»¹.

В начальный период войны пришлось выполнить перестройку работы научных учреждений на военный лад, которая была осуществлена в кратчайшие сроки и достаточно успешно. Перестройка осложнялась процессом эвакуации, который являлся составной частью общегосударственного плана сохранения наиболее квалифицированных и ценных кадров Академии наук СССР, материальных и культурных ценностей.

В эвакуацию, по решению советского правительства, в Казахстан в Щучинско-Боровской курортный район Кокчетавской области, была направлена большая группа академиков Академии наук СССР и крупнейших ученых страны. Боровое – жемчужина Казахстана. Курорт окружают горы, сосновые боры, чистые озера, там особый микроклимат, а воздух чистый и полезный.

В документах Архива Академии наук СССР имеются сведения о том, что во время Великой Отечественной войны в эвакуации на курорте Боровое находились следующие академики и члены-корреспонденты.

- «1. Академик Алексеев Василий Михайлович /востоковед-китаевед/
2. Академик Баранников Алексей Петрович /востоковед-индолог/
3. Академик Бах Алексей Николаевич /биохимик/
4. Член-корреспондент Белоновский Георгий Дмитриевич /микробиолог/
5. Академик Берг Лев Семенович /зоогеограф/
6. Академик Бернштейн Сергей Натанович /математик/
7. Академик Борисьяк Алексей Алексеевич /геолог, палеонтолог/
8. Академик Вернадский Владимир Иванович /минералог/
9. Член-корреспондент Вологдин Валентин Петрович /электротехник/
10. Почетный член Академии наук СССР Гамалея Николай Федорович /биолог, микробиолог/
11. Академик Зелинский Николай Дмитриевич /химик-органик/
12. Академик Зернов Сергей Алексеевич /зоолог, гидробиолог/
13. Член-корреспондент Иванов Леонид Александрович /физиолог, эколог растений/
14. Почетный член Академии наук СССР Ильинский Михаил Александрович /химик-органик/, умер в Боровом 18 ноября 1941 года
15. Академик Кржижановский Глеб Максимилианович /энергетик/
16. Академик Крылов Алексей Николаевич /математик, физик/
17. Академик Лейбензон Леонид Самуилович /геофизик, механик/

18. Академик Ляпунов Борис Михайлович /славист-филолог/
19. Академик Маслов Петр Павлович /экономист/
21. Академик Мандельштам Леонид Исаакович /физик/
22. Академик Орлов Александр Сергеевич /историк русской литературы/
23. Академик Папалекси Николай Дмитриевич /физик/
24. Член-корреспондент Петров Николай Николаевич /хирург, онколог/
25. Академик Ротштейн Федор Аронович /историк/
26. Академик Рихтер Андрей Александрович /ботаник/
27. Академик Струмилин Станислав Густавович /экономист/
28. Член-корреспондент Талмуд Давид Львович /физико-химик/
29. Академик Тюменев Александр Ильич /историк/
30. Академик Фаворский Алексей Евграфович /химик-органик/
31. Академик Фок Владимир Александрович /физик/
32. Член-корреспондент Фрейман Александр Арнольдович /филолог, иранист/
33. Академик Шмальгаузен Иван Иванович /зоолог, морфолог/
34. Академик Штерн Лина Соломоновна /физиолог/
35. Академик Щербатской Федор Ипполитович /буддолог, индолог/»².

Согласно планам Президиума АН СССР, предполагалось обеспечить ученым полноценный отдых. Но, едва успев разместиться и устроиться, осознававшие свою ответственность перед государством ученые объединились и решили именоваться казахстанской группой академиков. Председателем Бюро Академической группы был избран почетный академик, микробиолог Николай Федорович Гамалея, секретарем стал академик, экономист Станислав Густавович Струмилин. О своем решении ученые сообщили Президенту АН СССР Владимиру Леонтьевичу Комарову в Свердловск, где расположился Президиум АН СССР. Вице-президенту АН СССР была направлена телеграмма с просьбой выделения средств на проведение научно-исследовательских работ. В ответ О.Ю. Шмидт возразил: «Группа академиков и членов-корреспондентов, находящихся в Боровом, обратилась в Президиум Академии наук с просьбой об отпуске 39 700 рублей на проведение научно-исследовательских работ. Президиум Академии наук не находит возможным удовлетворить эту просьбу, так как пребывание академиков и членов-корреспондентов в Боровом является временным и имеет целью обеспечить им отдых и восстановление сил, и поэтому не должно быть связано с выполнением каких-либо работ»³.

Но ученые казахстанской группы не согласились с такой постановкой вопроса, и Президиуму Академии наук пришлось отменить свое решение.

Многие академики во время пребывания в Боровской курортной местности, названной «Казахстанской Швейцарией», активно трудились и продолжили начатые в мирное время научные работы, которые нашли применение в оборонной тематике своих институтов, эвакуированных в Казань, Свердловск, Челябинск, Алма-Ату и другие города Советского союза.

В библиотеке в Боровом академики устраивали чтение своих завершенных работ. Так, например, академик Владимир Иванович Вернадский сделал научный доклад «О геологических оболочках Земли как планеты». В хронологии академика за 1942 г. есть запись: «Доклад прошел с большим успехом. Зала была переполнена народом, многие стояли и по окончании доклада были оживленные прения. Моя научная работа сложилась так, что с моих молодых лет и до сих пор я научно работаю на границе научно понимаемой реальности. В нашей стране ярко чувствуется в этой области резкое расхождение между теми представлениями, которыми мы руководимся в нашей научной работе и теми, которые преподаются в нашей школе, даже высшей, и которые проникают в популярную литературу, доступную нашей народной интеллигенции. Школа и популярная литература в этой области отстают от основ современной научной работы на десятки лет. Несомненно, такое положение вредно для нашей культуры. Оно должно быть изжито возможно быстро. Этим определяется выбор моей темы»⁴.

Вернадский очень переживал, что находится в такое трудное для страны время в безопасном Боровом и предпринимал попытки добиться переезда в Казань, куда был эвакуирован Радиевый институт. Однако попытки не увенчались успехом, и он всецело погрузился в научную работу. Продолжил писать огромный научный труд «Химическое строение биосферы Земли и ее окружение», который начал еще в 1936 г. и называл главной работой своей жизни.

В Архиве Академии наук сохранилась копия письма от 23 августа 1942 г. к вице-президенту АН СССР Александру Александровичу Байкову: «Этот год я по распоряжению Академии наук СССР провел в Боровом и не исполнял своих обязанностей, как директор Биохимической Лаборатории, которой заведовал мой заместитель профессор Александр Павлович Виноградов.

Я все время работал с помощью научного сотрудника Биохимической Лаборатории, моего научного секретаря Анны Дмитриевны Шаховской над книгой, начатой мной в ноябре 1940 года: «Химическая структура биосферы и ее окружения».

Помимо общих вопросов геологии, которые в ней разбираются, книга эта должна была явиться как комментарий к составлению геохимической карты на основе карты геологической.

Эта геохимическая карта должна была дать новое орудие для разведок полезных ископаемых – химических элементов новым путем.

Я считаю, что окончание книги может сослужить свою службу при реконструкции нашей страны после войны, и потому усердно над ней работаю. Считаю, что при моем возрасте и силах это самое большое, что я могу сделать. Я не считаю связанными с обороной мои другие научные работы, но убежден, что подготовка геохимической карты даст новую методику»⁵.

В годы войны в оазисе стабильности, Боровом, находились ученые разных профилей, и каждый из них внес свой вклад в Великую Победу. Остро стояла проблема всестороннего анализа природных условий различных зон СССР. Исследования проводились с целью рационального размещения сельскохозяйственных культур. Ученые начали масштабное изучение географического расположения и свойств земельных массивов, прежде всего тех, которые возможно было освоить в самые короткие сроки.

В имеющихся в Архиве РАН материалах Вестника Академии наук Казахской ССР напечатан своего рода отчет о научно-исследовательской деятельности казахстанской группы академиков, в котором перечислены работы и исследования непосредственно имеющие отношения к Казахстану.

«Письмо председателя Распорядительного бюро академического коллектива в Боровом академика С. Бернштейна председателю СНК Казахской ССР Н. Ундасынову

12 февраля 1943 г.

Боровое – курорт Акмолинской области.

Вследствие выраженного Вами на заседании в Боровом в начале декабря 1942 г. пожелания, Бюро академического коллектива сообщает о работах, произведенных нашим коллективом и имеющих своей задачей изучение производительных сил Казахской ССР или содействие народному образованию республики.

1. Почетный академик Н.Ф. Гамалея изучал Боровое с точки зрения курортологии и санитарной медицины, вел экспериментальную исследовательскую работу по туберкулезу, сдал в печать “Лечебные факторы Борового” объемом в 10 п.л. Напечатал книгу “Грипп и борьба с ним”, печатает 2-е издание книги “Учебник медицинской микробиологии”, занят составлением книги “Руководство по микробиологии” (40 п.л.).

2. Член-корреспондент Г.А. Белоновский вел в Сеченовском институте (ныне в Боровом) работы по изучению металлотерапии при туберкулезе морских свинок. Кроме того, читал лекции по иммунитету и эпидемиологии врачам Сеченовского института и военного противотуберкулезного санатория.

3. Под руководством академика В.И. Вернадского сотрудником Радиевого института АН СССР тов. Комлевым велось изучение радиоактивности вод Борового курорта и заповедника.

4. Член-корреспондент Л.С. Берг заканчивает обработку данных по климату курорта Боровое. Эта работа, предпринятая по поручению здешнего заповедника, имеет важность для многочисленных курортных, санаторных и госпитальных организаций, расположенных в районе Борового.

5. Академик С.А. Зернов совместно с членом-корреспондентом Л.С. Бергом и профессором Н.Н. Воронихиным заняты изучением продуктивности озер Борового заповедника с целью заселения их более ценными породами рыб.

6. Член-корреспондент Л.А. Иванов изучал по поручению заповедника водообмен местных лесных пород – сосны и березы. Работа имеет важность в связи с наблюдаемым за последние годы усыханием лесов Северного Казахстана.

7. Академик А.А. Рихтер изучал вопрос о повышении урожайности картофеля в связи с применением посадки верхушек по методу академика Лысенко. Применение микроудобрений в ничтожных количествах повысило урожай от верхушек на 20%. Помимо того, академик Рихтер составил проект питомника лекарственных растений в Боровом. Занимался изучением зимнего покоя древесных растений в Боровом.

8. Член-корреспондент Л.С. Лейбензон вел консультацию с трестом “Каззо-лото”. Напечатал руководство для высших учебных заведений “Краткий курс теории упругости”, 1942, 304 стр.

9. Профессор В.В. Тищенко занимался вопросами технического использования природных ресурсов Борового: пневого осмола, березового дегтя, соснового масла, сульфатов озер (для стекольного производства), глауберовой соли (для медицинских целей).

10. Геолог А.А. Усова производила геологическое обследование района Борового заповедника и специально поиски полезных ископаемых, причем обнаружила в нижнепалеозойской толще прослой железистых кварцитов типа криворожских. Составила на основании своих работ статью. Описание месторождений мирабилита, белых глин и чистых кварцевых песков Государственного заповедника Боровое.

11. Академик И.И. Шмальгаузен сдал в печать университетский курс “Основы дарвинизма” (36 п.л.).

12. Академик А.С. Орлов перевел с казахского на русский язык книгу казахских сказок и несколько казахских былин. Написал статью “Казахский героический эпос и отношение его к эпосу русскому” (6 п.л.). Кроме того, составил “Казахско-русский словарь” в 5000 тысячах основных казахских слов с параллелями из узбекского и с указаниями арабских и персидских заимствований»⁶.

Академик Глеб Максимилианович Кржижановский жил в Боровом недолго, но успел организовать в детском санатории электротехнический кружок. Также непродолжительно пробыла в санатории и Лина Соломоновна Штерн, которая обучала местных хирургов своему методу лечения шока.

К сожалению, не все из академиков и членов их семей, прибывшие в Боровое переждать войну, вернулись домой. Многие из них были преклонного возраста, и казахстанская земля стала их последним пристанищем. Первым в 1941 г. умер химик Михаил Александрович Ильинский. На местном кладбище в Боровом также похоронены академики: востоковеды Агафангел Ефимович Крымский и Федор Ипполитович Щербатский, лингвист Борис Михайлович Ляпунов, а также спутницы жизни В.И. Вернадского, М.А. Ильинского, Б.М. Ляпунова, Н.Ф. Гамалеи, Ф.И. Щербатского, П.П. Маслова.

Ученые Москвы и Ленинграда внесли неопределимый вклад в становление и развитие советской науки. В условиях военного времени советские ученые продолжали титаническую работу, невзирая на различные трудности. Местные органы управления старались создать максимально приемлемые условия для их жизнедеятельности.

Именно из архивных документов удалось почерпнуть важнейшие сведения о достижениях ученых военного времени, связанных с новыми исследованиями и развитием ранее полученных научных результатов на основе местного материала (изучение флоры и фауны заповедника).

Примечания

¹ Постановление Президиума. Май—ноябрь 1941 г. № 16-29 // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 195—199. Машинопись с правкой. Подлинник.

² Справка о пребывании академиков в Боровое // АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 499а. Л. 24.

³ Телеграмма академиков к О.Ю. Шмидту // АРАН. Ф. 691. Оп. 3. Д. 17. Л. 1.

⁴ Хронология В.И. Вернадского // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 341.

⁶ Вестник АН Казахской ССР // АРАН. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4. Л. 24, 24 об.

О.Д. Лившиц

ДВА ГОДА ЭВАКУАЦИИ В КАЗАНИ

*Коллективу Биогеохимической лаборатории
АН СССР военных лет
посвящается*

Страшное сообщение, прозвучавшее 22 июня 1941 г. из всех репродукторов Советского Союза о внезапном нападении фашистской Германии на СССР, ошеломило людей. В этот воскресный солнечный, по-летнему теплый день, страна отдыхала после трудовой недели. Люди гуляли в парках, купались, занимались делами мирной жизни, и никто не мог поверить в то, что началась война.

Начало войны встретило А.П. Виноградова на Кольской базе Академии наук в Хибинах, где он находился вместе с А.Е. Ферсманом. Получив на второй день войны «молнию» от жены: «выезжай вызывают военкомат», Александр Павлович срочно покинул базу. Возвращался в Москву, стоя в набитом битком тамбуре вагона, без билета. Ехали несколько дней, очень медленно, пропуская воинские эшелоны.

Вернувшись в Москву, Виноградов записался в Народное ополчение добровольцем, но в связи с эвакуацией Президиума АН СССР и ряда институтов в Казань, включая и Биогеохимическую лабораторию (БИОГЕЛ), и В.И. Вернадского как престарелого академика в санаторий «Боровое» в Казахстан, Александр Павлович был отозван из ополчения. По просьбе Владимира Ивановича¹ Президиум Академии наук утвердил его исполняющим обязанностей директора БИОГЕЛ.

Эвакуация Лаборатории в Казань проходила уже под руководством Виноградова. В первые дни войны на фронт были призваны научные сотрудники Лаборатории: кандидат химических наук Л.С. Селиванов, аспирант И.К. Задорожный, а с 1942 г. и К.П. Флоренский. Для охраны лабораторного имущества в Старомонетном переулке в Москве была оставлена лаборант А.П. Троицкая. Основной состав Лаборатории в количестве 36 человек эвакуировался в Казань. Выехали 20 июля 1941 г. В Казань приехали поздно вечером 23 июля. Поезд с сотрудниками московских институтов на перроне вокзала встречал вице-президент АН СССР академик О.Ю. Шмидт.

По приезде в Казань между Виноградовым и Вернадским возобновилась переписка, продолжавшаяся в течение всей совместной

А.П. Виноградов. 1944 г.
Фотография из семейного архива автора

деятельности по организации Биогеохимической лаборатории АН СССР с 1927 по 1944 г. Переписка не велась, когда ученые находились в длительных командировках, в отпусках, в эвакуации. В письмах обсуждали различные аспекты разнообразной деятельности Лаборатории, Академии, уровень развития науки за рубежом, вопросы общественной жизни и многое, многое другое, и идейная связь между учеными никогда не прерывалась.

Лаборатории была предоставлена большая комната кафедры физиологии растений в главном корпусе Казанского университета, о чем Александр Павлович писал Владимиру Ивановичу 16 июля 1941 г.: «Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович! Теперь Вы, наверное, получили мое первое письмо и телеграмму и знаете, что мы находимся в Казани. После

долгих и трудных дней переговоров, ожиданий, Лаборатория получила помещение кафедры физиологии растений в главном корпусе университета. Здесь помимо нас – физики и техники. Сейчас заняты оборудованием Лаборатории. За это время успели привыкнуть к жизни в новых условиях. Потребуется еще много сил, чтобы пустить работу»².

Благодаря таланту организатора и опыту, приобретенному Виноградовым при организации деятельности Биогеохимической лаборатории в Москве в 1934–1935 гг. в связи с переводом Академии наук по решению правительства из Ленинграда в Москву, достаточно быстро в труднейших условиях военного времени была развернута работа Лаборатории: «Мы из периода овладения площадью – перешли к ее оборудованию. Это поглощает время. Составил план развертывания работ. Наметил себе время для собственных работ – но не знаю, сумею ли к ним вернуться. Все определяется фронтом. Разделяю Ваше мнение о том, что развал немецкой армии будет напоминать 14–16-ые годы. Но до того, как этот развал немецкой армии начнется, мы должны будем пережить тяжелые испытания. В истории народа срок 2–3 месяца – ничтожный след, но как различны эти месяцы. В войну вовлекается

все человечество. Правда, это не впервые в его истории, но как это тяжело»³.

Жизнь в Казани была тяжелой. Особенно она оказалась тяжелой в суровую зиму 1941–1942 гг. Было трудно с питанием и жильем. Часть сотрудников была размещена по квартирам, другая часть проживала в общежитии на окраине города, в так называемой Клыкковке, которая находилась в нескольких километрах от Университета. Сотрудникам приходилось два раза в день преодолевать этот путь пешком утром от общежития до Университета в лютый мороз при температуре минус 40–50 градусов, зачастую в пургу, и обратно вечером по заснеженным неосвещенным улицам в строжайших условиях светомаскировки. Сам Александр Павлович жил с двумя детьми, женой и тещей в маленькой неотапливаемой комнате при температуре 2–5 градусов, без воды. Чтобы как-то питаться, была организована поездка сотрудников С.В. Одинцовой, З.Г. Пинскера и Э.Е. Вайнштейнана в открытом грузовике в сильный мороз по деревьям для покупки картофеля, так как основной едой была картошка и хлеб⁴. Позже положение несколько улучшилось, так как в Университете была организована столовая для сотрудников и в гастрономе давали один раз в неделю небольшой продуктовый набор. Не было ни круп, ни овощей. Из-за страшной дороговизны с рынка питаться было невозможно, да и зимой с рынка все исчезало. Жили известиями с фронта.

Особенно переживали за сотрудников, призванных в армию. У С.А. Боровика сын попал в немецкое окружение на подступах к Москве, и с самого начала октября о нем не было известий. У С.В. Ренц муж был в ополчении вместе с Л.А. Куликом, и она тоже давно не получала известий. Весь коллектив Лаборатории, кроме научной деятельности, работал на субботниках по расчистке аэродрома, по разгрузке барж с дровами для отопления города, а летом на огородах, находящихся за рекой Казанкой⁵.

Первая тяжелая зима войны обернулась для Виноградовых страшной трагедией. 9 февраля 1942 г. в Казани умирает младший сынишка Александра Павловича Володя – чудесный одаренный ребенок, которому не исполнилось еще и пяти лет. Хоронили Володю всей Лабораторией. Боясь за слабое сердце Владимира Ивановича, Виноградовы не сообщили Вернадскому о своем горе, но узнав о случившемся от жены профессора В.П. Пospelова, Владимир Иванович запишет в дневниковых записях: «Под бременем известия о гибели прелестного Володи Виноградова в Казани <...> Я боюсь, что физически Александр Павлович и Христина Густавовна не выдержат. Центр их жизни и оба хрупкие. Не решаюсь писать. А мысль с ними. Слова утешения – ничтожны. Надо писать»⁶. Боровое, 5 марта 1942 г.: «Дорогие, горячо любимые Александр Павлович и Христина Густавовна, дорогие близкие сердцу друзья. Нет, и не может быть утешения в том несчастье,

которое постигло Вас и нас всех вместе. Уход из жизни прелестного, полного будущего, дорогого всем существа, столь много обещавшего, не может быть принят с покорностью – должен образ его остаться в наших сердцах и в нашей памяти. А мы все должны идти вперед по тому пути, по которому мы идем...»⁷

Война и пришедшее вместе с ней горе сблизило людей. Лаборатория жила единой семьей, стараясь помогать друг другу, отдавая все силы работе. Работали много, допоздна, а зачастую и по ночам. Александр Павлович каждый день возвращался домой в 1–2 часа ночи. Но, несмотря на все трудности, Лаборатория под руководством Виноградова жила полноценной научной жизнью, хотя работа регламентировалась нуждами фронта. Выполнялись срочные анализы для военных организаций. Сотрудники П.Н. Палей, В.И. Баранов, Е.И. Донцова работали по организации в военных госпиталях Казани родоновых и искусственных сероводородных (мацестинских) ванн для лечения раненых, которых было очень много, особенно во время Сталинградской битвы. В помещении Лаборатории после работы для сотрудников различных заводов и учреждений Казани проводились курсы по индикации боевых отравляющих веществ (М.А. Драгомирова, С.И. Синякова, П.Н. Палей, М.П. Белая, Е.И. Донцова). Велась совместная работа с военной организацией по оборудованию советских танков приборами по индикации боевых отравляющих веществ (БОВ) в случае применения БОВ фашистами, чтобы танкисты могли принять соответствующие меры (Е.И. Донцова и полковник Малявин). Кроме того, была организована особая группа (П.Н. Палей, М.П. Белая, Р.В. Тейс, М.П. Драгомирова), отправленная обратно в Москву, где в условиях частых бомбежек, отключения электроэнергии и отопления, выполнялась ответственная работа по заданию армии, так называемый «Десант»⁸.

Под руководством Виноградова сотрудниками Лаборатории (Г.Г. Бергман, В.М. Ратынский), начиная с середины 1942 г., в срочном порядке был выполнен комплекс работ, показавших возможность использования ванадия для легирования стали, из которой изготавливалась броня танков, находящегося в асфальтах Волжско-Уральской нефтеносной области в предельно высоких концентрациях. Этому предшествовали исследования Александра Павловича по изучению осадочных пород с точки зрения установления механизма осадкообразования, в результате которых было определено концентрирование ванадия в битумах. 4 августа 1942 г. он писал Вернадскому в Боровое: «Мною были установлены геохимические провинции, в которых все битумы (твердые и жидкие), здесь встречающиеся, содержат значительные количества ванадия, например, Волжско-Уральская провинция. В частности, здесь указан был нами Садкинский асфальт с 70% V_2O_5 в золе»⁹. Эта работа проводилась в формате исследова-

ний по геохимии, связанных с оборонной тематикой. Другой работой по оборонной тематике в области биохимии являлось выяснение лучших условий минерального питания культуры кок-сагыза, необходимого для получения высококачественного каучука. Народный Комиссариат Земледелия Татарской АССР (ТАССР) обратился к Биогеохимической лаборатории в августе 1941 г. с просьбой провести научные исследования и оказать техническую помощь по минеральному питанию кок-сагыза и другим вопросам, связанным с проблемой повышения каучуконосности культуры кок-сагыза ТАССР. Рекомендации были выданы. Бригада БИОГЕЛ в составе приписанных к Лаборатории академика Л.И. Прасолова, членов-корреспондентов АН СССР Н.А. Максимова и Б.Л. Исаченко совместно с сотрудниками Лаборатории А.А. Дробковым и С.М. Манской, после изучения проблем влияния применяемых минеральных удобрений и химического элементного состава семян и корней кок-сагыза из разных мест его произрастания в СССР, указали районы размещения кок-сагыза в Татарии. Ввиду важности проблемы Виноградов и Максимов обратились с письмом к вице-президенту АН СССР академику Е.А. Чудакову, в котором на основании проведенных исследований были предложены мероприятия по увеличению каучуконосности кок-сагыза в Татарии.

В области аналитической химии для решения оборонных задач проводились работы по внедрению полярографического метода для экспресс-анализа легких сплавов и черных металлов (определение Zn, Mn в сплавах на алюминиевой основе, Pb в бронзе, Cu в баббитах, Cu, Ni, Co в сталях и др.) (С.И. Синякова, Д.П. Малюга, Ш.Е. Каминская), разработка спектрального, электронографического методов в связи с изучением активности катализаторов анализа кристаллических структур минералов (З.Г. Пинскер, А.К. Лаврухина), рентгеноспектрального метода определения валентности в металлах и сплавах (Э.Е. Вайнштейн совместно с Г.Б. Бокием – рентгеновская лаборатория Института общей и неорганической химии АН СССР).

В.И. Вернадский, будучи оторванным от Лаборатории, также внес свой вклад в победу советского народа над фашизмом. 12 марта 1943 г. Владимиру Ивановичу исполнилось 80 лет. В связи с этой датой он был удостоен Сталинской премии I степени, 20% которой Вернадский перечислил на строительство танковой колонны, следуя обращению президента АН СССР академика В.Л. Комарова к действительным членам, членам-корреспондентам, научным сотрудникам Академии последовать патриотическому примеру народа и внести лишние средства на строительство танковой колонны¹⁰.

Кроме других принятых Президиумом АН СССР юбилейных мероприятий, А.П. Виноградов написал статью: «80-летие академика В.И. Вернадского» (Природа, 1943 г.).

Что же касается тематики Биогеохимической лаборатории, то в Казани в соответствии с планом продолжались исследования химического элементного состава красноцветных пород, нефти, по изотопам, фотосинтезу, по нитратам в биосфере и др., по составлению единственной в СССР картотеки по составу организмов. В период с 1941 по 1944 г. по тематике Лаборатории Виноградов опубликовал свыше 20 печатных работ, обращаясь к изучению самых разнообразных научных проблем, в которых установил ряд закономерностей и получил интересные результаты. Особого внимания заслуживают исследования этого периода Виноградова совместно с Тейс по фотосинтезу (было установлено, что при фотосинтезе выделяется кислород воды, а не уголекислоты, что изменило представления о механизме фотосинтеза – Доклады Академии Наук СССР (ДАН СССР, 1941 г.); с Е.А. Бойченко закончил исследования по изучению процессов превращения веществ в биосфере, вызванных деятельностью организмов, позволивших экспериментально показать разложения каолина диатомовыми водорослями (ДАН СССР, 1942 г.)).

Затем Виноградов исследовал с геохимической точки зрения природные воды и опубликовал статью «Геохимия рассеянных элементов в морской воде» с весьма любопытными выводами: катионы морской воды являются продуктами выветривания горных пород, а анионы – результат вулканогенных процессов (Успехи химии, 1944 г.). Продолжая исследовать природные воды, автор установил, что геохимическим индикатором образования природных вод является их хлор-бромный коэффициент (ДАН СССР, 1944 г.).

В Казани Виноградов подготовил к изданию 6 и 7-й тома «Трудов Биогеохимической лаборатории», включив 3-ю часть своей классической монографии «Химический элементарный состав организмов моря» в 6-й том (1-я и 2-я части монографии были опубликованы также в «Трудах» в 3-м и 4-м томах в 1935 и 1937 гг. соответственно). В письме от 17 сентября 1942 г. Виноградов писал Вернадскому: «Что касается “Трудов” – тысяча препятствий: 1) они меня заставили в трудных условиях привести их в годный для печати вид; 2) затем взяли в издательство, свезли в Москву и возвратили обратно для сокращения объема; 3) пришлось оставить мою работу в 25 печ. листов (3-я часть “Химического состава организмов”), которая лежит без движения. Сплошной обман...»¹¹

Вернадский придавал этой работе Виноградова исключительное значение. 3 октября 1942 г. Владимир Иванович пишет письмо категоричного характера в Издательство АН СССР: «Я считаю, что если должны быть сделаны сокращения в “Трудах Биогеохимической лаборатории”, два тома которых сданы в печать, они не должны касаться статьи А.П. Виноградова, так как это – сводка, единственная сводка в этой области, которой все будут пользоваться в той реконструкции

ценностей, в которой нам всем придется работать после изгнания немцев. Эта статья должна пойти без всяких сокращений. Было бы удобно, чтобы она была в одном томе. В. Вернадский»¹².

Кроме издательской деятельности, Александр Павлович редактировал Труды Всесоюзной конференции по аналитической химии, проходившей в Москве в конце 1939 г.: Т. 2, 1943, 631 с. (совместно с Н.С. Курнаковым); Т. 3, 1944, 240 с. (совместно с С.С. Наметкиным); Гидрохимические материалы. Т. 12, 1941, 192 с. (в соавторстве).

Общим итогом деятельности Биогеохимической лаборатории в Казани по тематике Лаборатории явилась защита пяти диссертаций: докторской (З.М. Пинскер) и четырех кандидатских (Е.А. Бойченко, Т.Ф. Боровик-Романова, Э.Е. Вайнштейн, В.М. Ратынский). Виноградов был избран членом-корреспондентом АН СССР, хотя он мог бы уже в 1943 г. быть избранным действительным членом Академии наук: «Я хотел бы Вас выставить в академики по аналитической химии, – писал Вернадский Виноградову еще до выборов 18 апреля 1943 г., – и очень прошу дать мне материал для представления Вас в академики. Если можно, пришлите мне в связи с этим ваш Curriculum vitae, сделав упор на аналитическую и неорганическую химию, рассматривая геохимию как ее часть. Я не видел изданий съезда по аналитической химии. Пришлите что-нибудь, чтобы с этим ознакомиться. Вы ведь были фактически председателем»¹³. Но случайное стечение обстоятельств обернулось для Виноградова досадным недоразумением. Он смог прочесть письмо Вернадского только, когда вернулся из Москвы, где находился в командировке по оборонным делам Лаборатории, и выслал требуемые материалы с опозданием. «Писали и телеграфировали Вам все время в Москву, думая, что Вы там, – писал Владимир Иванович Александру Павловичу 21 мая 1943 г. – Сейчас пишу и в Казань, и в Москву. Очень хотелось бы, чтобы Вы держали меня в курсе, куда Вам писать. Вы мне ничего не написали о Вашем представлении в академики, и, не имея от Вас ничего, я послал телеграфное подтверждение в Президиум, что я поддерживаю представление о Вас Отделения в члены-корреспонденты по химическому отделению»¹⁴. Так случай изменил закономерный результат выборов 18 апреля 1943 г. Виноградов был избран членом-корреспондентом, хотя уже тогда мог бы стать академиком.

С момента начала войны Виноградов стал фактическим руководителем Биогеохимической лаборатории. По поводу руководства Виноградовым Лабораторией Вернадский писал 7 июля в Казань: «Мне кажется, мне нужно подать просьбу о том, чтобы Вы были директором Биогел не только фактическим, но и юридическим. Я заканчиваю свою научную жизнь – перед Вами широкая дорога»¹⁵. И как руководитель Лаборатории, Александр Павлович не мог не думать о перспективах ее научного развития. 18 ноября 1942 г. он пишет

в Боровое: «Я как-то Вам писал, что три вопроса, три задачи невольно у нас в Лаборатории являются вновь главными, как мне представляется. Их решение может быть найдено лучшим образом только у нас. Это, во-первых, изучение закона распределения редких и рассеянных химических элементов в биосфере (в том числе и в осадочных породах). У нас есть люди, умеющие и знающие в этом направлении. Они сохранились сейчас. Есть методы. Их можно и нужно усилить. Это я делаю. Второе направление – геохимия изотопов. Сейчас веду переписку со Скарре о переходе его к нам на работу по масс-спектрологии. Начнем (вновь) в Казани, а затем в Москву. Наконец, вырисовывается и третье направление – назвать его я не мог односложно. Это использование, если можно так сказать, атомных параметров в геохимии осадочных процессов – выветривания т.д. Подойти к этим процессам с энергетической точки зрения, используя весь арсенал физических и химических знаний о связях в кристаллической решетке твердого тела. Это то, куда выходит современная геохимия (или ограниченно – кристаллохимия). Мне кажется, мы должны (и можем) проверить это направление (для осадочных процессов) – точное. Без него мы не сможем создать ни теорию рассеяния химических элементов, ни теорию распределения изотопов в земной коре»¹⁶.

В дальнейшем эти научные направления, изложенные Виноградовым в письме Вернадскому как направления перспективного развития Биогеохимической лаборатории, станут основополагающими в научной платформе Института геохимических проблем, о создании которого на базе БИОГЕЛ ученые примут совместное решение в марте 1943 г. во время приезда Александра Павловича в Боровое. Александр Павлович давно собирался навестить Владимира Ивановича в Боровом, но масса неотложных и организационных дел, текущие дела, командировки в Москву по оборонной тематике Лаборатории и т.д., лишали его этой возможности. Кроме того, Вернадский очень хотел произвести радиоактивное исследование Борового, так как считал, что там можно ожидать концентрации эманаций, и просил Виноградова организовать эту работу. Но в марте 1943 г. поездка в Боровое для Александра Павловича стала абсолютно неотложной из-за печального известия от Вернадского: «Скончалась Наташа Меняю жизнь Приезжайте командировку решить привет Лаборатории»¹⁷. Подробности Владимир Иванович сообщил письмом:

«Дорогой Александр Павлович! Меня постигло огромное несчастье. Вы меня поймете и меня пожалеете, т.к. Вы и дорогая Хр. Густавовна перенесли большое горе и не сломались. В ночь со 2-ого на 3-е февраля скончалась Наталья Егоровна без больших страданий. Заболела 1-ого февраля, я понял возможность рокового конца за несколько часов до смерти. Отек легких и завороток кишок. Лечили Певзнер и Слиозберг. Это ломает всю мою жизнь.

Биогеохимическая лаборатория АН СССР

Слева направо. Верхний ряд, стоят: З.Г. Пинскер, Д.П. Малога, Э.Е. Вайнштейн, А.Л. Дробков; 2-й ряд: Б.И. Цветков, В.В. Данилова, В.М. Рагынский, С.М. Манская, А.К. Лаврухина, (?), М.П. Белая, Е.Г. Лapidус, Т.Ф. Боровик-Романова, Г.Г. Бергман, С.В. Одинцова, М.А. Драгомирова, А.П. Троицкая; сидят: Е.А. Бойченко, Р.В. Тейс, Д.И. Рябчиков, Х.Г. Виноградова-Томашевская, А.П. Виноградов, В.И. Вернадский, С.А. Боровик, В.И. Баранов, И.Д. Борнеман-Старынкевич, А.Д. Шаховская. Нижний ряд: (?), П.Н. Палей, С.В. Ренц, К.Г. Кунашева, С.И. Сняжкова, Г.Г. Цейтлин, Ш.Е. Каминская, Е.Б. Евдокимова, А.И. Софинская, Е.И. Донцова. Москва. Фотография сделана в день рождения В.И. Вернадского 12 марта 1944 г. в его домашнем кабинете

Я пережил в последнее время много смертей дорогих и близких мне людей, но то, что я переживаю теперь несравнимо...

Я, кажется, писал Вам, что готовлю записку Комарову об этом, учитывая необходимость быстрой реконструкции разрушенных ценностей, произведенных варварским нашествием. Мы должны получить научную аппаратуру только в Америке и это должно быть поставлено Правительством наравне с оборонными целями. Я пишу об этом Молотову и Комарову. Мне кажется, это должно быть устроено в виде делегации Академии при Литвинове.

Я бы очень хотел, если возможно, чтобы вы приехали на несколько дней сюда, для того, чтобы помочь составить записку и обсудить дело.

Нужно, чтобы у Вас была командировка для питания, а поместиться Вы сможете у меня в комнате.

Сердечный привет Хр. Густ. и всей Лаборатории»¹⁸.

Приезд Виноградова в Боровое имел историческое значение для дальнейшего развития Биогеохимической лаборатории АН СССР,

переименованной в Лабораторию геохимических проблем им. В.И. Вернадского в связи с 80-летием ученого (12.03.1943). Встретившись, Виноградов и Вернадский совместно приняли решение о реорганизации Биогеохимической лаборатории в Институт геохимических проблем, о чем свидетельствует письмо Владимира Ивановича в Казань коллективу Биогеохимической лаборатории от 16 марта 1943 г.

«Обращаюсь к дороговому для меня коллективу. Уже второй год, как я оторван от дорогой мне лаборатории и отдела, с которым связана вся моя жизнь. Сердечно тронут проявлением участия в пережитом мной горе и приветствиями по поводу моего восьмидесятилетия. Был очень рад видеть Александра Павловича, и он мне рассказал о проектах будущего и о положении в данный момент нашей лаборатории. Очень рад, что его представления нашего будущего встретились с моими, и мы с ним сговорились, продумывая без связи друг с другом, о той новой форме, которую должна принять наша работа.

Биогеохимическая лаборатория должна получить широкую базу как Институт геохимических проблем...»¹⁹

По договоренности с Виноградовым Вернадский пишет письмо в Президиум Академии наук, в котором ставит вопрос о реорганизации Биогеохимической лаборатории в Институт. Но в то время реорганизация осуществлена не была. Претворить совместное решение о создании Института (Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского) на базе Биогеохимической лаборатории АН СССР удалось Виноградову только в 1947 г., уже после смерти Вернадского, благодаря его личному участию и участию Лаборатории в работах Советского атомного проекта по созданию атомной промышленности и атомного оружия.

Осенью 1943 г., когда линия фронта была удалена от Москвы на значительное расстояние, началась эвакуация учреждений Академии наук в Москву. Лаборатория вернулась в Москву в первой половине сентября. Чуть раньше вернулся из Борового и Владимир Иванович.

Пройдя под руководством Виноградова через тяжелые испытания в военные годы, Лаборатория достойно встретила победу советского народа в самой жестокой и кровопролитной войне. Многие сотрудники Лаборатории были награждены орденами и медалями. Александр Павлович был дважды удостоен Ордена трудового Красного Знамени (1944, 1946). К сожалению, действительность полна примеров исторической несправедливости. В 1990 г. в стране праздновалась 45 годовщина победы СССР в Великой Отечественной войне. В Казани проводились большие торжества по поводу этого события с участием Президиума АН СССР. К этой дате было приурочено открытие мемориальной доски на здании Казанского университета в память об институтах АН СССР, проработавших здесь в годы войны. В торжественной обстановке было сброшено покрывало, но Биогеохимическая лаборатория АН СССР не была на ней увековечена.

Примечания

¹ Письмо В.И. Вернадского в Президиум АН СССР от 16 июля 1941 г. // Архив РАН (АРАН). Ф. 566. Оп. 1 (1941). Д. 99. Л. 121.

² Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. М., 1995. Отв. Редактор д.г. м.н. А.А. Ярошевский, составитель и автор комментариев Л.Д. Виноградова. № 254. С. 247.

³ Там же. № 256. С. 250.

⁴ *Бойченко Е.А., Донцова Е.И., Ратынский В.М., Флоренская З.С.* Биогеохимическая лаборатория в годы войны // Геологи Академии наук СССР в годы Великой отечественной войны на трудовом фронте. Очерки по истории геологических знаний. С. 142–150.

⁵ Переписка Н.Е. Вернадской и Х.Г. Виноградовой. Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия В.И. Вернадского. М., 2001, № 15. Отв. Редактор д.ф.н. Ф.Т. Яншина. Составитель и автор предисловия и комментариев Л.Д. Виноградова. С. 40, 42, 46, 47.

⁶ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч., комментарий № 1 к письму № 289. С. 280.

⁷ Там же. № 289. С. 280.

⁸ *Бойченко Е.А., Донцова Е.И., Ратынский В.М., Флоренская З.С.* Указ соч. С. 145.

⁹ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 310. С. 296.

¹⁰ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 352 и примечание 1 к нему. С. 339.

¹¹ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 315. С. 302.

¹² Письмо В.И. Вернадского в Издательство АН СССР // АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 52. С.78.

¹³ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 337. С. 327.

¹⁴ Там же. № 341. С. 331.

¹⁵ Там же. № 306. С. 292.

¹⁶ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 324. С. 310.

¹⁷ Там же. № 330. С. 319.

¹⁸ Переписка В.И. Вернадского и А.П. Виноградова. Указ. соч. № 331. С. 320.

¹⁹ Там же. № 336. С. 325 и примечание 5 к нему.

Л.Д. Виноградова

НАУЧНЫЙ ФУНДАМЕНТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ: УЧЕННЫЕ – ФРОНТУ

Война, без преувеличения, выдвинула перед каждым жителем великой страны суровые требования: жизнь или смерть. И самоотдача народных мстителей не знала границ – героями стали и воин, и труженик полей, и рабочий, и даже дети. На передовых рубежах были и ученые Академии наук.

Перед учеными была поставлена сложнейшая задача – в кратчайшие сроки обеспечить нужды фронта не только в современном вооружении, но и в качественном сырье, питании, медицинских средствах и средствах защиты.

Собственно говоря, эти задачи перед Академией стояли с самых ее истоков. Справедливости ради уместно напомнить, что одним из главных побудительных мотивов создания Академии наук была забота о безопасности страны, укреплении ее обороноспособности, стремление иметь армию и флот, развивающиеся на прочном фундаменте науки и техники. По словам современников, Петр I понимал, что «кораблей построить и безопасно пустить в море без вспоможения наук невозможно». Действительно, Академия была учреждена Петром I практически одновременно с созданием отечественного регулярного военно-морского флота, что определило выраженную военную, прежде всего военно-морскую, направленность тематики исследований Академии наук с первых лет ее деятельности.

И сегодня можно с уверенностью сказать, труд ученых явился предопределяющим фактором создания условий по сдерживанию вражеских дивизий, а в дальнейшем и в переходе в наступление, завершившемся полной Победой. Были созданы новейшие образцы ракетного и авиационного вооружения, налажено производство не имеющих аналогов по величине взрывной силы взрывчатых веществ и топлива для уникальных реактивных снарядов системы «Катюша», разработаны высококачественные топлива и материалы для обеспечения производства танковой и авиационной техники, создан целый ряд лекарственных препаратов и многое другое.

Научный фронт Великой Победы

Выдающийся вклад Академии наук в Великую Победу был во многом predetermined состоянием Академии накануне вторжения войск фашистской Германии и ее союзников в пределы нашей страны.

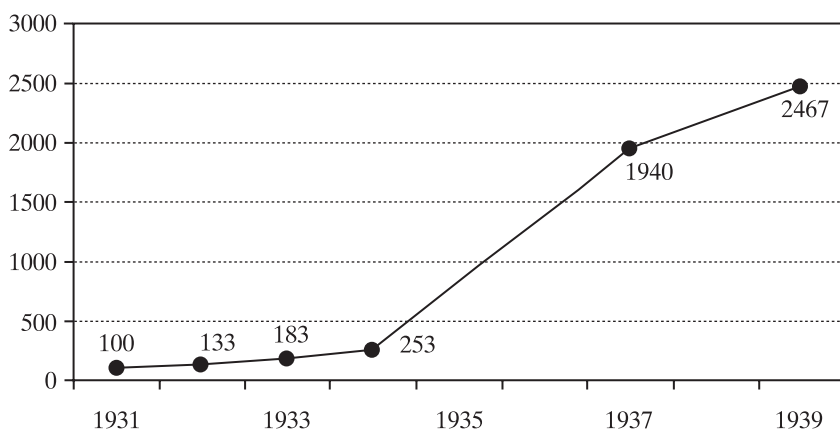
Ключевая роль Академии в наращивании научно-технического и промышленного потенциала СССР в довоенные годы обеспечивалась целенаправленной и, как мы теперь понимаем, дальновидной государственной научной политикой. Государство систематически увеличивало финансирование фундаментальных и прикладных исследований, способствовало наращиванию кадрового состава Академии наук, развитию структуры и новых форм организации академических научных учреждений. В период с 1931 по 1939 год финансирование АН СССР увеличилось почти в 25 раз (см. график).

К началу Великой Отечественной войны в АН СССР было 123 организации, в которых работали около 5 тыс. научных и научно-технических сотрудников.

Значительное развитие получили комплексные исследования естественных природных ресурсов страны. Учеными Академии успешно решались проблемы эффективного использования результатов этих исследований для социально-экономического и научно-технического прогресса СССР.

Все это имело решающее значение для скорейшего перевода деятельности Академии на военные рельсы. И, безусловно, огромную роль сыграл довольно большой задел фундаментальных и прикладных разработок, который наша наука сумела накопить к этому времени.

Так, например, довоенные теоретические разработки ученых Ленинградского физико-технического института были положены в основу создания новейших военно-технических средств, нашедших

Финансирование АН СССР в довоенные годы (1931 г. – 100%)

боевое применение с первых дней войны. Радиолокационные станции обнаружения самолетов встали на боевое дежурство уже 22 июня 1941 г.

Разработанные советскими физиками методы и технические средства компенсации магнитных полей кораблей и судов полностью парализовали массовое применение секретного новейшего оружия Германии – сбрасываемых с самолетов морских мин с электромагнитными взрывателями. Здесь необходимо отметить основополагающую роль в этих разработках будущего президента АН СССР А.П. Александрова (см. фото).

23 июня 1941 года, на следующий день после начала войны, проблемы перестройки и организации научных исследований в военных условиях были обсуждены на внеочередном заседании Президиума АН СССР, на котором, говоря словами академика А.Н. Фрумкина, принято решение, что «не может быть и речи о науке для науки, о науке, которая остается нейтральной. Чтобы люди могли дышать и мыслить, сейчас нужно решить только одну задачу – уничтожить фашизм».

Сроки для перестройки самих научных учреждений и Академии в целом, для изменения тематики и организационных форм работы были даже не жесткими, а с точки зрения обычных представлений абсолютно ничтожными.

В США такая перестройка растянулась на несколько лет, а в Великобритании мобилизовать науку так и не удалось до конца войны. Академик А.Ф. Иоффе с гордостью говорил на Общем собрании АН СССР, подводя итоги первого года работы советской науки в условиях войны: «...По сравнению с тем, что имеет место за границей, организация науки в Советском Союзе является образцом, о котором еще приходится мечтать в наиболее передовых странах».

В 1942–1943 гг. сотрудники Уральского филиала АН СССР Я.Ш. Шур и С.В. Вонсовский (избранный позже академиком) создали метод и аппаратуру магнитного контроля артиллерийских снарядов (портреты выдающихся ученых, принимавших активное участие в научных разработках для фронта, приведены на с. 66–70).

Один из будущих основателей Сибирского отделения Академии наук С.А. Христианович во время войны решил со своими сотрудниками важнейшую задачу совершенствования реактивных снарядов знаменитых «катюш». Их основным недостатком в первые годы войны было значительное рассеивание. Под руководством С.А. Христиановича удалось путем небольшой доработки снаряда добиться его вращения в полете и, как следствие, увеличения кучности. После проведенной доработки при залпе по намеченной цели на один гектар земли попадало до 30 снарядов (вместо 4–5). За это кардинальное

**Руководитель и участники разработки
по размагничиванию кораблей**

А.П. Александров

В.М. Тучкевич

*И.В. Курчатов, Ю.С. Лазуркин, А.Р. Регель (справа налево)
в г. Потти в период работ по размагничиванию (1941 г.)*

решение проблемы С.А. Христианович был удостоен сталинской премии и награжден орденом Ленина. В возрасте 35 лет его избрали в академики.

Ученые Энергетического института разработали метод повышения производительности коксохимических заводов. Это дало возможность значительно увеличить выпуск остродефицитных взрывчатых веществ.

Группа ученых и инженеров под руководством академика Н.Т. Гудцова, участвовала в разработке технологии производства подкалиберных снарядов, вдвое увеличивших бронепробиваемость противотанковых орудий. Он же обосновал возможность применения в танкостроении менее дефицитных низколегированных сталей, что способствовало организации поточного производства танков.

М.А. Лаврентьев с самого начала войны начал заниматься решением проблем, относящихся к артиллерии и военно-инженерному делу. Самым крупным его результатом в этой области стала новая гидродинамическая теория кумуляции и расшифровка действия кумулятивных снарядов. Это позволило создавать высокоэффективные средства борьбы с бронетехникой. О важности этой работы говорит тот факт, что немецкие конструкторы вынуждены были увеличить толщину лобовой брони у танков с 6 до 20 сантиметров. Это в значительной мере снизило скорость и маневренность боевых машин. Исследования М.А. Лаврентьева оказали огромное влияние на тактику использования наших танков, их конструкцию и изготовление.

Использование созданного членом-корреспондентом А.А. Бочваром (избранного позже академиком) нового легкого сплава – цинковистого силумина – для крупносерийного производства авиационных и танковых моторов значительно повысило их технические характеристики. Применение двигателей с корпусами из силумина стало одним из новшеств, определивших превосходство советской танковой техники.

Значительный рост выпуска танков был обеспечен разработкой новых технологических процессов на основе применения электрической сварки металлов и закалки изделий токами высокой частоты. В создании и освоении этих технологий активно участвовали член-корреспондент В.П. Вологдин и ряд других сотрудников АН СССР.

Разработка новых методов и технических средств электросварки коллективами ученых и инженеров, руководимыми академиками Е.О. Патонем и П.В. Никитиным, привела к технологической революции в производстве танковых корпусов, машин и конструкций.

Практически на всех заводах металлургической, авиационной и танковой промышленности широко применялись методы спектрального анализа черных и цветных металлов, разработанные членом-корреспондентом Г.С. Ландсбергом, аппаратура гамма-дефектоскопии, созданная учеными Радиевого института АН.

При активном участии ученых Академии были открыты и освоены месторождения нефти в Поволжье и Предуралье, мощнейшие месторождения золота, платины и алмазов в Сибири.

Работавший в тресте «Восток-нефть» А.А. Трофимук, будущий знаменитый академик-геолог, настаивал на поиске нефти в породах нового типа – трещиноватых, а не пористых, где ее всегда находили ранее. Риск был огромный – каждая пробуренная скважина, не давшая нефти, была бы бессмысленной тратой сил и средств – и это в военное время! Научный прогноз Трофимука блестяще оправдался – вблизи башкирской деревни Кинзебулатово в 1943 г. из очередной скважины ударил мощный фонтан нефти. Это месторождение давало до 6 тыс. т нефти в сутки, тогда как прежние скважины – не больше 500 т. С этого нового гигантского месторождения вблизи башкирского города Ишимбая на фронт бесперебойно пошли нефтепродукты. За это 32-летнему А.А. Трофимуку – первому среди геологов страны – было присвоено в 1944 г. звание Героя Социалистического Труда.

Практически неопценимыми являются результаты исследований советских ученых-медиков. Только в действующей армии в годы войны работали 4 академика АН СССР, 60 членов Академии медицинских наук СССР (учрежденной в 1944 г.), 275 профессоров, 305 докторов и 1199 кандидатов медицинских наук. Были выработаны принципиально отличающиеся от мирного времени принципы лечения и оказания первой помощи при огнестрельных ранах, наложения повязок и применения новейших лекарств. Научная проработка методов антишоковой терапии, лечения огнестрельных ранений жизненно важных органов, черепно-мозговых травм и травм грудной клетки и конечностей явилась одним из основополагающих условий сокращения сроков лечения и возвращения на фронт.

Артиллерийские кононады не заглушили научную мысль

Война стала для Академии наук самым серьезным испытанием ее способности не только сосредоточить силы на решении самой важной задачи – обеспечение нужд фронта, но и не допустить прекращения (даже временного) проведения фундаментальных исследований в интересах развития мирных направлений самого высокого уровня.

В их важности и необходимости продолжения в любых условиях никто не сомневался – ни сами ученые, ни те, кто возглавлял Академию, ни руководители страны.

Так, в 1941–1944 гг. Л.Д. Ландау разработал основы теории квантовой жидкости (Нобелевская премия, 1962 г.). Были получены новые результаты в области теории вероятностей, ядерной физики, аэродинамики и гидродинамики.

Выдающиеся ученые в годы войны

С.В. Вонсовский

Я.Ш. Шур

С.А. Христианович

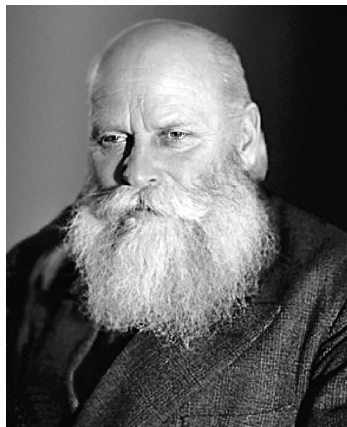
Н.Т. Гудцов

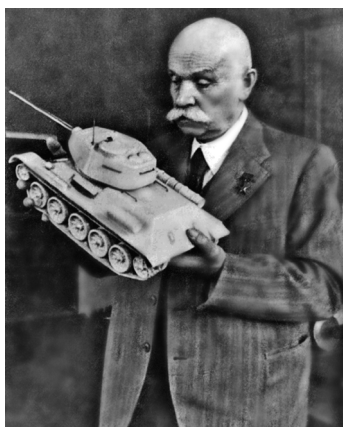
М.А. Лаврентьев

А.А. Бочвар

В.П. Вологдин

Е.О. Патон

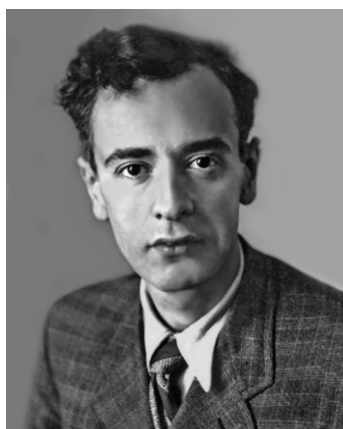
П.В. Никитин

Г.С. Ландсберг

А.А. Трофимук

Л.Д. Ландау

В.И. Векслер

Е.К. Завойский

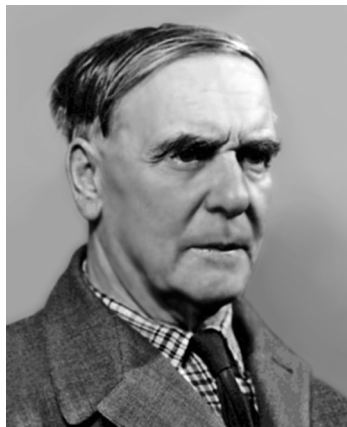
Г.Н. Флеров

И.В. Курчатов

*В.И. Вернадский
(слева)
и А.Е. Ферсман*

П.Л. Капица

Н.Н. Семенов

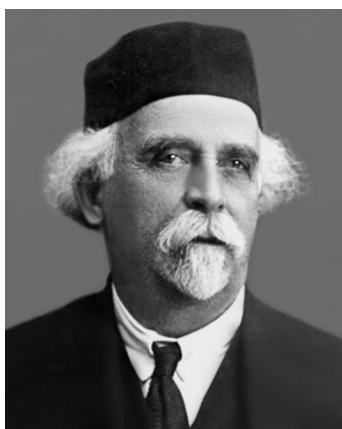
С.Л. Соболев

А.И. Алиханов

С.А. Христианович

Н.Д. Зелинский

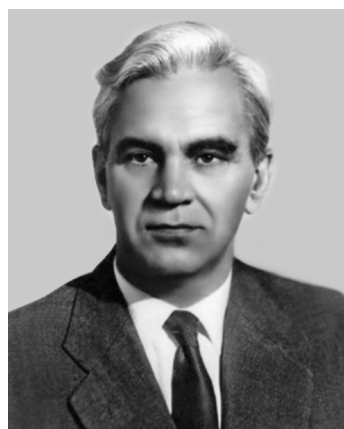
А.А. Баландин

Б.А. Казанский

С.С. Наметкин

М.В. Келдыш

В.А. Фок

А.Н. Колмогоров

В эти годы один из крупнейших физиков XX века П.Л. Капица разработал метод получения и создал турбинную установку для промышленного производства жидкого кислорода.

В 1944–1945 гг. В.И. Векслер разработал новый принцип ускорения частиц (принцип автофазировки), а Е.К. Завойский заложил основы новой области физики – магнитной радиоспектроскопии.

В годы войны великий русский ученый академик Владимир Иванович Вернадский разработал основы фундаментального учения о ноосфере и ноосферогенезе.

«Есть вещи, которые нельзя откладывать. И к таким неотложным вещам относится научная мысль. Она должна работать тогда, когда она возникает, и осуществление должна находить тогда, когда она созрела, потому что нельзя угадать сегодня, к каким результатам эта мысль приведет автора», – заметил академик Л.А. Орбэли в докладе на Общем собрании Академии в 1942 г.

Не лишним будет напомнить, что в это время в гитлеровской Германии было решено прекратить финансирование любых научных и технических исследований, которые не сулили отдачи в течение шести месяцев.

Об успехах советской науки в военные годы свидетельствуют работы ученых в области изучения атомного ядра. Известно, что Г.Н. Флеров обратился к И.В. Сталину с обоснованными доводами о немедленном развитии работ по освоению атомной энергии. Он уже тогда был известен как автор открытия нового типа радиоактивности – спонтанного деления урана.

Летом 1943 г. в Академии наук была создана специальная лаборатория, которой руководил академик И.В. Курчатов. Ее сотрудники, многие из которых (в том числе и Флеров) были отозваны с фронтов Великой Отечественной войны, внесли большой вклад в создание отечественного ядерного и водородного оружия.

Академики П.Л. Капица, Н.Н. Семенов, С.Л. Соболев, членкоры А.И. Алиханов и С.А. Христианович (позже избранные академиками) активно участвовали в работе Физической комиссии, организованной при Уполномоченном по науке Государственного комитета обороны.

Теоретические и экспериментальные исследования академиков Н.Д. Зелинского, А.А. Баландина, Б.А. Казанского, С.С. Наметкина привели к созданию новых горюче-смазочных материалов, повысивших боевую готовность военной техники.

Ученые АН СССР выполнили ряд фундаментальных исследований, обеспечивших успешное развитие авиационной техники не только в 1941–1945 гг., но и в последующие годы. Академик М.В. Келдыш и группа ученых обосновали математическую теорию вибрации, сделавшую возможной предупреждение флаттера. Достижения теоретиков позволили к концу 1943 г. повысить скорость советских истребителей

Участники
Юбилейной
сессии

Прием
у президента АН СССР

на 100 км/час. Немецким ученым и конструкторам так и не удалось решить эту проблему.

Академики В.А. Фок, Л.Д. Ландау, А.Н. Колмогоров разработали эффективные методы расчета данных для артиллерийской стрельбы и приняли участие в расчете таблиц, применявшихся при управлении артиллерийским огнем.

И еще об одной стороне деятельности Академии нельзя умолчать, вспоминая ее работу в годы войны. В это время АН СССР превращается в один из важнейших центров культурной жизни страны. Утверждение исторических ценностей мировой науки и культуры, демонстрация богатых культурных и научных традиций наших народов – все это в годы войны превращалось в мощное оружие борьбы с фашизмом, разоблачения его антинаучных концепций и националистической расистской демагогии.

Важные задачи в этих условиях встали перед советскими историками. «Никогда еще потребность в осмысливании исторических событий не была так велика, как в истекшие два года величайшей в истории освободительной войны. Общественная потребность в знании истории, ее традиций, ее закономерностей за время Великой Отечественной войны возросла в небывалой степени», – отмечала член-корреспондент АН СССР А.М. Панкратова (позже избранная академиком).

Война нанесла огромный, с трудом поддающийся оценке ущерб культуре и науке нашей страны, но не остановила развития Академии наук. Число академических учреждений за годы войны не уменьшилось, а даже возросло. К 1945 г. их было уже 143. Рост шел в основном за счет создания крупных специализированных научно-исследовательских институтов. В феврале 1944 г. Президиум АН создал институты леса, истории искусств и русского языка.

В труднейших условиях военного времени были организованы новые филиалы (Западносибирский, Казанский, Киргизский) и новые научные базы АН СССР (Карело-Финская и Дагестанская). Ряд филиалов АН СССР был преобразован в республиканские академии. Так, в 1943–1945 гг. были созданы академии наук Азербайджанской, Армянской, Казахской и Узбекской союзных республик.

На юбилейной сессии, посвященной 220-летию Академии наук, которая состоялась в июне 1945 г., почти в одно время с Парадом Победы, член американской делегации профессор А. Поуп сказал: «Мы ожидали многого. Действительность превзошла наши ожидания. Мы поражены вашей интеллектуальной жизнеспособностью, быстротой и решимостью, с которой вы залечиваете ужасные разрушения, произведенные войной».

При подготовке главы использована статья *Н.П. Лаверова* «Научный фундамент Великой Победы» / Федеральный справочник. Оборонно-промышленный комплекс России». М.: Центр стратегических программ, 2010, вып. 6. С. 453–464.

ВКЛАД АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

Великая Отечественная война явилась серьезной проверкой творческих сил отечественной науки. До начала войны АН СССР после ее перевода в 1934–1935 гг. из Ленинграда в Москву изменила свою структуру. В 1938 г. вместо трех Отделений (математических и естественных наук, технических наук, общественных наук) были образованы восемь Отделений: 1) физико-математических наук, 2) химических наук, 3) геолого-географических наук, 4) биологических наук, 5) технических наук, 6) экономики и права, 7) истории и философии и 8) литературы и языка. Перевод Академии в Москву способствовал установлению АН СССР непосредственных контактов с промышленными наркоматами и Госпланом и превращению ее в подлинный передовой центр науки. Переезд Академии в столицу СССР имел двойные последствия: с одной стороны, возрос ее авторитет, с другой – повысилась ответственность за общее состояние науки в стране. В новых условиях АН СССР становится средоточием не только фундаментальных исследований, но и прикладных наук, что отвечало задаче, поставленной в новом Уставе (1935 года).

К началу войны Академия завершила пересмотр сети академических учреждений, имевшего своей целью создания таких форм научной работы, которые наиболее полно отвечали бы новым требованиям. Были сокращены учреждения, не соответствующие задачам АН СССР и объединены близкие по своей тематике. Все проведенные организационные мероприятия были направлены на максимальное использование научного потенциала страны в интересах ее народного хозяйства.

В этот период во много раз увеличилась потребность в научных кадрах. Коренным образом изменился состав Академии. Общая численность сотрудников Академии с 1917 по 1941 г. возросла в 50 раз (с 270 до 16 335 человек). В 1940 г. в Академии работало 402 доктора и 1271 кандидат наук. 28 октября 1939 г. Общее собрание АН СССР избрало 56 действительных членов (академиков) и 102 члена-корреспондента АН СССР. Новое пополнение значительно омолодило состав Академии. Из 56 ученых, избранных академиками, 6 человек не достигли 40 лет, на 102, избранных членами-корреспондентами, моложе 40 лет было 25 человек. В этот период руководство страны проявляло огромную заботу о развитии отечественной науки. Если в первой пятилетке на содержание работников Академии тратилось 9 432 тыс. руб., то во вторую

пятилетку – 63 765 тыс. руб. (увеличение на 676%). Ассигнования на научное оборудование увеличились с 849 тыс. руб. до 20 147 тыс. руб. АН СССР к началу войны стала крупнейшим учреждением мира.

Начавшаяся война явилась трудным экзаменом для отечественной науки. Почти все сотрудники учреждений Академии наук от 18 до 50 лет подали заявления о вступлении в ряды народного ополчения. Ученые, оставшиеся в тылу, прилагали все силы для успешного решения оборонных задач, понимая, что работа по переводу в небывало короткие сроки Академии на военное время не менее значима, чем подвиг армии и флота на полях сражений.

К началу Великой Отечественной войны Академия наук располагала мощной научной базой, разветвленная сеть ее исследовательских учреждений насчитывала 47 институтов и 76 самостоятельных лабораторий, станций, советов, обществ, обсерваторий и других научных учреждений. В ее стенах трудились 123 академика, 182 члена-корреспондента и 4700 научных и научно-технических сотрудников. Деятельное участие в разработке актуальных проблем в области промышленности и сельского хозяйства, высокий уровень теоретических исследований, тесная связь, установившаяся у Академии наук с планируемыми учреждениями страны и промышленными предприятиями, подготовили ее к решению сложных задач военного времени. Еще в предвоенные годы Академия участвовала в создании вооружения для Красной Армии и Военно-Морского Флота. В ее учреждениях по заданиям наркоматов обороны и военно-морского флота разрабатывалось около 200 тем, которые охватывали важнейшие направления науки и техники. С началом войны потребность в научных военных исследованиях прикладного характера резко возросла. Важно было, не теряя времени, перестроить работу Академии на военный лад.

Большую роль в этой перестройке сыграло, как уже отмечалось, собравшееся 23 июня 1941 г., на следующий день после начала войны, внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР. В нем приняли участие более 60 ведущих ученых страны, в том числе академики В.Л. Комаров, Г.М. Кржижановский, П.Л. Капица, И.П. Бардин, О.Ю. Шмидт и др. Решения, принятые на этом заседании, положили начало перестройке работы научных учреждений Академии наук для нужд обороны. Академические учреждения получили задание немедленно пересмотреть направления работ, направить все силы и средства по переводу институтов на военную тематику. Процесс перестройки осложнялся начавшейся эвакуацией.

Для того чтобы развернуть в нужном объеме производство вооружения и промышленного оборудования, требовалась не только производственная, но и научная база, в создании которой решающую роль должны были играть эвакуированные в эти районы учреждения АН СССР.

Первоначально Совет по эвакуации при СНК СССР предполагал вывезти Академию наук в Томск, но затем было решено разместить ее

в Казани. 16 июля 1941 г. состоялось правительственное решение об эвакуации Академии наук. Задача по эвакуации легла на плечи вице-президента Академии наук академика О.Ю. Шмидта, который был назначен уполномоченным Совета по эвакуации Академии.

22 июля из Москвы в Казань выехали первые 11 институтов и лабораторий.

Эвакуация Академии проходила несколькими этапами. В первую очередь были эвакуированы физико-математические, химические и технические учреждения. Они в большинстве своем разместились в Казани и промышленных центрах Урала.

В Казань же были эвакуированы и крупные ленинградские академические учреждения: в конце июля – начале августа из Ленинграда были вывезены такие ведущие институты, как радиевый, физико-технический, химической физики, целиком работавшие на оборону. В августе в Казани разместился руководящий орган Академии наук – ее Президиум. Из Москвы в Казань переехали вице-президенты Академии наук академик О.Ю. Шмидт и академик Е.А. Чудаков.

Осенью 1941 г., в связи с приближением фронта к Москве, состоялось решение правительства об эвакуации всех, еще оставшихся в столице, учреждений Академии. Начался второй этап эвакуации. Он продолжался с 15 октября до конца 1941 г. Учреждения геологического профиля были эвакуированы на Урал, а гуманитарные и биологические – в среднеазиатские республики. Эвакуация Академии наук была приравнена к важнейшим государственным мероприятиям.

25 октября 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР разрешил эвакуировать из Ленинграда 1100 научных сотрудников с семьями.

Наиболее крупным центром сосредоточения академических учреждений стала Казань. Здесь обосновалось 33 научных учреждения, 1884 научных сотрудника, в их числе 39 академиков и 44 члена-корреспондента АН СССР. Размещение физических, химических и технических учреждений Академии в одном городе связало их в единый научный комплекс и дало возможность совместно работать над разрешением оборонных задач.

Другим центром сосредоточения академических учреждений был Урал. В Свердловске собралось 216 научных сотрудников, 17 академиков и 8 членов-корреспондентов АН СССР. Впоследствии число академиков и членов-корреспондентов на Урале увеличилось до 35 человек. Здесь же находился президент Академии наук академик В.Л. Комаров.

Третьим местом размещения академических учреждений стала Средняя Азия. Во Фрунзе расположились биологические учреждения. Там находилось 5 институтов, 235 сотрудников, 2 академика и 4 члена-корреспондента АН СССР. Концентрация биологических институтов в Средней Азии давала возможность сосредоточить усилия ученых-биологов на разработке вопросов растениеводства и животноводства и тем самым оказать помощь сельскому хозяйству этих республик. В городах Средней

Азии были размещены гуманитарные учреждения Академии наук СССР. Часть сотрудников, в том числе 10 академиков и 34 члена-корреспондента АН СССР, оставалась в Москве и Ленинграде.

Война сдвинула со своих мест 35 научных учреждений Академии наук СССР. Переместилось на новые места около 4000 научных сотрудников, в том числе 100 академиков и 128 членов-корреспондентов АН СССР. К началу 1942 г. учреждения Академии были размещены в 45 пунктах страны.

Постановлением Общего собрания Президиум из Казани был переведен в Свердловск, где находился президент Академии наук академик В.Л. Комаров. Руководство казанской группой институтов Академии наук осуществлялось вице-президентами Академии академиком А.Ф. Иоффе и академиком Л.А. Орбели.

Для руководства учреждениями Академии наук в Киргизской, Казахской и Узбекской ССР Президиумом АН СССР были назначены уполномоченные.

Основными центрами научно-исследовательской работы, как и до войны, оставались институты Академии наук, занимавшиеся разработкой проблем в определенных отраслях науки. Но для осуществления многих заданий военных ведомств и промышленности требовались совместные усилия ученых многих отраслей.

Удачным решением связи ученых с военными организациями было создание в Академии ряда оборонных комиссий, занимавшихся использованием научных достижений в интересах Красной Армии и Военно-Морского Флота. 3 апреля 1942 г. Президиум АН СССР организовал Комиссию по научно-техническим военно-морским вопросам. Инициатором ее организации и председателем был академик А.Ф. Иоффе, ученым секретарем академик И.В. Курчатов. Комиссия объединяла работников науки и флота. В ее состав входили такие видные ученые, как академик А.Н. Крылов и академик В.Л. Поздюнин, профессора А.П. Александров и Е.А. Калашников. Предложения ученых, улучшавшие боевое оснащение флота, сразу же внедрялись в боевую практику.

Геолого-географическим обслуживанием армии оперативно руководила специальная комиссия при Отделении геолого-географических наук, председателем которой был академик А.Е. Ферсман.

Плодотворной была деятельность Военно-санитарной комиссии при Президиуме АН СССР. Она была создана 17 июня 1942 г. Комиссия объединяла многие академические учреждения и была связана с Главным санитарным управлением Красной армии, Медико-санитарным управлением Военно-Морского Флота и Наркомздравом СССР. Председателем комиссии был вице-президент Академии наук СССР академик Л.А. Орбели.

В Ленинграде в областном и городском исполнительных комитетах Советов депутатов трудящихся, при участии штабов Ленинградского военного округа и Северо-Западного фронта была организована и ра-

ботала комиссия, созданная для руководства строительством оборонительных сооружений. Она занималась решением научно-технических вопросов и обеспечивала быструю реализацию поступавших предложений через конструкторские бюро и заводы.

Комиссию по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны возглавил академик В.Л. Комаров. Организация Комиссии по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны была сразу же одобрена Правительством. Научный коллектив Академии наук, находившийся на Урале, стал основным ядром комиссии. После войны многие ученые остались на Урале и составили костяк будущего регионального Уральского отделения Академии наук. К сентябрю 1941 г. на Урале скопились значительные научные силы. Здесь было сосредоточено большое число научных учреждений. Все это надежно гарантировало успешное развертывание работ по использованию богатств Урала.

Комиссия начала свою деятельность с анализа состояния важнейших отраслей народного хозяйства Урала и разработала план мобилизации оборудования, сырьевых и людских ресурсов на нужды обороны, осуществление которого позволило бы компенсировать большие потери производственных мощностей западных районов страны. В апреле 1942 г. деятельность Комиссии распространилась на Западную Сибирь и Казахстан, она стала называться Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны страны.

По примеру ученых Академии, работавших на Урале, в другом центре концентрации академических учреждений – в Казани – в июне 1942 г. образовалась Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны.

Особенно большое значение имели работы Комиссии по мобилизации на нужды промышленности нефтяных ресурсов – «Второго Баку». Ученые выявили в Поволжье месторождения строительных материалов, химического сырья, энергетические ресурсы и установили их промышленное значение для хозяйства этого района и всей страны.

Война требовала широкого использования научных достижений в промышленном производстве, в совершенствовании вооружения и научной помощи Армии и Военно-Морскому Флоту. В научно-исследовательских учреждениях Академии наук ученые работали над созданием новых, более совершенных средств нападения и защиты, разрабатывали новые виды боеприпасов, топлива, вели геолого-географическое обслуживание фронтов. Большое число работ выполнялось непосредственно по заявкам военных организаций. Уже в 1942 г. управлениями Наркомата обороны было выдвинуто для разработки Академией наук 175 оборонных тем (из них она не могла принять только 22 темы). Оборонной тематикой было занято большинство научных сотрудников. Например, в химических учреждениях Академии наук над проблемами, непосредственно связанными со снаряжением армии и флота, работало около 200 сотрудников. Открытия советских

ученых в области аэродинамики, автоматики и механики определили высокий уровень развития авиационной науки.

Основной целью теоретических и экспериментальных исследований в авиации являлось увеличение скорости полета самолетов. Одновременно с этим для скоростных самолетов благодаря использованию научных достижений удалось добиться высоких маневренных качеств и малых посадочных скоростей, произвести необходимые уточнения расчета воздушных винтов, разработать методы аэродинамического расчета и расчета устойчивости самолетов. Советские ученые С.А. Христианович, М.В. Келдыш, П.П. Красильников, Д.В. Халезов, Я.М. Серебрянский, В.Н. Матвеев, Г.П. Свищев, В.С. Пышнов, Б.Т. Горощенко, А.И. Макаров, С.Н. Шишкин, И.В. Остославский, Н.В. Белов и др. своими трудами определили высокие аэродинамические качества наших самолетов.

Используя достижения науки, наши авиаконструкторы смогли заметно увеличить скорости полета самолетов. К концу 1943 г. для истребителей она повысилась на 100 км/час, в то время как немцы смогли лишь незначительно поднять скорость своих истребителей по сравнению с 1941 г. Немецкие «Мессершмитты» имели и лобовое сопротивление на 20% больше, чем у наших машин.

При освоении больших скоростей авиация столкнулась с внезапным разрушением самолетов из-за появления вибраций особого рода (флаттера). Изучение этого явления было поручено группе ученых во главе с М.В. Келдышем. Он разработал математическую теорию флаттера, которая прошла опытную проверку в скоростной аэродинамической трубе ЦАГИ, построенной под руководством академика С.А. Христиановича. Благодаря этому наша авиационная наука, в отличие от немецкой, своевременно обеспечила надежную защиту скоростных самолетов от появления вибрации, и тем самым спасла жизнь многим советским летчикам.

Повышение летных данных самолетов при одновременном усилении брони и вооружения потребовало увеличения мощности двигателей с одновременным снижением их удельного веса и уменьшением относительных размеров. В создании авиационных силовых установок принимали участие сотни ученых и конструкторов – В.Я. Климов, А.А. Микулин, А.Д. Швецов, С.К. Туманский, А.Д. Чаромский и др. Эти работы базировались на основе широкого использования результатов фундаментальных и прикладных исследований, проведенных накануне и в годы войны. Поэтому сравнительно за короткий срок удалось удвоить их мощность и вдвое сократить удельный вес. Всего в период войны было создано 40 новых образцов агрегатов, повысивших боеспособность самолетов путем увеличения надежности обслуживания двигателей, увеличения срока их службы и упрощения управления самолетом.

Благодаря работам В.П. Глушко, С.П. Королева, А.М. Исаева, Ю.А. Победоносцева и других ученых в конце войны были созданы реактивные двигатели для авиации.

Широко поставленная научная работа во всех областях авиационной техники помогала конструкторам в дальнейшем совершенствовании летных и боевых качеств самолетов. На базе последних научно-технических достижений были созданы образцы совершенных боевых машин А.И. Микояна, С.А. Лавочкина, А.С. Яковлева, С.В. Ильюшина, А.Н. Туполева, П.О. Сухого, В.Г. Ермолаева, В.М. Мясищева и др. За время войны в производство было запущено 25 новых и модернизированных типов самолетов. Их появление означало коренное обновление нашей боевой авиации высококачественными истребителями, штурмовиками и бомбардировщиками.

На основе изучения лучших образцов мирового танкостроения и всей совокупности противотанковых средств защиты противника были выработаны основные принципы конструирования советской танковой техники. Найденные учеными зависимости между бронестойкостью, толщиной брони, углом встречи с бронебойным снарядом позволили точно рассчитывать необходимые углы наклона и толщину, производить выбор типа брони для различных узлов и деталей в связи с их расположением и условиями боевой службы, улучшить броневую защиту без изменения веса машины. На основе таких расчетов был сконструирован А.А. Морозовым, М.И. Кошкиным и др. известный танк Т-34, признанный классическим образцом танка. Его легендарную славу разделяли и тяжелые танки КВ и ИС, созданные Ж.Я. Котиним, Н.Л. Духовым и другими конструкторами.

Дальнейшая модернизация танков во время войны шла по пути увеличения их маневренности, проходимости, облегчения управления машиной, усиления ее вооружения. В 1943 г. советское танкостроение сделало новый крупный шаг вперед. Этому способствовала модернизация танка Т-34 за счет повышения огневой мощи и выпуск вместо КВ нового тяжелого танка ИС-1 с более мощным вооружением и броневой защитой.

Такие ученые, как А.Н. Крылов, Н.Ф. Дроздов, П.А. Гельвих, Э.К. Ларман, С.А. Приходько и др., внесли неоценимый вклад в теоретическую разработку вопросов артиллерийской стрельбы, внутренней и внешней баллистики, в проектирование артиллерийских систем. Исследования А.Н. Колмогорова по теории вероятности использовались для решения задач стрельбы по площади и конкретным целям, а также – проблем живучести артиллерийских систем. Практическое применение получили работы А.А. Ильюшина, Л.Ф. Верещагина и других ученых.

Совершенствование артиллерийских систем шло с учетом опыта войны, тенденций в развитии военной техники, характера боевых действий. Это было направлено на изучение таких основных свойств артиллерии, как дальность, скорострельность, кучность боя, маневренность, живучесть и мощность снаряда. Деятельность ученых непосредственным образом воплощалась в образцы орудий. Так, конструктор артиллерийского вооружения доктор технических наук В.Г. Грабин в 1942 г. создал превосходное 76-миллиметровое орудие.

Хорошо зарекомендовали себя на фронтах Великой Отечественной войны и орудия, созданные конструкторами И.И. Ивановым, Ф.Ф. Петровым, а также корабельная артиллерия конструкторов М.Я. Крупчатникова и А.А. Толочкова и др. Новые артиллерийские системы, разработанные в годы войны, имели в 1,2–1,5 раза большую дальность стрельбы, в 2–3 раза увеличилась их скорострельность, в 3–5 раз стала выше скорость передвижения. Они стали более надежными в эксплуатации.

Академик В.П. Никитин совместно с конструкторами спроектировал и изготовил прицел для 37-миллиметровой пушки, что позволило автоматизировать прицеливание и повысило точность стрельбы. В Институте механики член-корреспондент АН СССР Н.Г. Четаев решил сложную математическую задачу по оптимизации крутизны нарезки стволов орудий, что повысило кучность стрельбы. Академик А.Н. Колмогоров дал математическое определение оптимального рассеивания артиллерийских снарядов. В совершенствовании артиллерийского оружия были использованы проводившиеся в Институте органической химии АН СССР в лаборатории профессора Л.Ф. Верещагина работы по сверхвысоким давлениям. Под его руководством была разработана установка, позволявшая на всех артиллерийских заводах производить автофреттаж (упрочение) минометных и орудийных стволов не только малого и среднего, но и крупного калибра, что до этого не удавалось осуществить ни в нашей, ни в зарубежной практике. При новом методе упрочения стволов увеличивались срок службы и дальнобойность орудий, на их изготовление можно было употреблять менее качественные стали. В совершенствовании автоматического оружия использовались труды академиков А.А. Благонравова и Е.А. Чудакова. Более 18 автоматических устройств и станков-автоматов было создано для патронной промышленности в институте АН СССР под руководством профессора, будущего академика В.А. Трапезникова. Только на одном заводе это позволило высвободить 600 человек. В развитие оптического приборостроения внес большой вклад академик С.И. Вавилов.

В совершенствовании образцов реактивной артиллерии вложили свои знания и труд В.А. Артемьев, Ю.А. Победоносцев, И.Т. Клейменов, Н.И. Тихомиров, Б.С. Петропавловский, Г.Э. Лангемак, Я.Б. Зельдович, Ю.Б. Харитон, С.А. Христианович, Н.М. Беляев, В.П. Бармин и другие ученые. При их непосредственном участии были созданы боевые ракеты, специальные пороха, а также пусковые установки. Для научных работ не только использовались существовавшие научно-исследовательские институты, но и были образованы новые научные учреждения.

Ученые Академии наук СССР вложили свои знания и труд в совершенствование покрывшей себя славой в боях за Родину советской реактивной артиллерии, знаменитых «катюш». Уничтожающий огонь советских гвардейских минометов гитлеровцы впервые испытали 14 июля 1941 г. в районе Орши.

Ученые участвовали также в создании новых реактивных снарядов, которые были приняты на вооружение. Предложенные академиком С.А. Христиановичем изменения в конструкции реактивных снарядов обеспечили их проворачивание при движении, что способствовало более точному полету снарядов по намеченной траектории.

В разработку теории взрыва, химию и технологию порохов и взрывчатых веществ значительный вклад внесли труды Н.Н. Семенова, Ю.Б. Харитона, Я.Б. Зельдовича, Н.М. Жаворонкова, К.К. Андреева, Б.Б. Жукова, А.Я. Апина, К.К. Снитко, И.В. Тишунина и др., а работа М.А. Лаврентьева по гидродинамической трактовке явлений кумуляции – в теорию кумулятивного эффекта и т.д. С помощью ученых были разработаны совершенно новые как по конструкции, так и по действию кумулятивные и подкалиберные снаряды.

Созидательная работа ученых для фронта проявилась в разработке радиотехнических средств, в вооружении армии радиолокационными приборами, которые сыграли большую роль в усилении обороны страны. Отечественные радиолокационные станции по обнаружению самолетов противника по простоте устройства и эксплуатации, надежности работы, стоимости изготовления и по времени приведения в рабочее состояние были весьма совершенными. Важнейшим направлением работ в области дальнейшего расширения применения радиолокации в оборонных целях явилось создание станций орудийной наводки, которые давали одновременно направление полета самолета, его скорость и высоту, необходимые для ведения прицельного огня зенитной артиллерии. Была создана также самолетная радиолокационная станция (Гнейс-2).

Применение радиолокации в годы Великой Отечественной войны было настолько актуальным, что в 1943 г. был учрежден специальный Совет по радиолокации для решения всего комплекса проблем, связанных с развитием этой новой научно-технической отрасли.

По заданиям Генерального штаба, главных управлений Наркомата обороны, штабов фронтов в зависимости от характера военных действий и нужд войск при обороне, наступлении, разведке, десантных операциях и т.д. с помощью ученых делались описания местности, составлялись различные геолого-географические карты и справочники. Они характеризовали условия передвижения и проходимости различными боевыми средствами и общевойсковыми соединениями, природные укрытия, условия маскировки, содержали сведения о климате и растительности, инженерных свойствах местности, ее обозреваемости и простреливаемости, об обеспечении водой, кормами, топливом, пищевыми ресурсами, о населенных пунктах, стройматериалах и т.д. По заданию Ленинградского обкома партии сотрудники Физико-технического института под руководством П.П. Кобеко были привлечены к прокладыванию и безопасной эксплуатации Ладожской «трассы жизни» и дали практические рекомендации по обеспечению ее безаварийной работы.

В лаборатории Ю.Б. Кобзарева в Физико-техническом институте АН СССР была создана установка по обнаружению и пеленгованию самолетов. Эта установка, расположенная в Токсово под Ленинградом, утром 22 июня 1941 г. по тревоге переключилась на боевое охранение города от воздушного нападения, затем она вошла в состав 2-го корпуса ПВО Ленинграда.

Задачи обороны Ленинграда решались учеными во фронтовых условиях вместе со штабом и Военным советом Северо-Западного фронта. При Ленсовете для решения научно-технических вопросов противовоздушной обороны работала группа ученых во главе с академиком А.Ф. Иоффе. Среди них были такие крупные специалисты, как А.И. Берг. Ученые активно помогали своими знаниями фронту и осажденному городу. Академик А.А. Байков объединял вокруг себя людей для оказания помощи заводам Ленинграда в разрешении ряда технических вопросов, вставших в связи с войной, в том числе в охране города от зажигательных бомб и т.д.

Член-корреспондент АН СССР Н.М. Беляев по поручению Ленинградского военного округа вел работы по созданию железобетонных оборонительных сооружений и принимал участие в оказании технической помощи при строительстве посадочных площадок.

Исследования выдающегося советского физика академика А.Ф. Иоффе содействовали успешному выполнению многих оборонных заданий. Например, чтобы обеспечить партизанские рации электроэнергией, по его предложению были сконструированы котелки с дном из термоэлементов. В них наливалась вода, и когда они помещались в огонь костра, за счет перепада температур вырабатывался электрический ток. Благодаря этим котелкам отпадала необходимость снабжать отряды народных мстителей электробатареями.

Ученые многое сделали для увеличения боевой мощи Военно-Морского Флота. Одним из ведущих направлений научно-технической помощи флоту была борьба с неконтактными минами противника. Она осуществлялась под руководством А.П. Александрова на Черном, Северном, Балтийском морях и на Волге в дни боевых действий под Сталинградом. Перед командованием флота остро встала проблема борьбы с неконтактными минами и защиты от них кораблей. В этом ученые оказали большую помощь флоту. Еще до войны в лаборатории, руководимой профессором А.П. Александровым, в Физико-техническом институте Академии наук СССР была начата разработка метода защиты кораблей от магнитных мин и торпед. Применение созданного учеными эффективного размагничивающего устройства, состоявшего из специальных обмоток, монтировавшихся на корабле, по которым пропускался электрический ток, предохраняло корабли от действия неконтактных мин и позволяло им беспрепятственно проходить по заминированным местам. Вскоре после начала войны для малых надводных кораблей и подводных лодок был использован и безобмоточный метод

размагничивания кораблей. Разминированием акустических мин противника занимались ученые во главе с Н.Н. Андреевым.

В 1941 г. была принята на вооружение новая парогазовая, а в 1942 г. бесследная электрическая торпеда, в 1943 г. флот получил торпеду с неконтактным взрывателем. Их применение повысило эффективность действия подводных лодок.

Медицинская наука в период войны занималась поисками эффективных методов лечения ран и мерами, не допускающими возникновение и развитие в стране эпидемических заболеваний. С учетом опыта Великой Отечественной войны было пересмотрено учение об огнестрельных проникающих ранениях черепа, достигнуты значительные успехи в развитии и усовершенствовании нейрохирургической помощи, в борьбе с гнойными осложнениями, освоены новые методы оперативного лечения ран легких и операции на сердце.

Клиническая деятельность ученых-медиков помогала быстрому внедрению их исследований в практику, стимулировала развитие новых идей. Так, разработанный А.В. Вишневым новый метод местного обезболивания с помощью новокаиновой блокады нервов широко применялся в действующей армии.

Крупным достижением советской медицинской науки явилось предупреждение серьезных вспышек инфекционных заболеваний как на фронте, так и в тылу. Были получены новые профилактические препараты против возбудителей холеры, брюшного и сыпного тифов, столбняка, дизентерии, чумы и других заболеваний. В 1942 г. З.В. Ермольева впервые в нашей стране выделила культуру плесневого грибка, продуцирующего пенициллин, который занял главенствующее положение в борьбе с гнойно-воспалительными процессами, сепсисом.

Ученые-медики развернули свою деятельность и непосредственно на фронтах. Один из лучших знатоков военно-санитарного дела и военно-полевой хирургии академик Н.Н. Бурденко (генерал-полковник медицинской службы, главный хирург Красной армии) много сделал для улучшения медицинской службы армии. Он часто выезжал на фронт, сам делал наиболее сложные операции. В результате предложенного им метода лечения ранений мозга сульфамидными препаратами смертность среди раненых снизилась с 65 до 25% (а при раннем применении этого метода – до 6–7%). Н.Н. Бурденко вел одновременно большую научно-исследовательскую работу. Он начал применять лечение столбняка сыворотками, работал над проблемами восстановления поражений центральной нервной системы. Полученный на фронтах войны опыт Н.Н. Бурденко использовал в своей книге «Указания по военно-полевой хирургии».

Создание эффективных методов борьбы с различными осложнениями после ранений позволило добиться значительного снижения процента смертности в госпиталях. Благодаря успешному лечению свыше 70% раненых возвращались в строй, в то время как в Первую мировую войну

их число составляло всего 40–50%. Для лечения наиболее опасного осложнения – сепсиса – был найден простой и доступный метод ранней диагностики перехода местного заражения крови в общее.

Период войны характеризовался чрезвычайным многообразием применения научных достижений не только в военно-технической сфере, но и для осуществления обширной программы быстрой мобилизации экономических возможностей страны на нужды обороны. Слаженное военное хозяйство, способное полностью обеспечить оборонное производство, базировалось на достижениях передовой научно-технической мысли.

Связь науки с практикой получила воплощение в осуществлении обширной программы изучения и использования минеральных богатств страны на нужды обороны. Экономика военного времени требовала непрерывного усиления снабжения промышленности сырьем, экономии материалов, создания различных заменителей. При участии ученых шел интенсивный процесс мобилизации природных ресурсов, изыскания источников сырья главным образом в восточных районах страны. Решение этой проблемы стало одной из основных задач многих научных коллективов. Благодаря этому в кратчайший срок были выявлены и поставлены на службу народному хозяйству дополнительные сырьевые источники, топливно-энергетические ресурсы.

Мобилизация экономики страны осуществлялась по военно-экономической программе, в выполнении которой наука играла важную роль. С ее помощью проводилось быстрое наращивание мощностей по производству чугуна, стали, проката, цветных и редких металлов. Это обеспечивалось работой десятков научных коллективов, объединенных Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны. Уже к октябрю 1941 г. эта комиссия совместно с Наркоматом черной металлургии разработала конкретную программу мероприятий по подготовке железорудной базы для увеличения выплавки металла на Востоке. В короткий срок были разведаны, подготовлены к разработке и введены в эксплуатацию новые месторождения черных и цветных металлов на Урале, в Казахстане, в Западной Сибири и Средней Азии.

Интенсификация производства в металлургии, добывающей промышленности и во всех отраслях обрабатывающей индустрии шла по линии использования в производстве технических, физических и химических методов. Особенно большое значение имело создание постоянных резервов интенсификации производственных процессов.

Одним из таких резервов было создание промышленного способа получения кислорода в больших количествах.

Академик П.Л. Капица во время войны создал самую мощную в мире турбинную установку для получения в больших количествах жидкого кислорода. Она давала в час до 2000 килограммов кислорода. Сгущение воздуха происходило при давлении в 6 атмосфер, в то время как раньше требовалось давление 100–200 атмосфер. Производитель-

ность новой машины была в 6–7 раз выше прежних, а площадь, занимаемая ею, – в 3–4 раза меньше. Академик П.Л. Капица вместе с коллективом Института физических проблем АН СССР активно проводил внедрение новых методов получения кислорода в промышленность. Сотрудники института составили рабочий проект и изготовили наиболее ответственные детали установки. Эта работа ученых позволила наладить получение кислорода в промышленных масштабах.

Необходимость базироваться в производстве черного металла почти исключительно на восточной металлургии выдвинула в качестве острой проблемы обеспечение ее марганцем, без которого нельзя было выплавить ни чугуна, ни стали. В добыче и промышленном использовании марганцевых руд месторождений Полуночного и Уразовского на Северном Урале были использованы работы А.Г. Бетехтина. В 1942 г. благодаря проведенным под руководством К.И. Сатпаева геологическим экспедициям были открыты новые площади марганцевых руд, которые вскоре стали давать магнитогорскому металлургическому комбинату десятки тысяч тонн высокосортного сырья. Месторождения марганцевых руд были открыты и в Западной Сибири. Это позволило значительно расширить производство металла на Востоке, ввести в действие новые предприятия. Так, на основе открытых учеными месторождений руд начал строиться металлургический комбинат по выпуску легированных чугунов и стали на Южном Урале, в Казахстане был построен крупный металлургический комбинат, который начал действовать уже в 1944 г. В том же году в Средней Азии дал первую плавку завод в Беговате. Проведенные в 1944 г. геологические исследования подготовили базу для строительства на Северо-Западе нового Череповецкого металлургического комбината.

В обеспечении самолетостроения алюминием помогала осуществлявшаяся при участии ученых (Д.В. Наливкин, А.В. Пейве) разведка и форсированная добыча уральских бокситовых руд, что позволило ввести в строй два новых завода и значительно расширить масштаб производства на Уральском алюминиевом заводе.

В результате успешных работ А.Н. Заварицкого, Н.Н. Урванцева, С.С. Смирнова, Х.М. Абдуллаева, А.И. Александрова, Ж.А. Айталиева, В.И. Кузнецова и других ученых значительно пополнились запасы в стране меди, никеля, олова, цинка, сурьмы, ртути, вольфрама, молибдена, кобальта и других цветных и редких металлов, которые имели огромное значение для обеспечения нужд военного производства.

Благодаря деятельности ученых возросла роль восточных районов страны как базы черных и цветных металлов. Так, выплавка чугуна и стали поднялась с 12,9 млн т в 1942 г. до 21,7 млн т в 1945 г. Уже в 1943 г. на востоке страны было произведено меди в 4,1 раза, свинца в 59 раз, цинка в 18,8 раз больше, чем на территории всей России в 1915 г.

В военной экономике страны важное место отводилось топливно-энергетической проблеме. Перебазирование промышленности на

восток резко изменило баланс энерговооружения и характер энергопотребления. Научные учреждения провели разработку топливно-энергетического баланса основных восточных районов и определили пути развития их энергетической базы. По заданию правительства научные силы были использованы для расширения энергетических возможностей Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. В этих целях были проведены работы по обеспечению надежности электроснабжения Кузнецкой, Новосибирской, Томской систем, а также по рационализации топливно-энергетической базы в целях наибольшего высвобождения качественных кузнецких углей. Значительное внимание в научно-исследовательских работах было обращено на обеспечение энергетической базы Алтая и строительство Алма-Атинской гидроэнергосистемы.

Одновременно с работой по увеличению производства электроэнергии ученые решали проблемы расширения добычи топлива. Уже в 1942 г. были найдены новые угольные пласты в Кизеловском, Богословском, Челябинском и других районах, открыто Бабаевское бурое угольное месторождение на Южном Урале, накануне 1943 г. был сдан в эксплуатацию мощный Волчанский буроугольный разрез. В Западной Сибири ученые разработали перспективу развития Кузнецкого угольного бассейна, в Караганде они нашли новые крупные угленосные площади, указали участки для закладки новых шахт. Базой по изучению Севера АН СССР были расширены геолого-разведочные работы на Печоре и открыты крупные угольные районы.

В годы войны первостепенное значение приобрело развитие нефтепромыслов Урала и Поволжья. К поисковым работам на основе новейших научно-технических методов разведки были привлечены крупные ученые, объединенные в 36 отрядов в Волго-Башкирской нефтяной экспедиции. Бурение на указанных ими участках привело к открытию таких месторождений нефти, как Кинзебулатовское, Туймазинское и др., определило наличие в Татарии промышленных запасов нефти, положило начало разработке новых месторождений в Куйбышевской области. В целом добыча нефти в Урало-Поволжье достигла 2833 тыс. т, т.е. увеличилась за годы войны в 1,5 раза.

Задача бесперебойного снабжения танков, авиации, моторов высокачественными топливными и смазочными материалами была успешно решена благодаря своевременному вводу в эксплуатацию новых и техническому перевооружению обширных нефтеносных месторождений на Востоке страны и применению совершенной технологии нефтеперерабатывающей промышленности на основе научных данных.

В процессе перестройки промышленности на выпуск военной продукции, осложненном потерей ряда сырьевых районов, перед наукой стояла двойная задача: активно участвовать в наращивании мощностей военного производства и бесперебойно снабжать его сырьем. Научно-техническая помощь промышленности заключалась в интенсифи-

кации производства на основе скорейшего внедрения новой и усовершенствования существующей технологии. Она осуществлялась в трех направлениях: 1) исследовательская работа по заданиям промышленности, 2) научные консультации, 3) проведение различных экспертиз.

Научная работа, направленная на помощь производству, приобрела весьма значительные масштабы. Один только Уральский филиал АН СССР был связан с 60 заводами. По заданию Госплана СССР учреждения Академии наук СССР участвовали в составлении технического плана внедрения в различные отрасли промышленности новых химико-технологических процессов. В этой работе, проведенной в конце 1941 – начале 1942 г. и охватившей 16 отраслей промышленности, участвовали 60 специалистов. Составленный план включал 140 предложений по новой технике и был принят СНК СССР.

Решение задач производства сельскохозяйственной продукции, расширения посевных площадей и повышения урожайности зерновых, технических, овощных культур прежде всего в районах Поволжья, Урала и Сибири выполнялось Всесоюзной сельскохозяйственной академией наук, биологическими, химическими и отчасти техническими учреждениями АН СССР, многочисленной сетью научно-исследовательских институтов и опытных станций наркоматов земледелия, пищевой промышленности и др., а также вузами сельскохозяйственного профиля. Выявленные учеными ресурсы земельных фондов и районирование восточной части территории страны для сельскохозяйственного производства на основе составленных почвенных карт дали возможность использовать ряд земельных массивов Поволжья и Западной Сибири уже в 1942 и 1943 гг.

Для повышения урожайности технических культур (хлопка, каучуконосов, сахарной свеклы и др.) Д.Н. Прянишников рекомендовал в целях покрытия громадного дефицита азота в почве частично использовать хлопковые поля под посевы хлебов. Новый севооборот позволил увеличить урожайность хлопка вдвое и получить дополнительные урожаи зерна. Значительное внимание ученые уделяли селекции новых сельскохозяйственных культур с высокой урожайностью, зимостойкостью, устойчивостью против болезней.

Решение сложной задачи увеличения поголовья скота и повышения продуктивности животноводства осуществлялось с помощью введения новых пород скота и обеспечения скота кормами.

Высокий уровень российской науки и государственный характер ее организации позволили сосредоточить научные силы на наиболее перспективных фундаментальных научных направлениях, что содействовало не только сохранению высокого теоретического уровня исследований периода войны, но и выходу на передовые рубежи мировой науки в решающих направлениях ее развития. Среди крупнейших научных достижений периода Великой Отечественной войны была организация широких исследований в области изучения атомного ядра

и овладения ядерной энергией. Уже в конце 1942 г. было принято решение о развертывании работ по изучению и использованию атомной энергии, во главе которых был поставлен И.В. Курчатов. Благодаря самоотверженной работе научных коллективов и высокому уровню организации научных исследований в короткие сроки в овладении атомной энергией были достигнуты выдающиеся успехи.

Несмотря на войну, продолжались исследования по фундаментальным проблемам науки.

Развитие математики шло по наиболее актуальным направлениям, выдвигавшимся потребностями физики и механики. С.Н. Бернштейн продолжал работы в области конструктивной теории функций, И.М. Виноградов – по теории чисел, С.А. Чаплыгин – по матричной теории дифференциальных уравнений, Н.Н. Лузин – по дескрипторной теории функций, А.Н. Колмогоров – по математической статистике, А.И. Мальцев – по теории линейных групп, М.А. Лаврентьев разрабатывал вариационный метод для нелинейных уравнений эллиптического типа, А.Д. Александров – по теории выпуклых поверхностей.

Событием большого научного значения стало открытие в 1944 г. В.И. Векслером нового принципа работы циклического ускорителя – так называемого принципа автофазировки. Его использование позволило в тысячи раз повысить энергию ускоряемых частиц, создать более совершенные циклические ускорители. В 1944 г. Д.Д. Иваненко и И.Я. Померанчуком было сделано еще одно важное открытие, связанное с ускорением электронов до больших энергий, – указан новый механизм электромагнитного излучения. В том же году Е.К. Завойский открыл явление, получившее название электромагнитного резонанса. В области физики теоретические работы были выполнены С.И. Вавиловым по флуктуации света, В.А. Фоком – по квантовой электродинамике, Б.А. Введенским – по теории дифракции и преломления ультракоротких радиоволн, И.В. Обреимовым – по интерференционной рефрактометрии, А.Ф. Иоффе – по полупроводникам, Л.Д. Ландау – по теории сверхтекучести гелия II, Я.И. Френкелем – по кинетической теории жидкостей и др.

Кинетикой и механизмом цепных реакций занимался Н.Н. Семенов, теорией горения и детонации – Я.Б. Зельдович и Ю.Б. Харитон; А.Н. Несмеянов разработал методы синтеза новых органических соединений различных материалов, В.Г. Хлопин вел исследования радиоактивных элементов, В.М. Родионов – гетероциклических систем, А.А. Баландин – гетерогенного катализа, А.Н. Терентьев – фотохимии ароматических соединений и т.д.

Крупных успехов в области биологической науки добился В.А. Энгельгардт работами по биохимии и тканевому обмену, А.Н. Белозерский – по изучению белков клеточного ядра, И.И. Шмальгаузен – по дальнейшему развитию эволюционной теории Дарвина и т.д.

Значительный вклад в развитие науки внесли труды ученых-обществоведов. Историческая наука служила делу укрепления междуна-

родной солидарности демократических стран, воспитывала в народе чувство патриотизма, освещала героическое прошлое народов нашей страны.

К концу 1943 г. перед учеными встал вопрос о перспективах дальнейшего развития отечественной науки в условиях войны – кроме решения актуальных научных проблем, дать оценку состояния науки, выбрать наиболее важные направления исследований, установить очередность в решении теоретических научных проблем.

Академия наук СССР как научный штаб должна была разработать генеральную перспективу развития отечественной науки. Это важное государственное мероприятие стало одним из ведущих направлений деятельности академии в 1944–1945 гг.

В результате напряженной работы по подведению итогов, оценке и определению перспектив дальнейшего развития различных отраслей науки, которые одновременно увязывались с подготовкой научных кадров и материальным обеспечением перспективных исследований, были выработаны основные направления развития науки. Они охватили все основные отрасли науки, дали ориентиры и заложили прочный фундамент ее дальнейшего развития в послевоенный период. Учет и расстановка научных сил впрок для успешного послевоенного развития – это было фактом беспрецедентным в истории воюющего государства. Проведение этой работы обеспечило нашей стране приоритет по ведущим направлениям научных исследований в международном масштабе.

Большая работа была развернута и в филиалах Академии наук. Большое значение имели также работы научных сотрудников Уральского филиала АН СССР, в частности, для разработки передовой технологии производства боеприпасов. Изучение теоретических основ магнитных методов контроля, проводимое в этом филиале, позволило научным сотрудникам лаборатории магнитных явлений Института металлургии и металлургии Я.С. Шуру и С.В. Вонсовскому в 1942–1943 гг. разработать и внедрить магнитный метод контроля корпусов артиллерийских снарядов.

Сотрудники Уральского филиала АН СССР Н.М. Родигин и В.Д. Садовский в 1941 г. применили электронагрев при термообработке снарядов. Предложенный ими метод с использованием индукционных печей значительно ускорял процесс нагрева и облегчал обработку металлических деталей. Внедрение его на двух заводах Урала позволило в десятки раз сократить время термообработки изделий. Новый метод вызвал большой интерес и на других предприятиях Урала.

Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана АН СССР на нужды обороны стала научным штабом, который совместно с Наркоматом черной металлургии СССР разрабатывал мероприятия по подготовке железорудной базы для увеличения выплавки металла. К работам было привлечено большое число ученых и учреждений Академии наук СССР. Ученые жили напряженной жизнью.

Геологоразведочные работы, в которых принимали участие работники Казахского филиала АН СССР, обнаружили в урочище Дезде марганцевые руды. Исследования ученых были переданы в Наркомат черной металлургии. В апреле 1942 г. здесь началось строительство рудников, которые стали давать Магнитогорскому металлургическому комбинату десятки тысяч тонн высокосортных руд, обеспечивающих производственные нужды этого гиганта черной металлургии в остродефицитном марганце.

На бокситовые рудники Каменского района выезжали академики А.А. Скочинский и П.Д. Шевяков, член-корреспондент АН СССР Д.В. Наливкин, научные сотрудники М.И. Агошков, К.Л. Пожарицкий и К.М. Чарквиани. Они подробно ознакомились с работой Соколовского и Пирогоновского рудников, способствовали повышению их производительности.

В мобилизации ресурсов Казахстана на нужды обороны большую роль играли работы Казахского филиала АН СССР. Почти половиной запасов меди в СССР располагал Казахстан. Там работали крупнейшие медеплавильные предприятия – Балхашский и Дзезказганский комбинаты, Карсакпайский завод. Однако они не давали нужного стране количества меди, потому что их строительство не было завершено, а мощность Карсакпайского завода ограничена. Группа ученых Академии наук посетила Балхаш, Дзезказган, Коунрад и Карсакпай. Ученые наметили пути развития Дзезказганского месторождения, указали места закладки новых шахт. На Коунрадском месторождении они обследовали рудники, дали целый ряд конкретных указаний по улучшению эксплуатации механизмов и машин и наладили транспортировку руды. За счет применения дзезказганской руды, а также ряда чисто технических мероприятий, предложенных Комиссией по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны, Карсакпайский завод должен был увеличить выплавку меди на 80%.

В августе 1942 г. ГК Оборона принял постановление «О мерах неотложной помощи шахтам Кузбасса по увеличению добычи и улучшению качества коксующихся углей». Перед угольщиками Кузбасса встала задача увеличить добычу угля с 57 тыс. до 88 тыс. т в сутки. Для помощи шахтерам в Кузбасс выехала большая комплексная группа Комиссии во главе с академиком А.А. Скочинским.

В обеспечении страны нефтью немалую роль сыграли ученые филиалов Академии наук СССР в Азербайджане, Казахстане, Туркмении, Узбекистане. Их деятельность сосредоточилась на выявлении новых нефтеносных площадей и интенсификации добычи в старых. Особенно важно было участие ученых в увеличении нефтедобычи в восточных районах страны, прежде всего на промыслах «Второго Баку».

На основе работ по восстановлению Донбасса и металлургической промышленности Юга, проведенных Академией наук СССР, были выработаны научные методы восстановления и реконструкции промыш-

ленности на освобожденной от врага территории. Вспоминая об этой работе, академик А.М. Терпигорев писал: «Мне пришлось принять непосредственное участие в разработке плана восстановления Донбасса и в проведении самих восстановительных работ, и я могу сказать, что за свою более чем полувековую деятельность в горном деле я не встречался с тем, чтобы задача, исключительно сложная по своим техническим проблемам, была решена на таком высоком уровне в такой короткий срок».

Война не приостановила развития Академии наук СССР. Количество академических учреждений за годы войны не только не уменьшилось, но даже возросло к 1945 г. до 143. Этот рост шел в основном за счет создания крупных специализированных научно-исследовательских институтов. Некоторые учреждения Академии наук за годы войны выросли в институты: например, Лаборатория кристаллографии – в Институт кристаллографии, Секция по научной разработке проблем транспорта – в Институт транспортных проблем. В феврале 1944 г. Президиумом АН СССР были вновь созданы Институт леса, Институт истории искусств, Институт русского языка. Были открыты также самостоятельные лаборатории: Гельминтологии, Отдаленной гибридизации, Вулканологии, Озероведения, Гидрогеологических проблем, Аэрометодов и ряд других учреждений. Проявлением заботы правительства о развитии истории науки была организация в 1945 г. Института истории естествознания.

Образовывались и новые филиалы в Академии наук. Так, по ходатайству руководящих органов Киргизии 5 января 1943 г. Совнарком СССР постановил организовать Киргизский филиал АН СССР. В феврале 1944 г. был открыт Западно-Сибирский филиал Академии наук в Татарии. Несмотря на трудности военного времени, Академия наук СССР сумела сохранить свои высококвалифицированные научные кадры. Число научных работников Академии наук с 1941 по 1943 г. сократилось на 20%, главным образом за счет ушедших на фронт. Вместе с тем в годы войны продолжался приток научных сил в Академию. К 1945 г. количество научных сотрудников увеличилось до 4680 человек.

Академия наук СССР приняла меры по подготовке научных кадров по перспективным направлениям, что позволило шире развернуть исследования в послевоенные годы. Если в первый год войны количество аспирантов в Академии наук СССР резко сократилось (с 1162 человек в 1941 г. до 80 человек в 1942 г.), то в дальнейшем число аспирантов Академии наук все время росло и к концу войны уже превышало довоенный уровень.

Всемерно способствуя развитию науки в стране, правительство приняло решение о новых выборах в Академию наук в 1943 г. В отличие от предыдущих, они были целенаправленными; вакансии объявлялись по строго определенным узким специальностям, выбор их определялся стремлением развить нашу науку в наиболее важных

направлениях. Так, по Отделению физико-математических наук были объявлены вакансии по специальностям: экспериментальная физика, астрономия и прикладная математика; по Отделению химических наук по специальностям: органическая химия, неорганическая химия, химия высокомолекулярных соединений и т.д.

Ученые, занимавшиеся общественными науками, разоблачали в своих трудах фашистскую идеологию. Большую роль в этом сыграли работы академиков И.П. Трайнина, Е.С. Варги и др. Героическая история нашего народа, его борьба против иноземных захватчиков находили отражение в работах академиков Е.В. Тарле, М.Н. Тихомирова и других историков. Большой коллектив под руководством члена-корреспондента АН СССР И.И. Минца уже в годы войны приступил к подготовке материалов по истории Великой Отечественной войны.

Победоносное завершение Великой Отечественной войны совпало с 220-летним юбилеем Академии наук СССР.

Юбилейная сессия Академии наук СССР, открывшаяся 16 июня 1945 г. в Большом театре, стала смотром сил советской науки. В торжествах приняло участие свыше 1200 человек: крупнейшие ученые Академии наук СССР и всех союзных республик, профессора университетов и других высших учебных заведений, сотрудники отраслевых научно-исследовательских институтов. На заседаниях присутствовали почетные гости Академии наук – народные комиссары, руководители государственных и общественных организаций, прославленные военачальники.

На юбилейную сессию приехали ученые Америки, Англии, Франции, Китая, Бельгии, Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Финляндии, Венгрии, Монгольской Народной Республики, Ирана, Индии, Швеции – 123 человека из 19 стран мира. Им был оказан самый радушный прием. Французский профессор Одюбер говорил: «Мы все были тронуты сердечным, я должен даже сказать, дружеским, а иногда более чем дружеским приемом, который был оказан нам как Советским правительством, так и советскими учеными».

При подготовке главы использованы издания: Г.Д. Комков, В.В. Левшин, Л.К. Семенов «Академия наук СССР». Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974; А.И. Шахурин «Крылья победы». М.: Политиздат, 1983; В.В. Левшин «Советская наука в годы войны». М.: Наука, 1983; В.И. Васильев «Российская академия наук. История и современность. Краткий очерк». М.: Наука, 1999; «Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие». Коллективный труд. М.: ООО Издательство «Ладога – 100», 2005.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АКИМОВ – СОЗДАТЕЛЬ ВЫСОКОПРОЧНЫХ СТАЛЕЙ И ОСНОВАТЕЛЬ СОВЕТСКОЙ КОРРОЗИОННОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

Г.В. Акимов стоял у истоков основания Всесоюзного научно-исследовательского института авиационных материалов (ВИАМ), с которым в дальнейшем была связана его судьба и научные изыскания. Георгий Владимирович жил и работал в эпоху бурного индустриального развития молодого советского государства и вошел в историю как основоположник отечественной научной школы коррозионистов и металлосведов, из-под пера которого вышло более 250 научных трудов по проблемам коррозии металлов.

Талант и целеустремленность этого многогранного человека проявлялись еще в годы учебы в гимназии, по окончании которой он поступил в Московский Университет на физико-математический факультет. Гражданская война, не оставившая в стороне ни одного жителя России, коснулась и молодого ученого Георгия Акимова: он добровольно вступил в ряды Красной армии и ушел на фронт. К научной работе комиссар Акимов вернулся в 1921 г. с поступлением в Московское высшее техническое училище им. Г.Э. Баумана (МВТУ). Именно там Г.В. Акимов «решил специализироваться по металлургии и металловедению» и заложил основу своих последующих фундаментальных открытий¹.

По окончании МВТУ в 1926 г. Георгия Акимова распределяют в отдел испытания авиационных материалов (ОИАМ) Центрального Аэрогидродинамического института (ЦАГИ), происходившего из аэродинамической лаборатории МВТУ².

В то время ЦАГИ играл ключевую роль в создании и развитии советской авиации, и работа там считалась престижной и перспективной. Молодой ученый сразу же включился в исследовательскую работу, проводя эксперименты по изучению свойств авиационных материалов. В 1920-е гг. одной из ключевых задач отечественного самолетостроения было обеспечение высокой противокоррозионной стойкости машин, их различных деталей и узлов. Именно работа в ОИАМ открыла молодому ученому дорогу в научно-инженерную среду создателей советской авиации и заложила фундамент его научных открытий.

Первой научной задачей Г.В. Акимова стал выбор материала для клапанов авиационных двигателей, поскольку в СССР на тот момент отсутствовали необходимые стали и сплавы. Акимов изучил работу ряда предприятий, провел более 50 исследований, освоил методы металлографического анализа и в 1927 г. представил свои выводы на

Георгий Владимирович Акимов – член-корреспондент Академии наук СССР, Лауреат трех Сталинских премий (1945, 1946, 1949 гг.), доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РСФСР

конференции по авто- и авиастроению, предложив рациональный подход к выбору материалов для клапанов³.

Благодаря этой, а также ряду других важных прикладных работ Георгий Акимов в 1928 г. организовал и возглавил в структуре ЦАГИ первую в СССР лабораторию по изучению коррозионной стойкости авиационных сплавов. Началом его фундаментальных исследований в области коррозии металлов стали опыты на примитивном морском стенде (поплавке) в Севастополе на Черном море.

Ключевыми направлениями его работы в период с 1926 по 1928 г. были следующие.

– Исследование механических свойств авиационных материалов. Одним из первых направлений работы Г.В. Акимова было изучение механических характеристик авиационных материалов, таких как алюминий и его сплавы. Эти материалы играли важную роль в строительстве

легких и прочных конструкций для самолетов. Георгий Владимирович проводил эксперименты по определению предела прочности, пластичности и усталостной долговечности этих материалов.

– Разработка методов защиты от коррозии. Г.В. Акимов уделял большое внимание проблеме коррозии металлических деталей самолетов. Он разрабатывал методы защиты от коррозии, включая анодирование и использование защитных покрытий. Это позволило значительно увеличить срок службы авиационных конструкций.

– Создание теории структурной коррозии. В рамках своих исследований Г.В. Акимов предложил концепцию структурной коррозии, которая объясняла процессы разрушения металла под воздействием окружающей среды. Эта теория стала основой для дальнейших разработок в области защиты от коррозии.

– Экспериментальные исследования влияния внешней среды на свойства металлов. Г.В. Акимов проводил серию экспериментов по изучению воздействия различных факторов внешней среды (влажность, температура, агрессивные вещества) на механические и химические свойства металлов. Результаты этих исследований позволили лучше понять механизмы коррозии и разработать эффективные меры борьбы с ней.

Эти работы заложили основу для дальнейшего успешного развития научной деятельности Г.В. Акимова и внесли значительный вклад в формирование основ современной металлургии и антикоррозионной защиты.

В 1928 г. Г.В. Акимов выпустил монографию «Металлы и сплавы в химическом аппаратостроении», которая долгое время была единственным руководством в стране по вопросам коррозионного поведения металлических материалов, в 1929 г. он опубликовал еще две работы: «Новые методы защиты легких алюминиевых сплавов от коррозии» и «Электрохимическая защита легких алюминиевых сплавов при помощи цинка»⁴.

С 1931 г. Георгий Владимирович Акимов читал курс лекций о коррозии в Институте Цветных металлов и золота им. М.И. Калинина, имевший значительное практическое значение для подготовки будущих специалистов в области металловедения и защиты от коррозии. Лекции Г.В. Акимова, основанные на результатах исследований и практическом опыте автора, обеспечивали глубокое понимание механизмов коррозии и методов борьбы с ней. В процессе обучения студенты приобретали актуальные знания о современных технологиях и инновационных подходах в данной области, что давало им конкурентное преимущество в решении инженерных задач.

Особенностью лекционного курса Акимова являлась его ориентация на практику: студентам представлялись не только теоретические основы, но и реальные примеры применения методов защиты от

коррозии в различных отраслях промышленности. Это способствовало формированию у учащихся культуры профессионального подхода к решению технических вопросов и готовности к работе в реальных производственных условиях. Важным элементом педагогической деятельности Г.В. Акимова было привлечение специалистов-практиков из различных сфер производства, что обеспечивало эффективный обмен опытом между студентами и действующими инженерами. Подобные мероприятия способствовали интеграции теоретических знаний с практическими аспектами, стимулируя у студентов стремление к профессиональному росту и развитию.

Таким образом, лекции Г.В. Акимова не только закладывали прочный фундамент теоретических знаний, но и обеспечивали студентов необходимыми практическими навыками и компетенциями, что способствовало их дальнейшей успешной работе в области металловедения и защиты от коррозии.

В 1932 г. в составе Главного управления авиационной промышленности был создан научно-исследовательский центр по авиационным материалам и их технологии – ВИАМ, в функции которого входило изучение авиационных материалов, производства полуфабрикатов, сырьевых баз, разработка новых материалов и внедрение их в производство самолетов и моторов, совершенствование технологических процессов по производству и применению материалов и полуфабрикатов в моторо-, самолето-, дирижабле- и авиаприборостроении, создание стандартов на авиационные материалы и руководство научно-исследовательскими и производственными лабораториями⁵.

Исследования предвоенного периода в значительной степени были посвящены разработке высокопрочных авиационных сталей. Перед ВИАМ стояли две взаимосвязанные задачи: с одной стороны, требовалось повысить прочность стали без ущерба для ее надежности, а с другой – улучшить качество материала, избегая использования дефицитных легирующих компонентов, таких как молибден и никель.

В августе 1932 г. в штат нового института были переведены сотрудники ЦИАМ и ОИАМ ЦАГИ, в числе которых был и Г.В. Акимов. Ему было поручено руководить отделом общего металловедения и лабораториями – физики металлов и металлографической (входившими в состав этого отдела).

В этот период у Георгия Владимировича возникла идея создания коррозионных станций – сети лабораторий, предназначенных для изучения коррозии металлов в различных климатических зонах. Помимо исследований в созданной им же лаборатории в ЦАГИ, Акимов понял, что для максимально эффективного решения проблемы коррозии необходимо проводить систематические исследования в реальных условиях эксплуатации.

Впоследствии, в 1947 г., в стране будут созданы коррозионные станции: в Дальних Зеленцах, Звенигороде, Владивостоке и Батуми. Каждая станция будет иметь свою специфику, соответствующую местным климатическим условиям. Например, на Севере основное внимание уделялось исследованию коррозии при низких температурах, а на юге – воздействию высокой влажности и соленого воздуха⁶.

На станциях проводились долгосрочные наблюдения за состоянием образцов металлов, подвергнутых различным видам обработки и защитным покрытиям. Полученные данные позволяли оценить эффективность тех или иных мер защиты от коррозии и определить оптимальные условия эксплуатации металлических конструкций.

Работа коррозионных станций сыграла важную роль в разработке стандартов и рекомендаций по защите от коррозии, которые впоследствии использовались в различных отраслях промышленности, включая авиацию, судостроение и строительство.

В 1934 г. Г.В. Акимов создал в составе ВИАМ группу по созданию броневой защиты самолетов. В эту группу после окончания МВТУ им. Н.Э. Баумана пришли работать молодые специалисты С.Т. Кишкин и Н.М. Скляр. Их работы по практическому использованию высокопрочных сталей позволили создать первую в СССР авиационную броню⁷. С.Т. Кишкин и Н.М. Скляр разработали гетерогенную систему, сочетающую твердость лицевого слоя с пластичностью тыльного, используя цементацию. Это решение вдвое уменьшило дистанцию опасных поражений и позволило создать «активную броню».

Георгий Владимирович Акимов предложил и внедрил методы защиты брони от коррозии, что позволило значительно продлить срок службы авиационных материалов. Он также участвовал в разработке специальных покрытий и методов анодирования, которые защищали броню от воздействия агрессивных сред и повышали ее устойчивость к механическим повреждениям.

В 1935 г. делегация советских специалистов в области авиационной промышленности посетила США и Францию. Среди них был и Г.В. Акимов в качестве эксперта по коррозии металлов. Делегация ознакомилась с современными авиационными технологиями и материалами, посетив заводы Boeing, Douglas Aircraft Company, SNECMA и Dassault Aviation. Акимов особое внимание уделил методам защиты от коррозии, таким как специальные покрытия и анодирование, широко применявшиеся в американском авиапроме. Георгий Владимирович участвовал в дискуссиях с французскими и американскими коллегами, делился с ними собственными наработками. Поездка способствовала международному сотрудничеству и внедрению новых технологий в советскую авиационную промышленность.

Вопреки общепринятым в СССР и за рубежом представлениям, Г.В. Акимов отстаивал необходимость использования в самолето-

строении высокопрочных сталей и сплавов. В середине 1930-х гг. он вместе с И.И. Сидориным создал сплав 30ХГСА, также известный как хромансиль – высокопрочную конструкционную среднелегированную сталь, содержащую примерно по 1% хрома, марганца и кремния. Содержание углерода в различных марках хромансиль колеблется от 0,17 до 0,39%. Этот сплав обладает высокой ударной вязкостью и пределом прочности от 1400 до 1600 МПа, что делает его прочнее большинства других сталей, использовавшихся в предвоенный и военный периоды в самолето- и двигателестроении Германии и США (1100–1200 МПа у зарубежных аналогов того времени).

Сталь хромансиль стала одним из ключевых материалов в советском авиастроении в годы Великой Отечественной войны. Разработка и применение этого сплава были тесно связаны с задачами создания эффективной броневой защиты для самолетов, особенно для штурмовиков, которые действовали на малых высотах и подвергались интенсивному обстрелу с земли. Сталь обладала оптимальным сочетанием твердости и пластичности, что делало ее идеальной для создания броневой защиты. Важнейшим достижением стало внедрение брони в силовую конструкцию штурмовика Ил-2, который был разработан в конструкторском бюро Сергея Ильюшина и начал массово производиться с февраля 1941 г. Броня из хромансиля использовалась для защиты кабины пилота, двигателя и топливных баков, она могла выдерживать попадание пуль и осколков, при этом не разрушаясь полностью, что было критически важно для защиты экипажа и жизненно важных узлов самолета. Это позволило значительно повысить живучесть самолета в условиях интенсивного огня с земли.

Ил-2, вооруженный пушками и пулеметами, мог нести реактивные снаряды и бомбы и на поле боя наносил немалый урон живой силе и технике противника. Этот штурмовик стал легендой и ключевым авиационным оружием СССР в годы Великой Отечественной войны, получив прозвище «летающий танк», а летчики люфтваффе за устойчивость в воздушном бою окрестили Ил-2 *Betonflugzeug* («бетонный самолет»). Командование ВВС Германии со всей серьезностью относилось к этим самолетам, генерал люфтваффе Вальтер Швабедиссен отмечал: «Советские штурмовики летали в любую погоду, включая дождь и снег, и ни ветер, ни шторм, дождь или низкие температуры не препятствовали их действиям. Немецкие войска боялись Ил-2, которые летали постоянно, в любую погоду и причиняли заметный ущерб войскам на марше»⁸.

Позднее Георгий Владимирович вспоминал: «Страна требовала от своих сынов прежде всего больших практических дел. Только теперь, в дни войны, ясно, как все это оправданно. И мне пришлось большую часть своих сил и способностей отдавать практике – строительству воздушного флота страны <...> Без разработки технологии

и организации производства сталей для самолетостроения (сначала хромомолибденовой, а потом нашего советского моего хромансиля) нельзя было создать большой военный воздушный флот»⁹.

Хромансили хорошо свариваются, штампуются, обрабатываются резанием. Основным преимуществом 30ХГСА является отсутствие в его составе дефицитного в то время молибдена, который в виде ферромолибдена для металлургической промышленности получали из-за границы. Кроме того, сталь 30ХГСА не имела прочностных аналогов в предвоенное и военное самолетостроение Германии и США, в последнем случае – вплоть до начала 1950-х гг. Новый сплав использовался в производстве высоконагруженных деталей и узлов самолетов, таких как наиболее сильно нагруженные детали планера и шасси. Таким образом, разработка Георгия Владимировича вывела СССР в мировые лидеры производства авиационных конструктивных материалов.

Сегодня сталь 30ХГСА, известная своей высокой прочностью, коррозионной стойкостью и температурной стабильностью, находит широкое применение в космической промышленности. Она используется для создания корпусов и рам ракет-носителей, топливных баков, элементов конструкций космических станций, антенн и солнечных панелей. Эти компоненты требуют надежной защиты от агрессивных сред и выдерживания экстремальных нагрузок, что делает 30ХГСА идеальным выбором для космических технологий. Таким образом, данный сплав играет ключевую роль в обеспечении безопасности и долговечности космических аппаратов.

За выдающиеся заслуги в исследованиях конструктивных материалов в 1939 г. Г.В. Акимов был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1940 г. ему была присуждена ученая степень доктора технических наук без защиты диссертации¹⁰.

С первых дней Великой Отечественной войны под руководством директора ВИАМ, генерал-майора инженерно-авиационной службы А.Т. Туманова, была организована масштабная работа института по обеспечению боевой живучести военной техники, включавшая как разработку новых технологий, так и помощь в организации производства самолето- и моторостроительным заводам в тылу.

Г.В. Акимов с большим энтузиазмом включился в работу, непосредственно связанную с запросами фронта, и сумел в короткие сроки разработать новые ускоренные методы защиты изделий от коррозии: фосфатирование, анодирование, пассивирование, комбинированные методы защиты, не требующие длительного времени для их осуществления. Кроме того, большую пользу авиационной промышленности СССР оказал прибор измерения термоэлектродвижущей силы, изобретенный Георгием Владимировичем и применявшийся для контроля сталей на производстве.

Несмотря на высочайшую рабочую нагрузку, Георгий Владимирович продолжал и педагогическую работу, читая курс лекций по авиационному металловедению для студентов Казанского авиационного института.

Одним из важнейших достижений Георгия Владимировича Акимова в военные годы стало создание высокожаростойкого сплава, не содержащего дефицитных легирующих компонентов, и последующая адаптация процесса наплавки этим сплавом клапанов авиационных двигателей¹¹. Воздушные сражения в небе Испании и во время Великой Отечественной войны выявили недостаток мощности советских поршневых двигателей, что потребовало разработки более мощных форсированных моторов. Это привело к ужесточению условий работы их деталей, особенно клапанов, которые быстро разрушались. Было необходимо устранить проблему прогара и обеспечить достаточный ресурс клапанов при форсированном режиме работы двигателя.

Под руководством А.Т. Туманова и Г.В. Акимова были начаты исследования по поиску новых жаростойких материалов для наплавки фасок клапанов авиационных двигателей внутреннего сгорания. В скором времени Г.В. Акимов и инженер А.А. Киселев создали мягкий жаростойкий сплав ЭИ334, основу которого составлял нихром – сплав никеля и хрома, который известен своей высокой жаростойкостью и устойчивостью к окислению. Однако ключевой особенностью сплава стало добавление кальция, который использовался для рафинации (очистки) сплава. Кальциевая рафинация обеспечивала мягкую посадку клапана на седло, предотвращая возникновение зазоров и, соответственно, пригаров. Сплав ЭИ334 также демонстрировал высокую износостойкость, сопротивление газовой коррозии и тем самым обеспечивал необходимый ресурс клапанов в двигателях повышенной мощности.

Сплав использовался в двигателях самолетов, таких как Ил-2, Як-9 и других, которые активно применялись в годы Великой Отечественной войны. В отличие от многих других жаростойких сплавов, ЭИ334 не требовал использования редких или дорогостоящих легирующих элементов, что делало его производство экономически выгодным в трудных условиях военного времени. На форсированных режимах работы двигателей, особенно в боевых условиях, температура на фасках клапанов могла достигать 800–900 °С. Без использования жаростойких материалов клапаны быстро выходили из строя из-за прогара, износа и коррозии. Применение сплава ЭИ334 в клапанах двигателей штурмовика Ил-2, истребителя Як-9 и других самолетов позволило увеличить их боеспособность, снизить эксплуатационные затраты, повысить надежность и эффективность советской авиации в годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. эта работа Г.В. Акимова была удостоена Сталинской премии¹².

Труд Георгия Владимировича Акимова и его коллег стал примером успешного решения сложной технической задачи в годы войны, что подчеркивает важность научных исследований для обороноспособности страны. Опыт использования сплава ЭИ334 в послевоенные годы был перенесен на другие отрасли, включая автомобилестроение и энергетику, где также требовались жаростойкие материалы.

Кроме того, коллективом ученых под руководством Г.В. Акимова в годы Великой Отечественной войны была разработана сталь ЭИ481 – также для применения в авиационной промышленности. Ее разработка и внедрение в производство авиационных двигателей стали одним из ключевых успехов советской науки и промышленности в тот период. Эта сталь обладает высокой жаростойкостью, коррозионной стойкостью и механической прочностью, что делает ее идеальной для использования в элементах авиационных двигателей, таких как лопатки турбин и детали камер сгорания, работающих в условиях высоких температур. Например, истребители Як-9 и Ла-5, оснащенные двигателями с деталями из ЭИ481, могли дольше и эффективнее выполнять боевые задачи, что давало преимущество в воздушных боях и при поддержке наземных войск. Сталь ЭИ481 стала важным достижением в области материаловедения и металлургии, сыграв ключевую роль в улучшении надежности и производительности авиационных двигателей и, таким образом, в повышении обороноспособности СССР. Ее использование в авиационной промышленности позволило повысить надежность и эффективность боевых самолетов, что в условиях войны имело стратегическое значение.

В 1945 г. в свет вышла фундаментальная монография Г.В. Акимова «Теория и методы коррозии металлов», в которой автор сформулировал теоретические основы и практические методы исследования процессов коррозии, а также выработал способы защиты металлов от разрушения под воздействием окружающей среды. Важность этого труда Георгия Владимировича заключалась не только в его научной новизне, но и в практической пользе для экономики и обороны СССР. За выдающиеся заслуги в области науки Г.В. Акимову была присуждена Сталинская премия второй степени¹³.

Значимость вклада Г.В. Акимова в Победу в Великой Отечественной войне была оценена руководством СССР – в 1945 г. за разработку и внедрение передовых технологий защиты металлов от коррозии, создание новых устойчивых сплавов и организацию их массового производства Указом Президиума Верховного Совета СССР он был награжден орденом Ленина – высшей государственной наградой СССР.

В послевоенное время Георгий Владимирович активно продолжал исследование коррозии металлов реакторов и разработку защитных покрытий для урановых блоков в рамках советского атомного проекта. Эта работа имела огромное значение для развития атомной энергетики

и обеспечения безопасности ядерных установок, и в 1949 г. ученый был удостоен третьей Сталинской премии. Акимов, изучая процессы коррозии, возникающие в условиях высоких температур и радиации внутри ядерного реактора, смог разработать специальные защитные покрытия, которые предотвращали коррозию и обеспечивали стабильность работы реактора.

Г.В. Акимов – новатор, энтузиаст и блестящий представитель плеяды талантливых ученых-новаторов, фундаментальные исследования которых не просто оставили след в науке, но двигали ее вперед. Свое призвание Г.В. Акимов видел в развитии отечественной науки, в своих воспоминаниях он отмечал: «Я вновь принадлежал всю жизнь науке. Это была моя настоящая первая и никогда не меркнущая любовь. Эта страсть появилась у меня очень рано, она иногда меркла под дуновением жестокого ветра и временами сила ее колебалась, но никогда не гасла совсем. Много раз я шел по неверным путям. Но всегда с самых ранних лет я горел желанием сделать что-то в науке, сделать больше и не для известности, славы и прочих благ, а для самой науки»¹⁴.

Необыкновенная энергия и талант организатора позволили Г.В. Акимову в короткие сроки создать и применить в практике самолетостроения ряд специальных сталей, решить сложнейшие проблемы защиты алюминиевых сплавов от коррозии. Стали и сплавы, разработанные Г.В. Акимовым, до сих пор применяются в изделиях авиационно-ракетной техники. Результаты этого направления своей работы сам Георгий Владимирович оценивал очень высоко: «Цикл работ по самолетостроительным сталям я считаю одним из важнейших дел моей жизни»¹⁵.

Неудивительно, что в годы Великой Отечественной войны ученый отдавал все силы работе на оборонных заводах, которые нуждались в его научных знаниях: совершенствовал сплавы, руководил группой по металловедению и дефектоскопии Отдела трения и износа академического института машиноведения, который в годы войны жил по принципу «Все для фронта, все для Победы». Создавая технологии для индустрии, которая оказалась спасительной для страны в годы Великой Отечественной войны, Г.В. Акимов не знал ни выходных, ни отпусков.

Георгий Владимирович Акимов вел работы по нескольким научным направлениям одновременно и при этом много трудился над внедрением результатов своих исследований на производстве. Открытия выдающегося деятеля науки и техники, основоположника отечественной школы коррозионистов, члена-корреспондента Академии наук СССР Г.В. Акимова и его соратников опережали свое время и дали преимущество советской авиации в годы Великой Отечественной войны. Результаты этих исследований до настоящего времени актуальны и составляют несомненный национальный приоритет в области внедрения научных знаний в производство.

Примечания

¹ См.: *Каблов Е.Н.* Георгий Владимирович Акимов: путь от металловедения к материаловедению // Акимов Г.В. Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под ред. члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 13.

² См.: Акимов Георгий Владимирович. 110 лет со дня рождения выдающегося ученого и организатора науки / Под общ. ред. академика РАН Каблова Е.Н. М.: ВИАМ, 2011. С. 7.

³ См.: Там же. С. 8.

⁴ См.: *Каблов Е.Н.* Георгий Владимирович Акимов: путь от металловедения к материаловедению // Акимов Г.В. Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под ред. члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 20–21.

⁵ См.: *Демонис И.М., Петрова А.П.* ВИАМ – основоположник отечественного материаловедения // Все материалы. Энциклопедический справочник, 2012, № 5. URL: <https://viam.ru/sites/default/files/scipub/2012/2012-205975.pdf> (дата обращения 09.01.2025).

⁶ *Каблов Е.Н.* Георгий Владимирович Акимов: путь от металловедения к материаловедению // Акимов Г.В. Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под редакцией члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 28–30.

⁷ См.: *Скляров Н.М.* Путь длиною в 70 лет – от древесины до суперматериалов. М.: МИСиС-ВИАМ, 2002. С. 23–24.

⁸ *Швабедиссен В.* Сталинские соколы: Анализ действий советской авиации в 1941–1945 гг. Минск: Харвест, 2001. С. 102.

⁹ *Акимов Г.В.* Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под ред. члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 109, 110.

¹⁰ См.: Акимов Георгий Владимирович. 110 лет со дня рождения выдающегося ученого и организатора науки / Под общ. ред. академика РАН Каблова Е.Н. М.: ВИАМ, 2011. С. 16.

¹¹ *Каблов Е.Н.* Георгий Владимирович Акимов: путь от металловедения к материаловедению // Акимов Г.В. Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под ред. члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 25.

¹² См.: *Каблов Е.Н.* Георгий Владимирович Акимов: путь от металловедения к материаловедению // Акимов Г.В. Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под редакцией члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 26.

¹³ Постановление СНК СССР «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки за 1943–1944 годы» от 26 января 1946 года // «Правда». 1946. 27 января.

¹⁴ *Акимов Г.В.* Я жил и работал в бурную, часто страшную эпоху... / Под ред. члена-корреспондента РАХ Н.Н. Федосеевкова. М.: Наука, 2024. С. 111.

¹⁵ *Демонис И.М., Каримов С.А., Петрова А.П.* Акимов Георгий Владимирович: 110 лет со дня рождения выдающегося ученого и организатора науки. М.: ВИАМ, 2011. С. 9.

*Член-корреспондент РАХ,
Н.Н. Федосеевков*

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТАНКОВОЙ КОЛОННЫ «ЗА ПЕРЕДОВУЮ НАУКУ» (по документам Архива РАН)

Тема строительства танковой колонны «За передовую науку» в научной литературе раскрыта слабо, в основном – в контексте общей помощи Академии наук СССР фронту. Этой же проблематики касаются ряд работ и специализированных интернет-ресурсов, посвященных действиям отдельных частей Красной армии и танковых войск. Введенные в научный оборот документальные материалы не в полной мере раскрывают тему, что приводит к искаженному пониманию происходивших событий.

Начало Великой Отечественной войны потребовало от СССР напряжения и концентрации всех сил и ресурсов для решения военных задач. Усилия в этом вопросе принимались как сверху, так и снизу. Специалист по экономической истории А.В. Ломкин пишет о ряде решений советского правительства: «С началом боевых действий, широкой переориентацией заводов и фабрик на выпуск продукции военного назначения, неизбежным изменением расходной части бюджета пришлось пересмотреть и внести изменения и в доходную часть. Так, были мобилизованы свободные финансовые ресурсы предприятий, были введены новые налоги – особый военный налог (первоначально – надбавка к подоходному налогу), налог на одиноких и бездетных граждан...»¹ Но существовали и инициативы снизу. И главной из них было массовое жертвование своих сбережений, вещей и продовольствия на нужды фронта и обороны.

С первых часов после объявления войны население направило огромное количество писем в газеты и органы советской власти разных уровней, вплоть до И.В. Сталина, с призывом создать Фонд обороны для сбора пожертвований. Официальная реакция на эти письма последовала лишь 29 июля 1941 г.² Массовое внесение финансовых средств началось в декабре 1942 г. «Большая советская энциклопедия» по этому вопросу сообщает, что в Фонд обороны и Фонд Красной Армии поступило свыше 16 млрд рублей, 13 кг платины, 131 кг золота, 9519 кг серебра, свыше 4,5 млрд рублей облигаций государственных займов, свыше 0,5 млрд рублей вкладов в сберегательные кассы (в ценах 1941 г.). На эти средства было построено свыше 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тыс. танков, 8 подводных лодок, 16 различных военных катеров и мн. др.³

На деньги организаций и граждан были построены в том числе и именные эскадрильи, танковые колонны, морские корабли. Так, в 1943 г. по инициативе алтайцев были собраны средства на постройку торпедных катеров для Балтийского флота «Алтайский комсомолец», «Молодой алтаец», «Пионер Алтая», «Комсомолец Ойротии», «Барнаулский комсомолец». На средства жителей Новосибирской области была построена для нужд Северного флота подводная лодка М-107 «Новосибирский комсомолец» и звено истребителей. За годы войны Русская православная церковь внесла в фонд около 300 млн рублей, на которые была построена в том числе танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья «Александр Невский». Особое внимание танковым колоннам уделено в работах М. В. Коломийца и И. Б. Мощанского⁴, И. И. Рощина⁵ и других авторов⁶. Вопросы строительства кораблей на пожертвования раскрыты в работах М. Фарафонова⁷, Д. Н. Ростова⁸, В. Егорова⁹, Д. Т. Пигарева¹⁰ и других исследователей¹¹.

Советские ученые не остались в стороне от этого массового движения. В Архиве РАН в фондах президента Академии наук СССР В. Л. Комарова¹² и Совета научно-технической пропаганды АН СССР¹³ сохранилось обращение группы советских ученых «Построим танковую колонну “За передовую науку”»¹⁴, датированное 2 июля 1942 г., распечатанное на ротапринте в 400 экземплярах и разосланное по научным учреждениям. Это обращение подписали 34 человека: академики А. И. Абрикосов, Н. Г. Бруевич, Е. С. Варга, И. П. Бардин, А. Ф. Иоффе, А. Н. Колмогоров, В. Л. Комаров, Т. Д. Лысенко, М. Б. Митин, В. Н. Образцов, Л. А. Орбели, А. Е. Ферсман, А. Н. Фрумкин, Е. А. Чудаков, Л. С. Штерн, Е. М. Ярославский; члены-корреспонденты А. А. Бочвар, И. С. Брук, С. И. Вольфович, А. В. Ефимов, В. В. Звонков, П. Н. Лебедев-Полянский, И. И. Минц, А. И. Опарин, А. Я. Орлов, С. А. Христианович, П. Ф. Юдин; профессора Б. Ильин, Б. Матвеев, Ильюшин, В. П. Орлов, И. Назаров, председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете Народных Комиссаров СССР С. В. Кафтанов.

В своем обращении они писали:

«Со всех концов страны, помимо вооружения, построенного за счет государства, шлют в армию трудящиеся на собранные ими средства боевые подарки: самолеты, танки, боеприпасы.

Мы призываем всех ученых, всех научных работников принять активное участие в строительстве танка “За передовую науку”.

Мы предлагаем организовать платные лекции ученых, весь сбор с которых и лекторский гонорар отдать в фонд строительства танков. Со своей стороны, мы выражаем готовность выступить в качестве лекторов.

25% наших гонораров за публикуемые работы мы будем вносить на постройку танков “За передовую науку”...»¹⁵

К марту 1943 г. было собрано 800 тыс., а к концу года – 2,5 млн рублей. При этом исследователи указывают обычно только крупные взносы, а про более мелкие поступления, как правило, не говорят. Между тем упомянутое обращение имело огромный отклик со стороны ученых. Это подтверждают сведения, обнаруженные в документах Совета научно-технической пропаганды АН СССР, где сохранились письма научных работников академии, в которых они выражали свое отношение к призыву и готовность участвовать в сборе средств¹⁶. Авторами писем выступали как отдельные ученые, так и целые коллективы. Например, Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в Ташкенте 14 сентября 1942 г. извещал о проведенном собрании сотрудников и полной поддержке сбора средств на танковую колонну¹⁷.

Научный работник, врач Д.Б. Пигута писал в своем письме в АН СССР от 08 апреля 1942 г.: «Прочитав заметку в № 22 “Правды” (от 2.07 с[его] г[ода]) о предложении принять участие в строительстве танковой колонны “За передовую науку”, – с своей стороны прошу включить меня в число участников этого начинания»¹⁸. Он предложил предоставить отчисление 25% гонорара за публикуемую научную работу и взнос всех сборов от предполагаемого прочтения лекции. Академик А.И. Абрикосов в письме из Казани 28 июля 1942 г. писал: «Кроме того, я сделаю отчисления при получении мною Сталинской премии¹⁹, которая вероятно, в ближайшее время мне будет переведена из Москвы»²⁰.

Член-корреспондент Л.С. Берг направил в Отдел научно-технической пропаганды АН СССР 15 августа 1942 г. из санатория в Боровом письмо:

«Боровое – курорт Акмолинской обл[асти].

16.VIII.1942

В Отдел Научной Пропаганды Академии Наук СССР

Сегодня мною получено Ваше обращение от 2 июля относительно сбора средств на создание фонда для организации танковой колонны “За передовую науку”.

Так как я еще ранее вошел в состав мирного комитета Отдела Научной Пропаганды АН СССР (председатель М.Ф. Андреева), то сообщаю о проделанной работе, поскольку она связана с обращением академиков от 2.VII.

Наш комитет провел уже две платные лекции, за которые поступило свыше 1300 руб. сбора. Деньги эти переведены на балансовый счет № 14 (Фонд обороны СССР). Предстоит еще ряд лекций (в том числе моя). Лекторами являются академики и члены-корреспонденты Академии Наук СССР, проживающие в Боровом.

Член-корреспондент АН СССР

Л. Берг

(Лев Семенович Берг)»²¹.

Эти сведения подтверждаются в письмах членов-корреспондентов А. Фреймана и Л. Иванова от 16 августа 1942 г.²²

Об активной лекторской деятельности ученых для сбора средств на танковую колонну говорят сохранившиеся письма в газету «Правда», проекты объявлений и расписания лекций. Среди них – проект объявления о лекции члена-корреспондента Л. Н. Иванова «Вторая мировая война на море», прошедшая 18 июля 1942 г. в Доме ученых²³, письмо Заведующего Отделом научной пропаганды С. М. Файланда в газету «Правда» о лекции Е. В. Тарле «Война и дипломатия». В Архиве РАН также сохранился проект расписания лекций на июль–август 1942 г. в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве²⁴. Среди лекторов академики Е. В. Тарле, А. Я. Вышинский, М. Б. Митин, Е. М. Ярославский, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, члены-корреспонденты С. И. Вольфович, И. И. Минц.

О конкретных суммах отчислений ученых в фонд постройки танковой колонны сохранились сведения, в частности, в письме члена-корреспондента П. И. Лебедева-Полянского С. М. Файланду от 18 июля 1942 г.: «Довожу до Вашего сведения, что мною в Ростокинское отделение Госбанка (Б. Мясницкая улица) 17 июля с.г. внесены в “Фонд обороны СССР” на построение танковой колонны “За передовую науку” тысяча рублей (1000 руб.)»²⁵. В фонде академика К. И. Шенфера сохранилась квитанция о перечислении им 1000 рублей на танковую

		Типовая ф. № 475	
ПРИХОДНЫЙ КАССОВЫЙ ОРДЕР № _____		от 24.01.1943 г.	
Принять от <u>Акад Шенфер</u>			
на <u>танковую колонну</u>			
<u>Одна тысяча рублей</u>		сумма прописью	
		(1000 руб. — к.)	
Подпись _____		_____	
Получил кассир _____		Проводка № _____ от _____ 1943 г.	
Организация	Приложение _____		Дебет
			Кредит
		счет карт.	счет карт.
		Сумма	
		Бухгалтер _____	
Б. № ЦУНХУ а6-а7 22/6121-3/12-40 г. т. 10.000×100. Типогр. „Московский печатник“, з. 239			

Квитанция о перечислении академиком К. И. Шенфером средств на танковую колонну «За передовую науку». 24 января 1943 г.

АРАН. Ф. 598. Оп. 2. Д. 11. Л. 1

СНК — СССР
КОМИТЕТ
по СТАЛИНСКИМ ПРЕМИЯМ
В ОБЛАСТИ
НАУКИ И ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВА

"14" августа 1943 г.
№ 06/Б

Москва, Рождественка, 11.
Телефон коммут. К-0-04-40, доб. 9
городской К-0-45-24.

ЛАУРЕАТУ
СТАЛИНСКОЙ ПРЕМИИ

Терпигореву Александру Митрофановичу

Комитет по Сталинским премиям в области науки и изобретательства уведомляет Вас, что согласно Вашему желанию, выраженному в обращении к тов. И. В. Сталину, из присужденной Вам Постановлением СНК СССР от 22/III — 1943 г. Сталинской премии в размере 100.000 руб. сумма в 50.000 руб. перечислена Комитетом в фонд *постр. танковой колонны, За передовую науку* 28/VI 1943 г. поручением № 124 через Московское Бюджетное Отделение Госбанка.

Ученый секретарь
Комитета по Сталинским премиям
профессор *М. М. Жаворонков* (Н. М. Жаворонков)

Главный бухгалтер *А. Н. Поздняков* (А. Н. Поздняков)

Л41618

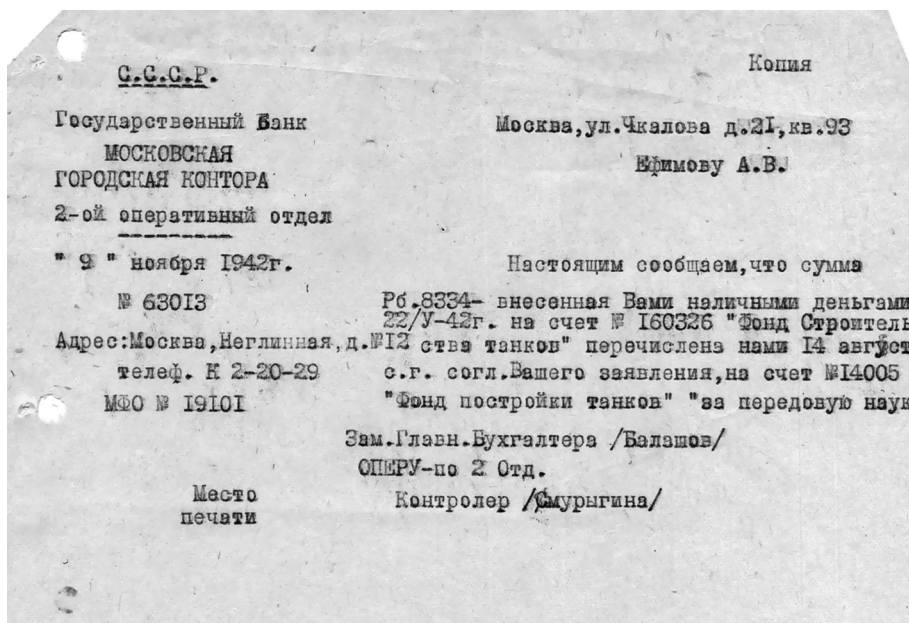
Типография МВТУ, 2-я Бауманская ул., д. 5.

Зак. 362—400

Извещение о перечислении средств Сталинской премии, полученных академиком А.М. Терпигоревым, на танковую колонну «За передовую науку». 14 августа 1943 г.

АРАН. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 35. Л. 1

колонну²⁶. В фонде академика А. М. Терпигорева сохранилось письмо комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства от 14 августа 1943 г. о перечислении 50 тыс. рублей из полученной Сталинской премии в фонд построения танковой колонны²⁷.

Извещение о перечислении средств А.В. Ефимовым в размере 8334 рубля в фонд строительства танковой колонны «За передовую науку». 9 ноября 1942 г.
АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 27

В извещении Московской городской конторы Государственного банка члену-корреспонденту А.В. Ефимову от 9 ноября 1942 г. говорится о перечислении 8334 рублей в фонд строительства танковой колонны²⁸.

Некоторые ученые ввиду плохого самочувствия и весьма преклонного возраста с сожалением сообщали о невозможности своего прямого участия в сборе средств. Примером тому может служить письмо из Казани от 27 июля 1942 г. Д.М. Петрушевского: «<...> спешу довести до сведения Отдела, что серьезное и продолжительное недомогание мешает и лишает меня всякой возможности принять какое бы то ни было участие в научной пропаганде к моему великому прискорбию»²⁹. Он умер 12 декабря 1942 г. после тяжелой и продолжительной болезни.

Многие ученые и до начала сбора средств на танковую колонну неоднократно переводили деньги в Фонд обороны. Примером этому служит письмо академика В.А. Обручева в Отдел научной пропаганды АН СССР от 22 июля 1942 г.: «...сообщаю, что я уже дважды передавал причитавшийся мне гонорар за статьи, напечатанные в периодической печати, полностью в "Фонд обороны"...»³⁰ В Архиве РАН сохранились также документы о пожертвовании в фонд от академиков А.А. Байкова³¹, О.Ю. Шмидта³², Н.П. Чижевского³³, члена-корреспондента С.В. Бахрушина³⁴ и других ученых.

О порядке учета средств, вносимых на строительство танковой колонны «За передовую науку», говорится в циркулярном письме Государственного банка СССР № 6279 от 29 мая 1942 г. своим конторам и отделениям:

«Средства, вносимые соответствующими организациями и отдельными лицами в Фонд обороны СССР на строительство танковой колонны “За передовую науку”, учитывайте в соответствии с нашей схемной телеграммой от 14 марта 1942 г. за № 38-1942, на отдельном лицевом счете по балансовому счету № 14 “Фонд обороны СССР” <...>

Выписки из лицевого счета 1-го числа каждого месяца направляйте по адресу: Москва, Б. Калужская ул., 14, в Бухгалтерию Административно-хозяйственного управления Академии Наук СССР»³⁵.

Кроме самостоятельных взносов отдельных ученых в фонд, сбор денег был организован научными учреждениями и филиалами Академии наук. Так, Азербайджанский филиал АН СССР докладывал 5 сентября 1942 г. в Отдел научной пропаганды АН СССР: «Силами научных работников в дни Отечественной войны организовано в войсковых частях и гражданских организациях свыше 500 лекций, за что лекторский гонорар не взыскивался по желанию самих лекторов»³⁶. К патриотическому делу подключились неакадемические научные и образовательные учреждения. Горьковский индустриальный институт им. А. А. Жданова, ныне Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева, собрал 142 тыс. рублей³⁷.

Как пишет в своих воспоминаниях В.П. Шиманский³⁸, 28 октября 1943 г. 70-й отдельный танковый полк 66-й механизированной бригады 8-го механизированного корпуса, находившейся под Москвой, получил три танка танковой колонны «За передовую науку», а также именные танки «Грозный», построенный на деньги писателя, академика А.Н. Толстого, «За Радянську Україну!» – на средства драматурга, академика А.Е. Корнейчука, «Михаил Кошкин» – на средства семьи конструктора танка Т-34 М.И. Кошкина.

При зачитывании приказа подполковника Г.Л. Гаврилюка о передаче и вручении экипажам танков присутствовали академики А.Н. Толстой, А.Е. Корнейчук, М.Б. Митин и И.И. Минц, которые обратились к танкистам с краткой речью. С ответным словом выступил командир танка «Грозный» старший лейтенант П.В. Беляев.

В.П. Шиманский указывает следующие номера переданных танков Т-34: № 310-0929 «Грозный», № 310-0917 «За Радянську Україну!», № 310-0897 «За передовую науку!», № 310-0899 «Михаил Кошкин», № 310-0915 «За передовую науку!», № 310-0916 «За передовую науку!»

В декабре 1943 г. 70-й отдельный танковый полк, в составе 8-го механизированного корпуса, участвовал в боях по освобождению города Александрия на Украине. Т-34 «За Радянську Україну!»

А.Н. Толстой и Л.И. Толстая-Крестинская с экипажем танка «Грозный»
(старший лейтенант П.В. Беляев, старший сержант Н.А. Ананьев, А.Д. Жаворонков,
В.П. Боровков), 1943 г.

[Электронный ресурс]. URL: <https://ar.pinterest.com/pin/858920960171257642/>
(дата обращения: 11.03.2025)

первым ворвался в город и был подбит, а его экипаж во главе с командиром, лейтенантом И. П. Панченко погиб. Позднее, как сообщает В. П. Шиманский, этот танк был установлен в городе в качестве памятника.

Рассмотренные документы позволяют с полной уверенностью говорить о массовой поддержке идеи создания танковой колонны «За передовую науку», изготовления других танков и их передачи в действующие части Красной армии. Участие ученых в митингах, посвященных передаче танков и другого вооружения войсковым частям, имело важное значение для поднятия боевого духа солдат и офицеров.

Исследованные документы разрушают ряд ошибочных представлений о строительстве танковой колонны. Большинство из таких представлений некритически заимствовано авторами из воспоминаний В. П. Шиманского. Например, в работах часто воспроизводится содержащаяся в воспоминаниях неточность в вопросе о подчиненности подразделения, получившего танки. Указывается, что они были переданы в 70-й отдельный танковый полк 66-й механизированной бригады 8-го механизированного корпуса 28 октября 1943 г., т. е. в то

Памятник Т-34 «За Радянську Україну!», г. Александрия, Кировоградская область, Украина. 2000-е годы

[Электронный ресурс]. URL: https://ic.pics.livejournal.com/tankist_31/83419838/3127697/3127697_original.jpg (дата обращения 11.03.2025)

время, когда полк еще не входил в состав 66-й бригады, что произошло только 4 ноября 1943 г.³⁹

Имеется противоречие и в вопросе о месте этого события. В. П. Шиманский называет таковым Подмоскowie, в то время как в Государственном литературном музее (ГМИРЛИ) при атрибуции фотографии А. Н. Толстого, лично участвовавшего в этом торжественном акте, место съемки определили как г. Харьков. С большой долей вероятности можно утверждать, что Шиманский прав, т.к. в указанный период полк, как и сама бригада, и 8-й механизированный корпус находились в стадии переформирования в распоряжении Московского военного округа.

Разнятся оценки количества построенных на деньги ученых танков. Тот же Шиманский указывает на три танка Т-34 из колонны «За передовую науку» и еще три упомянутых выше именных танка, другие авторы указывают восемь⁴⁰, десять⁴¹, и даже одиннадцать⁴², танков, а некоторые не указывают количества вообще⁴³.

Нет единого мнения и о размере собранной учеными суммы. Обычно авторы пишут о сумме в 800 тыс. рублей и указывают, что

из них Б.Е. Веденеев сдал 200 тыс., И.В. Якушкин и Е.А. Чудаков – по 100 тыс., А.П. Александров, Е.М. Ярославский, И.И. Минц, П.Н. Поспелов, М.Б. Митин и другие вместе – еще 400 тыс. рублей⁴⁴. Это создает ошибочное впечатление, что деньги сдавали всего восемь человек. Но если обратиться к документам, хранящимся в Архиве РАН, то с уверенностью можно сказать, что это не так. Значительные суммы вносили и другие ученые: 50 тыс. А.М. Терпигорев, 1 тыс. П.И. Лебедев-Полянский, 8 тыс. А.В. Ефимов, 142 тыс. сотрудники Горьковского индустриального института им. А.А. Жданова и т.д. Наиболее близкую к истине общую сумму называет Энциклопедия «Великая Отечественная война 1941–1945» – 2,5 млн рублей⁴⁵.

Таким образом, проведенное исследование показывает, как много неточностей и противоречий встречается в научных работах по столь актуальной и привлекающей внимание теме, как история Великой Отечественной войны. Несмотря на то что исследуемые события не далеко отстоят от наших дней, проблема изобилует белыми пятнами и требует дальнейшего внимательного изучения.

Примечания

¹ *Ломкин А.В.* Финансовый фронт Великой отечественной // Еженедельник Звезда. 10.05.2019 г. // Портал «Звезда» [Электронный ресурс]. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20194301216-e9IN6.html> (дата обращения: 11.03.2025).

² Трудящиеся предлагают создать Фонд обороны // Правда. № 208 (8616). С. 3.

³ Фонд обороны // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.

⁴ *Коломиец М., Мощанский И.* Камуфляж танков Красной Армии 1930–1945. М.: ООО Издательский центр «Экспринт», 2003.

⁵ *Роцин И.И.* Твердо верю в нашу Победу. М.: Политиздат, 1989.

⁶ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 1–12. М.: Военное издательство МО СССР, 1973–1982.

⁷ *Фарафонов М.* С именем комсомола // Моделист-Конструктор. № 7. 1978.

⁸ *Ростов Н.Д.* Морская доблесть и слава Сибири (к 60-й годовщине Великой Победы). III Научные чтения памяти Ю.С. Булыгина: Сборник научных трудов / Под ред. Ю.М. Гончарова, В.Н. Владимирова. Барнаул: «Аз Бука», 2005.

⁹ *Егоров В.* Корабли, построенные в годы Великой Отечественной войны на средства комсомольцев // Военно-исторический журнал. № 11. 1973.

¹⁰ *Пигарев Д.Т.* На торпедных катерах. М.: Воениздат, 1963.

¹¹ «Красное Сормово»: завод и люди – Нижний Новгород: Кварц, 2006; Сормовская «Малютка» // Красный Сормович. № 1. 2007; *Синицын А.М.* «Все-народная помощь фронту». М., 1975 и др.

¹² Архив РАН (АРАН). Ф. 277.

¹³ АРАН. Ф. 448.

¹⁴ Письмо заведующего Отделом научной пропаганды АН СССР С. М. Файланда В. Л. Комарову о сборе средств среди ученых СССР на танковую колонну «За передовую науку». (В приложении — обращение ученых ко всем научным работникам СССР «Построим танковую колонну “За передовую науку”»). См.: АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 313.

¹⁵ АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 313. Л. 2–3.

¹⁶ АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20.

¹⁷ Там же. Л. 26

¹⁸ Там же. Л. 1.

¹⁹ Сталинская премия первой степени (1942) — за научный труд «Частная патологическая анатомия. Ч. II: Сердце и сосуды», опубликованный в конце 1940 г.

²⁰ АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 10.

²¹ Там же. Л. 1а.

²² Там же. Л. 13–14.

²³ Там же. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 21–22.

²⁵ Там же. Л. 7.

²⁶ АРАН. Ф. 598. Оп. 2. Д. 11.

²⁷ АРАН. Ф. 1502. Оп. 1. Д. 35.

²⁸ АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 27.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ Там же. Л. 9.

³¹ АРАН. Ф. 614. Оп. 2. Д. 83, Д. 84, Д. 329.

³² АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 29.

³³ АРАН. Ф. 1598. Оп. 1. Д. 53.

³⁴ АРАН. Ф. 624. Оп. 2. Д. 22.

³⁵ АРАН. Ф. 448. Оп. 4. Д. 20. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 24.

³⁷ *Никитина И.* С Днем Победы — днем вечной памяти // Политехник. 2016. № 4 (29 апреля). С. 1.

³⁸ *Шиманский В. П.* Позывные наших сердец. М.: Воениздат, 1980. С. 77–83.

³⁹ Воинские части. 70 отп // Портал «Память народа» [Электронный ресурс]. URL: https://pamyat-naroda.ru/warunit/id9619/?backurl=/warunit/?warunit_name%3D70%20%D0%BE%D1%82%D0%BF%26page%3D1 (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁰ Танковая колонна «За передовую науку» или «За передовую советскую науку» // Портал «Танковый фронт 1939–1945» [Электронный ресурс]. URL: http://tankfront.ru/ussr/names/columns/za_peredovuyu_nauku.html (дата обращения: 11.03.2025).

⁴¹ kv_bear Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://kv-bear.livejournal.com/3208.html> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴² 70 отп / Портал «Танковый фронт 1939–1945» [Электронный ресурс]. URL: <http://tankfront.ru/ussr/tp/tp070.html> (дата обращения: 11.03.2025).

⁴³ Коломиец М., Мощанский И. Камуфляж танков Красной Армии 1930–1945. М.: Издательский центр «Экспринт», 2003.

⁴⁴ Танковая колонна «За передовую науку» или «За передовую советскую науку» // Портал «Танковый фронт 1939–1945» [Электронный ресурс]. URL: http://tankfront.ru/ussr/names/columns/za_pereodovuyu_nauku.html (дата обращения: 11.03.2025).

⁴⁵ Академия Наук // Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. См. также: Левшин Б. В. Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1966.

Д. В. Аносов

АКАДЕМИЧЕСКОЕ КНИГОИЗДАНИЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДОСТИЖЕНИЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ И ПРИКЛАДНОЙ НАУКИ

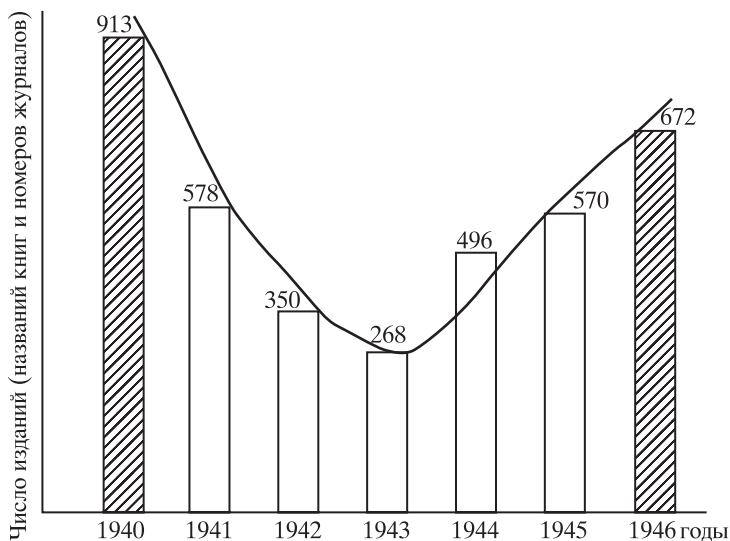
Отмечая 80-летие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне, среди героических страниц ее летописи нельзя не вспомнить те из них, которые отражают роль академической книги, в которой нашел достойное отражение вклад ученых в обеспечение обороноспособности страны, поддержании высокого морального духа воинов и тружеников тыла, развитие науки и культуры. Издавались труды по истории армии и военного искусства, работы, отражающие героическое прошлое нашего народа, его трудовой подвиг, когда все руководствовались призывом: «Все для фронта! Все для победы!» Публиковались книги о великих полководцах нашей страны, выдающихся деятелях науки и техники, научно-популярные и специальные издания в помощь различным отраслям народного хозяйства. В значительных масштабах издавались труды по итогам фундаментальных и прикладных исследований военного периода, в том числе и по оборонной тематике.

Великая Отечественная война нанесла издательской деятельности и полиграфической промышленности ущерб огромного масштаба. Выпуск книг и журналов академическим издательством упал с 913 в 1940 г. до 350 изданий в 1942 г., т.е. в 2,6 раза.

Немалый вклад в выпуск научных изданий и иной литературы всех видов и читательского назначения внесло в военные годы академическое издательство и институты Академии наук.

Несмотря на трудности военного времени, издательская деятельность Академии наук не прекращалась в течение всех лет войны. В целом динамика выпуска книг и журналов в военные годы приведена на рисунке. Для сравнения даются также данные по предвоенному и первому послевоенному годам. В 1940 г. выпуск литературы академическим издательством достиг сравнительно высокого уровня: по количеству он приближался к 1000 названий, а по объему в авторских листах – к 13 тыс. Уже в 1946 г. был превышен уровень первого года войны.

Перебазирование на Восток научных учреждений Академии наук из центральных районов страны стало частью государственного плана не только спасения людей, материальных и культурных ценностей, но и создания в безопасных районах способного работать на оборону научно-технического потенциала. Это происходило в три этапа. В июле–

Динамика академического книгоиздания
в годы войны

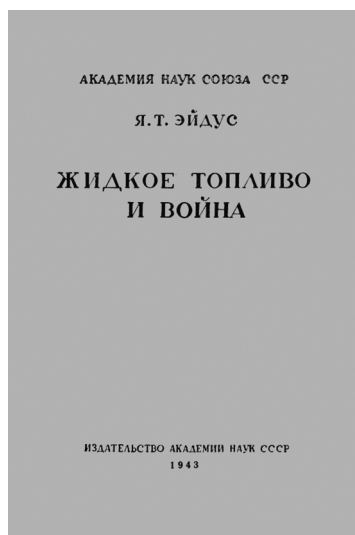
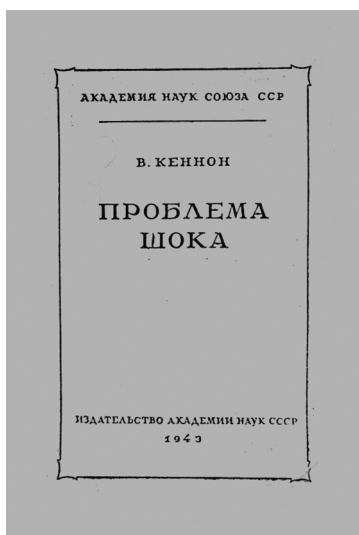
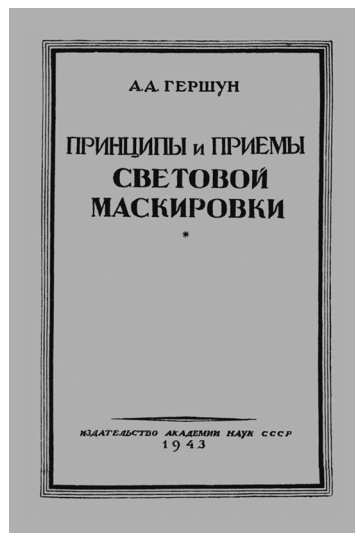
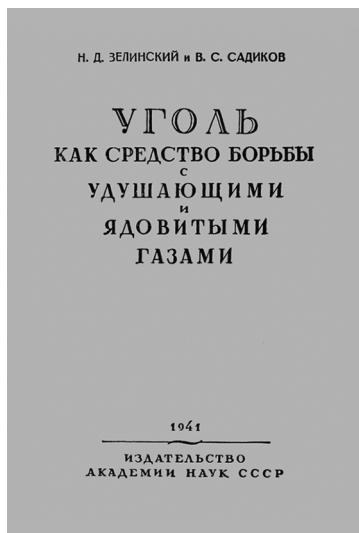
августе 1941 г. осуществлялся первый этап, когда эвакуировались институты Украины и Белоруссии. 22 июля в Казань выехали первые 11 московских институтов и лабораторий. В числе эвакуированных на первом этапе было и академическое издательство.

Издательство Академии наук внесло большой вклад в публикацию итогов научно-исследовательской деятельности учреждений Академии, а также в издание литературы всех видов и читательского назначения в помощь фронту и тылу.

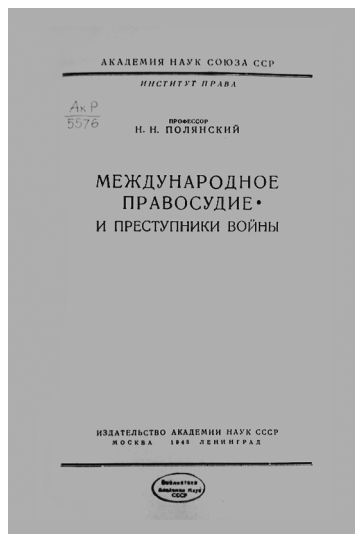
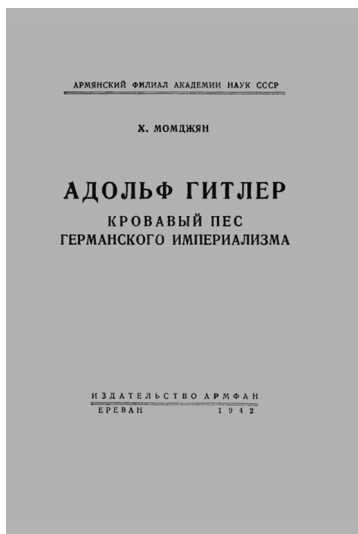
В эти годы, наряду с публикацией итогов фундаментальных и прикладных исследований, Издательство АН СССР выпускало работы, помогавшие ковать победу над врагом. Академия наук не только обеспечивала специальной литературой потребности оборонной промышленности страны и народного хозяйства, но и, выполняя свои уставные задачи, активно поддерживала выпуск научных трудов и периодики практически по всем направлениям науки (конечно, с учетом возможностей военного времени), образования и культуры, отражая их достижения и вклад в развитие фундаментальной и прикладной науки. Кроме публикации итогов научных исследований – эта деятельность практически не прерывалась, Академией наук выпускалось значительное число изданий в помощь фронту и тылу по следующим тематическим направлениям (см. примеры таких изданий далее).

- «Академическая книга – фронту»,
- «Разоблачение сущности фашизма»,
- «В помощь населению и народному хозяйству страны»,

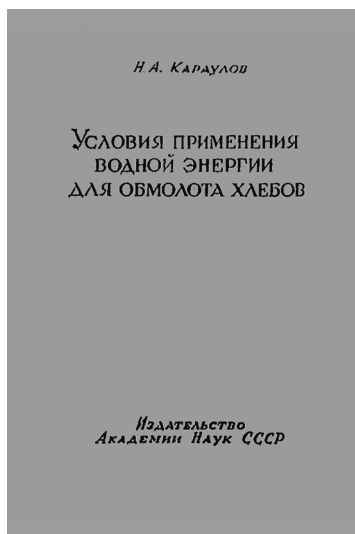
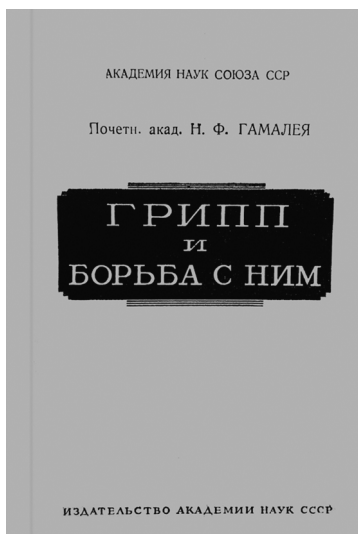
Академическая книга – фронту

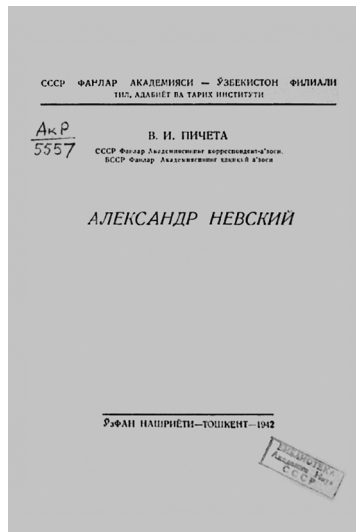
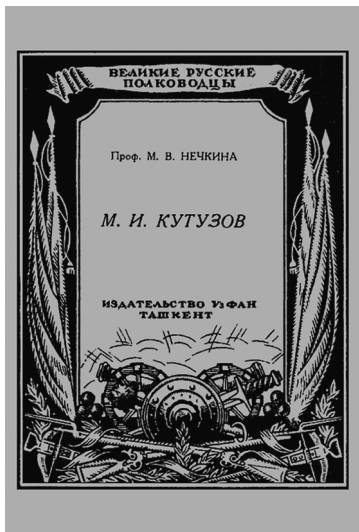
Разоблачение сущности фашизма

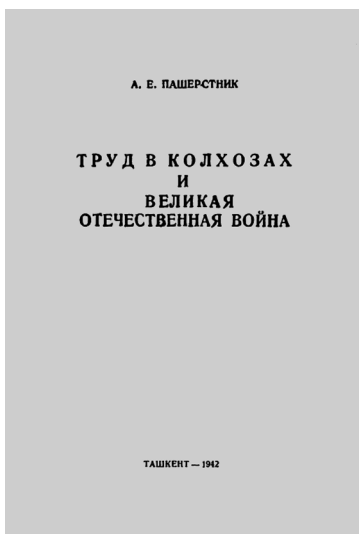
В помощь населению и народному хозяйству

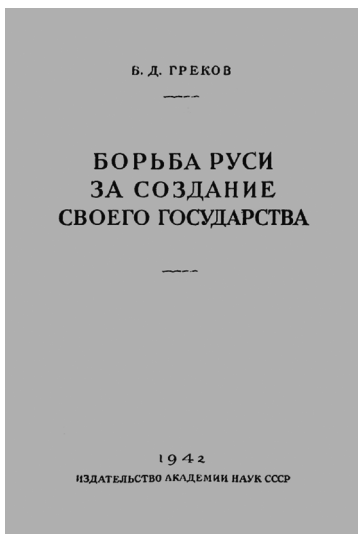
Полководцы и герои прошлого

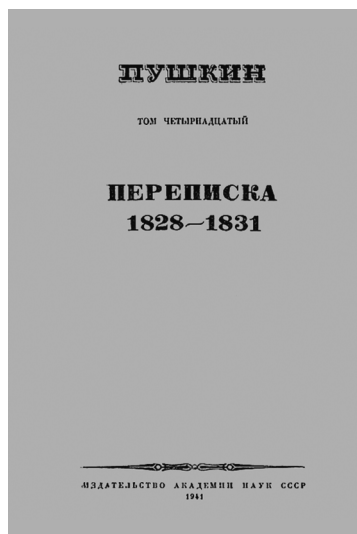
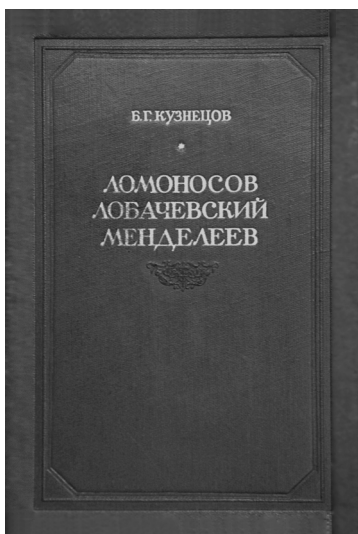
Подвиг тружеников тыла

Героическое прошлое и борьба с фашизмом

Великие ученые, писатели, мыслители

«Полководцы и герои прошлого»,
«Подвиг тружеников тыла»,
«Героическое прошлое нашего народа и борьба с фашизмом»,
«Великие ученые, писатели, мыслители».

В Казани в 1941, 1942 и частично в 1943 г. Издательство АН СССР выпустило, в основном на базе Татполиграфа, 46 изданий.

В 1941 г. издана работа И.В. Курчатова «Деление тяжелых ядер». Труд посвящен анализу путей практического осуществления цепной реакции. Первый военный год ознаменовался также выходом в свет цикла работ М.В. Келдыша «Колебания крыла с упруго-прикрепленным мотором» и «Изгибозлеронный флаттер». Группа ведущих ученых Академии наук – М.В. Келдыш, А.А. Дородницын, Л.И. Седов, Г.П. Свищев, В.В. Струминский – были среди авторов «Руководства для конструкторов», содержащего подробные рекомендации по проектированию самолетов, их агрегатов и устройств. В этом же году увидели свет работы А.Н. Колмогорова и А.М. Обухова по теории турбулентности. Продолжали выходить и научные монографии. Среди них – «Теория тонких оболочек» В.В. Новожилова.

Оказывая действенную помощь оборонной промышленности и народному хозяйству страны, Издательство АН СССР в «казанский» период своей истории выпустило немало важных трудов. Среди них: тематический сборник «Вопросы конструирования и расчета деталей машин» (Институт машиноведения), «Устойчивость автомобиля при самоблокирующемся дифференциале» академика Е.А. Чудакова, «Систематизация средств и методов измерений в машиностроении» П.Е. Апарина, «Критерии оценки микрогеометрии поверхности» и «Суперфиниш в машиностроении» П.Е. Дьяченко, «Ошибки механизмов для черчения линий», «Ошибки кулачковых механизмов с двумя степенями свободы» академика Н.Г. Бруевича, «Обоснование методики расчета допусков и ошибок кинематических цепей» Н.А. Бородачева, «Краткая инструкция по устройству ледовых дорог» Л.А. Труфанова, «Рефлексы головного мозга» И.М. Сеченова, «Грипп и борьба с ним» почетного академика АН СССР Н.Ф. Гамалея, «Уголь как средство борьбы с удушающими и ядовитыми газами» Н.Д. Зелинского и В.С. Садикова, популярная лекция будущего президента АН СССР С.И. Вавилова «Холодный свет», «Учение о клетке» С.Я. Залкинда, «Очерк развития русского противогАЗа во время империалистической войны 1914–1918 гг.» Н.А. Фигуровского, «Ледяные изотермические склады» М.И. Крылова, монография члена-корреспондента АН СССР Х.С. Коштоянца «Сеченов», «Краткий обзор истории древней Армении» Л.А. Манандяна (Институт истории АН СССР).

В октябре 1943 г. началось возвращение в Москву научных учреждений и вузов. Возвратились Президиум Академии наук и ее издательство.

Уже в Москве в 1944 г. выходит в свет монография Л.И. Седова «Методы подобия и размерности в механике», а чуть позже – монография Л.А. Зильбера «Вирусная теория происхождения злокачественных опухолей».

Большой вклад в издательскую деятельность Академии наук внесли ее институты. Уже в самом начале войны вышли из печати подготовленные сотрудниками Института истории издания, посвященные героическому прошлому нашего народа, его культуре, прославленным русским полководцам.

Под грифом созданной Президиумом Академии наук Комиссии по истории Отечественной войны, в состав которой вошли общественеды Т.Ф. Александров (председатель), И.И. Минц, Е.М. Ярославский, М.В. Митин, Р.С. Землячка, Е.Н. Городецкий и др., опубликовано немало работ, отражающих подвиги народа на войне и в тылу. Среди них брошюры «Крушение германской стратегии» М. Толкунова, «Разгром ударной группировки немцев под Москвой» А. Васильева и др.

Перечень трудов ученых Института истории, изданных в годы войны, впечатляет. Среди них «Очерки по истории русской армии и военного искусства» (освещались военные события с древнейших времен до создания школы полководческого мастерства А.В. Суворова), сборник «Вековая борьба славянских народов против немецкой агрессии» под редакцией З. Неядлы; второй и третий тома «Истории дипломатии», созданные творческим коллективом под руководством академика В.П. Потемкина. Труды «Из истории германского фашизма», «Фашизм и фашистская фальсификация истории», способствовавшие разоблачению идеологии германского фашизма, создали академики А.М. Деборин и Р.Ю. Виппер, члены-корреспонденты АН А.Д. Удальцова, Л.И. Зубок, Ф.И. Нотович и другие историки.

В 1944 г. вышел в свет первый том серии «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», издание которой продолжается и поныне.

Внесли свой вклад и экономисты. Труд «Очерки военной экономики» был подготовлен коллективом ученых Института экономики под руководством академика С.Г. Струмилина. Издана работа по теории советского хозяйства (авторский коллектив под руководством К.В. Островитянова, ставшего впоследствии академиком). В книге академика Е.С. Варги «Изменения в экономике капитализма в итоге Второй мировой войны» был предпринят глубокий теоретический анализ новых явлений в экономике зарубежных стран.

Исследования филологов Академии наук, опубликованные в военные годы, включали оригинальную работу академика А.С. Орлова «Героические темы древнерусской литературы», труд члена-корреспондента АН В.Ф. Шишмарева «Фашистские исторические корни тотальной войны», исследование члена-корреспондента АН Н.В. Юшманова «Разоблачение фашистской теории в языкознании».

Можно назвать также подготовленную Институтом мировой литературы им. А.М. Горького книгу «Горький против фашизма» и монографическое исследование Института языка и письменности «Сравнительные грамматики языков народов СССР». «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода» С.П. Обнорского являлись собой пример выдающегося исследования по русской лингвистике.

В 1944 г. вышел в свет третий том «Истории философии», подготовленный Институтом философии АН. В тот период он подвергся критике ЦК ВКП(б) за якобы неправильную оценку философии Канта, Фихте и Гегеля. За этот год ученые Академии наук опубликовали в журналах и газетах более 500 научных статей и издали 81 брошюру. В 1945 г. в периодической печати было помещено 1200 статей ученых АН. Кроме того, издано 85 брошюр из серии «Научно-популярная литература».

Первые выпуски этой серии появились в 1932 г., когда была создана Комиссия по изданию научно-популярной литературы Редакционно-издательского совета (РИСО) Академии наук СССР. Ее председателем стал академик В.Л. Комаров. В октябре 1944 г. заседания Комиссии проводились под председательством академика С.И. Вавилова – прекрасного популяризатора науки. Ученым секретарем был М.И. Радовский. На заседаниях Комиссии выступали С.И. Вавилов, М.И. Радовский, Ф.Н. Петров, В.П. Волгин, Б.Д. Греков, П.И. Лебедев-Полянский, П.Ф. Юдин и другие видные ученые.

Поражает портфель рукописей серии «Научно-популярная литература»: на октябрь 1944 г. он включал 53 названия общим объемом в 534 а.л. С 1941 по 1945 г. академическим издательством было выпущено 75 названий из этой серии по различным направлениям науки общим объемом 552 а.л. и суммарным тиражом 5497 тыс. экз.

Назовем, для примера, некоторые труды (по подсериям), наиболее ярко иллюстрирующие диапазон научно-популярных изданий военных лет: Фесенков В.Г. «Космогения солнечной системы» (1944) (Астрономия); Вавилов С.И. «Холодный свет» (1942) (Физика); Шаронов В.В. «Наблюдение и видимость» (1943) (Геофизика); Эйбус Я.Т. «Жидкое топливо и война» (1943) (Химия); Обручев В.А. «Образование гор и рудных месторождений» (1942) (География); Опарин А.И. «Возникновение жизни на Земле» (1941), Комаров В.Л. «Происхождение растений» (1943), Гамалея Н.Ф. «Грипп и борьба с ним» (1942) (Биология, медицина, агрономия и почвоведение); Гершун А.А. «Принципы и методы световой маскировки» (1943), Дьячков А.К. «Как обеспечить хорошую надежную работу подшипников» (1942) (Техника); Сеченов И.М. «Рефлексы головного мозга» (1942) (Классики науки); Крылов А.Н. «Ньютон и его значение в мировой науке» (1943), Цетлин Л.С. «Тимирязев» (1945) (История науки и жизнеописание ученых); Манандян Я.А. «Краткий обзор истории древней Армении» (1941), Греков Б.Д. «Культура Киевской Руси» (1944), Греков Б.Д. «Борьба Руси за создание своего государства» (1945) (История); Лихачев Д.С. «Нацио-

нальное самосознание Древней Руси» (1945), Орлов А.С. «Казахский героический эпос» (1945) (История литературы и филология); Ферсман А.Е. «Воспоминания о камне» (1944), Ковалевская С.В. «Воспоминания детства и автобиографические очерки» (1945) (Мемуары).

В годы войны издавалось большинство серийных и продолжающихся изданий по всем основным областям и направлениям науки:

– математика, астрономия и физика («Астрономический ежегодник», «Морской астрономический ежегодник», Труды Главной астрономической обсерватории в Пулкове и др.);

– химия (сборники научных трудов «Биохимия хлебопечения», очередные выпуски и тома серии «Синтетические методы в области металлоорганических соединений» и др.);

– геология, география, геофизика и почвоведение («Неметаллические ископаемые СССР», «Очерки по геологии Сибири», «Палеонтологическое обозрение» и др.);

– общая биология, ботаника, зоология и физиология («Военно-медицинский сборник», «Определители по фауне СССР», «Тимирязевские чтения», «Фауна СССР», «Флора СССР» и др.);

– природные ресурсы СССР (в этой группе в течение всей войны издавались лишь тома серии «Библиография Бурят-Монголии за 1890–1936 гг.»);

– техника («Известия Энергетического института им. Г.М. Кржижановского», «Труды Института металлофизики и металлургии» и др.);

– экономика и право (в этой группе 1945 г. стал началом выпуска серий «Акты о высших государственных установлениях» и «Вопросы советского гражданского права»);

– философия, история, археология и этнография («Война и мир. Войны и мирные договоры нового времени», «Известия Института истории материальной культуры им. Н.Я. Марра», «Исторические записки», «История философии», «Труды Института востоковедения» и др.);

– литературоведение и языкознание («История английской литературы», «История русской литературы», «Труды Института языка и мышления им. Н.Я. Марра», «Литературное наследство», «Временник Пушкинской комиссии» и др.);

– история науки («Труды Архива Академии наук СССР», «Труды Комиссии по истории Академии наук СССР» и др.).

Удивительно, но факт: в период войны Академия наук не только поддерживала выпуск 84 серийных и продолжающихся изданий, но даже открывала новые серии.

В военные годы издавались также собрания сочинений ученых и писателей, среди них: Антонович М.А. «Избранные философские сочинения», Белинский В.Г. «Избранные философские сочинения» (Серия «Классики русской философии»), Добролюбов Н.А. «Избран-

ные философские сочинения» (Институт философии), Зелинский Н.Д. «Избранные труды», Карпинский А.П. «Собрание сочинений», Комаров В.Л. «Избранные сочинения», Крылов А.Н. «Собрание трудов», Пушкин А.С. «Полное собрание сочинений», Радищев А.Н. «Полное собрание сочинений», Северцов А.Н. «Собрание сочинений», Успенский Г.И. «Полное собрание сочинений» (Пушкинский Дом), Чебышев П.Л. «Полное собрание сочинений».

Коротко остановимся на отдельных сериях. В 1940 г. Академия наук основала большую серию персоналий под названием «Материалы к биобиблиографии ученых» (первоначальное название серии – «Материалы к библиографии трудов ученых СССР»). Открывалась она в 1940 г. персоналией выдающегося ученого минералога и геохимика Александра Евгеньевича Ферсмана (1883–1945).

С 1941 по 1945 г. в этой серии издано 12 персоналий академиков. Издание осуществлялось по разделам наук: в серии физико-математических наук вышли персоналии академиков А.Н. Крылова (1863–1945), Л.И. Мандельштама (1879–1944) и А.В. Шубникова (1887–1970); в серии геолого-географических наук – академиков А.Д. Архангельского (1879–1940), Д.С. Белянкина (1876–1953), И.М. Губкина (1871–1939) и Ф.Ю. Левинсона-Лессинга (1861–1939); в серии биологических наук – академика Е.Н. Павловского (1884–1965); в серии технических наук – академиков Байкова А.А. (1870–1946), В.Н. Образцова (1874–1949) и А.А. Скочинского (1874–1960); в серии общественных наук – академика Ю.В. Готье (1873–1943).

Издания из серии «Материалы к биобиблиографии ученых» продолжают выходить и в настоящее время.

Победный 1945 г. стал годом рождения широко известной серии «Классики науки». Ее основателем являлся президент Академии наук С.И. Вавилов. Для публикации в серии «Классики науки» отбирались (и отбираются, так как серия издается и сейчас) основополагающие труды выдающихся деятелей науки всех времен и народов с соблюдением всех особенностей подлинника. При этом в трудах обязательно помещаются комментарии и примечания ведущих отечественных ученых в соответствующей области. Открыл серию первый том философской поэмы Тита Лукреция Кара «О природе вещей» (второй том вышел в 1946 г.).

В 1943 г. и последующие военные годы продолжалась подписка на 33 академических журнала. С 1944 г. была объявлена подписка на три новых журнала: «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права»; «Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии»; «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка» (ранее издавались в 1940–1941 гг.).

Кроме журналов, распространяемых по подписке, Академия наук издавала в военные годы немало периодических изданий ее отделений, научных учреждений и обществ.

В военные годы достойно служили Родине академические полиграфисты и книгораспространители, а также библиотеки.

Книгораспространение. Специализированная академическая сеть книгораспространения, начало формирования которой было положено еще в 1728 г., когда при Академии были созданы «Книжные палаты», с 1930 г. функционировала как сектор распространения в составе Издательства «Наука» Академии наук СССР, а с 1938 г. – как хозрасчетная «Контора по распространению изданий АН СССР» («Академкнига»). В этом статусе ее и «застала» Великая Отечественная война.

Как и Издательство АН СССР, Центральная контора «Академкнига» в годы войны размещалась в Казани по Пионерской ул., 17. В 1942 г. ее отделения (конторы) функционировали в Москве (Пушкинская, 23), Ленинграде (пр. Володарского, 53), Ташкенте (п/я 9).

Среднеазиатская контора «Академкниги» была создана в связи с эвакуацией в Ташкент с оккупированных территорий многих общественно-политических и экономических структур. Она начала свою деятельность 1 сентября 1941 г.

С января 1943 г. в Свердловске начала действовать Свердловская контора «Академкнига», созданная путем преобразования подписного пункта.

В сложных условиях военного времени Центральная контора «Академкнига» и ее местные отделения продолжали проводить подписку на академические журналы, оформляя ее как непосредственно в своих конторах, так и во всех отделениях «Союзпечати» и на почте.

Книгообмен. С самого начала своей деятельности Академия наук уделяла большое внимание развитию международных научных связей, что, конечно, невозможно эффективно осуществить без хорошо налаженного научного книгообмена, который, естественно, мог базироваться только на широкой издательской деятельности Академии. Без этого трудно себе представить ее полноценное функционирование в качестве научного и просветительского центра России. Поэтому уже через два года после начала работы Академии наук в качестве ее издательского органа была открыта Академическая типография, которая наряду с Кусткамерой и Библиотекой стала одним из первых академических учреждений.

Таким образом, изначально книгоиздательство, а на его базе – и активный международный научный книгообмен стали важнейшими составляющими многогранной деятельности Академии наук.

Количество зарубежных научных учреждений, с которыми библиотеки Академии наук СССР осуществляли книгообмен, даже в первый военный год составляло 1500. Для сравнения приведем динамику развития международного книгообмена: 1916 г. – 750, 1925 – 1000 зарубежных научных учреждений.

И в военные годы Академия наук получала запросы и направляла свои издания ученым из других стран. Так, по запросу французских

ученых им были отправлены полные комплекты многих академических журналов с 1939 по 1945 г., в том числе «Докладов» и «Известий» Академии наук.

В трудное для страны время Книжный отдел Академии наук СССР во главе с его директором Р. Караханом активно ставил и решал вопросы о получении иностранной литературы. Для ее приобретения предусматривались определенные лимиты. В 1942 г. 80% выделенных на эти цели сумм было направлено на удовлетворение потребностей научных учреждений, а 20% – на индивидуальную подписку.

На заседании Президиума АН СССР 20 июня 1942 г. специально рассматривался вопрос «О книгообмене». Докладчиком был академик А.Ф. Иоффе. В постановлении отмечалась необходимость активизации книгообмена «изданиями Академии наук СССР с учреждениями за границей». Работа по проведению книгообмена была поручена Книжному отделу АН СССР. На него была также возложена координация «деятельности других учреждений Академии наук, за коими сохраняется право самостоятельного книгообмена (Фундаментальная библиотека Общественных наук, Редакции журналов)».

В «Казанский» период деятельности АН СССР иностранные журналы для Библиотеки Академии наук поступали в Московский сектор Книжного отдела АН СССР. Для институтов, находившихся в Казани, рассылались Книжным отделом в Казань, а «для филиалов и Базы по изучению Севера – по адресам филиалов и Базы. Журналы и вообще литература по общественным наукам передается целиком фундаментальной Библиотеке в Москве, которая уже сама снабжает ею институты на местах». В 1941–1942 гг. в АН СССР поступало около 1000 комплектов иностранных журналов. Осуществлялась в эти годы и поставка изданий АН СССР в другие страны, среди которых, в частности, была и Англия (Научный Британский комитет).

Академия, по мере возможности, старалась материально поддерживать научный книгообмен. В Архиве РАН сохранилась докладная директора Книжного отдела АН СССР Р. Карахана от 10 сентября 1942 г. на имя вице-президента АН СССР академика А.Ф. Иоффе с просьбой разрешить «передать “Международной книге заказы на книги-новинки по точным и естественным наукам наиболее крупных издательств и научных обществ (Methuen & Co Me Millan, Me Graw Hill, Physical Institute и т.д.)”».

На упомянутой докладной имеется подлинная резолюция академика А.Ф. Иоффе: *«Выделить 5500 р. (пять тысяч пятьсот) Ф.Б.О.Н. из резерва. Остаток разрешаю использовать согласно Вашему предложению».*

Издательству АН СССР постоянно поручали бронировать часть тиражей (прежде всего, периодики) для книгообмена. Обеспечивая отправку литературы, Книжный отдел АН СССР направлял складу «Академкниги» разрешение Главлита на экспорт «за границу изданий

Академии наук», а «также адреса (для наклеек на бандероли) научных учреждений за границей».

Библиотечное обслуживание. Нельзя не отметить, что одной из действенных форм обеспечения литературой в военные годы был самоотверженный труд сотрудников Библиотеки Академии наук СССР (БАН).

Президиум АН СССР своим постановлением от 23 июня 1941 г. обязал все отделения и научные учреждения перестроить свою работу в первую очередь на выполнение нужд обороны, укрепление военной мощи нашей Родины.

В связи с приближением противника к Ленинграду были упакованы в ящики и подготовлены к отправке:

рукописи – 46 ящ.,

инкунабулы и редчайшие книги – 85 ящ.,

фонд академии, изданий – 379 ящ.,

собрания литературы XVIII в. – 166 ящ.

Невзирая на все тяготы военного положения, Библиотека осталась в осажденном городе, сохранила фонды и продолжала не только обслуживать читателей, но и передавала литературу в соединения и части действующей армии. Среди них: книги о А.В. Суворове, М.И. Кутузове, о боевом прошлом русского народа.

Книги БАН становились достоянием воинов ленинградских дивизий народного ополчения и городских госпиталей с помощью библиотек-передвижек. Работа по созданию специального передвижного фонда началась еще в августе 1941 г.

При подготовке главы использованы материалы книги *В.И. Васильева «Войне вопреки... Академическая книга в истории Великой Отечественной войны. 1941–1945»*. М.: Наука, 2005.

ДОКУМЕНТЫ О ВКЛАДЕ УЧЕНЫХ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ФОНДАХ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Документы о вкладе ученых в Победу в фондах старейшего научного архива страны – Архива Российской академии наук – отражают различные направления деятельности ученых и представляют собой значительный массив, который можно условно разделить на четыре блока: Наука – фронту; Жизнь и деятельность ученых во время войны, эвакуация и создание филиалов Академии наук СССР; Шефская помощь Красной армии; Ученые-участники Великой Отечественной войны.

Первый блок содержит основополагающие документы Академии наук – это решения правительства и переписка, связанные с работой АН СССР, постановления и распоряжения Президиума АН СССР и ее отделений военного периода, в частности программные протокол и стенограмма расширенного заседания Президиума АН СССР от 23 июня 1941 г. о перестройке работы АН СССР в соответствии с требованиями фронта и тыла, на котором было принято обращение «К ученым всех стран», где говорилось: «В этот час решительного боя советские ученые идут со своим народом, отдавая все силы борьбе с фашистскими поджигателями войны, – во имя защиты своей родины и во имя защиты свободы мировой науки и спасения культуры, служащей всему человечеству»¹.

Во время войны в научно-исследовательских учреждениях АН СССР ученые работали над созданием новых, более совершенных средств нападения и защиты, разрабатывали новые виды радиоаппаратуры, военной оптики, топлива, боеприпасов и новых видов вооружения. Академиками А.Ф. Иоффе, А.Н. Крыловым, И.В. Курчатовым и др. была разработана система размагничивания боевых кораблей. Для развития скоростной авиации большое значение имели работы академика М.В. Келдыша, создавшего математическую теорию «флаттера» крыла, и профессора И.И. Китайгородского по созданию бронестекла «БС». Академик С.А. Христианович внес большой вклад в улучшение качества снарядов реактивных минометов «Катюша». Институтом географии АН СССР под руководством академиков И.П. Герасимова, А.А. Григорьева и Л.И. Прасолова составлялись серии дорожно-географических карт территории военных действий и описания к ним. Благодаря работам академика Н.Т. Гудцова над нормальными стаями

К УЧЕНЫМ ВСЕХ СТРАН

В эти дни, когда по вине фашистских правителей земля заливаётся все новыми потоками человеческой крови, Академия наук СССР обращается ко всем ученым мира, ко всем друзьям науки и прогресса с призывом: сплотить все силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров.

Может ли кто-либо из нас — работников науки — спокойно смотреть на то, что фашистский солдатский сапог угрожает задавить во всем мире яркий свет человечества — свободу человеческой мысли, право народов самостоятельно развивать свою культуру? Может ли хоть одна страна считать себя в безопасности, пока не разгромлен гитлеризм — очаг насильнических войн?

Фашизм — злейший враг культуры и науки.

Фашизм — это перманентная война.

В течение восьми лет Гитлер и его клика истязают Германию. Во что они превратили эту страну, которая дала человечеству великих гениев науки и искусства? Что стало с германскими учеными? Они либо уничтожены, либо скитаются на чужбине. Что стало с германской наукой? Она заменена глубоко антинаучными, человеконенавистническими расистскими бреднями о том, что немецкая раса является якобы избранной, и это дает ей право на мировое господство, право обращать все другие народы в рабов.

Втоптав в грязь и кровь собственную страну, гитлеровцы поработили и ограбили пол-Европы и угрожают всему миру.

для станкостроительных заводов оказалось возможным изготавливать траки гусениц танков и коленчатые валы танковых моторов из нелегированных сталей. Академики Б.А. Введенский, Л.И. Мандельштам, Н.Д. Папалекси своими теоретическими трудами в области радиофизики позволили создать различные радиотехнические устройства важного военного значения. На основе работ академика М.А. Лаврентьева были созданы бронебойные снаряды кумулятивного действия. Немало сил приложили большинство из вышеперечисленных ученых впоследствии для создания советского Атомного проекта.

В Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале хранятся личные фонды академиков С.И. Вавилова, В.И. Вернадского, Н.Т. Гудцова, А.Ф. Иоффе, М.В. Келдыша, В.Л. Комарова, А.Н. Крылова, И.В. Курчатова, М.А. Лаврентьева, Л.И. Мандельштама, Н.Д. Папалекси, Л.И. Прасолова и др. Несомненный интерес представляют разнообразные документы из этих фондов: отчет И.И. Китайгородского «Высокотемпературное формирование стекла»; расчет Воздушно-реактивного двигателя (ВРД), выполненный В.Г. Гальпериным, С.Г. Симоновым, С.А. Христиановичем в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) и Научно-исследовательском институте №1 (НИИ-1); конспект лекции академика Н.Т. Гудцова «Металлургия и война»; фотографии сотрудников Физико-технического института И.В. Курчатова, Ю.С. Лазуркина и А.Р. Регеля во время размагничивания кораблей на Черном море, академика М.В. Келдыша с авиаконструктором академиком С.В. Ильюшиным и заслуженным деятелем науки и техники И.В. Остославским в ЦАГИ в 1941 г., заседания Общего собрания АН СССР 14 октября 1944 г., члена-корреспондента П.П. Кобеко во время испытания созданного им нового изоляционного материала – эскапона (1944), академиков Н.Д. Зелинского и Б.А. Казанского с сотрудниками Института органической химии АН СССР в 1945 г. и др.

Большое количество информации о деятельности во время войны академиков и членов-корреспондентов содержат отчеты об их работе во время войны и их дневниковые записи, а также отчеты о работе академических институтов. Значительное число работ выполнялось учреждениями АН СССР непосредственно по заявкам военных организаций. Иллюстрацией этому могут служить следующие документы из фондов академических институтов: заключение от 20 марта 1942 г. Управления ВВС Ленинградского военного округа о работе Физико-технического института по борьбе с обледенением самолетов и стекол кабины; письмо начальника Службы маскировки при Мосгорисполкоме А. Заславского с положительной оценкой работ, выполненных Московской группой спецработ АН СССР; переписка 1942 г. 2-го Управления ГРУ Генштаба Красной армии с АН СССР о возможности использования ядерной энергии в военных целях; отзыв ВВС

Красной Армии на книгу профессора Г.Д. Рихтера «Снежный покров, его формирование и свойства»; соглашение Управления ВВС Ленинградского фронта и Ленинградской группы Института теоретической астрономии о безвозмездной подготовке для нужд фронта таблиц восхода и захода Солнца и Луны на 1943 г.; письмо директора Института теоретической астрономии члена-корреспондента М.Ф. Субботина в Отделение физико-математических наук АН СССР о награждении сотрудников Института, участвовавших в составлении Астрономического ежегодника на 1943 г. и др.

Коллектив Математического института АН СССР в 1943 г. разработал и составил штурманские таблицы для авиации. Широкое применение они получили в авиации дальнего действия, которая на их основе производила бомбежку глубоких тылов противника. В Архиве хранится письмо начальника штаба Авиации дальнего действия к президенту АН СССР академику В.Л. Комарову с благодарностью за разработку таблиц для расчета путевого угла и расстояния.

Большой вклад внесли ученые в работу по скорейшему возвращению в строй раненых бойцов. Здесь необходимо назвать имена академиков Н.Н. Бурденко, Н.Ф. Гамалея и Л.С. Штерн, С.С. Брюхоненко, З.В. Ермольевой. В Архиве РАН хранятся чертежи, рисунки и фотографии аппарата С.С. Брюхоненко «Автожектор» для осуществления искусственного кровообращения, фотография Л.С. Штерн и профессора Г.Н. Кассиля во время опыта в Лаборатории физиологии Института биофизики АН СССР, выступления академиков Л.А. Орбели и С.И. Спасокукоцкого, профессоров А.Н. Бакулева и Н.Г. Беленького на заседании Президиума АН СССР по докладу Л.С. Штерн «О возможности применения метода непосредственного воздействия на нервные центры путем введения лечебных веществ в спинномозговой канал» (1942 г.) и научные работы Л.С. Штерн по этой проблеме, фотография научной конференция по новейшим проблемам и исследованиям в области лечения ран в Государственном институте усовершенствования врачей (ГИДУВ) в Ленинграде (октябрь 1941 г.) и др.

Условия военного времени потребовали увеличения добычи сырья и расширения промышленности на Урале, в Сибири, Поволжье, Казахстане. В решении этой жизненно важной задачи большую роль сыграли Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана на нужды обороны во главе с президентом АН СССР В.Л. Комаровым и Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья, работу которой возглавил академик Е.А. Чудаков. Отчеты и материалы этих комиссий, также как и отчеты Волго-Башкирской экспедиции военного периода, сосредоточены в фондах этих комиссий. В фонде В.Л. Комарова содержатся его письмо к заместителю председателя Уральского филиала АН СССР Н.В. Деменеву о необходимости разработки ряда экономических проблем, связанных с вопросами мобилизации производительных сил Урала на нужды обороны

(сентябрь 1941 г.) и доклад на Общем собрании АН СССР в мае 1942 г. в Свердловске «Неотложные задачи науки в работе по мобилизации ресурсов восточных регионов СССР на нужды обороны»; письмо директора Энергетического института АН СССР Г.М. Кржижановского к В.Л. Комарову об увязке работы Института с работой Комиссии по мобилизации ресурсов Урала (2 октября 1941 г.); телеграммы секретаря ЦК Казахстана Н.А. Скворцова к В.Л. Комарову с просьбой помочь увеличить нефтедобычу на промыслах (1942), проект Положения о Совете филиалов и баз АН СССР (28 августа 1942 г.); отчет Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны за 1942–1943 гг.; докладная записка В.Л. Комарова И.В. Сталину по вопросу создания металлургической базы на Северо-Западе (1944); статья Л.Д. Шевякова «В.Л. Комаров на Урале в годы Отечественной войны» (1944) и др.

Отдельно можно отметить патриотическую публицистическую деятельность академиков, отраженную в их статьях и выступлениях, например, В.Л. Комарова «Оружие передовой науки – в помощь Красной Армии» (передовая статья газеты «Правда»), «Филиалы Академии наук СССР в дни Отечественной войны», «Советская интеллигенция в Отечественной войне», «Уральский филиал Академии наук СССР в дни Отечественной войны», «Академия наук – штаб советской науки» и «Работа, рожденная в огне войны» (к 30-летию существования Совета по изучению производительных сил); А.А. Байкова «Все силы науки для победы над врагом»; С.И. Вавилова «В защиту культуры» и др.

Целый комплекс документов посвящен имевшему большое политическое значение 220-летнему юбилею АН СССР в 1945 г., представляющий единый фонд. Это фотографии заседания Юбилейной комиссии по проведению празднования 220-летия АН СССР, Президиума юбилейной сессии АН СССР в Большом театре СССР, советских и зарубежных участников юбилейной сессии АН СССР во время экскурсий на биологическую станцию в Колтушах и в Петродворце, по залам Зоологического музея АН СССР, на выставке «Героическая оборона Ленинграда»; пригласительные билеты на прием в Кремле участников Юбилейной сессии АН СССР и на парад на Красной площади. Кроме того, в этом фонде хранятся документы, связанные с проведением этих торжеств, тексты выступлений и приветственные адреса ученых, различных организаций по этому поводу. В частности, в приветственном адресе Военного совета Ленинградского фронта к 220-летнему юбилею АН СССР говорилось, что «труженики советской науки способствовали повышению качества боевой техники Красной армии, усилению производства вооружений и боеприпасов, повышению общей военно-экономической мощи нашей Великой Родины»².

Второй блок документов связан с организацией жизни и деятельности ученых во время войны, эвакуацией и созданием филиалов АН СССР. Казань, Свердловск, Ташкент, Алма-Ата, Фрунзе стали

*Копия проекта
на копии, содержащей
на копии, содержащей
на копии, содержащей*

984

~~Не подлежит оглашению~~

~~Проект~~

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
товарищу И.В.СТАЛИНУ

Глубокоуважаемый
Иосиф Виссарионович!

В личной беседе со мной Вы высказали пожелание, чтобы Академия Наук СССР практически включилась в решение вопроса о создании металлургии на Северо-Западе, особенно, в части ее топливно-сырьевых ресурсов.

Для предварительной проработки необходимых мероприятий мною была организована специальная бригада Совета по изучению ~~производственных сил под руководством академика А.Е.Фермана.~~

На основании данных полученных мною от бригады ~~я считаю~~ ^{*я считаю*} необходимым ~~поставить на Ваше рассмотрение~~ ^{*поставить на Ваше рассмотрение*} следующие соображения:

I. Принципиальные соображения.

Мне известно, что вопрос постройки металлургического завода у некоторых лиц вызывает и сомнение, и возражение. В основе того и другого лежит экономический подсчет пробега тонно-километров груза на тонну-металла. Я считаю такой подход узко-делаческим и методологически неправильным. Нельзя сейчас исходить из оптимального сочетания топливных и сырьевых ресурсов, которые мы имели на юге, Урале и в Западной Сибири и которые нами уже практически освоены. Кроме того расчеты ведутся на тонну-металла франко металлургический завод, а не на франко-завод потребитель что было бы безусловно правильнее и резко изменило бы картину экономических показателей, которыми оперируют противники нового завода.

Проект письма В.Л. Комарова Председателю СНК СССР И.В. Сталину об участии АН СССР в организации научно-исследовательских и проектных работ по созданию северо-западной металлургии. 1944 г.

АРАН. Ф. 277. Оп. 3. Д. 114. Л. 4

новыми центрами работы АН СССР. Списки эвакуированных и ре-эвакуированных сотрудников АН СССР хранятся в фондах подразделений Президиума АН СССР. Академия с первых дней войны сразу же развернула работу по перестройке работы в военный период. Эти события отражены в следующих документах: письмо от 6 июля 1941 г. вице-президента АН СССР О.Ю. Шмидта заместителю председателя СНК СССР А.Н. Косыгину о необходимости эвакуации Ленинградского физико-технического института и Института химической физики; телеграмма от 4 августа 1941 г. первого секретаря ВЦСПС, кандидата в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Н.М. Шверника В.Л. Комарову о переводе академических институтов в Свердловск; командировочное удостоверение О.Ю. Шмидта в г. Казань для подготовки эвакуации АН СССР и его билеты Аэрофлота по маршруту Москва–Казань и Казань–Москва в августе 1941 г.; постановление Бюро Отделения физико-математических наук АН СССР о развертывании работы физических институтов АН СССР в Казани; выписка из протокола заседания Президиума Узбекского филиала АН СССР о плане работы на март и второй квартал 1942 г.; грамота 1942 г. академику Д.Н. Прянишникову от Республиканского комитета Союза работников высшей школы и научных учреждений Узбекской ССР за работу по культуре сахарной свеклы в Узбекской ССР; протокол заседания Отделения истории и философии АН СССР в Ташкенте; отчет заместителя руководителя Алма-Атинской группы Института истории АН СССР А.П. Кучкина о работе Группы с ноября 1941 г. по 10 июня 1942 г.; материалы поездки академической группы с В.Л. Комаровым в Алма-Ату и Фрунзе (1942), фотография выступления академика И.А. Орбели на торжественном заседании, посвященном открытию Армянской Академии наук 29 октября 1943 г.; планы научно-исследовательских работ и отчет Азербайджанского филиала АН СССР за 1943 г.; докладные записки академика В.Н. Образцова В.Л. Комарову «Об объединении научной работы в СССР» (1944), письмо наркома нефтяной промышленности И. Седина к В.Л. Комарову об организации в Баку экспедиции для разработки и практического внедрения методики сейсмической разведки на море, письма академика В.И. Вернадского из эвакуации в Боровом о проводимых им научных работах; описание и чертеж газового взрывателя замедленного действия, разработанного Лабораторией электрохимии Химического института Уральского филиала АН СССР, фотографии В.Л. Комарова за 1942–1945 гг. и др.

В осажденном Ленинграде сотрудники Академии, терпя невзгоды блокады, холод, артобстрелы, мужественно сражались с врагом и одновременно продолжали научную работу. В этом можно убедиться, прочитав докладную записку академика И.Ю. Крачковского о деятельности (за 1941–1942 гг.) ленинградских учреждений, или же список ученых, погибших в 1941 и 1943 гг. в Ленинграде, составленный В.Л. Комаровым;

150	130	110	90	70	50	30	10	ЦЕНА
СССР—АЭРОФЛОТ								
Управление ГВФ								
ПАССАЖИРСКИЙ БИЛЕТ № А 443456 ★								
ОТ АЭРОПОРТА <u>Казань</u>								
ДО АЭРОПОРТА <u>Москва</u>								
ПУНКТЫ ПЕРЕСАДКИ _____								
ЦЕНА РУБ. <u>167</u> КОП. <u>50</u>								
Фамилия, имя и отчество пассажира <u>Шмидт О. Ю.</u>								
РЕЙС № _____ ДЕНЬ И ЧАС ОТПРАВЛЕНИЯ _____								
URSS								
Примечание _____								
<div style="display: flex; justify-content: space-between;"> <div style="border: 1px solid black; padding: 2px;">Штемпель АЭРОПОРТА или гор. ст.</div> <div>15 /ix 1941 г.</div> <div>Подпись лица, выдавшего билет</div> </div>								
ОСТАЕТСЯ НА РУКАХ У ПАССАЖИРА								

Билет О.Ю. Шмидта на самолет из Казани, куда он приезжал для подготовки эвакуации АН СССР. 15 сентября 1941 г.

АРАН. Ф. 496. Оп. 2. Д. 343. Л. 4

КОНТРОЛЬНЫЙ ТАЛОН	
ПАСС. БИЛЕТ № А 443456 ★	
ОТ АЭРОПОРТА <u>Казань</u>	
ДО АЭРОПОРТА <u>Москва</u>	
ЦЕНА РУБ. <u>167</u> КОП. <u>50</u>	
Фамилия пассажира <u>Шмидт О. Ю.</u>	
День и час прилета _____	
САМОЛЕТ № _____	
II	ОТРЫВАЕТСЯ В АЭРОПОРТЕ НАЗНАЧЕНИЯ ПРИ ВЫСАДКЕ

отчет о дежурстве в здании Зоологического института АН СССР в ночь на 17–18 октября 1941 г.; докладную записку академика С.Н. Бернштейна о направлении его в Ленинград для участия в работе, связанной с непосредственным обслуживанием фронта; дневник директора Архива АН СССР Г.А. Князева³, в котором сохранена карточка на хлеб в Ленинграде за декабрь 1941 г.; письмо В.Л. Комарова от 10 апреля 1942 г. председателю Комиссии Верховного Совета СССР по эвакуации Н.М. Швернику о принятии срочных мер для сохранения жизни и здоровья ленинградских ученых, находящихся в блокаде; фотографии Пулковской обсерватории, разрушенной во время Великой Отечественной войны (1942), академика И.А. Орбели в кладовых Эрмитажа (1944) и др.

Третий блок документов посвящен шефской помощи, оказываемой членами Академии Красной армии. Это документы о передаче академиком В.Н. Образцовым построенного на его средства самолета Як-1 летчику А.Ф. Лавренову в 1943 г. и заявление от 20 августа 1941 г.

М.В. Келдыш с авиаконструктором С.В. Ильюшиным и заслуженным деятелем науки и техники И.В. Остославским в ЦАГИ [1941 г.]

АРАН. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 36. Л. 1

члена-корреспондента С.В. Бахрушина с просьбой принять в Фонд обороны облигации Государственного займа на сумму 1000 рублей; обращение-призыв от 2 июля 1942 г. академиков В.Л. Комарова, А.Ф. Иоффе, Л.А. Орбели, А.Е. Ферсмана и других выдающихся ученых к научным работникам о сборе средств для строительства танковой колонны «За передовую науку» и телеграмма академиков о взносе средств на танковую колонну. К 1943 г. Академией наук было собрано 2,5 млн руб., переданных для строительства танковой колонны «За передовую науку». Сохранились справки Совета по научно-технической пропаганде АН СССР о мероприятиях, проведенных Советом для частей и организаций Красной армии за январь–сентябрь 1943 г.

Другое направление деятельности в этой области – работа военно-шефской комиссии – представлена планами и отчетами этой комиссии. Кроме того, фотографиями, благодарственными письмами бойцов и партизан в адрес этой комиссии, а также академикам В.Л. Комарову и А.А. Байкову.

Четвертый блок содержит документы ученых, участвовавших в боевых действиях. Например, фотографии члена-корреспондента Б.А. Сахарова и генерала-лейтенанта И.И. Федюнинского в мае 1945 г. в Берлине, академика И.И. Трайнина на Белорусском фронте в марте

Член-корреспондент (1970)
Б.А. Сахаров и генерал-лейтенант
И.И. Федюнинский в мае 1945 г.
в Берлине

АРАН. Ф. 1802. Оп. 1. Д. 31. Л. 7

Академик И.И. Трайнин
на Белорусском фронте
в марте 1944 г.

АРАН. Ф. 586. Оп. 2. Д. 53

1944 г., фотографии и документы о прохождении военной службы в годы войны членов-корреспондентов И.А. Раппопорта, А.М. Самсонова, Б.А. Сахарова и В.Л. Тягуненко, доктора биологических наук В.П. Эфроимсона, объяснительная записка члена-корреспондента А.А. Ляпунова (в 1942 г. курсанта 4-й минной роты) к работе «Изучение баллистики мин» и др.

Данный обзор представляет реперными точками большой объем документов, хранящихся в Архиве РАН, о значительном вкладе ученых в Победу советского народа в Великой Отечественной войне.

Примечания

¹ Обращение «К ученым всех стран». 23 июня 1941 г. // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 31. Л. 202.

² Приветственный адрес Военного совета Ленинградского фронта к 220-летию юбилею АН СССР. 1945 г. // АРАН. Ф. 519. Оп. 1. Д. 50. Л. 105.

³ Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники. 1941–1945. СПб.: Наука, 2009. 1220 с.

Н.М. Осипова

ЧАСТЬ II

НИЧТО
НЕ ЗАБЫТО...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ
ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК –
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

Академик

БЕЛЯЕВ

Спартак Тимофеевич
(1923–2017)

С.Т. Беляев родился 27 октября 1923 г. в Москве. Советский физик, научный руководитель Института общей и ядерной физики (ИОЯФ), доктор физико-математических наук. Основные труды в области физики релятивистской плазмы, квантовой теории многих частиц, теории атомного ядра. Научный руководитель факультета нанотехнологий и информатики МФТИ.

В 1941 г., сразу после окончания школы, С.Т. Беляев поступает токарем на завод, а в августе того же года добровольцем уходит в действующую армию на фронты Великой Отечественной войны. После демобилизации, в 1946 г., поступает на физической факультет МГУ, с которого переходит на только что открывшийся физико-технический факультет (впоследствии МФТИ). В 1952 г. Беляев с отличием оканчивает МФТИ.

Еще в 1947 г., будучи студентом, С.Т. Беляев начинает свою творческую деятельность в Институте атомной энергии (ИАЭ) под руководством Герша Ицковича Будкера. В 1955 г. он обращается к физике атомного ядра. Его первая работа в этой области была посвящена экспериментальным проблемам, лежащим на стыке атомной и ядерной физики – созданию источников поляризованных ядер. В конце 50-х гг. С.Т. Беляев (в содружестве с А.Б. Мигдалом и В.М. Галицким) становится одним из пионеров в развитии новой области теоретической физики – применении методов квантовой теории поля к проблемам многих тел. В 1962 г. вместе с В.М. Галицким и несколькими молодыми физиками он переезжает в Новосибирский Академгородок и становится ведущим сотрудником, а затем и руководителем теоретического отдела Института ядерной физики (ИЯФ) Сибирского отделения АН СССР. С 1965 г. С.Т. Беляев – ректор и заведующий кафедрой теоретической физики Новосибирского государственного университета (НГУ), где воплотил «систему Физтеха». В 1978 г. возвращается в Москву в ИАЭ им. И.В. Курчатова и в 1981 г. становится директором отделения общей и ядерной физики ИАЭ. Одновременно возглавляет кафедру теоретической физики Московского физико-технического института. В 1995 г. Беляев стал ректором Института естественных наук и экологии (ИНЕСНЭК), который был учрежден РНЦ «Курчатовский институт». В 2006 г. все преподаватели и студенты ИНЕСНЭК перешли на Факультет нанотехнологий и информатики МФТИ. Научным руководителем ФНТИ стал С.Т. Беляев.

Военные годы

Трудно возвращаться в свои военные годы. Далеки они, да и не старался их сохранять в своей памяти. Стойкая память о войне бывала жестока, многим не давала спокойно жить и работать, а некоторые из-за этой неотвязной памяти до срока уходили из жизни. Моя память о войне сохранила только отдельные яркие пятна.

1941 год. Я заканчиваю московскую школу 10-летку. Через неделю после выпускного вечера началась война. В первые дни не было у нас ощущения трагичности. Ведь к войне серьезно готовились. Год назад открылись средние школы с авиационной и военно-морской специализацией. Из нашего класса некоторые перешли туда и приходили к нам, демонстрируя красивую форму. С прошлого года мальчишкам уже нельзя было сразу поступать в вуз, только после армии. Мой сосед по квартире, окончивший нашу школу год назад, как раз приехал в двухнедельный отпуск из части под Ленинградом – и сразу собрался возвращаться назад в свою часть. Многие из нашего класса сразу пошли в военкомат добровольцами. Там было не до нас. После нескольких отказов я устроился токарем на завод. В Москву война пришла через месяц. Начались постоянные налеты. Приходилось совмещать работу на заводе с дежурством на крышах при налетах.

Сегодня я с удивлением всматриваюсь в того молодого наивного мальчишку.

Вот еще один эпизод из его жизни – в самом начале войны.

В середине лета вызвали меня в райком комсомола и вручили повестку: завтра явиться по такому-то адресу. Зачем – они не знают... Большой «казенный дом», у входа толпа моих сверстников, примерно около сотни человек. Открылись двери, и всех впустили. В несколько кабинетов стали вызывать по одному. Пришла моя очередь. Вхожу. Сидят два полковника. Немолодые, интеллигентные лица. Листают мое личное дело, задали несколько вопросов и отпустили. Примерно через час всех пригласили в большой зал. Разместились. После этого встает офицер с ромбами и говорит: «Все вы зачислены студентами в Военный институт иностранных языков. Кто не хочет, может отказаться». Одна рука поднялась. «Ваша фамилия?» Ответ. Офицер листает бумаги: «Вы свободны». Поднимаю руку я, называю фамилию. Шуршат бумаги и в ответ: «А Вас мы не отпустим». Собрание кончилось, Шум обсуждения планов... А я думаю, что делать. Наконец решаюсь и вхожу в кабинет, где проходило собеседование. Те же полковники. «...Язык это не мое дело... мое будущее я вижу в математике...», – произнес я. Они спокойно слушают, затем один с усталостью и состраданием: «Сынок, какая математика, ведь на фронт пойдешь...» «Ну и пойду!» Отпустили. Размышляю сегодня над этой странной историей. Может быть, хотели через комсомол отобрать и сохранить молодых обещающих ребят...

Ну а я продолжал наведываться в военкомат. Наконец в августе получил направление в 55-ю отдельную специальную радиороту Разведуправления Генштаба. Она располагалась в старых Чернышевских казармах почти в центре Москвы (теперь уже известно, что я попал в первый набор этой радиошколы).

Курсантами роты были выпускники школ, студенты вузов, как парни, так и девушки. Учили нас приему и передаче морзянки, радиотехнике, использованию миниатюрной радиоаппаратуры. Занятия были очень интенсивные, по 12–14 часов, и нас мало мучали строевой подготовкой. Во второй половине октября (время паники в Москве) нас направили на земляные работы, но вскоре вернули в Москву и отправили эшеленом в Горький. Там нас разместили в школе, и все время уходило в основном на элементарное обустройство для жизни и занятий. 6 ноября вечером все сидели перед громкоговорителем и слушали доклад Сталина, когда вошел дежурный офицер и зачитал небольшой список вызываемых к командиру части. Тот приказал нам получить документы и пайки и сообщил, что завтра мы отправляемся на Южный фронт. Наутро мы, восемь свежее испеченных сержантов, из них три девушки, отправились в путешествие. Где можно – поездом, где попутными машинами, ожидая их у военных регулировочных постов.

Мои армейские годы не кончились и после победы. Только в январе 1946 г. я был откомандирован из части (стоявшей в окрестности Варшавы) в 12-й ОПРОС – отдельный полк резерва офицерского состава, располагавшийся недалеко от Гомеля. Здесь должна определяться дальнейшая судьба прибывающих из-за рубежа офицеров – направление в военные округа или демобилизация. Личные дела идут спецпочтой и запаздывают, поэтому всем дают двухнедельный отпуск. И хотя почти все запаздывают на две-три недели (получая 10 суток ареста, т.е. 15% денежного содержания), но почта идет еще медленнее. Все нервно ждут решения своей судьбы. Большой спортивный зал, плотно уставленный двухэтажными кроватями, днем постоянно гудит. В основном боятся демобилизации. Молодые ребята, танкисты, артиллеристы, капитаны, майоры, много повидавшие, привыкшие уже к почету и уважению, но не имеющие ни гражданской профессии, а часто и места, где приткнуться. Их можно понять. Но с другой стороны... Знакомлюсь с соседом по койке. Немолодой капитан, был учителем, трое детей. Не демобилизуют. «Как же так, ведь есть приказ: учителей и студентов отпускать в первую очередь», – сказал я. «Говорят, связисты очень нужны», – ответил капитан. Для меня это удар. Я так надеялся, что удастся наконец поступить в университет.

В Москве я провел целый месяц. Проходя мимо Политехнического музея, увидел вывеску: «Заочный политехнический институт». Зашел, поговорил и в тот же день поступил. До отъезда успел выполнить все

задания за первый семестр и сдал их. Возвратился в ОПРОС, личное дело еще не пришло. И я решил, что надо действовать. Еду в Гомель в штаб округа с рапортом примерно такого содержания: хотя я и младший лейтенант, но училища не кончал; хотя радист, но армейской связи не знаю, а только спецсвязь разведки; а с другой стороны, я студент и хочу демобилизоваться. Входя в кабинет командующего, я привел себя в надлежащий вид: надел очки, ссутулился, собрал гимнастерку на животе. Он прочитал, посмотрел на меня, и, ничего не спрашивая, что-то написал на моей бумаге и отдал мне. За дверью я прочитал: «Демобилизовать». Удивительно, что при возвращении в ОПРОС меня окликнули из канцелярии: «Твое дело уже пришло!», на что я закричал: «Мне оно ни к чему, я демобилизуюсь», и подумал: «Как вовремя я съездил, видно, судьба».

Между двумя описанными событиями прошла моя армейская жизнь. В 1946 г. я стал студентом физфака МГУ и, восполняя потерянные годы, жадно впитывал новые знания. Но в трудное послевоенное время воспоминания о войне не отпускали. Были встречи с однополчанами, с немногими вернувшимися одноклассниками. Видел, как многие не могут оторваться от воспоминаний и активно включиться в новую жизнь. И созрело решение: забыть о тех годах, жить так, как будто их не было. Поэтому сегодня и летописец из меня плохой, память сохранила лишь отдельные эпизоды.

Прошел я всю войну радистом-разведчиком. Специальность редкая, потому немного пояснений. Забрасываемые через фронт группы разведчиков, взрывников для связи включали радиста с миниатюрной аппаратурой: приемопередатчик морзянки «Север» с комплектом батарей в двух сумках. Аппаратура эта была очень надежна, но маломощная, с гарантированным радиусом приема 100–200 км (хотя иногда удавалось связываться и за тысячу километров). На нашей стороне связь с этими группами осуществляли специальные подвижные радиоузлы при разведотделах фронтовых штабов.

В ноябре 1941 г. наша сержантская команда прибыла в радиоузел разведотдела Южного фронта, располагавшегося в Донбассе, между Каменском и Миллерово. Радиоузел (кроме общих технических, штабных и хозяйственных подразделений) состоял из отдельных радиостанций. Каждая в деревянной будке, смонтированной на грузовике. Впереди встроенный стол с приемником и передатчиком с местом для радиста, сбоку лавки-кровати. Небольшая печка-буржуйка. Электропитание – от выносного движка. Рядом с машиной устанавливается антенная мачта на тросовых растяжках. Команда такой передвижной станции: начальник, он же первый радист, второй радист, механик-моторист, шофер и стрелок-охранник. За очень короткое время все убирается внутрь, и станция готова к передвижению. Радиоаппаратура резко контрастировала с примитивной обстановкой: большого размера

новейшие американские передатчик и приемник (помню марку: «хаммерлунд»). Дело в том, что сеть разведывательных радиостанций существовала и до войны. Наш центр раньше располагался в Одессе, так что в нем сохранились еще опытные «кадровые специалисты». Так я попал к такому начальнику радиостанции, старшему лейтенанту Будкову. Стройный, шерстяная гимнастерка в офицерских ремнях, хромовые сапожки (какой контраст с нашими ботинками и обмотками).

Новые радисты, прибывавшие в часть, после работы-стажировки часто отзывались для «спецзаданий», включения в группы для заброски в тыл врага. Они переходили в распоряжение разведотдела и обратно на радиоузел, как правило, не возвращались. Каждый из нас ждал своего часа. Но по воле случая меня из радиоузла не отпустили.

Примерно за месяц до нашего прибытия в часть через линию фронта была заброшена группа во главе с офицером разведотдела с очень важным заданием. Но больше месяца группа на связь не выходила, и уже считали, что задание сорвалось (что бывало не очень редко). Каждой группе назначались свои позывные и определенное расписание для первого выхода в эфир, обычно два-три раза в разное время суток. В это время их вызывали и ловили ответный сигнал в течение получаса. Связь с этой важной группой была поручена Будкову, моему начальнику, как лучшему специалисту части. Но однажды он решил отлучиться на какое-то амурное дело, сказав мне: «Поработай, хотя вряд ли он появится». Во время сеанса я вдруг поймал очень слабый, но явно нужный сигнал, и связь установилась. Зазвонил телефон со станции контрольного слежения (где для контроля только слушали на нескольких приемниках, но передатчиков там не было), спросили, слышу ли я. Я ответил, что связь уже установлена. Я начал принимать радиogramму. Слышимость была очень плохая, приходилось запрашивать повторения, но работа продвигалась. Вдруг открывается дверь и влетает полковник, командир части (это я понял уже потом) и кричит: «Где Будков?» Я в ответ: «Не мешайте работать», и даже мата добавил. Он сел со мной рядом и тихо сидел до конца сеанса. После схватил принятую радиogramму и побежал к шифровальщикам. Потом я понял, что прием прошел успешно.

Зима 1941/42 г. была у нас на Южном фронте относительно спокойной. Но по количеству новых позывных в расписании было очевидно, что готовится наступление. Главные события развертывались у соседей, на Юго-Западном фронте, где успешное вначале наступление кончилось катастрофой под Харьковом. (Помню, как долго проходила мимо толпа вырвавшихся из окружения.) Вскоре началось наступление немцев и на нашем фронте, вдоль Дона. В июле 1942 г. положение, видимо, стало совсем плохим, и штабу фронта было приказано перебазироваться за Дон. Наш радиоузел обычно перебазировался в две очереди, чтобы не прерывать связи. Поэтому командир объявил

порядок: комиссар с основным «хозяйством» отправляются первыми, а он с половиной радиостанций (в том числе и нашей) остается до передачи связи первой группе.

Время шло, никаких вестей от первой группы не было, а положение становилось все тревожнее. Тогда командир приказал двум станциям остаться, а с остальными отправился на переправу с обещанием взять связь на себя как можно быстрее. Мы продолжали работать и следить, что происходит вокруг. Звуки разрывов хотя и медленно, но приближались. Никаких сигналов от наших групп не было. Было решено опять разделиться: наша станция остается, другая перебазировается и при первой возможности берет связь на себя и дает нам знать. В нашей команде остались Будков, я, моторист, шофер и техник радиомастерской нашего узла. Он не имел прямых обязанностей на станции и мог позволить себе отдельную программу по ознакомлению с ближайшим поселком. Через какое-то время он вернулся за Будковым. Возвратились они к вечеру, распространяя резкий сивушный запах. Скоро оказалось, что пили они какую-то отраву. Техник вскоре оправился, а Будков не приходил в сознание. Я понял, что остался за старшего (хотя по возрасту был самым младшим). Мы стояли прямо на берегу какой-то реки, притоке Дона. Противоположный берег очень высокий и крутой, наш более пологий и заросший деревьями. От них до воды метров пятьдесят. На этом открытом берегу и развернута наша мачта рядом с машиной.

Время шло, никаких сигналов от наших групп. На круче противоположного берега появились два немецких танка. Один раз выстрелили и исчезли. По-видимому, разведка. Наше расположение на открытом берегу было явно опасно. Решил, что надо поискать более укрытое место. Будкову устроили лежанку под боковой лавкой. Быстро свернулись и поехали. Темнело, нашли место среди большого фруктового сада, развернулись. Работал по расписанию, регулярно проверяя, есть ли сигналы от наших. Пока ничего ни от кого. Вдруг в темноте яркий свет фонаря, и появляется полковник или генерал (судя по барашковой папахе) с двумя автоматчиками. «Кто такие?» Я объяснил. «Никуда не поедешь. У меня связи совсем нет. Будешь работать на меня». Я объясняю, что в общевойсковую связь войти не могу. «С кем можешь связаться?» «Только с Москвой». «Хорошо, будешь передавать в Москву». Оставил автоматчиков с приказом: не выпускать. Через какое-то время приносят пачку радиограмм. Связался, передаю. Получил ответ, по-видимому, попало к адресату. Поспать пришлось очень мало, рано утром принесли новую пачку, потом еще... Только на следующий день к вечеру поток иссяк. Наконец можно передохнуть. Вышел из машины и увидел, что автоматчик крепко спит. Решение пришло сразу. «Уезжаем!» Быстро свернулись и выехали.

Стали искать переправу через Дон. К рассвету выехали к понтонной переправе. Понтон разбит, восстанавливается саперами. Огромное поле у берега все в шахматном порядке покрыто машинами, лошадиными повозками. Ждут. Наконец понтон восстановлен, машины и повозки выстраиваются в очередь, медленно продвигаются. Но через некоторое время появляются немецкие бомбардировщики. Понтон снова разбит, застрявшие на нем машины сбрасывают в воду, и работа саперов начинается снова. Наши самолеты появляются лишь после отлета немцев. Покружат, посмотрят и улетают, не дожидаясь следующего налета. Уже к концу дня понимаем, что ждать бесполезно. Наш радиотехник предлагает ехать в Ростов. Он сам ростовчанин, говорит, поможет разобраться.

В Ростове все мосты разбиты, переправы понтонные. Многокилометровая очередь начинается при въезде в город. Команды регулировщиков с флажками пытаются поддерживать порядок. Оценив обстановку, наш радиотехник, стоя на внешней ступеньке рядом с шофером, направляет машину через какие-то пустынные переулки, и скоро мы выкатываемся прямо к переправе. До въезда на понтон всего метров тридцать очень крутого спуска. Перепалка с регулировщиками: «Куда лезете, тормозите!» «Тормоза не держат!»... Так или иначе, въезжаем на понтон. Быстро темнеет, надеемся, что налеты будут реже и мы успеем переправиться. Увидели сброшенные самолетом-разведчиком осветительные факелы, когда уже съезжали с понтона. Уже слышен шум бомбардировщиков. Остановка, выскакиваем из машины, отбегаем метров на 20 и ложимся. Взрывается целый ковер бомб, но у нас все в порядке. Возвращаемся к машине. Не заводится. Вижу, что шофер в стрессе, руки трясутся. Пожилого одессита можно понять. Стараюсь успокоить. Вновь налет, но теперь уже есть опыт. Обошлось, едем дальше. Оказалось, что предстоит еще одна переправа через проток, но она оказалась много проще.

Через несколько километров остановились на привал. Силы на исходе, надо немного поспать. Утром ставим антенну, удалось связаться со штабом. Узнали пункт сбора нашего радиоузла (оказывается, он еще не собрался!). Сверяюсь с картой. Километров 300 до Сальских степей, а затем на юг, полдороги до Краснодара. Могли бы добраться за сутки-двое, но бензин на исходе, продуктов почти нет. Выехали на дорогу. По ней почти сплошной поток: машины, конные повозки, пешие толпы в форме и без, гонят скот. Стараемся продвигаться быстрее. Когда попадают какие-то строения, сворачиваем к ним. Передохнуть и осмотреться. Часто дома добротны, но почти везде пусто. Всюду много спелых абрикосов, на земле, на крышах. Встречались птицефабрики, молочные заводы с бидонами молока. И никого вокруг. На счастье повстречалась и заброшенная автобаза, где запаслись горючим. Конечно, абрикосы с молоком не лучшее сочетание, но ничего

другого не было. Зато на нашего Будкова молоко хорошо действовало, он быстро выправлялся. Когда мы прибыли на место сбора, он выглядел уже настоящим начальником.

Сбор оказался далеко не полным. Хотя некоторые группы еще подъезжали, но уже знали о больших потерях при переправе... Прибыл шофер хозяйственной части, выкатил большой молочный бидон и объявил, что подфартило найти спиртзавод. «Приходите с посудой, буду разливать». Выстроилась очередь с котелками. Процедура была очень калоритной. Шофер, высокий крепкий мужик, черпал большой кружкой из бидона, выливал в очередной котелок, а остаток выпивал сам. Когда очередь уже кончалась, он заявил: «Баста, я уже пьян». Я считал, что уклоняться не по-мужски, и также встал в очередь. Спирт был неразведенный, и как его следует пить, я и понятия не имел, так как до этого даже водки никогда не пробовал. Я отошел в сторонку, чтобы никто не видел, и выпил довольно много. Не буду описывать, что было дальше, но мутило меня сильно. Ненадолго пришел в себя, услышав выстрелы. Это приехал наш комиссар, кричал: «Рядом немецкий десант, а вы пьянку устроили. Срочно отъезжаем», и прострелил бидон со спиртом. Все стали быстро собираться, но я уже отключился... Видно, до настоящего мужика я еще не дорос. Время еще будет, до победы оставалось почти три года.

Конец лета и осень 1942 г. были очень трудными. Немцы форсировали Дон и наступали на Армавир, Краснодар, Керченский пролив. Наш фронт, теперь уже Северо-Кавказский, постоянно отступал. Наш радиоузел был все время на колесах. Каждые 1–2 дня мы меняли дислокацию. Понимали, что на фронте тяжело, но судя по плотному расписанию у радистов, наш разведотдел работал неплохо. Понятно: при отступлении не надо было сбрасывать разведгруппы с самолетов, что всегда сложно и опасно. Их просто оставляли при отходе.

Скоро мы почувствовали, что немцы прорвались и к Северному Кавказу. Наш узел разделили, и одну часть было решено направить в распоряжение Северной группы войск Закавказского фронта. По-видимому, требовалась быстрая передислокация, без развертывания в пути, а для связи со «своими» разведгруппами было решено временно оставить одну радиостанцию. Оставили нашу станцию, и меня, единственного радиста, назначили начальником. Немцы продвигались так быстро, что к тому времени, когда я передал связь радиоузлу, расположившемуся в районе Моздока, дорога туда была уже перерезана – немцы вышли к Кавказскому хребту. Мне было приказано добираться в обход хребта с юга. Предстояла дорога через Туапсе, Сухуми, Тбилиси и дальше через Военно-Грузинскую дорогу на Нальчик. Я получил все необходимые бумаги, талоны на продовольствие и бензин, указание прибыть в штаб Закавказского фронта в Тбилиси, где меня снабдят

всем на оставшуюся дорогу. Казалось, все прекрасно, и можно считать, что получили нежданный отпуск. Но все было не так просто.

Совсем недавно вышло известное постановление «Ни шагу назад». Его зачитывали нам на общем построении части. Впечатление было шоковое. Заградотряды... штрафбаты... вплоть до расстрела на месте... Вот заградотряд и оказался первой преградой на нашем пути. Сначала, даже не разбираясь в наших бумагах, нас загнали на стоянку за колючей проволокой, где уже накопилось много всего. Часовые говорили: «Придет командир – пусть разбирается». Первый командир вертел наши бумаги и сказал, что он решить не может, надо ждать старшего. Следующий сказал, что нас он может отпустить, но машина останется у них. Шли часы за часами. Когда появился старший офицер, я стал говорить, что они срывают важное задание и будут за это отвечать. Потребовал, чтобы они связались со штабом фронта в Тбилиси. Наконец, появился офицер с полномочиями на наше освобождение. И даже приказал снабдить нас продовольственным пайком (целый день мы голодали, а время было уже позднее). Дальнейшая дорога: Тупапсе – Сочи – Сухуми – Тбилиси в памяти не сохранилась, видно, прошла без приключений. Штаб Закавказского фронта в Тбилиси оказался в самом центре на необычно чистой улице. И наша припаркованная потертая машина резко контрастировала с роскошным зданием штаба.

Военно-Грузинская дорога была главным путем снабжения Северной группы войск. Машины, повозки шли почти сплошным потоком. Немецкая авиация была мало активна, поэтому добрались мы без приключений.

Нашу часть мы нашли в районе Орджоникидзе. Было много новых лиц. Узнал, что в Коджори (окрестности Тбилиси) еще до войны был такой же, как в Одессе, разведывательный радиоузел Генштаба. Часть его и вошла в нашу общую теперь команду.

Наступление немцев на Кавказе еще продолжалось, хотя его активность спадала, они перебрасывали свои части к Сталинграду. Так что отступление наше кончилось. Далеко мы откатились за 1942 г. Но, видимо, и, отступая, наша часть, радиоузел с разведотделом, внесли свой вклад. В конце года даже пришли награды. Мне вручили медаль «За боевые заслуги». Дальше будем двигаться только вперед. Но это уже другая история.

После перегруппировки фронтов под Сталинградом нас передали в Отдельную Приморскую армию, и после освобождения Краснодара в феврале 1943 г. мы разместились в его окрестностях. Думали, ненадолго, после Сталинграда ждали быстрого продвижения. А простояли больше года. Бои на побережье были тяжелыми, с неудачными десантами. Напряженную обстановку мы чувствовали и по работе наших разведгрупп. В расписании их появлялось много, но не все выходили в эфир, да и работали они недолго... Крым и Севастополь

освободили только в мае 1944 г., когда другие фронты уже переходили нашу границу.

В Крыму нас разместили в Евпатории. Город был почти пуст, с минными полями вдоль берега, которыми занимались саперы. Ждали переброски на другие фронты, но задачу нам поставили необычную. Убрать урожай, оставшийся после выселения крымских татар. (У нас в части был крымский татарин, все звали его Тохтамыш, командир моторизованной роты, водил ее часто рейдами по немецким тылам, человек легендарной храбрости. И его семью тоже выселили, даже вмешательство командующего армией не помогло.) Пока солдаты в районе Джанкоя убирали урожай, с офицерами проводили занятия (я, хотя и старшина, но на офицерской должности, тоже присутствовал). Обучали румынскому языку, знакомили с историей страны. Понимали, что готовится десант в Румынию. Но пока урожай убрали, Румыния капитулировала. Наше будущее снова стало неясным. Всю нашу часть, разведотдел вместе с радиостанциями, погрузили на платформы и отправили в резерв главного командования в Москву. На сортировочной станции Павелецкой дороги простояли мы недели две, пока не получили назначение: часть целиком (разведотдел и радиопузел) передается Польской Народной Армии. Состав разгрузился около Люблина, и началась совсем другая история.

Сегодня, зная подоплеку сталинской политики с целью будущей «коммунизации» Польши, можно понять и наше новое назначение. Вливание нашей части позволяло превратить Дивизию Костюшко в Польскую Народную Армию. Никаких изменений в работе нашего радиоузла заметно не было. Только в разведотделе можно было иногда встретить офицера в польской форме. Новое в нашей работе возникло из-за быстрого продвижения фронта. Надо было оперативно следовать за ним, быть ближе к заброшенным разведгруппам. Вся часть так оперативно двигаться не могла. Задача возлагалась на передвижные радиостанции. Так случилось, что наиболее «подвижной» оказалась моя станция. Мы почти все время были в разъездах, отрабатывалась и определенная тактика. Цели нам указывали самые общие, только направление и район. С одной стороны, желательно было держаться ближе к линии фронта, но, с другой – подальше от скопления войск, избегая воздушных налетов и помех от армейской связи. Контактить с армейскими штабами приходилось для заправки бензином и продовольствием. А в остальном мы были в своего рода автономном плавании.

Скоро научились выбирать оптимальные места для развертывания. Открытое место опасно: рация – хорошая цель при авианалетах. Очень хороши дома – антенну можно развернуть без мачты, да и аппаратуру перенести внутрь и работать с удобствами. На немецкой территории случались и курьезные случаи. Остановились мы как-то на одиноко

стоящем хуторе, довольно богатом. Дом, напротив – большой сарай. В одной половине – доверху сено, в другой – две лошади. В доме три женщины разного поколения просто дрожат от страха. Стараюсь успокоить (с немецким у меня тогда не было проблем, за что благодарен своей школьной учительнице). Просим комнату, где переночевать. На ночь выставляю часового снаружи. На рассвете вдруг выстрел. Выскакиваю и вижу уже далеко уходящего верхового. Оказалось, что хозяин хутора дезертировал из отступающей армии и прятался в сарае. Наш часовой услышал какой-то шум, пошел в сарай и спугнул хозяина, который оказался хорошим наездником.

Много пришлось проехать и увидеть. Но в памяти остались только несколько ярких пятен.

Полностью превращенная в пыль Маршалковска, главная улица Варшавы.

Зееловские высоты после нашего мощнейшего артобстрела: красная пустыня, как-то сохранившаяся поваленная кирпичная колонна и на ней сидят две женщины во всем черном, утирающие слезы.

Франкфурт-на-Одере, новая польско-германская граница, дорога к пограничному шлагбауму. Мы работаем в высоком доме с окнами на эту дорогу. Виден поток женщин, стариков, детей. Везут тележки с домашними вещами, несут мешки, сумки. Это немцы, выселяемые из своих мест, отходящих Польше. И видно, как почти все у них отбирает толпа мародеров, стоящая вдоль дороги...

Берлин, дней пять после штурма. Пыль и развалины. В Рейхстаге забираюсь на стену и пишу: «Развалинами Берлина удовлетворен. Подпись, Москва». Ее скопировали на суперобложке давно вышедшей книги «Штурм Берлина». Стараюсь понять себя тогдашнего. Но сегодня я стыжусь этой надписи.

Академик

ВАСИЛЬЕВ
Олег Федорович
(1925–2017)

О.Ф. Васильев родился 1 августа 1925 г. в Москве; окончил Московский гидромелиоративный институт в 1948 г.; главные направления научной деятельности: прикладная гидродинамика, гидравлика, гидрология, гидрофизика и экология водоемов; работал до 1995 г. директором Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН.

В последующие годы О.Ф. Васильев занимался научной и научно-организационной деятельностью в области комплексных исследований водных ресурсов, направленных на решение важных экологических проблем.

О войне

На чердаках Бауманки

Войну я встретил школьником – учащимся школы № 343 г. Москвы. 22 июня 1941 г. я получил записку от отца, мобилизованного в армию еще до начала войны, он просил меня срочно приехать на товарную станцию Киевского вокзала, где стоял эшелон, готовый к отправке на фронт. Уже работала первая линия метро «Сокольники – Киевский вокзал», и я успел попрощаться с отцом. Еще не знал, что вижу его в последний раз, так как в конце августа под городом Умань старый большевик и участник Гражданской войны попал в окружение и пропал без вести.

Я жил на ул. Баумана, в одном из старых московских районов. Мне и в голову не могло прийти, что я вскоре буду участником противовоздушной обороны Москвы, защитником своего дома от пожаров, вызванных попаданиями термитных бомб. В июльские и августовские дни и ночи 1941 г. я в составе добровольной пожарной команды дежурил возле ящиков с песком, установленных на чердаках Бауманки. Район бомбили интенсивно, горящие снаряды сыпались на крышу метеорами, но я приобрел нужную сноровку при их тушении.

С наступлением осени обстановка в Москве и под Москвой становилась все более напряженной. Занятия в 8-м классе были прекращены, и я работал на овощной базе: разматывал пожарные шланги и заполнял бочки водой. В бомбардировках уже стали преобладать фугасные бомбы, и даже на Арбате появились руины. А 16 октября началась массовая эвакуация населения и работающих на оборонных

заводах, в городе было введено осадное положение и объявлена мобилизация трудоспособных граждан на строительство оборонительных сооружений на ближних подступах к Москве.

Орудие обороны – лопата

Я хорошо помню незабываемые суровые месяцы – октябрь и ноябрь 1941 г. В качестве бойца строительного батальона я работал на юге Москвы, на сооружавшейся линии обороны вдоль Каширского шоссе. Свой единственный боевой инструмент – лопату – освоил досконально. Под назойливый вой вражеских самолетов, без выходных и пересменок, женщины, подростки и все, кто мог помочь родной столице, участвовали в создании противотанковых рвов, траншей и дотов.

Наступила ранняя зима, землекопы мерзли. Отдыхали и согревались накоротке неподалеку от раскопов, ночевали в брошенном людьми жилье. Причем отапливались из экономии лишь отдельные дома, куда все и собирались на ночевку. Работы прекратились лишь в конце ноября, и мобилизованные были отпущены. Получив документ о бессрочном отпуске, я вернулся домой. Позже это ценное для меня свидетельство было взято на хранение в военкомат для представления меня к медали «За оборону Москвы».

Уже спустя много лет, проезжая в аэропорт, я узнал те дома, в которых мы жили во время работ. Совсем недавно эти старые здания были снесены, но до сих пор в этом районе, перед Борисовскими прудами, можно видеть останки до боли знакомых мне противотанковых рвов, дзотов и дотов.

Учеба и фронт

Весной 1942 г. я усиленно готовился экстерном сдать экзамены за 9-й класс, но снова был мобилизован на строительство оборонительных сооружений, теперь уже на севере Москвы. Их строили около города Красногорска, вдоль берегов Москвы-реки. Немцы были отогнаны, но обстановка была напряженной.

Школьные экзамены были успешно сданы, и осенью я приступил к занятиям на 1-м курсе инженерного факультета «тимиряевки» – Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Грызть гранит науки мне пришлось недолго: 1 февраля 1943 г. я был мобилизован в армию и направлен во 2-е Московское пехотное училище в Филях. Готовили курсантов серьезно, в том числе и в военных лагерях, в обстановке, приближенной к боевой.

Уже в июле нас забрали из училища и отправили на фронт. Наша 97-я стрелковая дивизия только что вышла из боев на Курско-Орлов-

ской дуге, понесла большие потери в личном составе и фактически формировалась заново. Во взводе связи одного из стрелковых батальонов, где я служил помощником командира взвода, в строю остались только сам командир и ездовой. Предстоявшие нам сражения по освобождению Смоленска и Витебска были не менее жестокими.

....сам весь в мыле, ноги в грязи –
вот идет начальник связи ...

(из фронтового юмора)

В сентябре 1943 г. года начались бои за освобождение Смоленска. На второй день участия 1-го стрелкового батальона в прорыве вражеской обороны наша группа связистов, обеспечивавшая связь, попала под сильный минометный огонь. Немцы заметили нас и обстреляли. Тяжело был контужен командир взвода связи, и командование взводом я принял на себя. В этом и в последующих боях за старинный русский город я заслужил самую важную и дорогую солдатскую награду – медаль «За отвагу».

Бои за освобождение Белоруссии, в которых мне довелось участвовать, были тяжелейшими. Приходилось отвоевывать каждую деревню, каждую значимую высоту. В результате в наших пехотных частях наблюдалась такая печальная статистика: из троих пехотинцев, попавших на фронт, двое попадали в число раненых, а третий был убит. В середине декабря 1943 г. вместе с товарищами по пехотному училищу мы как-то подсчитали, сколько же нас уцелело. Оказалось, что 15 человек из 500, прибывших в сентябре на формирование в наш батальон.

Последний бой

За Витебск, являвшийся одним из главных опорных пунктов линии немецкой обороны, враги держались буквально зубами. На витебском направлении особенно кровопролитными были бои за железнодорожную станцию Крынки. Утром того памятного декабрьского дня началось решающее наступление. Сразу же после мощной артподготовки пехотные роты с ходу захватили передовые позиции немцев. И тут с командного пункта батальона во взвод связи поступил сигнал: оба телефониста, принимавших участие в захвате линии обороны, ранены и надо восстановить связь с наступающей ротой. Наладить связь с ротой было приказано мне.

Мой марш-бросок через бывшую нейтральную полосу в несколько сот метров я помню до малейших подробностей. Обстановка осложнялась тем, что делать короткие перебежки и ползти мне приходилось по покрытой снегом земле, и я представлял из себя хорошую

мишень для противника, открывшего огонь с одного из флангов. Выручила хорошая солдатская выучка, и я невредимым добрался до бруствера немецкой траншеи. На меня с удивлением смотрели наши пехотинцы, захватившие эту траншею ранее. Однако, когда я переползал через бруствер окопа, немецкий снайпер все же ранил меня в ногу.

Демобилизованный по ранению, я лечился в госпитале в Москве. Когда стало ясно, что на фронт мне не вернуться, я связался со своим институтом, и мне прислали учебники. Осенью 1944 г. я – уже студент 2-го курса Московского гидромелиоративного института, который закончил в 1948 г.

Академик

ВИНОГРАДОВ
Владимир Алексеевич
(1921–2017)

В.А. Виноградов родился 2 июля 1921 г. в Казани. Фронтовик, инвалид Великой Отечественной войны.

Окончив в 1948 г. Московский государственный институт международных отношений (он был среди первых выпускников этого знаменитого института), всю свою трудовую жизнь – пятьдесят пять лет – работал в Академии наук. В.А. Виноградов трудился под нача-

лом выдающихся президентов Академии наук: академиков С.И. Вавилова, А.Н. Несмеянова и М.В. Келдыша. На его глазах (и с его участием) разворачивались драматические события вокруг Академии. В.А. Виноградов внес весомый вклад в дело выхода нашей науки в послесталинский период на международную арену, в завязывание тесных связей с зарубежным научным сообществом. Для историка все это – бесценный материал.

Владимир Алексеевич – историк-экономист, автор десятка монографий и сотен статей. С 1972 по 1988 г. он возглавлял Институт научной информации по общественным наукам, до этого занимал руководящие должности в аппарате Президиума АН СССР. Под его руководством была создана многогранная система информационных изданий в области социальных и гуманитарных наук, которая получила широкое признание специалистов как в нашей стране, так и во многих зарубежных государствах.

О войне*

Начав учиться в Казанском авиационном институте, я собирался стать инженером-моторостроителем. Однако эти планы оказались нарушенными в первый же месяц учебы. Сессия Верховного Совета СССР, которая проходила в начале сентября 1939 г., приняла решение о призыве на службу в Красную Армию выпускников средних школ, которым уже исполнилось 18 лет. И хотя мы в тот период были уже студентами, а не выпускниками школ, тем не менее Указ был распространен на прием в вузы 1939 г. Постепенно студенческие ряды редели, и в числе других я был призван на действительную военную службу в Красную армию зимой 1940 г.

* Из книги: *Виноградов В.А. Мой XX век. М., 2005.*

Служу Отчеству

В команде, отправлявшейся из Казани в воинскую часть, вместе со мной оказались и мои друзья – Владимир Бусоргин и Сергей Платонов. Нам было известно только, что служить будем на Украине. Провожали нас родители и любимые девушки. Марианна, досрочно сдав на пятерки свою первую сессию в ИЭИ, приехала в Казань, чтобы проводить меня на военную службу. Здесь я при всех ее крепко поцеловал. Призывников разместили в товарных вагонах с двухъярусными нарами. Ехали медленно. Кормили в привокзальных военных столовых. На восьмые сутки вечером прибыли в Киев. После хорошего ужина легли спать с уверенностью, что через сутки будем на месте в городе Гайсине, нам об этом уже сообщили. Однако утром нас ждал сюрприз: отодвинув дверь вагона, мы увидели, что все железнодорожные пути занесены снегом. Крупные хлопья снега продолжали падать. Снег доходил до колен. Железнодорожники разводили руками – такого снегопада они не помнили. От них же узнали, что в первую очередь будут пропускать воинские эшелоны (шла война с Финляндией), затем откопают пассажирские поезда и только после этого займутся нашим составом. Стало ясно, что стоим в Киеве не менее суток, а то и более. После завтрака решили пойти в город. Здесь картина была та же – все было засыпано снегом. Ни один вид городского транспорта не действовал. Тротуары представляли собой глубокие траншеи. Прохожих, шедших по противоположной стороне улицы, едва было видно.

В городе наша троица провела весь день. Гуляли, заходили в кафе, посетили кинотеатр, с любопытством рассматривали красиво одетых женщин. Многие из них носили разноцветные кокошники. Все для нас здесь было необычным.

На следующий день ситуация на железнодорожной станции не изменилась. Наш эшелон все еще был занесен снегом. Снова пошли в Киев. Эти два дня явились приятной передышкой после восьми дней тряски в товарном вагоне. Выехали из Киева поздно вечером и на следующий день прибыли в Гайсин. Здесь формировался новый полк из числа новобранцев. Я попал в роту ПВО – противовоздушной обороны. На вооружении в роте были счетверенные пулеметные тумбочные установки на автомашинах. В этой роте я прослужил до ноября 1940 г.

Служба в Красной Армии совпала с началом Второй мировой войны и советско-финской войной. Это наложило свой отпечаток на боевую подготовку. Условия были суровыми. В казармах разрешалось проводить только политзанятия и после ужина чистить оружие. Все остальное время мы находились в поле. Материальную часть винтовки и пулемета «максим» изучали на плащпалатках, расстеленных на снегу. Здесь учились разбирать и собирать оружие. Ползали по

заснеженному полю, учились зарываться в снег. Иногда задача усложнялась: перебегать и ползать приходилось с пулеметом на спине. В этом случае, несмотря на мороз, по лицу струился пот. Практиковались многокилометровые броски. Было трудно, но я не помню, чтобы кто-то из красноармейцев нашей роты простудился и заболел. После отбоя засыпали мгновенно, спали как убитые. Довольно часто проводились учебные тревоги. В этом случае в мою обязанность входило, взяв винтовку, бежать на квартиру командира роты и докладывать о тревоге. Стремился опередить вестовых, других командиров, но не всегда это удавалось. Хорошая физическая закалка, полученная в Казани в спортивном обществе «Буревестник», помогала мне легко преодолевать все тяготы военной службы.

В свободное время наша троица собиралась, обсуждали домашние новости, черпаемые из писем, каждое из которых доставляло большую радость. С особым нетерпением каждый раз ждал письма от моей Марианны. Изредка получали из дома посылки с вкусными домашними изготовлениями. В целом служба шла однообразно, все дни были близнецами. Клуба в полку не было. В город увольнительных не давали. Но скоро наше спокойное существование окончилось. В середине июня 1940 г. полк подняли по тревоге, и мы двинулись из Гайсина к границе с Румынией. На границе находились около недели. Были замаскированы, готовились к переходу границы и освобождению Бессарабии, которая ранее входила в состав Российской империи и была захвачена Румынией после Первой мировой войны. Граница проходила по реке Днестр, широкой и очень быстрой. Противоположный берег Днестра был высоким, правда, сначала шла довольно широкая отмель, а потом начиналась возвышенность. Предполагалось, что на ней находятся румынские укрепления. Поэтому наступающие войска могли оказаться под прицельным обстрелом румын. Позиции у них были явно выгодными. Для форсирования Днестра требовалось навести понтонные мосты. Других средств для переправы (катеров, лодок или плотов) не было.

В день, когда стало известно, что Румыния отдает Бессарабию без боя (это произошло 28 июня), я, еще не зная об этом, решил сходить в полевую парикмахерскую, постричься и побриться. Сделать это мне не удалось. Моя очередь почти подошла, и в это время я увидел бегущих к парикмахерской лейтенантов, старших лейтенантов, капитанов. Я был страшно удивлен: что такое? Оказалось, что в 14.00 по радио сообщили новость: Бессарабию Румыния отдает без боя. Командный состав решил привести себя в соответствующий вид. Меня, естественно, оттеснили.

Вскоре начали наводить понтонный мост. Делали это очень долго, с большим трудом. Опыта у понтонеров не было, и я представил себе, какая могла сложиться ситуация, если бы им пришлось наводить переправу под артиллерийским и пулеметным огнем с другой сторо-

ны. Красноармейцы высыпали на берег и, поскольку ничто этому не препятствовало, решили искупаться в Днестре. Течение было очень сильным, и выбираться из воды приходилось с трудом. Чуть-чуть зазеваешься, и относит на пятьдесят, на сто метров. Стоять по грудь в воде было невозможно. К вечеру понтонный мост был наведен, и мы постепенно переехали, перешли на другую сторону Днестра.

Когда поднялись в гору, то увидели, что никаких укреплений – дотов и дзотов – там не было, по краю обрыва были выкопаны только мелкие индивидуальные ячейки для солдат. Оборонять границу румыны, по-видимому, не собирались. Продвижение в глубь территории Бессарабии проходило довольно медленно: полк был пехотный, автомобили были только в роте ПВО. Все роты шли в пешем строю. В роте ПВО было четыре боевых расчета. Попеременно два находились на автомашинах, два других шли вместе с другими подразделениями. В основном передвигались вечером и ночью, днем идти было очень тяжело: температура превышала тридцать градусов. Дня через три мы вышли к Пруту, где и расположились палаточным лагерем. Во всех населенных пунктах, через которые проходил полк, нас встречали хлебом и солью, с ведрами вина, кричали: «Двадцать лет вас ждали!» В заданном направлении полк двигался первым, впереди наших частей не было, а следовательно, такое отношение к нам со стороны населения не было специально подготовленным.

Трудности и известное напряжение начались несколько позднее. Питания, которое было организовано не лучшим образом, не хватало, и мы стали покупать хлеб, яйца, молоко, другие продукты у местного населения. Встал вопрос, как расплачиваться? И вот тут возникли сложности. Среди бойцов были узбеки, таджики, представители других национальностей Средней Азии. У них оказалось много денег, причем в крупных купюрах. За буханку хлеба, за которую следовало платить по существующим ценам рубль или два рубля, они готовы были отдать и тридцать, и пятьдесят рублей. Среди населения началась паника: что же такое советские рубли? Я помню, как по территории нашей части бегал плачущий крестьянин, который продал свинью за десять рублей и пытался найти старшину, который ее купил. Последовал целый ряд приказов, которые преследовали цель прекратить беспорядочные расчеты с населением. Было установлено, что один рубль соответствует шестидесяти леям. Но этот курс, с моей точки зрения, был неправильным. Например, десяток яиц стоил в Бессарабии 10–12 лей. В Советском Союзе яйца стоили много дороже.

После возвращения на Украину полк разместили в маленьком городке Бусске. Это было небольшое местечко, где раньше войска не стояли, казарм не было, полк расположился на очень большой поляне. Был конец августа, погода стояла теплая. Спали в палатках на двоих, сделанных из индивидуальных плащ-палаток, прямо на земле, завер-

нувшись в шинели. Затем привезли большие армейские палатки, и там уже спали по 15–20 человек на нарах, оборудованных из материалов, которые удалось достать.

На этой поляне, естественно, не было колодцев, и за питьевой водой приходилось ходить за километр в город, расположенный на возвышенности. Желающих совершать такую прогулку не было, и старшина посылал красноармейцев за водой в приказном порядке. Однажды ко мне заглянул Володя Бусоргин и рассказал, что колодец, из которого мы брали воду, находится вблизи пивной, а пиво в ней отменное. Получив такую ценную информацию, я вызвался добровольно сходить за водой, сказал, что хочу размяться. Две кружки пива доставили мне большое удовольствие. Это я проделывал еще два-три раза, но затем по запаху пива секрет был раскрыт. От желающих принести воду не стало отбоя. Старшина делал вид, что ничего не замечает.

Так мы жили до середины ноября. Стало холодно. На речке, которая протекала рядом с поляной, появился лед. Когда поднимались утром, а армия жила по московскому времени, было еще темно, на небе мерцали звезды, бежали к речке, разбивали лед, умывались, потом начиналась пробежка, зарядка, после чего завтракали. Наконец, всех разместили в городе. Наша рота получила две большие комнаты. В одной находились двухэтажные нары, на которых мы спали, а в другой проходили политзанятия, хранилось оружие. Она же служила и столовой. Военной подготовкой занимались на открытом воздухе.

В конце ноября в полк поступил приказ о выделении пятидесяти бойцов второго года службы для откомандирования во вновь формирующуюся бригаду. У меня были плохие отношения с заместителем командира роты по политической части младшим политруком Бочаровым. Он был слабо подготовлен: плохо знал историю, не ориентировался в текущих политических событиях. Не знаю, как ему удалось закончить училище. Я часто задавал политруку вопросы и поправлял ошибки, что вызывало у него раздражение. Командир роты ко мне относился очень хорошо, и когда я узнал, что отбирают бойцов для отправки в новую часть, обратился к нему с просьбой откомандировать меня. Сказал, что замполит жизни мне не дает, придирается и по поводу, и без повода, и не только на политзанятиях, но и во время боевой подготовки. Командир роты младший лейтенант Мороз отнесся к моей просьбе с пониманием – он тоже не любил своего зама по политчасти – и дал согласие на мое откомандирование.

Так я оказался во Львове в моторизованной пулеметной бригаде повышенной огневой мощности. Попал в 1-й пулеметный батальон. В роте, в которой продолжил службу, на меня обратил внимание политрук роты Трифачев, прибывший с Дальнего Востока. Он стал поручать мне делать политинформации о текущих событиях в стране, а затем и заменять его на политзанятиях, что его вполне устраивало. Вскоре приказом командира бригады мне было присвоено звание

заместителя политука. Это четыре треугольничка в петлицах и вышитые золотыми нитями звезды на рукавах. Этими звездами я очень гордился, поскольку у всего политсостава Красной Армии они были одинаковые, независимо от воинского звания.

Когда формирование батальона закончилось, встал вопрос об избрании секретаря комсомольской организации. Батальон считался самостоятельной воинской частью. Бригада состояла из батальонов, а не из полков. По штатному расписанию должность ответственного секретаря комсомольского бюро (так она называлась) была штатной. Сначала намеревались подобрать секретаря из состава средних командиров, но в конечном итоге внимание было остановлено на мне. Со мной познакомился начальник политотдела бригады старший батальонный комиссар Мартыненко, и я был избран на эту комсомольскую должность. В результате моя армейская жизнь резко изменилась: мне выдали командирское обмундирование, была установлена заработная плата в размере 182 руб. 50 коп., что было совсем немало, – питался я по-прежнему в батальонной столовой. Вскоре получил постоянный пропуск в город. Львов произвел на меня большое впечатление – это был по-настоящему современный и красивый город. После службы в Гайсине и Бусске во Львове многое и привлекало, и удивляло: архитектура зданий, два широких проспекта, оперный театр, богатые витрины магазинов, множество небольших частных кафе. Побывал я и в известном Стрийском парке, который даже в зимнее время был очень хорош.

В городе обстановка была беспокойной, существовали тайные националистические организации, были нападения на командиров Красной армии. В связи с этим нам рекомендовали гулять по Львову только в дневное время и обязательно вдвоем или втроем, с девушками не знакомиться, в рестораны не ходить. Командир батареи противотанковых пушек нашего батальона нарушил одно из этих правил и попал в больницу.

Я дружил со старшиной сверхсрочной службы Николаем Радовским, с ним и ходили в город. Иногда позволяли себе выпить по кружке пива, а чаще заходили в кафе. Здесь угощали ароматным кофе и шоколадом (раньше его никогда не пробовал) с очень вкусными пирожными собственного изготовления. Обслуживали красивые девушки в накрахмаленных белых передниках и кружевных чепцах. Все это скрашивало службу, и мне казалось, что так и будет продолжаться до демобилизации в конце 1941 г. Я даже начал подумывать, какие подарки куплю матери, отцу и моей Марьянке. Однако в действительности все сложилось совсем по-другому.

В конце марта 1941 г. бригада была перебазирована из Львова в Ровно. Уезжать из этого красивого города было жаль, но служба есть служба – приказы не обсуждают. В Ровно на базе бригады сформировали дивизию. Наш батальон, получивший большое пополнение бойцами, прибывшими в основном из Сибири, преобразовали в полк.

Я был избран ответственным секретарем комсомольского бюро полка. Эта должность была довольно заметной: партийная организация полка состояла из 15 человек, комсомольцев же в полку было около тысячи. Все политические мероприятия проводились с активным участием комсомольцев, а следовательно, и моим.

Полк был размещен в настоящих казармах. Там раньше стояли польские воинские части. Формирование полка закончилось к концу апреля. Все роты и артиллерийские батареи были укомплектованы красноармейцами, но еще не хватало командного состава. Большинство командиров рот и комвзводов были членами ВЛКСМ – прошло всего 3–4 года после окончания ими военных училищ.

На территории полка имелась хорошо оборудованная санчасть, но возглавлял ее временно не военврач, а санинструктор, имевший высшее медицинское образование. Звали его Сергеем (фамилию не помню). Он был на четыре года старше меня, но это не помешало нам подружиться. Вместе с Сергеем иногда ходил перед обедом в столовую снимать пробу, что входило в его обязанности. Может быть, это смешно, но когда мы приходили, то повар доставал большой черпак борща или другого первого блюда и ложкой выбирал все самое вкусное из него в наши тарелки. Вспомнил это просто как один из эпизодов моей армейской жизни.

В полку шла интенсивная военная подготовка, осваивалась поступающая военная техника, обкатывались новенькие грузовые автомобили, на полигоне проводились артиллерийские стрельбы. Я, как правило, участвовал в полевых занятиях, проводил заседания комсомольских бюро батальонов, комсомольские собрания и активы, другие мероприятия.

Как-то в середине мая я вечером прогуливался по территории полка с Сергеем. Разговор шел о напряженной обстановке на границе, о провокационном поведении немцев. Неожиданно Сергей переменял тему и спросил, известно ли мне содержание завещания В.И. Ленина? Я был очень удивлен этим вопросом и ответил отрицательно. Тогда он довольно подробно стал рассказывать о взаимоотношениях И.В. Сталина и В.И. Ленина в период болезни последнего. Понизив голос, сказал, что Ленин был против переизбрания Сталина генеральным секретарем на предстоящем съезде партии и написал в своем завещании, что следует заменить Сталина на посту генсека более лояльным человеком. Осознав, что разговор принимает политически опасный характер, я прервал Сергея и сказал, что такого вообще не могло быть и пересказывать чьи-то вражеские вымыслы недопустимо. Расстались мы довольно холодно.

Время приближалось к «отбою», но я решил не возвращаться в казарму и еще раз «прокрутить» в голове весь разговор, прийти к какому-то решению. Как политработник я должен был рассказать об этом

разговоре представителю Особого отдела в нашем полку (звали мы его «особняком»). Но каковы будут последствия – ответить себе на этот вопрос я сразу не мог. Все зависело от того, был ли рассказ Сергея случайным или преднамеренным («заказным»). В первом случае мой доклад будет чреват для него печальными последствиями, а во втором, если меня действительно проверяют, то почему и чем это вызвано? Перебрал в голове все события, встречи, разговоры, мои выступления за последний месяц. Старался ничего не упустить и пришел к выводу, что для специальной проверки нет оснований.

В пользу такого вывода был и еще один аргумент – прошло всего недели две после утверждения меня членом военного трибунала 22-го механизированного корпуса, в который входила наша дивизия. Член военного трибунала – это в гражданских условиях судебный заседатель. Почему выбор пал на меня, не знаю, но процедура оформления была более чем серьезной: беседы в политотделе и особом отделе дивизии, встреча с заместителем командира дивизии по политической части, составление развернутой характеристики. Назначение было утверждено Главным политическим управлением Киевского особого военного округа (КОВО). Многие меня поздравляли. Я уже дважды участвовал в заседании трибунала. Взвесив все, решил, что о рассказе Сергея никому не буду докладывать, но счел необходимым его предупредить о возможных последствиях такого разговора. Я отдавал себе отчет, что возлагаю на себя большую ответственность, но иначе поступить не мог. На следующее утро, уже в порядке перестраховки, решил «случайно» встретиться в штабе с «особняком» нашего полка. Обменялись приветствиями, несколько минут поговорили, он задал мне какие-то малозначительные вопросы, и мы спокойно разошлись. Ничего тревожного для меня в его поведении не заметил. Это еще раз укрепило меня в правильности принятого решения. Война напрочь вычеркнула из памяти этот эпизод, и вспомнил о нем я через 62 года и только случайно¹, рассказал друзьям, и они рекомендовали обязательно включить его во второе издание моих «Воспоминаний».

В начале июня в Ровно на улицах неожиданно появились генералы с двумя, тремя и четырьмя звездами в петлицах, представлявшие различные рода войск (пехотинцы, танкисты, артиллеристы, летчики). Это нас озадачило, но быстро выяснилось, что на территории дивизии в клубе проходит секретное совещание. Охрана была поручена нашему полку. Поздно вечером на карауле стоял старшина – секретарь комсомольской организации полковой школы. На следующий день он мне рассказал, что вышедший из клуба генерал-лейтенант, заметив, что он

¹ В октябре 2003 г. в Московском государственном институте международных отношений отмечалось 60-летие со дня основания факультета международных отношений МГУ. Среди участников был мой однокурсник, который выступал свидетелем по делу Георгия Ардаева (также выпускник МГИМО), который был осужден на 5 лет за рассказ своим товарищам о завещании В.И. Ленина. Увидел его и все вспомнил.

замерз, похлопал его по плечу и произнес: «Потерпи, старшина, скоро будет жарко». Фраза прозвучала многозначительно. Мы со старшиной истолковали ее однозначно: на штабном совещании речь шла о предстоящей вскоре войне.

Примерно дней за десять до начала войны в полках дивизии по утрам начались тревоги. В пять-шесть часов утра мы выезжали, делали бросок на машинах в сторону границы, а затем возвращались обратно в казармы, завтракали и приступали к обычным полевым занятиям. Некоторые части 5-й армии, в которую входил 22-й корпус, были расположены около самой границы. Оттуда поступали сведения о ситуации на другом берегу Северного Буга – пограничной реки, в районе г. Владимира-Волынского. Сведения эти были тревожными, сообщалось, что на другом берегу сосредоточиваются немецкие войска, наблюдается движение, используются оптические приборы для наблюдения за нашей территорией. Немецкие самолеты неоднократно вторгались в наше воздушное пространство.

Ночью через Ровно проходили воинские части, летели самолеты в сторону границы. Как потом выяснилось, они располагались на приграничных аэродромах и просто больших полянах. Все это, естественно, подсказывало, что ситуация сложная, что в самое ближайшее время могут начаться военные действия. За неделю до 22 июня появилось известное сообщение ТАСС, в котором опровергалось, что немцы собираются на нас напасть. Но мы восприняли это опровержение как подтверждение того, что война приближается и до нее буквально остались считанные дни. Я решил сфотографироваться. Отослал родителям и Марианне мои последние предвоенные фотографии.

За три дня до 22 июня пришел приказ на ночь завешивать окна одеялами и спать в обмундировании. Разрешалось снимать сапоги и ремень. Личному составу выдали боеприпасы, противогазы и известные всем медальоны. Командный состав перевели на казарменное положение. Вечером 21 июня командир полка подполковник Макертичев созвал всех командиров и политработников и еще раз подчеркнул, чтобы никто не отлучался из части, с границы поступают самые тревожные сообщения, все может случиться². В 5 часов утра нас подняли по тревоге. Выехали из части, не зная о том, что уже началась война. Личные вещи остались в казармах. Через час езды в направлении города Луцка, где был расположен штаб 5-й армии, увидели первый воздушный бой, в котором участвовало десятка полтора самолетов. Отличить наши самолеты от немецких было трудно. Несколько самолетов были сбиты и

² Пишу об этом подробно, чтобы отдать дань уважения командующему 22-м моторизованным корпусом генерал-майору С.М. Кондрусеву. Все упомянутое выше делалось по его приказу. Во многих других соединениях положение было иным. Ряд частей находился в лагерях, даже близ границы. Боевые патроны имелись только в караульных помещениях. Многих война застала врасплох.

горящими свечами упали вниз. Это было первое впечатление о войне. Стало как-то жутковато. Когда мы подъехали к Луцку, через который должны были следовать, то неожиданно над нами очень низко, на высоте буквально до сотни метров, пролетели немецкие эскадрильи бомбардировщиков с черными крестами. Мы повыскакивали из машин, залегли кто в пшенице, кто в кюветах. Некоторые солдаты начали стрелять по самолетам из винтовок, но эскадрильи пролетали, не обращая на нас внимания. Они бомбили расположенные в Луцке воинские части и штаб 5-й армии. Когда мы въехали в Луцк – другой дороги не было, – город уже во многих местах горел. На большой скорости машины проезжали между пылающими домами. Картина была тяжелая, но страха я не испытывал. Когда мы благополучно пересекли Луцк и сделали остановку, вынул небольшое карманное зеркальце и посмотрел на себя: лицо было испачкано сажей, в глазах прочитал растерянность.

В течение второй половины дня и части ночи мы продолжали движение к границе. Несколько раз полк бомбили, были первые потери. Утром 24 июня встретились с немецкими полевыми войсками. Несколько дней вели бои в районе Владимира-Волынского, переходили в наступление. Мой 707-й полк участвовал во взятии села Верба, где нанес значительный урон противнику. В этих боях было все: и артиллерийская подготовка, и танковые прорывы, и бомбежки, и минные обстрелы. Увы, почти не было нашей авиации, и это сковывало действия войск. В первые два дня, когда приближались самолеты, мы пытались определить – свои или фашистские. Позднее при звуке подлетающих самолетов сразу же искали укрытия.

После боев в районе Владимира-Волынского части 22-го корпуса начали по приказу организованный отход. Много лет спустя, вспоминая первые дни войны, я написал стихотворение, которое, как мне кажется, уместно здесь воспроизвести.

Я помню первый день войны:
Поднялись рано по тревоге
Солдаты – Родины сыны,
Враг находился на пороге...
В тот день бомбили полк не раз.
Горящий Луцк перед глазами...
Кювет дорожный жизнь мне спас...
И вот войска сошлись с войсками.
Не позабыть мне первый бой:
Рвались фашисты зло вперед.
Запомнил мин протяжный вой
И на спине холодный пот...
Не дрогнул полк, не начал отступать.
Семь дней атаку за атакой
Солдаты продолжали отбивать,
Привыкли к обстановке всякой...

Отходили к старой границе через Ковель и Ровно. Здесь были крупные бои, в том числе танковые, особенно под Ровно. О них много писалось в нашей прессе. Это было одно из самых больших танковых сражений начала войны, в котором участвовал и 22-й механизированный корпус. Во время этих боев командир корпуса генерал-майор С.М. Кондрусев погиб, его заменил начальник штаба генерал-майор танковых войск Тамручи Владимир Степанович, которого я лично знал.

У меня до войны были с ним три встречи. Первый раз на полевых занятиях, где он, проверяя, как занимаются части, обратился ко мне и попросил рассказать о проведении политической работы среди комсомольцев в полевых условиях. Затем был семинар для комсомольских работников по новому дисциплинарному Уставу Красной Армии, который был утвержден в это время, и я на этом семинаре в присутствии генерала Тамручи несколько раз выступал. Потом проходила партийная конференция дивизии. В ее честь мы, комсомольцы, организовали спортивные соревнования. И опять случай столкнул меня с Тамручи. Я шел со спортивных занятий и вдруг гляжу – идет большая группа командиров во главе с генерал-майором танковых войск Тамручи, рядом – командир нашего полка подполковник Макертичев, а за ними – другие командиры. Я взял под козырек и пошел строевым шагом. Тамручи увидел меня, остановился и задал вопрос: «Ну как, комсомольский вожак, прошли соревнования?» Я ему рассказал. Он поблагодарил. Эта часть моих воспоминаний относится к предвоенным. Во время войны я его не встречал.

Остановлюсь на одном событии, которое особенно врезалось в память. Это, возможно, было одно из самых тяжелых моих военных испытаний. В местечке Олыки, когда мы отходили из Западной Украины, полк задержался и простоял всю ночь. А на рассвете, около пяти часов утра, был получен приказ двигаться дальше. Шоссе, по которому следовали части, справа упиралось в возвышенность, а слева был крутой спуск и низменность – поле, засеянное овсом. На этом шоссе полк и другие части атаковали немецкие истребители и бомбардировщики, которые начали буквально утюжить нашу колонну. Загорелась одна машина, другая... Никаких зенитных средств защиты не было, поэтому единственное спасение – укрыться в поле, в больших воронках от неприцельно сброшенных немецких бомб. Вот в такой воронке оказалось человек пять или шесть бойцов, лейтенант-танкист и я. Истребители буквально гонялись за одиночными бойцами. Из воронки мы видели даже лица немецких летчиков. Они на бреющем полете проходили над нами. Воронка нас спасала. Когда самолеты улетели, лейтенант заметил стоящий на шоссе пикап. Он побежал к нему, ключ оказался в замке зажигания, завел и, хотя спуск с шоссе был очень крутой, сумел зигзагами съехать и посадить нас. Проехали, вероятно,

километров двадцать и только потом остановились и стали раздумывать: «А где же наши части?» Вернулись назад и к вечеру разыскали своих. Когда пришел в штаб полка, там меня встретили удивленно и обрадованно: уже считали, что я погиб. Ну, что было, то было... Только на следующий день я сообразил, что все это произошло 2 июля – в день моего рождения. Мне исполнилось 20 лет.

Запомнились наши успешные контратаки под Новоградом-Волынским, тяжелые бои за овладение шоссе, ведущим от этого города в Житомир и Киев. По шоссе прорвался немецкий моторизованный корпус. Две его танковые дивизии устремились к Киеву. Перед 22-м корпусом и другими частями 5-й армии была поставлена задача: овладеть большим участком шоссе, отрезать тылы противника и тем самым сорвать его продвижение. Сражение продолжалось неделю днем и ночью. Фашистское командование бросало все время свежие силы. В этих боях полк и другие части понесли большие потери, но приказ был выполнен. Непосредственная угроза Киеву на некоторое время была снята.

Запомнил один страшный эпизод. С политруком одной из рот мы ползли к его бойцам, окопавшимся вблизи шоссе. Он полз – справа, я – слева. Нас накрыли автоматной очередью. Ему одна пуля попала в правую руку, но, видимо, была на излете и застряла прямо в кости, конец ее был виден. Вторая пуля попала в лицо, выбила верхнюю челюсть. Вот с таким тяжелым ранением я его вынес из боя. Все было... И гранатный бой был. И как раз на этом шоссе за Новоград-Волынский ходили в атаки, которые назывались штыковыми, чтобы выбить немцев. Но у нас было мало автоматов, а у них почти все были ими вооружены. Пулеметов было достаточно, но каждого солдата нельзя было обеспечить пулеметом... Мало было минометов, особенно легких, с которыми можно было быстро перебежать и открывать огонь.

После боев под Новоградом-Волынским нашу дивизию отвели на отдых. Полк получил небольшое пополнение, примерно 400 солдат. На следующий день нас бросили под г. Малин, где немцы перерезали железную дорогу, соединяющую Киев с укрепленными районами Коростень и Обруч. Это были старые укрепленные районы, которые перед войной разоружили, а потом наспех стали восстанавливать; они оборонялись частями 5-й армии. Железнодорожная связь Киева с этими укрепленными районами у Малина была перерезана. Там мы вели непрерывные бои в течение десяти дней.

Перед частями 22-го корпуса была поставлена задача выбить немцев из Малина. С ходу частям удалось овладеть высокой железнодорожной насыпью и окопаться за ней примерно в ста–двухстах метрах. До города оставалось меньше километра. Но дальнейшее продвижение было задержано: немцы вели очень интенсивный обстрел наших войск. Авиации немецкой не было, но над городом висел аэростат, с которого корректировался огонь немецкой артиллерии и минометов.

Командные пункты располагались за насыпью, а бойцы окопались в поле. Глубокие окопы рыть было невозможно. В течение десяти дней несколько раз предпринимались атаки, но без поддержки танков штурм захлебывался. Артиллерийской поддержки было недостаточно. Однажды произошел неприятный инцидент, когда наша артиллерия накрыла наступающие части, были жертвы.

Через три дня после начала боев под Малином разведка донесла, что к городу движутся свежие части, и двум батальонам нашего полка было приказано зайти в тыл к немцам, выйти к реке (названия я не помню) и там встретить немецкие части, взорвать мост, задержать немецкие войска как можно дольше. Переход в тыл был осуществлен спокойно, сплошной линии фронта не было. Мы вошли в большой лес. Наткнулись на немецкие телефонные провода. Их тут же перерезали. На рассвете вышли к населенному пункту, расположенному как раз у той самой реки, и от жителей узнали, что немецкие части за несколько часов до нас уже прошли к Малину. Пытались связаться по радиации с командованием, но ничего не вышло. Хороших полевых радиаций практически не было. Это мешало устанавливать связь между частями, осуществлять координацию во время боя. Было принято решение возвращаться. Когда двигались обратно к линии фронта, а надо было преодолеть километров десять, наша разведка донесла, что впереди находится большая поляна, на которой расположилась на отдых немецкая часть. Разведчики донесли, что дымят кухни, немецкие солдаты спят на земле вповалку, никакого охранения нет, чувствуют себя в полной безопасности. Было принято решение атаковать немцев. Батальоны обтекли часть поляны и из всех огневых средств – а у нас были пулеметы, минометы, автоматы, винтовки – открыли огонь, но с таким расчетом, чтобы не перестрелять друг друга. Среди немецких солдат началась паника, некоторые пытались отстреливаться, офицеры стремились что-то организовать. Увидев коридор, по которому можно вырваться из полукольца, немцы устремились туда. И все же полегло их достаточно много.

Когда враг бежал, было принято решение отходить для соединения со своими частями. Но мы не знали, что примерно в километре находились еще поляны, где расположились на отдых другие немецкие войска. Когда началась стрельба, они были подняты по тревоге и начали нас окружать. Наши батальоны вынуждены были не просто отходить, а с боем отступать.

Запомнился один эпизод. Предстояло пересечь глубокий овраг. Перед ним два наших пулеметчика прикрывали огнем отступающие батальоны. Я залег рядом с ними. И вдруг пулемет замолчал: оказался перекошен патрона в ленте. Я хорошо знал пулемет «максим». Но все мои попытки устранить неполадки ничего не дали, и вместе с этими солдатами и пулеметом мы побежали, догоняя отходивших бойцов.

Нужно было быстро спуститься в овраг, а у меня болела правая нога. Я подвернул ее во время бомбежки, неудачно спрыгнув с машины. Поэтому подотстал, и когда сбегал вниз, то увидел, что спиной ко мне стоит немецкий офицер, а шагах в двадцати от него находится группа немецких солдат, стоявшая в какой-то нерешительности. Я успел заметить, что они не с автоматами, а с карабинами. По-видимому, это были какие-то обозники, потому что карабины были на вооружении только у тыловых частей. В правой руке у меня был наган, я выстрелил в офицера. Он упал. Несколько секунд бежал, поднимаясь из оврага. Немцы открыли по мне залповый огонь. Я пробежал еще несколько метров, свистели пули, заскочил за большое дерево, вынул две гранаты-лимонки и одну за другой, не глядя, с силой бросил в овраг. Раздались два взрыва, стрельба по мне прекратилась. Какой был эффект от моих гранат, не знаю. Может быть, просто солдаты залегли. Но, во всяком случае, успел подняться на вершину оврага и вскоре догнал наших бойцов.

Впереди оказалась речка. Мы стали ее переходить. Вода достигала колен, сапоги налились водой. Солдаты подняли ноги, вылили воду и пошли дальше. Так же поступил и я. Но у меня правая нога была повреждена в щиколотке, опухоль еще не прошла, и через некоторое время портянка начала натирать ногу. Я понял, что если не остановлюсь, не приведу ноги в порядок, то придется или снять сапог и идти без него, или сесть на пенек и переобуться. Что я и сделал.

Пока я этим занимался, мимо прошли последние бойцы. Двигались они рассредоточившись – вокруг было мелкоколесье, летали немецкие самолеты, искавшие нашу часть, приходилось маскироваться. Я догнал бойцов. Вдруг гляжу – впереди какое-то замешательство. Мы вышли к поляне. От нее расходились три дороги. Впереди шедшие бойцы не знали, куда идти, по которой из трех. Поляна была буквально усеяна крупной земляникой, яркой, сладкой. Молодые бойцы начали ее собирать и потеряли визуальную связь с отходившими ротами. Мы выбрали одну из дорог и двинулись вперед. Вскоре показалась сторожка лесничего. Спросили у вышедшей нам навстречу женщины, видела ли она немцев. Ответ получили отрицательный. Прошли еще две сотни метров и обнаружили следы протекторов автомобиля, скорее всего немецкого. С нами был старшина, который ехал на коне, захваченном у немцев. Возглавлял нашу группу младший лейтенант Виноградов, мой однофамилец. Он приказал старшине поскакать вперед и произвести разведку. Минут через десять услышали выстрелы. Прискакавший обратно старшина доложил, что на станции, через которую мы собирались перейти, его обстреляли. Значит, там были немцы. Приняли решение свернуть налево и пересечь железнодорожное полотно в другом месте. Сделали это вполне благополучно и без потерь. Вскоре соединились с нашими частями под Малином. Второй батальон также

вышел без потерь. А первый батальон, в котором находились командир полка, комиссар и начальник штаба, без предварительной разведки двинулся через станцию, на которой засели немцы. Батальон накрыли пулеметным и минометным огнем. Командир полка и начальник штаба были убиты (они шли впереди). Тяжело раненного комиссара бойцы вынесли, у командира полка успели вынуть документы. Потери среди бойцов были небольшие, но полк был обезглавлен.

Упорные бои под Малином продолжались. Как и все политработники полка, я постоянно находился на передовых позициях, в числе первых поднимался в атаку, а любую передышку использовал для проведения политбесед, участвовал в заседаниях комсомольских бюро, на которых было принято в ряды членов ВЛКСМ немало воинов, отличившихся в боях³.

30 июля командование решило осуществить еще один штурм города. Нашему полку придали две бронемашины. Но расскажу о вечере, предшествующем этому штурму. На командный пункт полка приехал полковник из штаба корпуса, по-видимому, из особого отдела, точно я не знал. Он выяснял ряд обстоятельств, при которых наша артиллерия накрыла свои части (об этом факте я уже упоминал раньше). Затем спросил у командира полка, где заместитель политрука, секретарь комсомольской организации Виноградов. Я находился недалеко, слышал этот вопрос и был очень удивлен. Новый командир полка майор Хоружев сказал: «Вот Виноградов». Полковник подошел ко мне, поздоровался и сказал: «Есть приказ о твоём переводе в распоряжение штаба корпуса. Приказ придет в полк завтра или послезавтра. Ну а пока я запрещаю принимать личное участие в боевых операциях, дальше командного пункта полка не двигаться». Я был поражен таким сообщением, но, козырнув, сказал: «Ваше приказание будет выполнено». На этом разговор закончился.

Рано утром начался штурм города. Наши части продвинулись довольно далеко и уже подошли к окраине Малина: до ближайших домов оставалось метров 200. Но очень массированный огонь из разных видов оружия со стороны немцев заставил части залечь и снова окопаться. Одна из рот полка образовала клин, который врезался почти в Малин. Артиллерийские разведчики, корректирующие огонь нашей артиллерии, сразу же об этом сообщили. Наши орудия замолчали. Вести артиллерийский огонь зигзагом было невозможно. Последовали один за другим телефонные звонки на командный пункт полка с требованием немедленно отвести роту. Но связи с ней не было. В роту ушли три связиста, а рота продолжала оставаться на занятой

³ Из архивного документа: «Политдонесение о работе комсомольских организаций 215-й МСД за период военных действий с 22.6.1941 года по 30.7.1941 года»: «22.7.41 года в 707-м полку, где секретарем КСМ бюро зам. политрука Виноградов, проведены заседания во всех батальонах на передовой линии, где приняты в члены ВЛКСМ 9 человек».

позиции, по-видимому, связисты не дошли. На командном пункте остались вдвоем – командир полка и я. Все командиры и политработники были в бою. Что оставалось делать? Я обратился к командиру полка и сказал: «Разрешите, товарищ майор, пойти мне». Он задумался, потом произнес: «Я не имею права вас посылать, но ситуация такова, что должен принять другое решение. Идите...» Я подбежал к насыпи, рывком проскочил через железнодорожное полотно, скатился вниз и там уже по-пластунски примерно 500 метров добирался до роты. Эта операция мне удалась. Я передал приказ отходить и вместе с ротой стал отползать. Немцы, заметив передвижение, тут же открыли огонь. Интенсивно били минометы. Пришлось перебегать от одной воронки к другой. И вот в такой момент меня ранило. Я почувствовал сильнейший удар в спину, посыпались искры из глаз. Мне показалось, что перевертываюсь в воздухе и падаю назад на спину. Но это только показалось. Когда очнулся, то лежал лицом вниз, почва была песчаная. В рот попал песок, упал я с ходу при перебежке. Попробовал подняться, но не смог. Дышать было тяжело, в левой части спины чувствовал сильную боль. Подумал, что осколок мины попал в спину, перебито легкое, отсюда трудно дышать, поэтому такая боль. Стал мысленно прощаться с жизнью, вспомнил родителей, вспомнил любимую девушку... Но через несколько минут вдруг почувствовал, что дышать стало гораздо легче. Вероятно, выплюнул песок изо рта. Тогда попытался поднять голову и увидел, что невдалеке еще продолжают переползать последние бойцы отходившей роты. Сознание меня больше не покидало. Я попробовал кричать, но голоса не было. (Как потом выяснилось, произошло кровоизлияние в область голосовых связок. У меня была прострелена шея. Пуля прошла навывлет вплотную с сонными артериями и задела только левое плечевое нервное сплетение – почему и была такая боль в спине.) Тогда я вынул наган, поднял руку вверх и начал стрелять. После семи выстрелов руку опустил. В тот же момент услышал слова: «Ну, теперь можно к нему подползать». Солдаты увидели, кто стреляет, но подползти вплотную боялись, я мог опустить руку, мог выстрелить в них. Меня тут же положили на плащ-палатку и волоком протащили под насыпью. Там была труба диаметром метра полтора для стока воды. На другой стороне меня положили на носилки и принесли в санчасть. Здесь я и узнал, какое у меня ранение. Доктор полка сразу же начал иголкой колоть мне левую и правую ноги. Ноги чувствительность не потеряли, движения в них были нормальными. Он вздохнул с облегчением и сказал: «Вам повезло, позвоночник не задет». Меня перебинтовали.

В медицинскую часть приехал попрощаться секретарь партийной организации полка политрук Кабанов. Говорить я почти не мог. Выслушал его пожелания, передал привет боевым товарищам. Из поли-

тического состава полка, насчитывавшего к началу войны 20 человек, после моего ранения в строю осталось только двое.

Через некоторое время меня с другими ранеными бойцами в кузове грузового автомобиля привезли в первый полевой госпиталь. Снова перебинтовали. При этом хирург ругал доктора полка, засунувшего в раны тампоны. «Что же он сделал? Наоборот, надо было дать возможность выйти крови, грязи, частям ткани, которая могла попасть в рану...» Вскоре нас погрузили на машины и отвезли в очень большой полевой госпиталь. Меня долго не брали в операционную. Несколько раз обращался к медсестре, но это не помогало. Ответ был один – есть командиры и бойцы с более тяжелыми ранениями. Наконец, я подозвал проходившего мимо врача. Сказал ему о характере ранения и мрачно пошутил: «Если начнется заражение, то неизвестно, что придется делать – отрезать голову от туловища или туловище от головы». Шутка подействовала, и меня почти сразу повезли в операционную. Молодой хирург расширил скальпелем пулевые отверстия, промыл их, сделал перевязку. В течение ночи он дважды подходил ко мне, спрашивал о самочувствии и, видя, что я не могу заснуть, принес баночку со спиртом. Это помогло. Спасибо ему, большое спасибо всем военным медикам, спасшим во время войны миллионы жизней!

Через два дня вместе с другими ранеными меня погрузили в санитарный поезд. По дороге пришлось еще раз столкнуться с войной. Рано утром 3 августа поезд прибыл на первый путь станции Чернигов. Стояли мы довольно долго, и вдруг началась интенсивная бомбежка. Раненые, способные передвигаться, покинули вагон и их повели в укрытие. Я и еще несколько лежачих ранбольных (так нас называли) остались. Хорошенькая медсестра металась по вагону с возгласом «Что делать, что делать?» Посоветовал ей пойти в укрытие, но она осталась. Чувство долга оказалось сильнее страха.

Вагон, в котором мы лежали, стоял напротив вокзала, а оттуда раздавался охрипший голос – кто-то кричал в телефонную трубку: «Пришлите срочно истребители, у нас эшелон с ранеными, а через два пути стоят составы со снарядами. Все может в одно мгновение взлететь на воздух!» Вскоре истребители действительно появились, и вражеские бомбардировщики улетели. Раненые вернулись в вагон. Поезд тронулся, и тут медсестра не выдержала и расплакалась...

Дальше – госпитали в Курске и в Ростове-на-Дону, лечение в госпитале в родной Казани. Левая рука у меня висела без движений, плечо, вся рука постоянно ныли. Снотворные мне не помогали, я принимал по три-четыре таблетки и не мог уснуть. В госпитале в Курске в палате был плиточный пол, и, чтобы прекратить боль, я ночью ложился на пол, клал на него голую руку, становилось легче, потом передвигался, когда плитки подо мной согревались. Приходила сестра, укладывала меня на кровать. Она уходила, и я снова ложился на пол.

В Курске я прочитал в газете «Правда» утреннюю сводку Совинформбюро от 5 августа 1941 г. В ней сообщалось о нашем рейде в тыл противника в районе Малина, о котором я уже упоминал. С тех пор прошло уже более 12 дней. Вот это сообщение: «Часть подполковника Макертичева разгромила фашистский полк. В бою уничтожено 300 немецких солдат и офицеров, 4 автомашины, радиостанция и 4 орудия. Захвачены 15 верховых лошадей и ряд других трофеев». С горечью подумал: родственники подполковника обрадуются, прочитают это сообщение, будут им гордиться, а на самом деле его уже нет в живых. Таковы парадоксы войны.

Здесь же, в Курске, от раненых бойцов, поступивших в госпиталь позднее меня, узнал, что немецкие части 31 августа предприняли под Малином наступление, поддержанное танками и самолетами. Части 5-й армии, неся большие потери, вынуждены были отступить. Много позднее я как член Главной редакционной комиссии 12-томной истории Второй мировой войны запросил в Архиве Красной армии информацию о боевых действиях 215-й мотострелковой дивизии. В полученном архивном документе сообщалось: «Под Малином дивизия ведет круглосуточные бои до 31 июля, несколько раз переходя в атаку. Однако выбить противника из Малина не удалось. 31 июля противник, получив подкрепление, поддерживаемый танками, несколькими дивизионами артиллерии, минометами и авиацией (около 40 самолетов), организовал интенсивное наступление на наши части». Войска 22-го корпуса отступили.

Это была последняя полученная мною информация о боевых действиях моего полка. Разыскать уже в мирное время кого-либо из однопольчан, несмотря на многократные попытки, мне не удалось. Всего вероятнее, наши части, оказавшись западнее Киева, были или разбиты немцами, или произошло их массовое пленение. Во время боев мы боялись по-настоящему одного – попасть в плен ранеными. Если вдруг ранят во время отступления и попадешь в плен, что делать... Тогда почти все политработники говорили – одни, может быть, искренне, я затруднюсь сказать, другие бравировали этим, – что в таком случае единственный выход – застрелиться.

Попадание в плен в тот период считалось предательством, изменой Родине. Безусловно, это было неправильно, потому что война, любая война с той и другой стороны, не может быть без потерь, без пленных. Другое дело, одна сторона несет больше потерь, другая меньше... Меняются этапы войны... У нас были массовые пленения окруженных частей в первые месяцы войны. У немцев это началось со Сталинграда. Довольно много пленных было взято под Москвой, когда разбили немцев зимой 41/42 года. Десятки тысяч наших воинов попали в плен под Харьковом во время неудачной летней наступательной кампании 42-го года, когда наши войска в панике отступали к Сталинграду...

Затем наступила наша очередь, и началось массовое пленение уже немецких солдат, офицеров и генералов. Войн без пленных не бывает. Поэтому считать всех попавших в плен, в том числе и раненых, контуженных, которые не могли ничего сделать, предателями и отправлять их потом в лагерь – это, с моей точки зрения, страшное преступление режима Сталина.

Из госпиталя в Курске большую группу ранбольных отправили долечиваться в Ростов-на-Дону. Разместили в загородном санатории, переоборудованном в госпиталь. Условия были отличные: комнаты на двоих, большой парк, чистый воздух. Были созданы все условия для лечения и отдыха. Со мной в палате лежал лейтенант Николай Крысанов. Он был старше меня лет на пять, воевал с финнами, получил ранение в руку в конце июля, но остался в строю, произошло заражение, руку чудом спасли (выше локтя было сделано четыре глубоких разреза). Мы с ним подружились. На следующий день во время ужина он заставил меня удивиться: подозвал официантку и попросил пригласить шеф-повара. Вышел дородный мужчина лет шестидесяти в белом колпаке и фартуке, несколько смущенно подошел к нашему столу. Николай встал и неожиданно произнес: «От имени красноармейцев, командиров и политработников объявляю вам благодарность за отлично приготовленные блюда. Вы вносите большой вклад в наше быстрее выздоровление». Шеф-повар был весьма растроган, сердечно благодарил, сказал, что будет еще больше стараться. В дальнейшем он часто подходил к нашему столу, интересовался, довольны ли мы, присылал специально приготовленные бифштексы или другие кушанья. На армейском языке – Крысанов проявил полезную «красноармейскую находчивость».

В госпитале-санатории день ото дня я чувствовал себя все лучше и лучше. Свободное от медицинских процедур время мы чаще всего проводили в парке. Однажды набрали на заросли ежевики – ягоды были крупные и спелые. Ели их с большим удовольствием. Жизнь омрачали только перевязки. В то время при перевязках сухую марлевую подушечку клали прямо на открытую рану. Естественно, что она присыхала. Когда приглашали на перевязку, то настроение сразу падало. Хирургическая медсестра пинцетом отрывала марлю от раны. После такой «операции», сопровождавшейся сильной болью, у меня с шеи на грудь стекали две струйки крови. В начале сентября раны на шее зажили, но левая рука по-прежнему оставалась парализованной.

Ростов в августе и сентябре не бомбили, но было несколько ночных тревог. Всех ранбольных поднимали с постелей и отправляли в плохо оборудованное бомбоубежище: сидеть в нем было неудобно, не хватало воздуха. После первой такой ночи я решил больше в убежище не спускаться. Как только начиналась очередная тревога, уходил на балкон, ложился на кушетку и продолжал спать.

В нашей госпитальной комнате на столе стоял графин, наполненный водкой. Перед обедом и ужином мы выпивали по сто граммов (за свой счет, конечно) для аппетита. Однажды утром к нам, как обычно, зашла врач. Было жарко и душно. Она попросила налить ей воды. Я смутился, а Николай, подмигнув мне, налил в стакан водки. Доктор сделала глоток, задохнулась, покраснела, закашлялась. Шутка оказалась неуместной. Я достал фрукты, дал доктору закусить. Со слезами на глазах она сказала: «Что вы со мной сделали! Ведь я должна продолжать обход больных». Успокоили ее как могли, извинились. Я ходил в столовую и принес стакан сметаны. Расстались по-хорошему. Она на Николая не сердилась, но каждый раз, приходя в нашу палату, держалась настороженно.

Во второй половине сентября меня вызвали на врачебную комиссию. Врачи поехали по поводу моего ранения. Мне был предоставлен отпуск на полтора месяца с последующим переосвидетельствованием, и я уехал в мой родной город Казань. Путь мой лежал через Москву, в которую прибыл 23 сентября и провел в ней несколько часов.

Военная Москва произвела на меня гнетущее впечатление: много аэростатов, мешки с песком на тротуарах, надолбы из рельсов, окна заклеены бумажными лентами. На остановке трамвая попытался выяснить, какой маршрут идет в нужном мне направлении, – оказалось, что никто «не знает». Какая-то старушка мне шепнула: «Боятся шпионов, не велено говорить, да я вижу, ты из госпиталя – рука на перевязи, поезжай третьим маршрутом».

В Казань я прибыл только через два дня. В Москве не догадался купить продовольствия, а в пути это сделать было невозможно. Как только поезд останавливался на большой станции, бежал в привокзальную военную столовую. Кормили сносно.

Встреча с родителями была очень трогательной. Я не сразу рассказал о характере моего ранения, они думали (я так написал из госпиталя), что ранен в плечо и поэтому рука висит без движений. Отпуск мне предоставили с условием, что я буду продолжать лечиться в военном госпитале. В него я ходил каждый день на различные процедуры.

От «госпитальных дней» осталось много воспоминаний, но расскажу только об одном, касающемся лечебной гимнастики. Я интуитивно чувствовал, что различные упражнения должны помочь восстановлению движений в левой руке, но мне трижды отказали в назначении лечебной гимнастики. Объяснение было простое: «Вы получаете все необходимые процедуры» (их и правда было много). Рука постепенно сохла. Помог случай. В коридоре казанского госпиталя я встретил военврача 3-го ранга, поприветствовал и прошел мимо. Неожиданно он меня окликнул. Оказалось, что это бывший врач спортивного общества «Буревестник», в котором я состоял и активно занимался спортом в школьные годы. Он подробно расспросил меня о ранении и задал

вопрос: почему я не занимаюсь лечебной гимнастикой? Отругал меня, а заодно и лечащих врачей. Сказал: «Ты же спортсмен, как же допустил, что рука у тебя почти высохла?» Я стал ежедневно ходить к нему в кабинет, получал «домашние задания», и через три-четыре месяца упорных занятий рука стала оживать, но до конца восстановить все ее функции так и не удалось, хотя я прилагал для этого большие усилия.

Во всех госпиталях при прохождении различных медицинских обследований врачи, особенно хирурги, говорили, что я «родился в рубашке». Такое ранение, когда пуля прошла рядом с двумя сонными артериями и не задела ни позвоночник, ни пищевод, ни дыхательное горло, – случай редчайший. Много лет спустя во время очередной диспансеризации в академической поликлинике меня осматривала незнакомая мне невропатолог, фамилия ее была Никольская. Она спросила, на что я жалуюсь. Сказал, что я ни на что не жалуюсь, только вот владею левой рукой не полностью, но это уже дело непоправимое. Доктор спросила, куда я ранен. Я показал. Она сказала: «У вас необычное ранение. Я всю войну прослужила в госпиталях, но вы второй с таким ранением. Первый раз столь необычный случай видела в Казани в 1942 г.» Я сказал, что в Казани лечился в областном госпитале у невропатолога Анисимовой. «Это и есть я, – сказала она, – только моя фамилия теперь Никольская». Анисимова, какой я ее запомнил, была очень красивой женщиной. Все мужчины на нее заглядывались. Обмундирование на ней сидело отлично, и держалась она прекрасно, ходила всегда с гордо поднятой головой. Видимо, дальше жизнь не сложилась, позднее я узнал, что было очень неудачное замужество. Вот была такая необычная встреча.

В Казани меня ожидало знакомство с выдающимся ученым – академиком Алексеем Николаевичем Крыловым, знаменитым математиком и кораблестроителем. Его семья при эвакуации в августе 1941 г. переехала из Ленинграда в Казань и поселилась в двух комнатах нашей квартиры. Алексей Николаевич был очень интересным человеком, с огромным, разнообразным жизненным опытом, прекрасным рассказчиком. Ему в то время было 78 лет, но память он имел отменную. Вспоминал, как ему приходилось спускать на воду новые корабли, рассказывал различные случаи из своей жизни. Здесь, в нашей казанской квартире, за моим школьным письменным столом он заканчивал писать книгу «Мои воспоминания», опубликованную в 1942 г. Ее экземпляр Алексей Николаевич вручил 18 октября 1942 г. моим родителям и мне со следующей дарственной надписью: «С истинным уважением на добрую память от А. Крылова». Я бережно храню эту замечательную книгу в моей библиотеке.

Радиорепродуктор, по которому передавались в Казани последние известия, находился на нашей половине квартиры, и два-три раза в день Алексей Николаевич неизменно приходил их слушать. При этом

каждый раз вынимал свой хронометр из вороненой стали и проверял время. Он был очень большой патриот, расспрашивал меня про войну, про состояние вооружения Красной армии, переживал наши неудачи. К нему несколько раз приходили с визитом военные моряки: адмиралы и вице-адмиралы. Если дверь открывал я, то именитые посетители всегда с большим почтением спрашивали, не может ли их принять академик А.Н. Крылов.

Дочь А.Н. Крылова была замужем за академиком П.Л. Капицей. Он иногда навещал Алексея Николаевича, приходили к нему внуки – Сергей и Андрей. В декабре 1941 г. у Алексея Николаевича умерла после операции жена, и он переехал жить к дочери.

На службу в Красную армию я не вернулся – в конце ноября 1941 г. меня демобилизовали, признали инвалидом Отечественной войны II группы. Следовало определиться, что делать дальше, как жить. В Казанский авиационный институт я решил не возвращаться, считая, что инвалид с висящей левой рукой не может быть инженером-механиком по авиационным моторам.

Член-корреспондент РАН

ЖАМОЙДА

**Александр Иванович
(1921–2021)**

А.И. Жамойда родился 5 декабря 1921 г. в Петрограде. Доктор геолого-минеральных наук, профессор.

С октября 1939 по май 1946 г. – в Красной армии. Красноармеец, командир отделения, комсорг дивизиона 18-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Воевал на Южном и Северокавказском фронтах.

После демобилизации, с 1946 по 1952 г., обучался в Ленинградском горном институте (с 1952 по 1955 г. – в аспирантуре). Начал свою научную и производственную деятельность как региональный геолог, углубился в вопросы региональной и общей стратиграфии, палеонтологии, организации стратиграфической службы. Эти направления исследований остаются главными для него по сей день – добавились проблемы теоретической стратиграфии, геологической картографии и истории геологии.

С 1960 по 1962 г. работал в Социалистической Республике Вьетнам в группе по составлению первой геологической карты страны масштаба 1 : 500 000, обучал первых геологов-съемщиков.

В 1963 г. был избран начальником отдела стратиграфии и палеонтологии Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского (ВСЕГЕИ). С 1970 по 1987 г. – директор этого института. Член-корреспондент АН СССР с 1987 г.

Автор 159 научных работ и изобретений. Более 10 лет был заместителем председателя Межведомственного стратиграфического комитета. На этом посту занимался координацией исследований по совершенствованию стратиграфической базы для геологических работ, работал в области теоретических и методических проблем стратиграфии. Подготовил и провел девять межведомственных стратиграфических совещаний в различных регионах страны. Разработал ряд важнейших дискуссионных теоретических проблем стратиграфии (унификация терминологии, принцип построения номенклатуры, роль географического критерия и др.), что обеспечило создание первого «Стратиграфического кодекса СССР», регламентирующего все стратиграфические работы в стране. Редактировал 1-й том («Стратиграфия») «Геологического строения СССР» (1968), был заместителем главного редактора многотомных монографий «Стратиграфия СССР», «Геологическое строение СССР и закономерности размещения полезных ископаемых» и др.

От Бессарабии до Каспия и на запад до верхней Силезии

Это не воспоминания.

Это просто краткий конспект событий шести лет моей юности в солдатской шинели.

Закончив среднюю школу в 1939 г. с «золотым» аттестатом, поступил без экзаменов на биологический факультет Ленинградского университета. Проучившись (кстати, с будущими академиками О.А.Скарлато и А.В. Жирмунским) всего два месяца, был призван в РККА. Направили нас на Украину в зенитную артиллерию. Я попал в линейную батарею 18-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона и надеялся через два года продолжить учебу в ЛГУ. Но получилось все по-другому.

Дивизион стоял в г. Котовске Молдавской АССР, участвовал в освобождении (присоединении) Бессарабии. Летние и зимние лагеря с боевыми стрельбами были на берегу Днестровского лимана возле г. Аккермана (Белгород-Днестровский).

В лагере и застало нас начало войны. Уже вечером 23 июня при погрузке дивизиона на железнодорожный эшелон нас атаковали немецкие штурмовики, посылая очередями трассирующих пуль. Учетверенные пулеметы их отогнали.

Первые позиции были на р. Днестр в г. Рыбница по охране железнодорожного моста. Был я в отделении разведки 3-й батареи, в которой и провоевал всю войну, с мая 1943 г. – уже командиром отделения в звании сержанта и с марта 1944 г. – одновременно парторгом родной батареи. С января 1942 г. – кандидат в члены ВКП(б), с апреля 1943 г. – член партии.

Разведка в артиллерии это не походы в тылы противника, а наблюдения на батареях и наблюдательных пунктах (НП) с целью заблаговременно обнаружить самолеты противника.

На охране моста, меняя позиции, простояли до 21 июля. Стреляли плохо, но немцы бомбили еще хуже: за время 235 налетов в мост попала одна бомба, и та не взорвалась. На счету же дивизиона – семь сбитых бомбардировщиков «Юнкерс-88» и один истребитель «Мессершмитт-109».

Первые дни еще верили в наше превосходство и в скорую нашу победу, что и записано в моем дневнике. Но уже 10 июля красноармеец Жамойда записал: «Начинает возникать сомнение в нашей технической мощи армии. Безусловно, победим, но сколько будет жертв. Россия всегда побеждала храбростью своих солдат и враги захлебывались в крови русских. Вероятно, так и теперь будет». Слова эти полностью оправдались.

Далее – отступление на восток по степям южной Украины с заданиями по обороне речных переправ, железнодорожных станций и

узлов, аэродромов, сосредоточения войск и др. Двигались медленно, так как зенитные орудия 76-мм тащили трактора ЧТЗ (Челябинский тракторный завод) со скоростью 7–8 км/час. Так что нас иногда обгоняла отступающая пехота. В Каховке дивизион был поставлен против танков, но танки, вероятно, прошли севернее.

В сентябре охраняли объекты в Мелитополе, в октябре – в городах Мариуполе и Шахты, в ноябре и декабре бросали дивизион на оборону разных военных объектов на территории Донбасса. За весь прошедший путь на счету дивизиона было сбито около 20 вражеских самолетов. А сколько огневых позиций оборудовали и окопов рыли – не сочтешь.

Новый, 1942, год встретили на обороне ж.д. станции Должанская, где простояли с редкими боями до 20 мая. После трехмесячного перерыва только в марте получил от родных из Ленинграда письмо, наполовину залитое тушью и со штампом военной цензуры. Мы, ленинградцы, тогда еще почти ничего не знали об ужасах блокады родного города.

В апреле 1942 г. прибыло в дивизион неожиданное молодое пополнение – девушки.

Некоторые хлопцы были переведены в другие части, а девчата стали связистами, разведчиками, прибористами и дальномерщиками. Появились некоторые сложности во взаимоотношениях с командирами, да и немецкая авиация с весны активизировалась. Однако молодое пополнение быстро освоило технику и вписалось в боевую жизнь батареи. Вместе с этими замечательными девчатами провоевали до Победы, со своими разведчицами и связистами подружился, с некоторыми встречался и переписывался до тех печальных дней, когда они ушли в иной мир.

Май-июнь батареи дивизиона занимали огневые позиции в городах Ворошиловек, Ворошиловоград, Звереве, а дальше – отступление на юг.

Серьезным испытанием была оборона понтонных переправ через р. Дон у станицы Мелеховская 19–21 июля. Самолеты бомбили и переправу, и батарею с утра до вечера, причем налеты были звездными – с разных сторон одновременно. Трудно представить, что творилось на правом берегу, где скопились тысячи несчастных эвакуированных, разбредшиеся стада скота, много уже почти дезорганизованных военных частей. Каким-то чудом наша батарея уцелела, хотя одна бомба оторвала упор пушки. В дивизионе были большие потери.

Началось уже не отступление, а бегство через Сальские степи. И 2 августа нас поставили на оборону ж.д. станции и г. Невинномыска – от воздушных налетов и танков. Основному удару противника подверглась 1-я батарея, которая сумела остановить группу малых танков, сжечь два танка и автомашину пехоты, разбить минометную

батарею и сбить самолет. Батарея была тоже разбита, и потери составили около 30 человек. 2-я батарея и наша 3-я тоже пострадали, и дивизиону приказали отступить.

Именно в Невинномысске ветераны дивизиона собирались с 1980 г. на свои главные встречи. В центре города возле памятника с вечным огнем водружена 85-мм зенитная пушка с надписью на пьедестале об обороне города нашим 18-м дивизионом.

С остановками на боевых позициях в городах Хасавюрт и Чирюрт (теперь таких печально известных) дивизион был поставлен южнее Махачкалы в пос. Турали (на этом месте построили г. Каспийск) с одновременным ремонтом и частичной заменой транспорта, приборов, орудий.

Только после победы под Сталинградом, 24 февраля 1943 г., мы двинулись на Запад, одновременно перейдя в 1-ю фронтową категорию снабжения.

Путь наш по только что освобожденным разрушенным городам и вдоль разбитой железной дороги в уже известный Донбасс оказался непростым и долгим. Не доезжая до Батайска, 24 марта записал в своем дневнике: «Прошел 21 месяц войны. Где бы люди ни были, что бы они ни делали, о чем бы ни говорили – разговор начинается и кончается одним вопросом – когда же кончится война?... разные басни сотнями ходят по населению... Я же держусь своей прежней теории – пятилетка... и кончится война в 1945 году». Под «теорией» подразумевалась симметрия событий – чередование отступлений и наступлений – наших и врага. До Победы оставалось 775 дней и ночей.

В Батайске охраняли переправы через р. Дон. В постоянных налетах немцев участвовало до 90 бомбардировщиков одновременно. Стреляли прилично – на счету дивизиона было 13 сбитых самолетов.

В г. Красный Сулин с кратковременными выездами на другие огневые позиции пробыли более восьми месяцев. Охраняли ж.д. станции, аэродромы, в том числе аэродром полка легких бомбардировщиков У-2 (бывшие учебные самолеты), укомплектованный героическими летчицами.

В районе Киева наша батарея превратилась в кочующее подразделение, которое бросали на разные ответственные участки. При прорыве немцев под Житомиром нас поставили в г. Фастове на противотанковую оборону. В январе 1944 г. получил известие о кончине отца, что произошло еще в ноябре 1943 г.

Летом 1944 г. охраняли мост через Днепр в г. Черкассы. Здесь дивизиону торжественно вручили знамя, которое через 40 лет было привезено из Москвы в Черкассы на очередную встречу ветеранов дивизиона. Налеты немецких самолетов были редкие, так же как и на следующих позициях в г. Станиславе (Ивано-Франковск), где стояли на охране ж.д. узла и города. Попали мы в район очень активных

действий бандеровцев. Около десятка бойцов и офицеров погибло от их банд. Были нападения и на наблюдательные пункты связистов. Расправлялись и с бандитами тоже жестоко.

В марте 1945 г. через Львов и Краков прибыли в пока еще немецкую Верхнюю Силезию, район угольных месторождений, напоминающий наш Донбасс.

Поставили нас вблизи уютного городишки Лабанд на охрану с воздуха вывозимого в СССР кузнечно-прессового завода. Самолетов почти не было, но продолжались серьезные бои под Бреслау (город был взят только 6 мая).

В немецком Лабанде встретили День Победы. После Берлинской конференции глав трех держав часть Верхней Силезии перешла к Польше, и Лабанд стал городом Лабенде.

В июле простились со старшими по возрасту бойцами – мужчинами и нашими, ставшими очень близкими и дорогими девчатами.

Вскоре перебрались с огневых позиций в казармы. Меня назначили комсоргом дивизиона при том же звании сержанта, но должность была офицерская с определенными преимуществами.

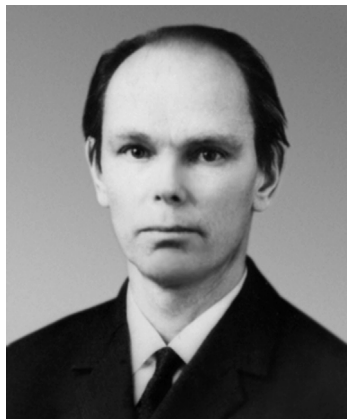
Продолжалась служба в Красной армии. В конце октября 1945 г. двинулись на Родину, прибыли в полностью разрушенный г. Ковель, где встретили первую годовщину Победы в компании друзей-ленинградцев. 15 мая, демобилизованные уже из Советской армии, разъехались по домам.

23 мая 1946 г. после шести с половиной лет, проведенных в солдатской шинели, вернулся домой – к маме и племяннице. Сестра с мужем были на Дальнем Востоке: он, отвоевав на Западе, был направлен на войну с Японией.

Лето я провел с оставшимися школьными друзьями, работая такелажником в Эрмитаже (для получения рабочей карточки), где узнал и увидел много интересного, и до сих пор с ним связан.

2 сентября начались занятия в Ленинградском горном институте. Началась моя работа и служба в геологии.

Военные награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»; как всем фронтовикам, мне в 1985 г. был вручен орден Отечественной войны II степени и в 1975 г. – очень дорогая для меня награда «Почетный знак Советского комитета ветеранов Войны», удостоверение которого подписано генералом армии П. Батовым и легендарным А. Маресьевым.

Член-корреспондент РАН

ЗВЕРЕВ

**Виталий Анатольевич
(1924–2024)**

В.А. Зверев родился 3 ноября 1924 г. в Нижнем Новгороде. Окончил Горьковский государственный университет в 1950 г.; основные направления научной деятельности: радиофизика, радиотехника, радиолокация, электроника; лауреат Государственной премии СССР (1985). Специалист в области радиофизики, акустики, радиотехники, радиолокации и голографии. Фронтовик: участник боевых действий.

О войне

Я участвовал в войне в войсках противовоздушной обороны. На передовой, где льется кровь, я не был, но если бы я туда попал, то описать все это я бы не смог, так как живым из этого ада ни за что бы не выбрался. Ни один мой товарищ, с которыми я играл в детстве во дворе, живым не вернулся. Все они погибли. Точно та же участь постигла бы и меня, попади я на передовую.

Начало войны застало меня в родном городе Горьком. Я жил тогда с родителями, заканчивал школу экстерном, чтобы в этом же году поступить в институт. Известие о начале войны встретил с ужасом. Это состояние появилось у меня, несмотря на то что всю трагедию, которую несет с собой эта война, я не представлял, и далеко не представлял. В то время наша пропаганда была очень сильна. Она «все уши прожужжала», уверяя народ, что «наша армия всех сильнее!» и что «чужой земли нам не надо, а своей земли мы никому не отдадим ни пяди», а «если на нас нападут, то мы будем воевать на территории противника». Я был во власти этой пропаганды и думал: «Какой же дурак этот Гитлер, что напал на нас! Скоро, очень скоро наша армия с блеском разобьет его и перейдет на его территорию. Вот тогда он и узнает, как на нас нападать!»

Из фронтовых сводок, в которые все с надеждой вслушивались, дожидаясь, когда же мы перейдем воевать на территорию противника, нельзя было понять положения на фронтах. В них описывали подвиги наших солдат в сражениях и большие потери, которые несет враг в связи с этими подвигами.

В городе очень скоро начали происходить значительные изменения. С улиц исчезли отечественные грузовики, а появились Доджи и Форды. Исчезли также мужчины, а их место заняли женщины. Почти все улицы были тогда вымощены булыжником, и их надо было часто

ремонтировать. Там, где это делалось редко, камешки мостовой за-
растали непроходимой грязью. Ремонт уличного покрытия до вой-
ны занимались мощные мужики. Их заменили женщины в брезенто-
вых комбинезонах, в которых они выглядели неуклюжими и толстыми.
Женщины не расставались с комбинезонами, словно были зашиты в
них. Они в них шли на работу и с работы. Работая в мужской одежде,
но без мужских перекуров, женщины управлялись с работой не хуже
мужчин. Стояла изнурительная жара. Женщины работали на солн-
цепеке в плотной одежде, без отдыха. Не было заметно, что им жарко
и они устали. Я удивлялся и восхищался ими.

Начался голод. Я мечтал проглотить буханку ржаного хлеба. По-
явились карточки с мизерными нормами на продукты для разных кате-
горий людей. Мы имели самую низшую категорию, и чтобы получить
нашу норму, надо было выстоять колоссальную очередь. Полученные
продукты не утоляли голод, скорее – наоборот.

Я стал регулярно ездить на курсы и учиться управлять грузовиком.
Ездить надо было в Канавино, куда в то время можно было добраться
или пешком, или на трамвае № 1. Я ездил на трамвае, который в
то время ходил переполненным людьми, прицепившимися к трамваю
даже снаружи, державшимися за открытые окна. Приходилось терпеть
это, ничего не поделаешь.

По окончании курсов всех отправили в воинскую часть для про-
хождения службы, но там нас почему-то не приняли и отпустили по
домам.

Затем военкомат направил меня в Москву в пехотное училище,
из которого я через несколько месяцев должен был выйти в звании
младшего лейтенанта и отправиться на фронт. Однако меня в учи-
лище не приняли. Медкомиссия училища признала непригодным по
здоровью. Это было уже во второй раз. Первый раз меня забракowa-
ла медкомиссия артиллерийского училища, но тогда меня отпустили
домой.

Я рос хилым ребенком, что было неудивительно, так как мои ро-
дители, когда я родился, были больны туберкулезом легких, а у моей
мамы был тяжелый порок сердца, который передался и мне. Я был
призван на военную службу, когда мне едва исполнилось 18 лет, а вы-
глядел я тогда абсолютным мальчиком, года на два-три моложе своего
возраста. Поэтому неудивительно, что меня забраковали.

На этот раз меня домой не отпустили, а направили на Московский
сборный пункт. Оттуда меня должны были отправить непосредствен-
но на фронт. Был ноябрь 1942 г. Легко себе представить, чтобы со
мной стало бы, если бы это случилось. Но на этом сборном пункте
почему-то тоже была медкомиссия. Эта медкомиссия меня признала
непригодным со следующей письменной рекомендацией: «Годеи к
нестроевой службе без физработ с маршем». С такой рекомендацией

после еще одной медкомиссии я попал под Москву в части противоздушной обороны. Когда таких хилых, как я, парней и стариков набралось на сборном пункте достаточно, нас привезли в Подмосковный военный городок и разместили в казармах для прохождения военной службы. Началась казарменная жизнь.

Помню, меня назначили в суточный наряд в караул. Перед отходом я постарался тщательно спрятать в своем вещевом мешке самые дорогие мои вещи. Складной красивый маленький ножичек – подарок мамы – как память о ней и бритва – подарок папы. Бритва мне еще была не нужна, но через годы может понадобится. Пока же – это память о папе. Эти вещи я в редкие свободные минуты доставал из мешка, любовался ими и как бы становился ближе к дому.

Наконец, наряд подошел к концу, и я вернулся в свою казарму. Бросившись к своему вещмешку, я уже не нашел в нем ни ножичка, ни бритвы. Как мне было жаль потери такой дорогой для меня, бесценной памяти о милом мне доме. К тому же я обнаружил, что у меня во время пребывания в наряде пропала вещь, без которой я не мог обойтись. У меня исчез выданный мне котелок. Котелок необходим для того, чтобы получать в столовой еду. В него получаешь еду и используешь его же вместо тарелки, которой нет. Вся солдатская еда жидкая, ее в руки не возьмешь. Я спросил у соседей, куда делся мой котелок. Они в свою очередь спросили, не черный ли он. Я ответил, что он черный. Солдаты оживились и сказали, что знают, где мой котелок. Я обрадовался и понадеялся, что пропажа найдется. Оказалось, что нет. Солдаты сказали, что мой котелок пошел в баню мыться.

Шутка была грубой и жестокой. Потом случилось знакомство со вшами, от которых никак нельзя было избавиться. Я терпел, вырослел, привыкал к новой жизни и старался «не распускать нюни».

Так начиналась моя служба в армии.

Через два с половиной года в конце службы я тоже жил в казарме. К этому времени у меня появилось очень высокое для солдата воинское звание сержант. Я стал комсоргом всего нашего отдельного батальона. Комсомольского начальника выше меня не было. Мне поручали проводить занятия. Меня все уважали, ни в какие наряды меня никто назначить не мог. Из железного чемоданчика от немецких мин, заменившего мне вещмешок, у меня ничего не пропадало. Меня будили за пять минут до общего подъема, чтобы я спокойно, не торопясь, оделся, хотя в общий строй становиться было уже не надо.

Мне поручили обучение солдат, полностью освободив от всех нарядов. Я подчинялся непосредственно командиру роты. Успев поучиться в институте, слушая лекции, я, обучая солдат, тоже читал им лекции, стараясь копировать тех институтских лекторов, которые мне нравились.

При получении техники я – абсолютный еще мальчишка по возрасту, внешности и характеру – был назначен командиром расчета прожектора-искателя. Этот расчет представлял собой самостоятельную боевую единицу. Командир такого расчета был полновластным его хозяином и единственным распорядителем, отвечающим за все и всех. К нам стала поступать новая техника, но ни одна из станций при включении не работала. Командир батальона посылал меня помочь запустить станции. Удалось запустить в работу все четыре новые станции, у каждой из них была своя неисправность. Повторения никакого не было. Не было его и дальше. Всегда неисправность была единственной. Найдешь ее, устранишь, станция работает. То, что мне удалось поставить в строй все станции, решило мою дальнейшую судьбу на военной службе. Меня назначили радиомастером. Я подчинялся непосредственно командиру батальона, а моей единственной обязанностью стало поддерживать все радиопрожектора части в исправном состоянии. Я мог жить на любой позиции, заниматься чем угодно, если все станции батальона работают исправно.

Расскажу характерный случай. Зима, холодно. Я вынул неработающий приемник станции и принес его в землянку, чтобы найти неисправность и устранить ее. Как тщательно я ни осматривал приемник в землянке, никакой неисправности найти не мог. Приемник был в полном порядке и должен был работать. Я понес его на станцию, вставил, подключил. Не работает. Явно не работает. Снова в землянку. Провел в землянку необходимые провода, чтобы там не только осмотреть, а и включить приемник. Убедился, что в землянке приемник работает. В чем же дело? Дело оказалось в том, что в самой станции был поставлен дополнительный конденсатор к блоку питания приемника. Я этого не знал, и в описании этого не было. Этот конденсатор находился в таком дальнем и незаметном углу, что его и не увидишь. Он отключался, когда я вынимал приемник из станции и нес его в землянку. Дополнительный конденсатор оказался пробитым и замыкал накоротко цепи высокого напряжения приемника. Я отсоединил дополнительный конденсатор (он не указан на схеме), и все сразу же заработало. На это ушло целых два дня напряженной работы. Подобных случаев было много. Когда все неисправности во всех станциях батальона были устранены и у меня были свободные дни, я на своей родной позиции конструировал себе приборы для определения неисправностей или возился с антенной станции, пытаюсь всячески обострить ее диаграмму направленности.

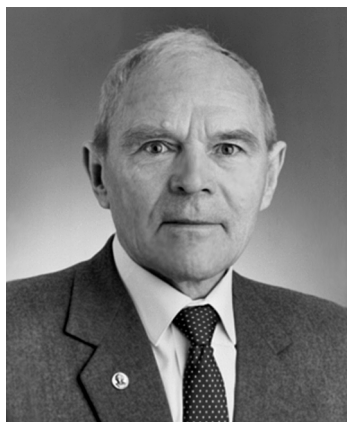
За все эти заслуги на меня посыпались воинские звания. В течение одного 1944 г. у меня появились целых три алых лычки на погонах. Но шла война, и мне приходилось ходить от одной станции к другой, которые были расставлены через 10–20 км. Это расстояние приходилось преодолевать пешком без дороги, ориентируясь только по карте

и компасу. Заблудиться я не мог, но была другая весьма реальная опасность. Дело было в Литве, а там в то время в лесах хозяйничали так называемые лесные братья. Это бандиты, действовавшие против нашей армии. Мой путь часто пролегал через лес, где вполне могли быть эти братья. Я знал об этом, боялся ходить через лес, но иного пути не было. Никакого оружия я с собой не брал, так как защититься им нельзя, а оно может служить приманкой для братьев.

Один раз я не пошел через лес, а обошел его через город Каунас, но попал в комендатуру. У меня не было никаких увольнительных и никаких документов, объясняющих, как и почему я оказался в городе, да и моя военная выправка, солдатская форма и мальчишеский вид оставляли желать лучшего. Меня ждали крупные неприятности. Выручили шоферские права, которые я получил, закончив курсы военкомата. Конфискуя мои документы, солдат патруля наткнулся на права. Он оживился и сказал: «Ты шофер! И я шофер! Вот тебе все твои документы! Иди!» С этими словами он отпустил меня. Больше я через город не ходил, а топал через лес.

В награду за отличную службу меня отпустили на целый месяц в отпуск домой. Как я был этому рад! Лучшей награды для меня не существовало! Добирался из Литвы до Горького с приключениями, на перекладных, на товарных поездах, на подножке пассажирского поезда, рискуя жизнью. Самым трудным был путь из Москвы до Горького. В Москве на Курском вокзале было столько народу, что не протолкаться. К билетным кассам не подступиться, а без билета в вагон не сядешь. Проводницы не пускают. Я это безуспешно пробовал, но не получалось. Но мне очень нужно к маме. Так нужно, что я уцепился за подножку вагона уже отошедшего поезда и повис на ней. Я опирался ногами о низ подножки, находящейся глубоко под вагоном и держался руками за чуть выступавшие части поручней, утопленные плотно закрытой дверью в вагон. Так я, оставаясь снаружи мчавшегося поезда, опираясь ногами и уцепившись руками, ехал очень долго. Когда поезд остановился, проник в вагон. Проводница сжалась надо мной. Она не стала меня выгонять.

Это было в самом конце моей службы уже после Победы.

Академик

КОЛЕСНИКОВ
Константин Сергеевич
(1919–2016)

К.С. Колесников родился 27 декабря 1919 г. в деревне Таракино (ныне Владимирской области). Окончил сначала Ярославский автомобильно-механический техникум, а затем Московское высшее техническое училище (Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана). Через год после сдачи кандидатского минимума, проведения нужного эксперимента, оформления диссертации по

правилам ВАКа он уже стал кандидатом технических наук. Его научный руководитель порекомендовал Колесникова Сергею Павловичу Королеву, который взял Колесникова научным консультантом в свое конструкторское бюро.

У Королева Колесников работал два дня в неделю, основное место работы у него было МВТУ. Здесь он читал лекции по сопромату и теоретической механике, здесь после защиты докторской диссертации по динамике ракет (абсолютно закрытой, потому что в ней были совершенно новые разработки) стал проректором по науке. Как ученый, Колесников предлагал оригинальные решения для обеспечения и повышения устойчивости ракеты с жидкостным топливом, давал и совершенствовал математические модели движения ракеты.

В 1966 г. Константин Сергеевич принял предложение возглавить кафедру теоретической механики, созданную еще в 1908 г. Н.Е. Жуковским. Заведующим Константин Сергеевич был ровно 24 года, причем ему опять пришлось много учиться, так как были новые методики, курсы, программы, предусматривающие подготовку инженеров современного уровня. Сегодня Константин Сергеевич – профессор на кафедре, которую возглавляет его ученик В.В. Дубинин, специализирующийся на разработках в области механики твердого тела. По сути дела Колесников – неформальный научный руководитель коллектива, имеющий значительный авторитет не только в МВТУ, но и в России, и за рубежом, где хорошо известны его работы. Константин Сергеевич Колесников – лауреат Государственной премии СССР за работу в области динамики ракет, премии правительства Российской Федерации в области образования, награжден Золотой медалью им. В.Г. Шухова, а также орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени. Имеет боевые награды: медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

О войне

В 1939 г. с первого курса МВТУ им. Н.Э. Баумана я был призван в кадровую армию в Рязань в 8-й автомобильный полк. В 1941 г. в составе 541-го автомобильного батальона на Западном фронте в качестве старшего сержанта участвовал в боевых действиях по обороне Москвы. В конце сентября 1941 г. был сформирован отдельный 294-й автомобильный батальон и направлен на Волховский фронт. На этом фронте я участвовал в боевых действиях по прорыву второго кольца блокады Ленинграда. По ледовой дороге «Ладога» дважды ездил в Ленинград, видел занесенные снегом безжизненные троллейбусы и автомашины, ребятишек, везущих на санях умершую мать для сдачи на сборный пункт.

После освобождения Ленинграда и Ленинградской области в составе 11-го автомобильного полка на 2-м Украинском фронте участвовал в боевых действиях по проведению Яско-Кишиневской наступательной операции. После этого прошли спокойным маршем, без единого выстрела г. Бухарест, поскольку король Михай отдал город без боя. Затем участвовал в боевых действиях по взятию Будапешта. Далее города Комаром, Камарно, закончил войну в Чехословакии – г. Братислава.

Возвратился в Россию в воинском звании капитана, награжден четырьмя медалями. Демобилизоваться не удалось, был назначен заместителем командира отдельного батальона по технической части, командир батальона подполковник Мухин. Собрали в Коломне 120 новых автомашин «студебекер», полученных из Америки по ленд-лизу. Батальон был направлен в Свердловский военный округ, которым командовал пониженный в то время в должности Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

В 1946 г. по окончании службы я вновь вернулся в МВТУ.

И вот совершенно неожиданно для меня 26 февраля 2010 г. мэр Москвы Ю.М. Лужков вручил мне боевой орден Красной Звезды (№ 3796856), которым я был награжден, как оказалось, по окончании войны 8 июня 1945 г.

Член-корреспондент РАН

КОРОЛЕВ

Лев Николаевич

(1926–2016)

Л.Н. Королев родился 6 сентября 1926 г. в Подольске Московской области. В 1943 г. поступил на первый курс механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1944 г. был призван в армию. В 1952 г. с отличием окончил Московский университет.

Системный программист и математик, заслуженный профессор Московского университета, бессменный заведующий кафедрой автоматизации систем вычислительных комплексов факультета вычислительной математики и кибернетики, входит в круг ученых, положивших начало развитию программирования и вычислительной техники в СССР.

В 1956 г. разработал компьютерную программу для перевода текстов с английского языка на русский. В 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию по этой тематике.

В 1967 г. защитил докторскую диссертацию на основе своих разработок для вычислительной системы, поддерживающей функционирование ПРО. Кроме того, Королев разрабатывал математическое обеспечение для управления космическими полетами, в том числе для полета Союз–Аполлон. В 1967 г. под его руководством была разработана операционная система «Диспетчер-68» для ЭВМ БЭСМ-6, которая стала первой советской мультипрограммной операционной системой. Кроме того, система поддерживала страничную организацию памяти с динамическим распределением памяти, параллельную работу устройства ввода/вывода. Эти исследования значительно повлияли на дальнейшее развитие отечественного системного программирования.

Л.Н. Королев – автор более 70 научных работ, в том числе 10 монографий и учебных пособий. Читал курс в МГУ по архитектуре суперкомпьютеров. Среди его учеников два члена-корреспондента РАН, более 40 докторов и кандидатов наук.

О солдатских буднях

10 класс полной средней школы я окончил с отличием в Кургане, находясь в эвакуации по почте послал в Москву в МГУ заявление с просьбой принять меня на механико-математический факультет МГУ. Очень скоро в Курган пришел ответ, что я принят без экзаменов как отличник. Во время войны почта работала быстро и оперативно! Однако приступить к учебе в МГУ пришлось только в конце октября 1943 г., когда семья вернулась из эвакуации в Москву.

В декабре был вызван в военкомат, где какой-то военный (звания я не помню) побеседовал со мной и проверил мой слух на восприимчивость морзянки, которую он отбивал карандашом по столу. Мобилизовали меня в армию в феврале 1944 г., но что меня направят воевать радистом, я почему-то знал заранее уже в конце декабря 1943 г. В январе экзамены я не сдавал, а проходил медкомиссию в военкомате. В начале февраля 1944 г. меня проводили с мешком (сидром) за спиной на Павелецкий вокзал, поезд доставил новобранцев в г. Горький в воинскую часть, готовившую для фронта радиоразведчиков, радистов-слухачей и пеленгаторщиков.

В течение трех месяцев нас интенсивно, по 10 часов в сутки, обучали этой специальности, требовавшей знания немецкого языка и хорошего слуха. Время было голодное, и курсанты добавляли к скудной солдатской пище жмых, почему-то хранившийся в подвале здания. Его подогревали на отопительных батареях и ели, спрятавшись от офицеров на чердаке.

После трехмесячной подготовки мы уже умели отстукивать и принимать латиницей шифрограммы, передаваемые с большой скоростью, умели работать на длинноволновых и коротковолновых пеленгаторах отечественного производства. В начале мая 1944 г. нас отправили на формирование мобильных пунктов радиоразведывательных дивизионов особого назначения (ОРД ОСНАЗ), подчинявшихся непосредственно Ставке Верховного главнокомандующего.

Радиопункт включал в свой состав два пеленгатора, приемно-передающую радиоаппаратуру, оборудование автономного электропитания, два грузовика (студебекер и нашу трехтонку). Личный состав включал порядка 12–15 человек (точно не помню, а спросить почти уже не у кого).

В середине мая нас отправили на фронт, точнее, в предфронтовую полосу 2-го Украинского фронта, в район Коломыи. Так начались наши военные будни. Наш радиопункт передислоцировался почти каждую неделю. Западная Украина, Словакия, Румыния, Венгрия, Чехия, Австрия, Югославия – те страны, на территории которых проводилась радиоразведка с участием нашего пункта, входившего в состав 97 ОРД ОСНАЗ.

Мы, солдаты, были не в курсе значимости своей работы, и только в 1945 г. узнали, что сведения, полученные с нашего радиопункта, были полезны в сражениях за освобождение Белграда и взятие Будапешта, за что все солдаты пункта, включая меня, были награждены соответствующим медалями.

Наиболее запомнившимися яркими событиями моих военных лет являются два: это бои под Михалевцами (июнь 1944 г.) и День Победы!

Под Михалевцами наш пункт попал под артиллерийский обстрел, это было реальное боевое крещение. Пункт как обычно размещали

на участке фронта, расположенном ближе всего к тылам противника, в образовавшихся выступах и клиньях. Но, по-видимому, в этот раз его дислоцировали на возвышенности, находящейся за линией разорванного фронта. Радисты со своей возвышенности видели цепи атакующих солдат, которые, как нам казалось, были сзади нас. И тут начался обстрел, который заставил нас улечься на землю с трепетом на душе. Обстрел продолжался недолго и никакого урона нам не принес. Но он был первым и последним и поэтому запомнился.

День Победы мы встретили в западной Чехии, в Судетах. Радисты первыми узнали о капитуляции на рассвете 9 мая. Мы выбежали на улицу и увидели начало и развитие фронтового салюта никем не организованного, а исходившего от сердца каждого. Сначала то там то сям слышались артиллерийские залпы, затем по всему горизонту начали подниматься сигнальные ракеты всех цветов, фейерверки трассирующих пуль, артиллерийская канонада охватила все вокруг, к восходу солнца салют стал затихать по той причине, что весь боевой запас был выпущен в воздух. Мы тоже расстреляли все наши огневые запасы, благо их было не так уж много. В связи с этим одного из солдат отправили в ближайшую пехотную часть, чтобы разжиться патронами – службу надо было нести и далее. Как выяснилось, эта часть, не зная, в чем дело, поначалу заняла круговую оборону, а потом присоединилась к общему ликованию. Остатками своих патронов солдаты поделились с нами.

Академик

МИТЕНКОВ
Федор Михайлович
(1924–2016)

Ф.М. Митенков родился 25 ноября 1924 г. в с. Ключи Куриловского района Саратовской области.

В 1948 г. окончил Всесоюзный заочный юридический институт (г. Саратов); в 1950 г. – Саратовский государственный университет, квалификация – инженер-физик. С 1942 по 1946 г. служил в Советской армии – участник Великой Отечественной войны. С 1964 г. работал в ОКБМ – начальник отдела, заместитель начальника ОКБМ – главный конструктор, директор ОКБМ – генеральный конструктор. С 2008 г. был научным руководителем Института ядерной энергетики и технической физики (на базе ФТФ НГТУ).

Основное направление научной деятельности – проектирование ядерных энергетических установок различных видов и назначения (атомное машиностроение). Известный ученый, руководитель работ в области атомного энергетического машиностроения.

Ф.М. Митенков внес значительный вклад в разработку и создание ядерных реакторов для атомных электростанций, гражданского и военно-морского флота. Под руководством Ф.М. Митенкова в ОКБМ были созданы атомные паропроизводящие установки для атомных ледоколов «Арктика», «Сибирь», «Россия», «Советский Союз», «Таймыр», «Вайгач», «Ямал»; лихтеровоза «Севморпуть», атомных подводных лодок и надводных кораблей ВМФ; реакторы на быстрых нейтронах БН-350, БН-600, ядерные реакторы для атомных станций теплоснабжения и проекты реакторных установок для малой атомной энергетики.

Под научным руководством Ф.М. Митенкова защищены 14 докторских и 55 кандидатских диссертаций.

Автор и соавтор около 300 публикаций и докладов, имеет 48 авторских свидетельств на изобретения.

В 1992–1993 гг. – президент Российского ядерного общества. Председатель международного комитета по присуждению премии «Глобальная энергия».

О войне

В день объявления войны (июнь 1941 г.) мы с друзьями, только что окончившими школу (выпускники 10-го класса), почти бегом отправились в райвоенкомат, где уже была большая очередь желающих отправиться в армию и даже на фронт немедленно.

Мои друзья к этому времени закончили учебу в аэроклубе. Когда до нас дошла очередь, моих друзей немедленно оформили и направили в летное училище. Мне же было сказано, что 16-летним в армию не берут и мне придется год-два подождать, но до меня очередь придет обязательно.

Я очень тяжело переживал неизбежную разлуку с друзьями. Отец настаивал на том, что бездельничать не время, пора оформляться в университет, как договаривались ранее. Пришлось так и сделать.

В августе 1942 г. наконец меня вызвали в военкомат, и в составе группы призывников я отправился в Куйбышев (сейчас Самара) в училище младших командиров.

По окончании училища для прохождения дальнейшей службы я был зачислен в 22-ю дивизию войск НКВД, где моя служба и продолжалась до июня 1946 г. (с периодическими командировками в Белоруссию, Украину в составе оперативных частей).

Основной задачей являлось обеспечение круглосуточной безопасности заводов, выпускающих продукцию либо непосредственно для фронта, либо составные части для завода – головного поставщика продукции для фронта.

После изгнания противника с Северного Кавказа я в составе оперативной части был направлен туда, где в течение нескольких месяцев эта часть выполняла соответствующие задания командования.

В июне 1946 г. в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета я был демобилизован как студент 2-го курса Саратовского государственного университета.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалью «За боевые заслуги».

**40-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.
(групповое фото ветеранов Великой Отечественной войны – сотрудников АН СССР)**

Первый ряд слева направо: Манекин Г.Ф. (УВОВ), ..., Варфоломеева М.В. (УВОВ), Пширков Н.С. (УВОВ), Селютин Б.И. (УВОВ), академик Александров А.П. (президент АН СССР), Сизов В.И. (УВОВ), ..., Кузнецов М.Г. (УВОВ), ..., Пейкин И.А. (УВОВ).

Второй ряд слева направо: ..., академик Фокин А.В. (УВОВ), академик Скрябин Г.К., генерал Зибарев В.Г. (УВОВ), ..., академик Котельников В.А. (УВОВ), Сагоян А.П. (УВОВ), ..., Гуцин М.Г. (УВОВ), Гервиль Л.Я. (УВОВ), Селицкий В.И. (УВОВ), Тюренков В.С. (УВОВ), ..., Карасов А.В., ..., Гончарова Л.В. (УВОВ).

Третий ряд слева направо: ..., Баранцев Е.Н. (УВОВ), Коржавин П.С. (УВОВ), ..., Глаголев К.П. (УВОВ), ..., Ярыгин А.П. (УВОВ), Гецов А.Г. (УВОВ), ..., Белоусов В.В. (УВОВ), ...

Четвертый ряд слева направо: ..., Степанов Р.С. (УВОВ), Кошелев В.Ф. (УВОВ), ..., Чахмахчев Г.Г. (УВОВ), ..., Ораевский П.С. (УВОВ), ..., Беляев Н.И. (УВОВ), ..., Немчинов С.В. (УВОВ), ...

**50-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.
(групповое фото ветеранов Великой Отечественной войны – сотрудников РАН)**

Первый ряд слева направо: академик Шило Н.А. (УВОВ), Сизов В.И. (УВОВ), Астанин Н.И. (УВОВ), академик Макаров И.М., академик Осипов Ю.С., Борзенков И.С. (УВОВ), академик Прохоров А.М. (УВОВ), академик Котельников В.А. (УВОВ), академик Субботин В.И. (УВОВ), Пшерков Н.С. (моряк), академик Чельшев Е.П. (УВОВ), Поспелов Г.С. (УВОВ), академик Тихвинский С.Л. (УВОВ), Легасов Г.С. (УВОВ), Андреев В.И. (УВОВ), Орешкевич Г.В. (УВОВ), Уваровская О.М.

Второй ряд: Гушин М.Г. (УВОВ), Попов Ю.В. (УВОВ), академик Кириллин В.А. (УВОВ), Мирлин Г.А. (УВОВ), Чернышев Г.П. (УВОВ), Ярыгин А.П. (УВОВ), академик Толстой Н.И. (УВОВ), академик Лякищев Н.П., Селицкий В.И. (УВОВ), Кузинец Д.А. (УВОВ), Давыдов В.А. (УВОВ), Абрамычев А.И., Титова Т.Д.,

Третий ряд: академик Гончар А.А. (УВОВ), академик Кудряцев В.Н. (УВОВ), академик Жариков В.А. (УВОВ), Островская В.П. (УВОВ), академик Басов Н.Г. (УВОВ), Волков А.Ф. (УВОВ), академик Черный Г.Г. (УВОВ), Гуревич Ю.Г. (УВОВ), чл.-корр. Медведев В.И. (УВОВ), Баранцев Е.Н. (УВОВ), Палладина Г.С., Тимофеева Н.Л.

Последний ряд: Кузнецов А.В., чл.-корр. Теряев Е.Д., Орешин В.В. (УВОВ), академик Стырикович М.А.?, академик Соколов В.Е., академик Виноградов В.А. (УВОВ), Глаголев К.П. (УВОВ), Лебедев И.П. (УВОВ), Лебедев И.П. (УВОВ), Лариин С.И. (УВОВ), Петренко Л.Ф. (УВОВ), академик Яншин А.Л. (УВОВ)

60-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.
(групповое фото ветеранов Великой Отечественной войны – сотрудников РАН)

Первый ряд слева направо: Овчинников В.В. (секретарь Совета ветеранов), Шаров Н.В. (УВОВ), Кирдяшкина М.А. (УВОВ), академик Марчук Г.И. (УВОВ), академик Шило Н.А. (УВОВ), академик Лавров Н.П., академик Тихвинский С.Л. (УВОВ), академик Осипов Ю.С. (президент РАН), академик Челышев Е.П. (УВОВ), председатель Совета ветеранов), Астанин Н.И. (УВОВ), Гринев В.Н. (участник афганских событий), Чернышев Г.П. (УВОВ), Попов Ю.В. (УВОВ), Селютин Б.И. (УВОВ).

Второй ряд слева направо: академик Кудрявцев В.Н. (УВОВ), ..., академик Виноградов В.А. (УВОВ), Орешкевич Г.В. (УВОВ), академик Черный Г.Г. (УВОВ), Борзенков И.С. (УВОВ), Селицкий В.И. (УВОВ), Гушин М.Г. (УВОВ), ..., Сизов В.И. (УВОВ), Гамзатов Г.Г., Гецов А.Г. (УВОВ), академик Мясоедов Б.Ф., Зибарев В.Г. (УВОВ), Ильин Н.Г. (УВОВ) и его супруга, Панчулая Л.Л.

Третий ряд слева направо: Тютин В.А., Князев А.А., Ярыгин А.П. (УВОВ), Глуховский Р.В., Степанов Р.С. (УВОВ), ..., Артемов С.П. (УВОВ), Богатырева Р.П. (УВОВ), Панкратова М.Ф. (УВОВ), Петренко Л.Ф. (УВОВ), ..., Гуревич Ю.Г. (УВОВ), ..., Серебрякова З.Б. (УВОВ), Родионова Л.И. (УВОВ).

Четвертый ряд слева направо: ..., Соловчук Н.М., ..., Конторовский Э.З., Попова Т.Н., ..., Ярыгина Е.Г. (УВОВ), Громов Е.С. (УВОВ), Фунгин Г.И. (заместитель председателя Совета ветеранов), Макоско А.А., Касянчук В.Ф. (УВОВ), Наумов А.Е. (УВОВ), Мамчиц В.А. (УВОВ – узник фашизма), Куричев А.Г. (УВОВ).

Пятый ряд слева направо: ..., ..., Карелов С.В., Самаракин С.А., ..., Рослякова Т.Л., Пейкин И.А. (УВОВ), Кириллов Ю.В., Гарашенко А.И., Степанов В.А., Ораевский П.С. (УВОВ), Шевцов В.В. (УВОВ), Кузнецов А.В., ..., чл.-корр. Медведев В.И. (УВОВ), ..., Иванова В.О., Абрамычев А.И. (ветеран ВОВ. Участник войны в Корее 1951–1953 гг.), академик Костюк В.В., академик Некипелов А.Д., Петров В.И., Удойниковский Л.В., Антонов А.В., ..., Писаренко Т.А., чл.-корр. Толстиков А.Г., Мальцев А.А.

Ветераны Великой Отечественной войны (май 2009 г.). 64-я годовщина Победы

Нижний ряд (сидят) и **первый ряд** (стоят слева и справа приглашенные школьники школы № 1260).

Первый ряд: Ораевский П.С. (УВОВ), Куричев А.Г. (УВОВ), Овчинников В.В. (секретарь Совета ветеранов), Чельшев Е.П. (УВОВ – Председатель Совета ветеранов), Алдошин С.М., Виноградов В.А. (УВОВ), Орешкевич Г.В. (УВОВ), Громов Е.С. (УВОВ), школьная учительница Баженова Т.В.

Второй ряд: Гецов А.Г. (УВОВ), Мухин Р.Б. (представитель школы), Григорьев А.И., Фунугин Г.И., Ярыгин А.П. (УВОВ), Мухина Е.А., Костюк В.В., Леонтьев Л.И., Павленко С.А.

Третий ряд: Иванова В.О., Корзин В.В., Кузнецов А.В., Гушин М.Г. (УВОВ), Селицкий В.И. (УВОВ). Мухина А.С., Черный Г.Г. (УВОВ), Маркианов С.С., Николашин В.Г., ..., Наумов А.Е. (УВОВ).

Четвертый ряд: Зайцев Н.А., Кириллов Ю.В., Мамчиц В.А. (УВОВ), Панкратова М.Ф. (УВОВ), Касянчук В.Ф. (УВОВ).

Пятый ряд: Самаракли С.А., Зенина Л.С., Ивонинская В.И., Рослякова Т.Л., Чугаева Л.Н., Конторовский Э.З., Захарова Н.П., Мить В.А.

Член-корреспондент РАН

МОЖАЕВА

Галина Николаевна

(1929–2015)

Г.Н. Можаяева родилась 10 марта 1929 г. в Тифлисе. Цитолог, биофизик, доктор биологических наук, профессор, советник РАН. Государственная премия СССР (1985). Член Европейской академии (с 1993). Область научных интересов – исследование ионных каналов клеточных мембран и их роли в передаче сигналов от поверхности клетки к внутриклеточным структурам. Член-корреспондент с 1994 г. Лауреат Государственной премии СССР (1985).

Я родилась 10 марта 1929 г. в семье военнослужащего в г. Тбилиси Грузинской ССР. Мой отец Нечаев Николай Викторович умер в 1930 г. Моя мать Нечаева Анна Николаевна в 1930 г. переехала в г. Старый Петергоф Ленинградской области, где мы и жили до 1941 г. Моя мать работала на Кировском заводе сначала полировщицей, а затем бригадиром и мастером. Я училась в школе с 1937 г. и в 1941 г. перешла в 6-й класс. С 1941–1944 гг. мы были в эвакуации в г. Ташкенте Узбекской ССР. В 1944 г. вместе с матерью вернулась в Ленинград, завербовавшись на работу на завод № 447, где и работала полтора года до сентября 1945 г. в качестве рабочего строительной бригады, восстанавливали завод. Одновременно училась в 8-м классе вечерней школы. В сентябре 1945 г. уволилась с завода в связи с уходом на учебу, поступила в 9-й класс 32-й средней школы Ленинграда, которую окончила в 1947 г. с серебряной медалью. В 1947 г. поступила в Ленинградский государственный университет по специальности физиология человека и животных. В 1952 г. окончила ЛГУ. За время учебы в ЛГУ мною были выполнены две научные работы под руководством М.С. Авербаха. В сентябре 1952 г. сдала экзамены и была принята в аспирантуру ЛГУ в лабораторию физиологии клетки под руководством проф. Д.Н. Насонова. Медаль «Труженик тыла» вручена за работу по восстановлению завода № 447.

Академик

ОЙЗЕРМАН
Теодор Ильич
(1914–2017)

Т.И. Ойзерман родился 14 мая 1914 г. в семье учителей математики в местечке Петроверовка (Поплавское) Тираспольского уезда Херсонской губернии (ныне – с. Жовтень Ширяевского района Одесской области Украины), расположенном на берегу р. Большой Куяльник. В 1930 г. окончил 33-ю школу-семилетку в Днепропетровске и поступил учеником-котельщиком на местный паровозоремонтный завод. В 1931 г. переехал с матерью в городок Кольчугино Владимирской области, где был принят электриком в парозлектрический цех Кольчугинского металлообрабатывающего завода. Параллельно учился на вечернем рабфаке, после окончания которого поступил на философский факультет Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ), где учился у А.Ф. Асмуса.

В 1938 г. окончил МИФЛИ, затем аспирантуру при кафедре истории философии. В 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Преподавал на философском факультете МГУ с 1940 г. Работал в отделе консульских журналов «Большевик», занимался лекторской деятельностью. Печатал рассказы в журналах «Пролетарский авангард» и «Красная новь».

После демобилизации в июне 1946 г. вернулся на преподавательскую работу – сначала в Московском экономическом институте, а с 1947 г. – на философском факультете МГУ (с 1949 г. исполнял обязанности заведующего кафедрой истории зарубежной философии).

В октябре 1951 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года». В 1954–1968 гг. стал заведующим кафедрой истории зарубежной философии МГУ. Одновременно в 1962–1966 гг. – профессор Высшей партийной школы при ЦК КПСС. С 1968 г. – профессор и старший научный сотрудник Института философии Академии наук СССР, в 1971–1987 гг. – заведующий сектором истории философии стран Западной Европы и Америки, с 1980 г. – заведующий отделом истории философии, в 1971–1987 гг. – профессор Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при Московском государственном университете.

О войне

Я был призван 8 июля 1941 г. Военком Фрунзенского района г. Москвы, ознакомившись с моими анкетными данными, сказал, что поскольку я кандидат наук, то согласно имеющимся указаниям меня нельзя зачислять в рядовые и я должен быть направлен в учебное военное заведение. Он предложил мне выбор: трехлетнее военное училище,

готовящее профессиональных офицеров и двухмесячные офицерские курсы. Военное училище представлялось мне тогда чем-то неуместным: война-то кончится, разумеется, нашей победой этак через год. В Сокольническом райкоме партии, куда я пришел 24 июня 1941 г., выразив готовность добровольцем отправиться в действующую армию, первый секретарь райкома т. Леонтьева сказала мне, что я должен продолжать свою работу в качестве старшего преподавателя философского факультета ИФЛИ (Институт истории, философии и литературы), а фашистские захватчики будут разгромлены через три месяца.

Итак, я выбрал двухмесячные офицерские курсы, которые находились под Москвой, в Кубинке. Эти курсы мне много дали. Прежде всего они помогли мне внутренне перестроиться, стать военным человеком, солдатом. Кроме того, научился неплохо стрелять не только из винтовки, но также из автомата. После окончания учебы в октябре 1941 г. несколькими курсантам – кандидатам наук – было присвоено звание старшего политрука (одна шпала). Это было неожиданно, незапланировано и, конечно, радостно.

15 октября 1941 г. я прибыл из Кубинки в Москву, в Министерство обороны за получением назначения. Получил направление в запасной полк в г. Рассказово Тамбовской области и в тот же день отправился туда. После трехнедельного пребывания в этом полку я, наконец, получил назначение: старший инструктор политотдела 144-й авиационной истребительной дивизии противовоздушной обороны. Нетрудно понять, что это назначение меня огорчило: я не имел никакого отношения к авиации, хотя в юношеские годы мечтал стать летчиком (близорукость похоронила эту мечту). Я пытался объяснить начальству, что такое назначение не соответствует моим знаниям, но мне сказали, что приказ поступил из Приволжского военного округа, который находится в Саратове. Там же и штаб дивизии, и политотдел, в который я назначен.

Прибыв на место службы, я в первые же дни убедился, что работники политотдела, так же как и я, не имеют специальной авиационной подготовки. Начальник политотдела нам разъяснил, что наше дело – активная пропагандистская работа среди летного состава, выпуск дивизионной многотиражки, подготовка ежемесячного отчета политотдела дивизии и т.д.

В дивизии было три полка, базировавшихся на двух аэродромах в 15 км от Саратова. Военные объекты Саратова, и в особенности мост через Волгу (единственный мост на всем среднем и нижнем течении Волги), подвергались частым налетам немецких «хенкелей» и «юнкерсов». Один из них был сбит ночью летчицей Валерией Хоняковой. Ее вскоре наградили орденом Ленина.

Я постоянно пребывал в полках. Мое отношение к летчикам было восторженным. В каждом из них я видел героя, свою несбывшуюся

мечту. Летчики были требовательными людьми. Они ставили вопросы, на которые я далеко не всегда мог убедительно ответить. Например: почему у гитлеровцев превосходство в воздухе, ведь перед войной у нас было больше самолетов, в особенности истребителей, чем у немцев? Почему у гитлеровцев больше танков? Ведь до войны мы превосходили немцев и в этом отношении. Каждый из этих вопросов волновал не только летчиков, но и меня самого. Я, конечно, пытался найти удовлетворительные ответы. Главное, что мне было ясно и что очень радовало меня: летчики, как и я, нисколько не сомневались в том, что немецко-фашистские полчища, несмотря на их временные успехи и преимущество, будут разгромлены и наши армии обязательно войдут с боями в Берлин. Каждодневное общение с летчиками было для меня жизненно важным. Я знал почти каждого по имени и отчеству, каждый из них рассказывал мне о себе.

Генерал-майор Николай Козлов, который в те времена был командиром эскадрильи, впоследствии писал в своих воспоминаниях:

«У нас в полку буквально дневал и ночевал инструктор политического отдела дивизии Теодор Ильич Ойзерман. Этот уже в ту пору крупный ученый-философ носил довольно скромное звание политрука, но был настоящим бойцом партии, и его авторитет измерялся не количеством кубиков на петличках, а страстностью, деловитостью, богатством знаний.

Что греха таить, иногда беседы или лекции действовали на слушателей как снотворное. Но когда слово брал Ойзерман, равнодушных не было.

Много лет минуло с тех дней, а я до сих пор помню беседы Теодора Ильича, его пронизанные большевистской страстностью слова о неизбежности нашей победы, зажигающие сердца, – вот определение, которое предельно кратко и вместе с тем исчерпывающе полно характеризовало выступления Ойзермана. И если для меня примером навсегда останется мой наставник на курсах командиров звеньев офицер Храмов, то в политруке военных лет Ойзермане я вижу образец политического работника, друга и товарища»¹.

Н.А. Козлов был выдающимся летчиком. За время войны он сбил 17 вражеских самолетов и, естественно, был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Весной 1943 г. один из полков нашей дивизии был откомандирован на Воронежский фронт. Командиром полка был назначен майор Н.А. Козлов. Меня, по моей же просьбе, прикомандировали к полку. Мы прибыли в Касторное. Здесь был хорошо оборудованный аэродром, на котором уже расположились несколько других авиационных

¹ Козлов Н.А. В огне сражений. Воспоминания. Грозный, 1968. С. 111–112.

частей. Немецко-фашистское командование, по-видимому, имело информацию о том, какую угрозу для его войск представляет находившаяся в Касторном советская авиация. Почти каждую ночь немецкие «хенкели» и «юнкерсы» пытались разбомбить летное поле, уничтожить расположенные на нем десятки истребителей, но наши летчики встречали их на «яках» и «мигах» еще на подлете к Касторному. За два с половиной месяца наши летчики сбили не менее одиннадцати вражеских бомбардировщиков, потеряв лишь два «яка», пилоты которых уцелели, воспользовавшись парашютами. Ущерб, нанесенный летному полю, был незначителен; ни один самолет, находившийся на земле, не пострадал.

Положение дел существенно изменилось во второй половине июня и в первые дни июля, непосредственно перед началом великой битвы на Курской дуге. Немецкие бомбардировщики стали «навещать» Касторное дважды, а то и трижды каждую ночь. Фашистское командование явно не считалось с потерями. И немецкие бомбы все чаще падали на летное поле, но наносимые ими повреждения удавалось устранить через несколько часов. Аэродром Касторное отстояли; отсюда в дни битвы, начавшейся 3 июля, непрерывно вылетали наши истребители. Наша авиация стала господствующей. И в этом немалую роль сыграли летчики из Касторного.

Мне, как говорится, не повезло. В ночь на 28 июня я, находясь в укрытии, все же оказался в опасной близости от бомбы, попавшей в блиндаж. Я был контужен, потерял сознание, очнулся на пути из медсанбата в госпиталь, в котором я проторчал больше месяца. В документе, выданном госпиталем, я значился как «ограниченно годный второй группы». Мне разъяснили: не годен к строевой службе. Но работа в политотделе, решил я, это не строевая служба.

В начале сентября 1943 г. я вернулся в политотдел дивизии. В это время в Саратове формировалась воздушная армия и меня направили в ее политотдел на должность старшего инструктора. Правда, эта воздушная армия просуществовала всего два месяца. Ее расформировали в связи с созданием Восточного фронта ПВО. Начальник политотдела армии рекомендовал меня на должность инструктора политуправления, но с этой рекомендацией не согласились. Начальник политуправления резонно заметил: этому молодому человеку следует поучиться военному делу в пехоте. И меня направили в распоряжение управления кадров второго Украинского фронта.

Чтобы добраться до 2-го Украинского фронта, мне понадобилась неделя: пассажирские поезда передвигались крайне медленно. От Харькова – дальше поезда не шли – до деревни в районе Никополя я добирался частью своим ходом, частью на попутных грузовиках. Инструктор политуправления, к которому меня направили, долго колебался: куда меня назначить – в стрелковую дивизию или, поскольку

последней моей должностью была должность в политотделе армии, в политотдел армии. Его колебания частью объяснялись тем, что у меня не было документа о том, что я кандидат наук (защитил диссертацию 16 мая 1941 г.). Однако через два дня он, по-видимому, получил подтверждение о присвоении мне ученой степени. Это решило дело. Я был назначен «лектором» политотдела 6-й армии. «Лектор» – довоенное звание, должность эта фактически означала то же, что и старший инструктор, а проще говоря, агитатор, пропагандист.

Наши войска находились в это время в обороне. Хорошо подготовленная, разветвленная система окопов была, по выражению бойцов, «как надо». Подход к траншеям также был надежный: прикрывался кустами. Уже на второй день пребывания в политотделе армии я направился по распоряжению заместителя начальника политотдела в 205-ю дивизию, а затем из политотдела дивизии – в траншею. Меня обрадовали бойцы, которые по-хозяйски устроились в окопах, чувствовали себя уверенно, спокойно, хотя и не приминули пожаловаться на несвоевременную доставку пищи, табака и водки. Я пробыл с бойцами часов пять, пока не стемнело. У них было много вопросов, мне же они были в высшей степени интересны как личности, которые привыкли к каждодневной смертельной опасности. Немецкие окопы находились на расстоянии 350–400 м. Немцы периодически открывали минометную стрельбу, наши отвечали тем же. Но потерь в этот день у нас не было.

В течение января и февраля я находился с бойцами в траншеях по два-три дня в неделю. Бойцы привыкли ко мне. Некоторые из них обсуждали со мной свои семейные дела, мне также давались советы умудренными солдатами. Оборона продолжалась до начала марта. В начале весны наши войска перешли в наступление. Вода буквально затопила дорогу. Не только автомашины, но даже танки застредали в грязи. Отступавшие немецкие войска оставили в грязи немало автомашин, артиллерии и танков. Наши бойцы, подобрав шинели, пробирались сквозь грязевые завалы вперед и вперед.

В районе г. Николаева немецко-фашистские войска попытались остановить наше наступление. У них была хорошо подготовленная система окопов, взять их с хода было невозможно. Пришлось и нашим войскам зарыться в землю. Немцы, будучи уверенными в том, что мы не успели создать достаточно прочный оборонительный рубеж, дважды бросались в атаку. Я, как и два других работника политотдела армии, находился с бойцами, в окопах. Здесь впервые мне пришлось участвовать в отражении атаки. Я стрелял из автомата (ППШ), а затем из ручного пулемета, выпавшего из рук раненого бойца. Когда немцы пошли во вторую атаку, они настолько приблизились к нашим окопам, что стали уже бросать гранаты. Мы отвечали им тем же. Гранат у нас было вдоволь.

Провал немецких атак стал как бы сигналом к продолжению наступления наших войск, которое было настолько стремительным, что немцы не смогли задержать нас даже на водной преграде – Южном Буге, который наши войска форсировали почти без потерь. Неподалеку от Одессы, в районе железнодорожной станции Выгода немецкие захватчики вновь попытались остановить наши войска, но это им не удалось. 10 апреля 1944 г. Одесса была освобождена.

Несколько дней наша армия, так сказать, отдыхала. В действительности это был не отдых, а организация пополнения армии, которая в ходе боев, начиная с июля 1943 г., потеряла убитыми и ранеными больше половины своего состава. И Одесса предоставила нам возможность пополнить наши ряды. В одесских катакомбах скрывалось во время оккупации города более ста тысяч молодых людей. Почти все они были мобилизованы, влились в нашу армию. Не знаю, в какой мере удалось научить военному делу молодежь, так как мы получили приказ форсировать Днестр. Такой же приказ получила 8-я гвардейская армия. Форсирование реки совершилось ночью, но у немцев было достаточно осветительных ракет, чтобы видеть происходящее. Сотня лодок, наскоро сбитых плотов, рассредоточенных более чем на километр, способствовали успеху переправы. Наши потери были невелики. Но они заметно возросли в борьбе за плацдарм и его укрепление. Вражеские войска непрерывно предпринимали атаки. Здесь на плацдарме мне пришлось во второй раз участвовать в отражении немецкой атаки. Нас кое-где потеснили, но сбросить в Днестр не удалось.

Через день мы, работники политотдела, получили по радио приказ возвратиться на левый берег Днестра и прибыть в указанное время к начальнику политотдела армии. Генерал-майор Надоршин сообщил нам, что армия отводится с днестровского плацдарма и переходит в состав 3-го Украинского фронта. Позже стало известно, что нас отправляют в Западную Украину и что мы будем принимать участие в форсировании Вислы. Однако пока армия добиралась до Вислы, она уже была форсирована; плацдарм на другом берегу реки также успели завоевать другие армии. Нам предстояло укреплять этот плацдарм и участвовать в наступлении на территорию Польши. Мы прошли с боями весь путь до Одера, т.е. до границы Германии. Форсировали Одер вместе с армиями 1-го Украинского фронта, в состав которого были затем переданы.

Наше участие в наступательных боях продолжалось до подступов к Бреслау (Вроцлава) – крупнейшего центра восточной части страны. Армия получила приказ окружить Бреслау, начать его осаду, понемногу отвоевывая городские кварталы. К этому времени 6-я армия вследствие неизбежных потерь насчитывала не более 10 тыс. активных бойцов. А в Бреслау, как выяснилось к концу апреля, находилось около 40 тыс. немецко-фашистских солдат. Сдержат такую военную

силу даже в конце войны, когда крах гитлеровской Германии стал очевиден, было совсем не просто. Но нас поддерживали приданные нам артиллерийские и танковые части, а 16-я воздушная армия регулярно бомбила военные объекты внутри города. Благодаря этому нашей армии, несмотря на ее малочисленность, удалось овладеть почти всеми оборонительными сооружениями города. Немцы упорно сопротивлялись. Бои шли за каждый дом. Против танков противник стал применять новейшее свое изобретение – фаустпатрон, небольшой ракетный снаряд, который выпускался с руки на расстояние примерно 30 м от цели. Снаряд, в случае попадания, не пробивал, а прожигал танковую броню. Такие снаряды у нас применялись уже в артиллерии, но это был небольшой «ручной» снаряд. Теперь пришлось изменить тактику. Пехота расчищала путь танкам и самоходным орудиям. Даже овладение Берлином и самоубийство Гитлера не изменили ситуации в районе Бреслау. Осажденные немецкие войска готовились, как нам стало известно, прорвать кольцо обороны и уйти на запад. Наши разведчики и в особенности летчики своевременно заметили концентрацию немецких войск на западной окраине города. Эти войска были подвергнуты авиационной и артиллерийской обработке, продолжавшейся несколько часов. Попытка немцев вырваться из окружения была сорвана.

7 мая гарнизон Бреслау капитулировал. В ночь на 8 мая мы, собравшись в политотделе, услышали, что немецко-фашистские войска капитулировали на западе Германии. 9 мая немцы капитулировали на всей территории страны. 9 мая и последующие дни недели мы взхлеб праздновали победу Советского Союза над гитлеровской Германией. Сознание того, что армия нашей Родины разгромила немецко-фашистские войска, которые одержали победу на всем европейском континенте, переполняло советских солдат и офицеров патриотической гордостью.

Само собой разумеется, что после окончания Великой Отечественной войны я ожидал скорейшей демобилизации, чтобы вернуться к прерванной работе, которую воспринимал не просто как профессию, но как призвание. Однако командование, учитывая, что я вполне владею немецким языком, отправило меня в политуправление Центральной группы войск, штаб которых находился под Веной (г. Баден). Условия для работы были, конечно, несравнимы с военным временем. Достаточно указать хотя бы на то, что наша офицерская столовая ничем фактически не отличалась от ресторана мирного времени: там было все, что обычный человек пожелает, а кроме того, еще французские вина, коньяки, виски. Все это черпалось из складов немецкого вермахта.

Я прослужил в Бадене почти год, побывал в командировках в Венгрии, Румынии, Болгарии. Впечатлений было много, но тоска по жене и детям все нарастала и вылилась, наконец, в депрессию. Ни есть, ни

пить не хотелось, все опротивело. К счастью, у меня хватило сообразительности и воли, чтобы представить начальнику политуправления полковнику Пирогову справку из госпиталя: «...ограниченно годен второй группы», вместе с письменно выраженной просьбой о демобилизации. Ответ был категорический: надо служить, будете служить. Меня охватило возмущение, которое я, конечно, не мог высказать полковнику. Я отважился пойти на прием к члену Военного совета генералу Галаджеву. Он взглянул на справку и сказал, что меня на основании этого документа могли демобилизовать даже во время войны. Я ответил: «Мне это было известно, но не хотелось тогда покинуть действующую армию. А сейчас, когда войны уже нет, прошу отпустить меня домой». Генерал сказал: «Никаких возражений». Он тут же позвонил начальнику управления кадров полковнику Любимову и распорядился, чтобы он немедленно оформил демобилизацию майора Ойзермана. Уже на следующий день я получил соответствующий документ и 10 тыс. руб., выдававшихся каждому подлежащему демобилизации офицеру. В этот же день мне удалось устроиться пассажиром (единственным) на бомбардировщик «Петляков-2» и поздно вечером 10 июня 1946 г. мы приземлились в Люберцах под Москвой.

Академик

ПУЩАРОВСКИЙ
Юрий Михайлович
(1916–2018)

Ю.М. Пушаровский родился 31 декабря 1916 г. в Петрограде. Доктор геолого-минералогических наук. В 1941 г. окончил геолого-почвенный факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. С 1946 г. работал в Геологическом институте РАН. Выдающийся геолог, специалист в области тектоники и геодинамики.

Лауреат Международной награды им. Шепарда (1960), премий: Государственной (1971, 1977) и «Триумф» (2008). Кавалер орденов Отечественной войны, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почета» (1998) и «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2009). Имеет медали.

На войне как на войне

Всякий уважающий себя мемуарист, раньше чем писать о фронтовых делах, изучил бы имеющиеся у него пачки писем. Я не имею возможности сейчас этим заняться, хотя архив военных времен у меня существует. Буду писать об эпизодах, больше запомнившихся.

Начал я военную службу, будучи очень мало к ней подготовленным. Мой университетский выпуск был уникальным в том смысле, что он не проходил военных лагерей. Поэтому к 1941 г. у нас не было ни военных навыков, ни знаний.

22 июня 1941 г., в день начала войны, я находился в Буковине, близ р. Прут, в нескольких километрах от границы. Там работала геологическая экспедиция треста «Спецгео», и я был прорабом в одной из партий. Мое счастье заключалось в том, что на этом участке немцы не пошли в наступление, иначе могло случиться все, что угодно. Хотя мы и были рядом с границей, но о войне узнали лишь в середине дня. Жил я вместе с главным геологом экспедиции Соболевым, и вдруг (помню, я в это время писал письмо домой) прибегают к нам почвовед и говорит, что началась война, и прямо формулирует, что надо бежать. Мне было тогда 24 года, я был очень энергичен и в общем безбоязнен и, услышав сообщение, не только не собирался никуда бежать, но в глубине души не поверил почвоведу. Считал это паникой. Вообще настрой мой был тогда крайне наивным. «Взвесив» в мае всю ситуацию, я пришел к заключению, что войны не будет и именно поэтому отправился в Буковину на студенческую производственную практику после 4-го курса. А безбоязненность моя определялась тем,

что сил и энтузиазма было много, и убеждением, что воевать будем, если будем, на вражеской земле. Таков тогда был главный пропагандистский тезис.

Но вот на центральной площади из репродуктора я собственными ушами услышал речь В.М. Молотова о нападении фашистов. Какая же была у нас реакция? Однозначная: каждый должен оставаться и работать на своем посту. И только так...

Ночью мы проснулись от грохота. Это шли наши танки в сторону границы. Часов в 5 утра 23 июня мы с Соболевым пошли к границе все же спросить у военных, что нам делать. В царившей суматохе трудно было найти кого-нибудь из начальства, но один капитан, которого сопровождал автоматчик, нам сказал, чтобы мы уезжали незамедлительно. В экспедиции было несколько автомашин, и вскоре мы уже выехали в Черновцы, от которых были в нескольких десятках километров. Признаки войны обнаружались сразу же: поломанные телеграфные столбы и порванные провода, воронки по обочинам дороги, дым впереди... На Черновцы уже был налет, и множество самолетов на аэродроме сгорело. Не останавливаясь в городе, поехали сразу в Хотин и там, ожидая команды из Москвы, жили дней семь в палатках. В конце концов пришло указание возвратиться в Москву. Тут я и смог увидеть (а сидел я в открытом кузове полуторки) и нескончаемые потоки транспорта в сторону от фронта, и дорожные пробки, и взрывы бомб, сброшенных с «юнкеров», летавших прямо над головами и делавших, что им заблагорассудится, и горящие поля пшеницы, и блуждающий скот, и кучи горячей колхозной техники. Каждый раз, когда «юнкеры» сбрасывали бомбы на дорогу, мы прятались в кюветы. В нашу машину бомба не попала.

Глядеть на сжигаемые сельхозмашины было очень больно, и в Виннице я пошел в обком партии сказать, что мы едем с запада, что немцев близко нет и что не надо уничтожать государственное добро. Не знал я тогда, что уже была провозглашена тактика выжженной земли. Даже в Киеве была суматоха, а за Киевом пришлось видеть битком набитые поезда с пассажирами на крышах вагонов. Уезжали люди куда только можно.

20 июля мы, наконец, прибыли в Москву, и тут же попал я под первую ночную бомбардировку столицы. Моя семья жила тогда на Пятницкой, и во время ночных налетов нужно было прятаться в метро ст. Новокузнецкая. Всего три дня прошло после приезда, но за это время я успел проводить семью в эвакуацию, в г. Бузулук, и уйти в армию.

На военную службу я пошел сам, по призыву комсомола. Был я заместителем секретаря комитета ВЛКСМ МГУ и ведал оргвопросами. После возвращения из Буковины я тут же пошел в комитет, где и узнал о призыве. 24 июля коротко остриженный, с бритвой, мылом и томиком Блока я уже был в палаточном лагере в Кубинке, киломе-

трах в 60 к западу от Москвы, где находились летние лагеря Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Я попал в Военно-политическое училище при этой академии. Были здесь стрельба, муштра, рытье траншей и окопов, словом, напряженная армейская подготовка, со старшиной, который был сверхсрочником и любил поиздеваться над нашим братом, особенно над теми, кто похилее, и с комвзводом, воевавшим в Финляндии в 1940 г. и хорошим солдафоном. Здесь все происходило под девизом: «Трудно в учебе – легко в бою». Кстати, очень скоро я убедился, что никакого легкого боя не бывает, каждый таит смертельную опасность. Твердым и бескомпромиссным было требование: командиру и политработнику в бою быть всегда впереди и вести за собой бойцов. Лишь года через два такое требование было отменено, так как военных успехов оно в общем не приносило, но тогда выполнять его нужно было свято.

Немногим более чем через 1,5 месяца, 11 сентября, прямо с занятий на лоне природы, бегом, мы прибыли в лагерь. Нас построили и объявили, что учиться хватит, нужно идти воевать. В г. Валдай в каком-то штабе мне сказали, что я должен служить в должности и. о. политрука роты, и направили в 945-й стрелковый полк 362-й пехотной дивизии где-то недалеко от Валдая. Это был Северо-Западный фронт. Я был «и. о.», потому что после выпуска из училища коммунистам давали звание политрука, а комсомольцам – замполита (эквивалент старшины). Я был комсомольцем.

После построения, где нас спросили, есть ли у нас за голенищем ложка, и выступления какой-то осипшей девы в армейской шинели я оказался среди массы солдат, устраивающихся на ночлег в большом сарае с сеном. Свою 4-ю роту я еще не нашел. Вдруг ночью нас подняли и куда-то повели. Я шел, шел и подумал, что так можно и к немцам прийти, и двинулся в голову колонны. Так и есть, никто не знает, куда идем и где нужно задержаться. Остановились не без моей помощи, а когда рассвело, стали зачем-то чистить оружие. У меня была самозарядная винтовка (6 патронов в обойме). Ночь была очень холодная, и руки мои замерзли и плохо слушались. В результате некая гвоздевидная деталь из затвора, отжатая пружиной, куда-то улетела, и ее никак нельзя было найти. Долго я мучился – шутка ли: политрук без оружия; пробовал найти подходящий гвоздь (это было кощунством), ничего не выходило. Но чудеса бывают. В тот момент, когда надо было идти дальше, потерянную деталь я вдруг случайно нашел. Кажется, никогда в жизни я так не радовался.

Когда отыскал я свою 4-ю роту, то оказалось, что в основном она состоит из бойцов запаса, прибывших из Горького, с учебными винтовками. Некоторым было лет 40, что мне казалось в те времена стариковским возрастом. Позицию батальон занял в лесу. Утром, по полудку, получали понемногу водки, которую я отдавал командиру роты

(шахтер из Донбасса), так как водку, да и вино, тогда не пил. Противник был совсем рядом и время от времени постреливал. То одному, то другому что-нибудь да прострелит. У меня в роте не было пулемета, но потом я его раздобыл. Стрелять взялся какой-то боец, у которого пулемет неожиданно выстрелил и пробил коленную чашечку у комсорга полка. Вот так начиналась для меня война.

Мы стояли в лесу, за которым простиралось поле, а дальше была д. Кириловщина. Было приказано наступать на эту деревню, но приходилось это делать лежа, потому что поле густо обстреливалось из минометов. Да и вражеские пулеметы не умолкали. Спасали нас огромные валдайские валуны, которые усыпали поле. За ними можно было укрыться. Свист мин у меня до сих пор в ушах стоит. Деревню взять не удалось, и вечером мы отошли в свои окопы. Но вернулись не все. Два момента я хотел бы отметить в связи с этим. Во-первых, некоторые люди способны предчувствовать свою гибель, что я наблюдал на одном из бойцов роты. Во-вторых, война – вещь жестокая: «Вперед!» – и никаких гвоздей.

24 сентября чуть свет мы пошли навстречу противнику в другой район. Недалеко от наших позиций и тоже в лесу. Часов в 10 утра была команда окопаться. Я находился на самой передней линии. Маленький окопчик, куда я поместился примерно на треть, я выкопал с трудом, потому что чувствовал себя плохо, вероятно была высокая температура. Соседний окопчик находился метрах в трех от меня. Вдруг взметнулась ракета, затем другая. Это были, как я потом понял, немецкие ракеты. Послышалась где-то рядом стрельба. И вдруг я увидел перед собой немецкого солдата, который, приставив автомат к животу, поливал пулями то, что попадалось. Ударяясь о дерево, под которым я залег, пули рвались. Это были разрывные пули. Но не от пуль я пострадал, а от гранатных осколков. Они угодили в левую часть каски, которую я раздобыл раньше на поле боя. Пробив каску, осколки повредили голову, и я залился кровью. Затем произошло очередное чудо. Я встал во весь рост и пошел на перевязочный пункт. Как уцелел при этом, не могу даже представить. Ведь немецкий солдат был не больше чем в 10 м от меня. Наверное, он сам перепугался или растерялся. Доставили меня в медпункт на носилках. Голову перевязали и отправили вместе с очень большим числом раненых, в том числе с командиром батальона, в тыл, сначала в Рыбинск, а затем в Ярославль. Но осел я в Сарапуле – столице Удмуртии. Лечить меня пришлось детскому врачу-эстонцу. Однако он сумел извлечь из черепа несколько осколков. Больше трех месяцев пролежал я в госпитале, пока 2 января 1942 г. вновь не отправился на Северо-Западный фронт.

Проездом через Москву зашел, конечно, в университет, где мне, в связи с тем что я фронтовик, выдали диплом об окончании, хотя я проучился только 4 курса. Что я не доучился, не замечал никто, ни тогда,

ни потом, а мне диплом после войны очень и очень пригодился. Да и на войне не мешал – снятая с него копия постоянно была со мной.

«Куда же Вас направить?» – размышлял полковник в штабе опять в Валдае. И решил, учитывая, что я чуть-чуть касался нефти, направить меня в 7-й район авиабазирования, в 3-ю комендатуру по обслуживанию боевой авиации, помогать военинженеру Попову по части горюче-смазочных материалов. С этого момента начался для меня совершенно другой, совсем незнакомый поначалу и оказавшийся интересным, по существу, этап военной биографии. С пехотой было покончено, началась авиация.

Раннее морозное утро зимы 1942 г. Обегаю стоянки самолетов по краю взлетного поля. Организую заправку маслом и бензином. Аэродром, в который превращено обычное поле, совсем недалеко от линии фронта. За горючим часто приходится ездить самому на армейский склад. Немцы видят дорогу с воздуха и бомбят. Был случай разрыва бомбы на дороге совсем близко перед нашей бензоцистерной, но все обошлось.

Комендатура – это маленький форпост, где мы жили с начальником вдвоем в землянке. Но потом меня повысили и произвели в начальники службы горюче-смазочных материалов батальона аэродромного обслуживания (686 БАО). К тому времени я уже освоил не только снабжение, но и применение горюче-смазочных материалов в авиации. Служил на совесть, как и все фронтовики: делал все, что мог. В 1943 г. получил медаль «За боевые заслуги». Очень радовался этой награде. Но однажды получил наказание: 10 суток «домашнего» ареста. В декабре 1942 г. меня отпустили на 19 суток в отпуск к семье, которая жила в ту пору в Омске у моего дяди Сергея Степановича Пущаровского. Трудности транспортные были очень велики, но все же за 8 суток я ухитрился добраться до Омска. Соответственно, через 3 дня требовалось выезжать обратно. Но я на другой же день после приезда заболел и меня, побрив кругом, положили в тифозный госпиталь. А через несколько дней выяснилось, что я не болен тифом, хотя в качестве некоего феномена и был показан студентам 2-го Медицинского института, тоже эвакуированного в Омск. Окончательно я поправился после приема английской соли. За всю эту эпопею военный комендант Омска продлил мою командировку на две недели.

Так вот, когда я вернулся в часть, которая пребывала все в том же месте, чтобы меня согреть (а ехать мне пришлось по морозу), жарко натопили железную печку. И конечно, когда мы ушли на ужин, начался пожар. Когда-то, чтобы поставить избушку, мы разобрали баню в брошенной деревне, а чтобы внутри не было сплошной черноты, оклеили потолок и стены газетами и бумагой. Поэтому потолок и вспыхнул. Поскольку избушка стояла в центре моего бензосклада, пожар был очень опасен. Сбежавшимися по тревоге бойцами дом тут же был

расташен и огонь ликвидирован. В это время я и прибыл после ужина на место происшествия. Самое забавное, что воду в ведре кто-то принял за спирт, который широко использовался в авиации, и утащил в безопасное место, надеясь, видимо, в будущем к нему приложиться. Незадолго до этого чрезвычайного происшествия Сталин издал приказ насчет строгостей к виновникам ЧП. Началось следствие. Я писал несколько объяснений. Прямо нужно сказать, что отнеслись ко мне очень и очень мягко: в штрафбат не отправили, а ограничились «домашним» арестом. А главный «истопник», старшина Алексеенко, получил те же 10 суток, но строгого ареста, которые он и отсидел на гауптвахте.

Однажды летом 1943 г., когда наш батальон стоял в районе д. Мерлюгино, из штаба фронта к нам прилетел инженер-майор инспектировать «мою епархию» – службу горюче-смазочных материалов. Это был ответственный участок, такой же как боеприпасы, так как без того или другого боевой авиации делать нечего. После моего доклада инспектор осмотрел «хозяйство», и я пригласил его в наше походное жилище. В нем стоял сбитый кое-как столик, а на столике лежала книга Ю.А. Жемчужникова, которая, кажется, называлась «Косая слоистость». Из-за множества дел я эту книгу почти не читал, но с собой возил. Увидев книгу, мой инспектор чрезвычайно оживился. Дальше слово за слово, и тут оказалось, что майор по гражданской специальности геолог-нефтяник, кандидат геолого-минералогических наук и москвич. С тех пор он не один раз прилетал меня навестить – инспектировать, и мы стали добрыми друзьями на всю жизнь. Инспектором оказался академик Герой Социалистического Труда Юрий Александрович Косыгин.

Судьбе было угодно, чтобы спустя несколько лет, когда я оформлялся на работу в Геологический институт АН СССР, именно он, заменивший тогда заведующего отделом тектоники Н.С. Шатского, бывшего в отпуске, завизировал мое заявление о зачислении.

Фронт на северо-западе стабилизировался очень рано, пожалуй, в сентябре 1941 г. Так что ни в том, первом году войны, ни позже мне отступать не приходилось. Пожалуй, в этом смысле я являюсь редким исключением. До Сталинграда откатились наши армии, а я даже на 1 км за все годы войны не отступал.

Самолеты летали на задания и днем и ночью. Некоторые возвращались сильно побитыми. Приходилось иметь дело практически со всеми видами тогдашней авиации. В основном это были У-2 (По-2), «илы», «яки», «миги», Пе-2. Были и тяжелые бомбардировщики, а также американские «аэрокобры» и английские «харрикейны». Могу засвидетельствовать, что истребители союзников помогали, но погоды не делали. Главная нагрузка лежала на штурмовиках и отечественных истребителях. Будоражили гитлеровцев летавшие ночью У-2 со 100-килограммовыми бомбами.

На У-2 мне многократно приходилось летать по своим делам. Летчик Насипян вел машину обычно очень низко, чтобы уберечься от обстрела истребителями противника. Все же иногда нас замечали, и тут Насипяну приходилось пускаться на разные хитрости. Это ему удавалось, и с нами ни разу ничего не случилось. Потерь самолетов в моем окружении было очень немного. Сейчас мне о них даже вспомнить трудно. Я всегда преклонялся перед столь отважной профессией, как военный летчик. Замечал я не раз, как пилот, только что вернувшийся с задания, в унтах и шлеме входил под шатер, где приезжие артисты давали концерт. Кино и концерты любили все и смотрели азартно. Только я не очень интересовался кино, как, впрочем, и теперь. Не знаю почему. А надо бы, чтобы я его любил: кино однажды спасло мне жизнь. Это было в конце февраля 1944 г. Нашу 6-ю воздушную армию перебрасывали на 4-й Украинский фронт. Эшелон сформировался в Крестцах, но почему-то не пошел, и надо было там переночевать. Поставили вдоль железной дороги большие палатки, и их даже немножко обжили. Под вечер кто-то сообщил, что в соседней деревне, километрах в трех, будет кино «Леди Гамильтон». Пошли все, кроме старшины Алексеенко, который ходил в унтах, а тут путь был все-таки далеким. Перед концом фильма мы услышали взрывы. Это рвались боеприпасы на станции, причиной чему был очередной налет немцев. Быстро пошли к станции, чуя недоброе. И действительно, Алексеенко погиб. Искал я его ползком, так как время от времени взрывались боеприпасы, нашел, и минут 40 делали мы ему искусственное дыхание. Ничего не помогло. Утром на кладбище в Крестцах его похоронили. Бомба попала в край нашей палатки – что называется, прямое попадание.

В 1943 г. семья вернулась из эвакуации в Москву, и я был счастлив иногда ездить в московские командировки. Моим начальником был инженер-майор Нестеров – человек малокультурный, часто вздорный. Но меня он не притеснял, уважал и способствовал назначению в 1944 г. начальником ГСМ всего района авиабазирования. Интересным путем Нестеров со мной знакомился. Когда в начале 1942 г. я прибыл к нему за назначением и, отвечая на вопрос, сообщил, что имею высшее образование, он попросил меня написать заявление, что я и сделал. Но в армии заявления не пишут. Он просто хотел проверить мою грамотность и, убедившись в ней в меру своих возможностей, тут же мое заявление разорвал и выбросил.

Моим истинным другом на Северо-Западном фронте был кадровый инженер-капитан Борис Львович Рабинович. Именно он занимал должность начальника ГСМ 7-го района авиабазирования до меня, но потом у него произошла какая-то неприятность и его перевели на другую службу. Это был очень живой, остроумный, подвижный человек. Мы быстро нашли общий язык и, когда можно было, придумывали себе развлечения в виде игр в слова и т.п. Борис Львович многому

меня научил по службе, ценил мою энергию и стеной встал, когда меня хотели снова направить в пехоту. Впрочем, в ту пору я еще не восстановился после тяжелого ранения.

«На войне как на войне», и мне не раз приходилось видеть воздушные бои. Дрались насмерть, с хитрейшими маневрами в воздухе, с захватывающими дух воздушными бросками, увертливостью. Все мы на земле были напряжены до крайности. Ждали победы нашего пилота, и ее приходилось видеть много раз. Фашистский самолет загорался, дымил, снижался и затем исчезал из поля зрения. Однажды я наблюдал, как был сбит бомбардировщик «юнкерс». Пилотам удалось самолет посадить, и три летчика попали к нам в плен. Рослые, крепчайшие детины без шлемов, в летной форме со свастикой медленно, враскачку шагали, куда им указывали, держась вызывающе и нагло. Это были еще не те обшарпанные, побитые гитлеровцы, десятки тысяч которых потом провели через всю Москву (я их тоже видел благодаря командировке). В апреле 1943 г. в очередной раз случай спас меня от верной гибели. Человеку, особенно молодому, обычно свойственно быстро свыкаться с обстановкой. Мое ГСМовское подразделение и еще какая-то группа поселились в доме, стоявшем на самом краю деревни, за которой тут же простиралось поле-аэродром. Немцы летали и бомбили каждую ночь. Сначала мы спали не только в одежде, но и в сапогах и по тревоге укрывались в узких траншеях, вырытых в огороде. Потом стали снимать сапоги и по возможности разоблачаться. А затем некоторые, в том числе и я, вообще перестали вставать и бегать в траншеи. И вот однажды из-за распутицы я принужден был целую ночь провести на железнодорожной станции, где организовывал слив и транспортировку горючего. Трактор помогал вытаскивать из грязи истерзанные бензоцистерны. Конечно, бомбили и в эту ночь. Но утром, когда я явился на свою улицу, то увидел, что моего дома нет. Он превратился в развалину от прямого попадания бомбы. Из своего более чем скромного имущества я только знаки отличия оторвал от обгоревшей шинели.

Хоть и боевые были времена, но кое-что удавалось читать и сам я писал стихи. Они сохранились и записаны в особую тетрадку. Некоторые из них помню и теперь. Стихи посылал домой в виде писем-треугольников.

Всякое бывало во фронтовой жизни. А однажды после ночевки у какого-то деда, приютившего меня на полу на тулупе, пришлось уйти с ведром бензина в поле, раздеться и всю одежду прополоскать в бензине. Столько на меня напознло...

Итак, два с половиной года войны у меня связано с Северо-Западным фронтом. Если эти годы не были для меня ни отступательными, ни наступательными, то 1944 г. был уже наступательным. Армия та же (6-я воздушная), а фронты – 4-й Украинский и 2-й Белорусский.

Как и все, получил несколько благодарственных грамот от Верховного Главнокомандующего за взятие городов Ковель, Сарны, Хелм, Демблин, Люблин и др. Дошел до Вислы, был награжден орденом Красной Звезды и получил свое высшее военное звание – техник-лейтенант. Позже мне уже не присваивали званий, так как с января 1945 г. я проходил службу в Москве, а здесь действовали тыловые сроки аттестации. Впрочем, хотя и малым было мое звание, но занимал я должности майорские и подполковничьи. Служебными повышениями я никогда не был обеспокоен, так как забота была одна – отдать всего себя делу победы. Тяги к кадровой военной службе я никогда не испытывал и твердил всем, что как геолог сразу же после войны займусь своим делом.

В 1944 г. было множество салютов победы, а один салют, если можно пошутить, был «специфическим». Он был трехзалповым из боевого оружия и устроен лично мною и моим окружением после получения письма от жены о рождении у нас сына Дмитрия. Я был очень счастлив, особенно потому, что родился сын. Наступательные бои были чреваты опасностями. Расскажу только об одном случае. Когда вошли в Ковель, я отправился в район вокзала искать бензоемкости. Поиск был тщательным и дал результаты, но выходя я увидел дощечки с надписью, что район, по которому я ходил, минирован.

Потрясающе ужасным был немецкий концлагерь Майданек, близ Люблина. Мы оказались там, когда еще не все заключенные были вывезены. Кошмар – это наиболее точное слово для этого лагеря.

В ноябре 1944 г. меня командировали на 10 дней в Москву в штаб службы тыла ВВС. Все я сделал и вернулся в часть, но в декабре был получен приказ о переводе меня для дальнейшей службы в штаб ВВС, в топливный отдел. Это значит домой. Начальником отдела являлся тогда стратонавт полковник Филиппов, серьезно контуженный. Но служил я под непосредственным начальством инженер-майора В.И. Алипова, впоследствии генерал-майора, начальника института. Именно он и подготовил приказ о моем переводе в Москву. Человек умный, общительный, крайне доброжелательный, щедрый душой и при всем при том скромный, Владимир Иванович был всеобщим любимцем. Я счастлив, что встретил в жизни такого замечательного человека...

Отъезд мой из Люблина был своеобразным. Дня два мела метель и самолеты не летали (военные самолеты, конечно). Потом объявили, что полетим, но билета у меня не было. Спасли меня погоны – авиационные. «Дуглас» сел на аэродроме в Москве, где теперь метро «Аэропорт». Из вещей у меня ничего не было, кроме гуся и топора, которых я прихватил из Польши. Сел я на трамвай и вскоре оказался дома. Радости не было конца.

Война продолжалась еще 4 месяца и 9 дней, но меня демобилизовали только в декабре 1945 г. С удовольствием вспоминаю, что был

участником Парада Победы, состоявшегося на Красной площади 24 июня 1945 г. Наш сводный полк стоял около собора Василия Блаженного, и я многое видел: выезд маршала Г.К. Жукова из Спасских ворот на крупном коне, объезд частей, сопровождавшийся громовым «ура», и то, как под барабанный бой близ Мавзолея росла гора из фашистских знамен, добытых на войне.

Я мог продолжить службу в армии, пользуясь при этом не только уважением, но и материальными привилегиями, однако меня тянуло к научной работе, к геологии, которую я избрал делом своей жизни еще до войны. И я стал просить о демобилизации, а когда было можно, заходил в Геологический институт АН СССР. В итоге с января 1946 г. я уже больше не в армии – гражданский человек 29 лет, с семьей и с материальным обеспечением, вдвое худшим, чем во время пребывания на военной службе. Зато с оптимизмом, большим запасом жизненных сил и неиссякаемой энергией.

С этих пор жизнь пошла по мирным рельсам...

Академик

САРКИСОВ

**Ашот Аракелович
(1924–2022)**

А.А. Саркисов родился 30 января 1924 г. в Ташкенте, академик (1990), доктор технических наук, профессор.

В 1941 г. поступил в Высшее военно-морское инженерное училище им. Ф.Э. Дзержинского. В ноябре 1941 г. был откомандирован в Прибалтийский военный округ. В начале 1942 г. в составе 85-й Морской стрелковой бри-

гады был направлен на Карельский фронт сначала в должности старшины стрелковой роты, а затем – командира взвода автоматчиков. С января по март 1942 г. участвовал в боях на Онежском направлении. В апреле 1942 г. назначен офицером связи 1-го отдельного стрелкового батальона 85-й МСБр. С января 1943 г. – старшина отдельной штрафной роты № 202 26-й армии, в составе которой принимал участие в боях на Лоухском направлении. В мае 1943 г. был командирован в г. Беломорск на курсы младших лейтенантов, которые закончил в декабре того же года. Был назначен командиром минометного взвода 83-й стрелковой Краснознаменной дивизии. В мартовских боях 1944 г. заменил убитого в бою командира роты и в дальнейшем был утвержден на этой должности. Участвовал в освобождении Петсамо, Киркенеса и других городов Советского Заполярья.

С 1945 по 1950 г. – слушатель ВВМИУ им. Ф.Э. Дзержинского. С 1953 по 1956 г. – в адъюнктуре ВВМИУ. Кандидат технических наук (1956), преподаватель Севастопольского ВВМИУ с 1956 по 1989 г. С 1957 г. его научная и педагогическая деятельность была посвящена корабельной ядерной энергетике. В это же время выполнил ряд научных исследований по актуальным проблемам безопасности корабельных ядерных энергетических установок. Автор более 200 научных трудов, из которых 20 книг и 5 монографий, а также 15 изобретений. А.А. Саркисов выполнил комплекс фундаментальных и прикладных исследований, на основе которых разработаны теории динамических процессов и автоматической аварийной защиты ядерных энергоустановок. Результаты его исследований получили воплощение в создании новых, более надежных и безопасных корабельных ЯЭУ и систем их управления и защиты, что способствовало существенному повышению боевой эффективности кораблей и экологической безопасности. В течение нескольких десятилетий возглавлял научную школу по динамике и безопасности судовых ЯЭУ. Награжден многими орденами и медалями: ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2004), Отечественной войны I степени (1985), Отечественной войны II степени (1944), три ордена Красной Звезды (1944, 1956, 1982), «За службу Родине в ВС СССР» III степени (1975), «Знак Почета» (1975), Почета (1999); медали «За боевые заслуги» (1953), «За безупречную службу» I степени (1962), «Ветеран ВС СССР» (1984), «За Победу над

Германией» (1945), «30 лет СА и ВМФ» (1948), «40 лет ВС СССР» (1957), «20 лет Победы в ВОВ 1941–1945 гг.» (1965), «30 лет ВС СССР» (1967), «За воинскую доблесть и ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» (1970), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1975), «60 лет ВС СССР» (1978), «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985), золотая медаль им. А.П. Александрова (2007). Член-корреспондент (1981) – Отделение физико-технических проблем энергетики (энергетика, в том числе ядерная энергетика). Академик (1994) – Отделение физико-технических проблем энергетики (энергетика).

Годы войны (1941–1945 гг.)*

Формирование 85-й морской стрелковой бригады

Прибывшие на формирование 85-й морской стрелковой бригады кадры дзержинцев были в середине ноября 1941 г. расквартированы в нескольких населенных пунктах Похвистневского района Куйбышевской области.

Штаб бригады разместился непосредственно в Похвистнево. Распределение моряков по частям и подразделениям бригады осуществляла комиссия под руководством начальника штаба бригады майора Криволапова. Процедура началась с выпускников старших курсов Дзержинки. Поскольку почти все командные должности были вакантными, то назначения производились чисто механически, начиная со старших должностей и постепенно снижаясь до самых младших – командиров взводов. Так, оказавшийся первым в списке старший в группе дзержинцев инженер-лейтенант Таубин был назначен на очень высокую должность командира отдельного минометного дивизиона. Таким образом, назначения никак не были увязаны с личными качествами офицеров и тем более с их пожеланиями. Поэтому неудивительно, что в дальнейшем война заставила внести немало корректив в первоначальные назначения. Кстати, весьма удачным оказалось первое назначение: лейтенант Таубин впоследствии проявил прекрасные командные качества и закончил войну командиром артиллерийской бригады. Будучи в послевоенные годы начальником факультета артиллерийской Академии имени Калинина, он был удостоен звания генерал-майор.

Когда очередь дошла до курсантов-первокурсников, возникла заминка. Дело в том, что все курсанты перед откомандированием получили звание старшина 1-й статьи. Майор Криволапов впервые услышал о таком звании и обратился к своим коллегам с вопросом, какому армейскому званию мог соответствовать этот диковинный морской чин. Никто толком ответить не мог. Криволапов принял «колумбово решение»: старшина и есть старшина, а что касается «1-й статьи», то это что-то морское.

* Из книги: Саркисов А.А. Воспоминания, встречи, размышления, ситуации. М., 2009.

После такого вердикта безусые 17–18-летние пацаны стали быстро получать назначения старшинами рот стрелковых и специальных подразделений. Не избежал этого и я, вмиг став старшиной 2-й стрелковой роты 1-го отдельного стрелкового батальона.

Наш батальон был расквартирован в деревне Малое Ибряйкино. Меня поселили вместе с несколькими другими бойцами в доме школьной учительницы, муж которой уже воевал на фронте. К этому времени командир роты еще не был назначен, и вся тяжесть формирования роты легла на мои плечи. Это прием и размещение бойцов, выдача им обмундирования и вооружения, организация питания, медико-санитарного обеспечения и многое другое. Всего в роте собралось около ста человек. В основном это были уже побывавшие на фронте солдаты, вернувшиеся в строй после госпиталей, уже немолодые запасники, а также моряки с кораблей и учебного отряда Черноморского флота. Как показали последующие события, моряки, несмотря на их относительно небольшую численность, составили боевой костяк бригады, особенно в специальных подразделениях разведчиков, автоматчиков и связи.

Уже после того, как рота была сформирована, прибыл ее командир кадровый офицер лейтенант Анурьев. В новой гимнастерке, опоясанный блестящими кожаным ремнем и портупеей, он выделялся неожиданным для окружающих его людей аккуратным и праздничным видом.

Наш первый разговор был кратким и хорошо мне запомнился.

– Сынок! Ты куришь?

– Не курю.

– Водку пьешь?

– Не пью.

– Ты, наверное, и матом не ругаешься?

– Нет.

– Давай мы тебя назначим писарем-каптенармусом, а старшиной будет сержант Небого.

Я от такого предложения категорически отказался и попросился в роту разведки. В итоге я был назначен командиром отделения во взвод автоматчиков 1-го стрелкового батальона. В этот период основным вооружением бойцов бригады была трехлинейная «мосинская» винтовка времен Первой мировой войны, а автоматами Дегтярева (ППД) были вооружены только бойцы взвода автоматчиков батальона.

Военный парад 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве

Перед самой отправкой на фронт, накануне ноябрьских праздников, нас в эшелоне доставили в Куйбышев для участия в предстоящем там военном параде.

Теперь мало кто знает, что 7 ноября 1941 г., наряду с широко известным и много раз описанным военным парадом в столице нашей

Родины, был проведен военный парад и в «запасной столице» г. Куйбышеве, в котором мне довелось участвовать в составе 85-й морской стрелковой бригады. В некотором смысле парад в Куйбышеве по своему статусу должен считаться главным военным парадом страны в ноябрьские дни 1941 г., потому что на этом параде присутствовало почти в полном составе правительство страны во главе с всесоюзным «старостой» М.И. Калининым, а также расположившийся слева от трибуны весь дипломатический корпус. Принимал парад маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов, а командовал парадом генерал М.А. Пуркаев. И.В. Сталин в эти дни оставался в подвергавшейся систематическим бомбардировкам Москве, на подступах к которой уже стояли немецкие войска.

Несмотря на военную обстановку, парад в Москве, как обычно, состоялся 7 ноября на Красной площади. Перед участниками парада со своей знаменитой, ставшей исторической, речью выступил И.В. Сталин.

Прежде чем кратко рассказать о сохранившихся в моей памяти воспоминаниях о военном параде в Куйбышеве 7 ноября 1941 г., я поделюсь впечатлениями о двух днях, которые мы провели в этом городе накануне парада.

Неожиданно в один из этих дней нам предоставили короткое увольнение в город. Мы быстро рассеялись по его улицам в поисках магазинов или столовых, где можно было истратить на еду выданные нам скудные средства. Город производил такое впечатление, что все население из него было эвакуировано. Было вечернее время, но улицы оставались пустынными. Горожане, по-видимому, предпочитали отсиживаться в своих квартирах. Большинство магазинов были закрыты, а в тех, которые еще работали, полки были совершенно пустыми.

Мы уже потеряли всякую надежду истратить наши сбережения, как неожиданно наткнулись на небольшую столовую с освещенными окнами. Нас было человек пять, и все мы ввалились внутрь этого предприятия общественного питания. Официантка убирала столы и сказала нам, что столовая закрывается. Мы попросили нас чем-нибудь накормить. Видимо, сжалившись над нами, она куда-то скрылась и через несколько минут вернулась с большой алюминиевой кастрюлей, наполненной пшенной кашей. Каша была сухой, разрезали мы ее ножом, но ели с огромным наслаждением. Потом официантка принесла чайник с отдаленно напоминающей чай жидкостью, который мы тоже мгновенно осушили.

В хорошем настроении мы вернулись к себе в расположение бригады. Оказалось, нам сильно повезло, потому что большинство наших товарищей так и не смогли израсходовать выданные им скромные деньги.

На парад мы вышли в полном боевом снаряжении, в дубленках, шапках-ушанках, с большими вещмешками за спиной и, что самое забавное, в валенках.

Накануне выпал густой снег, который не успели убрать даже с парадной площади, погода стояла на редкость для такого времени года морозная. Понятно, что это был не столько военный парад, со свойственной ему торжественностью и строевым порядком, сколько прохождение плохо организованных групп военнослужащих, в которых можно было лишь угадывать отдельные подразделения: взводы, роты и батальоны. Более четкий строевой порядок соблюдался при прохождении военной техники.

Я шел правофланговым, так что хорошо видел стоящих на низкой трибуне, спешно сколоченной из досок и задрапированной алой тканью, М.И. Калинина, Н.М. Шверника, К.Е. Ворошилова, А.Н. Вознесенского, Е.М. Ярославского, М.Ф. Шкирятова и других членов Правительства. Особенно пристально вглядывался я в лицо Михаила Ивановича Калинина, которого до этого, естественно, видел лишь на многочисленных портретах, обратив внимание на то, что его знаменитая белая, клинышком борода была на самом деле скорее желтой. Известно было, что М.И. Калинин слыл заядлым курильщиком. Он был, пожалуй, единственным из стоящих на трибуне, с добрым улыбающимся лицом. Остальные члены правительства стояли с довольно мрачными физиономиями.

В параде приняли участие соединения, формировавшиеся в ПриВО. Насколько мне удалось выяснить, кроме нашей 85-й МСБр, участвовали части 84-й МСБр, а также 65-я и 237-я стрелковые дивизии. Кроме названных соединений, целых полтора часа перед трибунами шли курсанты Военно-медицинской академии, сводный женский батальон ПВО и кавалерия. За ними шли танки «БТ-7» и «Т-35», мотопехота на машинах ЗИС-5 и противотанковые пушки с тягачами. В небе несколькими волнами пролетели штурмовики (знаменитые Ил-2 производили как раз в Куйбышеве), истребители и бомбардировщики.

Недавно мой хороший друг, профессор В.В. Сычев, которого я глубоко уважаю не только за его большие научные заслуги, прекрасные человеческие качества, но и за любовь и интерес к нашим Вооруженным силам и их истории, вручил мне ксерокопию одного из последних номеров «Военно-исторического журнала» (2008, № 11), в котором описан военный парад 7 ноября 1941 г. в г. Куйбышеве. Эта статья иллюстрируется двумя фотографиями правительственной трибуны. «Зацепившись» за эту статью, я погрузился в Интернет, где нашел много дополнительного материала и интересных фотографий...

К сожалению, фотографии, на которых запечатлены марширующие на параде морские пехотинцы, которых сразу после этого рассадят в теплушки железнодорожных эшелонов и отправят на передовую линию фронта под Москву, по-видимому, для истории не сохранились.

Нейтральная полоса

В период, когда на фронте не велись активные боевые действия, противостоящие друг другу группировки – с одной стороны, соединения Красной армии, а с другой – финские и немецкие дивизии – занимали удобные оборонительные рубежи для ведения длительной позиционной борьбы. При этом особенности характерной для Карельского фронта лесисто-болотистой местности затрудняли поиск удобных плацдармов, так что между нашим передним краем и передовыми укреплениями противника, как правило, образовывалась достаточно широкая нейтральная полоса. Обычно ширина нейтральной полосы составляла от нескольких сотен метров до нескольких километров (иногда свыше 10 км). На этой ничейной территории активно действовали с обеих сторон мобильные разведывательные и ударные группы, нередко сталкивавшиеся и вступавшие друг с другом в бой. На фоне общего фронтового затишья нейтральная полоса оставалась ареной довольно частых столкновений, и здесь не прекращались боевые действия местного значения.

Будучи командиром отделения взвода автоматчиков 1-го отдельного стрелкового батальона 85-й МСБр, я много раз или со своим отделением, или в составе взвода принимал участие в операциях на нейтральной полосе. Выходы на выполнение боевых заданий осуществлялись в ночное время. В те годы специальной камуфляжной одежды не было, поэтому летом мы маскировали себя маскировочными сетями, листьями и еловыми ветками. Зимой одевались в белые маскхалаты, а лыжи, лыжные палки и оружие покрывали мелом или известью так, чтобы они не выделялись на фоне ослепительно белого глубокого снежного покрова. Каждое отделение тянуло за собой сани-волокуши на случай необходимости эвакуации из нейтральной зоны раненых или убитых бойцов.

Основная задача, которая ставилась разведгруппам, заключалась в уточнении расположения, состава группировки и линии переднего края противника и выявлении огневых точек – пулеметных, минометных и артиллерийских. С этой целью мы скрытно выдвигались непосредственно к вражескому краю, залегали и в течение нескольких часов наблюдали за обстановкой.

Иногда для вскрытия обстановки проводились более активные действия – разведка боем. В этих случаях готовились усиленные хорошо вооруженные группы, которые внезапно атаковали передовые рубежи противника и тем самым провоцировали массированный ответный огонь. Важной и наиболее сложной частью боевого задания при выходе в нейтральную зону было взятие «языка». Это удавалось сделать в очень редких случаях и, как правило, в ходе непосредственного боевого столкновения.

Пожалуй, главным требованием, от выполнения которого зависел успех операции и безопасность группы, была скрытность. Поэтому при движении мы соблюдали предельную осторожность, обходя открытые участки местности.

Во время нахождения в нейтральной зоне мы все время переговаривались друг с другом только жестами или шепотом.

Простуженных бойцов на такие задания брать категорически запрещалось, так как внезапный кашель или чиханье могли сорвать всю операцию. Особенно трудно приходилось нам, когда группа залегала для наблюдения в непосредственной близости от переднего края противника. Надо было на морозе, иногда часами, неподвижно лежать, ничем не выдавая своего присутствия. При этом тяжелее всех приходилось заядлым курильщикам.

Однажды, выполнив очередное задание и возвращаясь к своему переднему краю, мы услышали звуки, напоминающие человеческий стон. Стояла темная безлунная ночь. Мы остановились и прислушались. В морозной ночной тишине застывшего Карельского леса с трудом удалось расслышать: «Братцы, ратуйте». Я принял решение с двумя бойцами двинуться в направлении звука, оставив остальных, на всякий случай, для прикрытия. Однако мой заместитель остановил меня, напомнив, что иногда к такому провокационному приему прибегали затаившиеся в засаде немцы. Несмотря на это, не без некоторых колебаний, мы втроем осторожно начали движение, хотя звуки полностью прекратились и вновь наступила полная тишина. Это показалось нам подозрительным, однако мы шаг за шагом продолжали движение, непрерывно останавливаясь и прислушиваясь. В какой-то момент в темноте обозначились смутные контуры какого-то сооружения, похожего на землянку. Подойдя ближе, мы обнаружили штабель, составленный, как нам в первый момент показалось, из бревен. Именно из глубины этого штабеля вновь раздался и тут же прекратился очередной стон. Присмотревшись, мы обнаружили, что это тела убитых в бою красноармейцев, которые временно были оставлены в нейтральной зоне отходившими частями. В суматохе отхода среди трупов был оставлен показавшийся, по-видимому, также убитым тяжелораненный боец.

Быстро растаскивая замерзшие трупы, мы добрались до живого, уложили его в сани-волокуши и через час достигли нашего расположения.

Позже выяснилось, что спасенным оказался боец нашей бригады, украинец по национальности, красноармеец Шмелев. В госпитале он перенес тяжелую операцию, однако, как нам стало известно, все-таки остался жив.

Через несколько недель при аналогичных обстоятельствах удалось вытащить из нейтральной зоны уже припорошенного снегом, замерза-

ющего, тяжелораненного дзержинца В. Ольшанского. Много лет спустя мы встретились с ним при довольно случайных обстоятельствах, когда я уже в звании вице-адмирала руководил Севастопольским высшим военно-морским инженерным училищем. Тем летом в Ялте в санатории Краснознаменного Черноморского флота отдыхал мой давний товарищ, помощник председателя научно-технического комитета ВМФ В.А. Хитриков. Я выбрал свободное воскресенье и поехал повидаться с ним в Ялту. Каково же было мое удивление и радость, когда я вместе с ним увидел В. Ольшанского. Оказывается, они отдыхали в соседних номерах, и В. Ольшанский успел рассказать Хитрикову о своей фронтовой одиссее, а Хитриков сообщил ему, в свою очередь, о моем предстоящем приезде.

Это был незабываемый вечер фронтовых воспоминаний. В. Ольшанский рассказал, что после войны служба его проходила, в основном, в Центральном научно-исследовательском институте кораблестроения, где он прошел путь от научного сотрудника до начальника одного из ведущих отделов.

Случайная встреча на фронтовых дорогах

...Бывает так, что случайное пересечение человеческих траекторий может привести к большим изменениям в жизни людей. Об одной такой мимолетной встрече на фронтовых дорогах я хочу рассказать.

Это было в конце декабря 1941 г. Наша 85-я морская бригада перебрасывалась эшелонами по железной дороге на Карельский фронт. Во время стоянки на одной из промежуточных станций я сидел у открытой двери теплушки, свесив ноги вниз. Перрон был заполнен солдатами, одетыми в разношерстную форму. Среди них попадались и раненые с повязками. Один из них подошел ко мне. Как выяснилось позже, он сделал это потому, что заметил выглядывавшую из-под ватника тельняшку.

– Браток, ты с какого флота?

– Я из училища Дзержинского.

При этих словах солдат заметно оживился и стал возбужденно расспрашивать меня, где находится училище, каков его адрес.

В меру своей осведомленности я постарался ответить на его вопросы. При этом он делал пометки на обрывке газеты, а в конце нашего разговора, сопровождая уже тронувшийся эшелон, горячо и много раз благодарил меня. Наверное, я никогда не вспомнил бы об этом случае, если бы не случайная встреча, происшедшая более четверти века спустя.

Уже будучи адмиралом и начальником Севастопольского ВВМИУ, я по делам службы посетил в Москве Главное Управление кораблестроения. Поскольку беседа касалась вопросов атомной энергетики,

начальник ГУК пригласил специалиста по этому направлению капитана 1-го ранга Нижникова. В кабинет вошел мужчина высокого роста с живыми глазами. Чем-то неуловимым он показался мне знакомым, однако это ощущение тут же прошло. После доклада начальнику ГУК вошедший поздоровался со мной. И тут я заметил, что он пристально вглядывается в мое лицо. Через мгновение он делает шаг ко мне и крепко обнимает. Я растерянно отвечаю на его приветствие. Возникает недоуменная пауза. И тут офицер берет себя в руки, извиняется и объясняет причину своего поведения.

Он вспоминает декабрь 1941 г., когда его после лечения в госпитале должны были направить на фронт. Однако руководство госпиталя готово было послать его для продолжения учебы в «Дзержинку», если бы В.И. Нижников знал, где находилось тогда училище. Наша встреча на перроне прифронтальной станции помогла ему вернуться в родное училище и закончить его в 1945 г.

После этого мы неоднократно встречались с Василием Ивановичем Нижниковым по делам и просто так, между нами установились отношения, которые были глубже и значительнее, чем обычные отношения двух добрых друзей...

Фронтовые курсы младших лейтенантов

...В преддверии наступательных боев на Карельском фронте накапливались боевые, материальные и людские ресурсы, в том числе создавались резервы командного состава для вновь формируемых дивизий, а также для восполнения текущих боевых потерь и убыли офицеров, передаваемых по указанию Ставки на другие фронты и возвращаемых Военно-морскому флоту.

Подготовка кадров офицеров в пределах фронта велась на армейских и фронтовых курсах младших лейтенантов. Фронтовые курсы отличались расширенной (шестимесячной) программой обучения.

В начале лета 1943 г. из 85-й морской стрелковой бригады командировали группу перспективных младших офицеров, в составе которой находились я и несколько моих однокашников по училищу.

Курсы младших лейтенантов Карельского фронта были дислоцированы в прифронтном городе Беломорске, известном тем, что в этом месте начинается знаменитый Беломоро-Балтийский канал. Этот канал был одной из первых «великих строек» в СССР. Экономическая целесообразность его сооружения не вызывает сомнений, однако нельзя забывать, какой ценой это было достигнуто. Без преувеличения можно сказать, что этот канал построен буквально на костях заключенных.

Часто, отрывая окопы во время полевых учений в окрестностях Беломорска, мы натыкались лопатами на кое-как сбитые гробы, в которых покоились останки бывших строителей канала. Это были ничем

не обозначенные на поверхности, тем более не отмеченные на карте, огромные по площади безымянные захоронения.

Обучение на курсах младших лейтенантов было для меня единственной за все время войны передышкой от непрерывного пребывания на переднем крае фронта. Однако, как ни покажется это парадоксальным, период обучения на курсах младших лейтенантов стал едва ли не самым тяжелым за все время моей фронтовой жизни, и все мы, курсанты, с нетерпением ожидали его завершения. Это было связано с невероятными физическими нагрузками, доведенными до предела человеческих возможностей режимом и отвратительным питанием.

Положение усугублялось тем, что постоянный состав курсов – наши командиры и преподаватели – очень дорожил предоставленной им возможностью в разгар войны оставаться в тылу и делал все, чтобы не оказаться на фронте.

Особенно рьяно усердствовал командир нашей роты – высокий, всегда аккуратно одетый и подтянутый, со смазливой внешностью, старший лейтенант Титовский. Это был жестокий человек, который не останавливался ни перед чем в стремлении сохранить репутацию лучшего командира роты на курсах.

Классных занятий было немного. Насколько я помню, нам преподавали тактику, устройство оружия, топографию и уставы. Короткие теоретические занятия сменялись затяжными полевыми учениями, на которые курсантов выводили в любую погоду в полном боевом снаряжении.

Вспоминаю, как уставшие до смерти после очередных учений, мы шли по раскисшей от дождя дороге, согнувшись под тяжестью нагруженного на спину оружия и снаряжения. Я, как второй номер пулеметного расчета, кроме вещевого мешка и патронов, нес еще тяжелую станину станкового пулемета «Максим».

Раздалась команда Титовского: «Запевай!» Петь не было не только никакого желания, но и сил, поэтому мы продолжали молча тащиться, промокшие от пота, дорожной грязи и противного мелкого дождя. После того как мы не выполнили повторную команду, Титовский раздраженным голосом выкрикнул: «Бегом марш!» Ослушаться было невозможно, и мы побежали вслед за одетым в легкую шинель и плащ-палатку командиром. Видя, что некоторые из нас от изнеможения начинают падать и отставать, Титовский приказал перейти на шаг и снова скомандовал петь. Выбора не оставалось, и нам пришлось начинать. Это была популярная солдатская песня с бодрым мотивом и хорошими словами, но исполнялась она нами ужасно, в темпе мрачного похоронного марша.

От чрезмерных физических нагрузок, отсутствия витаминов и просто от элементарного недоедания многие не выдерживали и заболели-

ли. Мне тоже посчастливилось попасть на несколько дней в санчасть по случаю огромного карбункула, вскочившего у меня на спине.

Уже после присвоения нам первого офицерского звания и церемонии выпуска Титовский за какую-то мелкую провинность решил наказать нас и отправил на работы. Мне вместе с двумя товарищами досталась уборка арсенала – неотапливаемого барака с оружием и боеприпасом. К этому времени наше терпение в отношении к Титовскому достигло критической отметки, и мы решили «под занавес» доставить ему неприятность в духе китайской мести. Вместо уборки мы вылили на деревянный пол барака десяток ведер воды, которая тут же замерзла. В результате образовался толстый слой льда, и арсенал превратился в настоящий каток.

После этого мы закрыли арсенал, ключ сдали дежурному и доложили Титовскому о выполнении его приказа. Через несколько часов в теплушке железнодорожного состава, увозившего нас на фронт, мы весело обсуждали свою проделку, с удовольствием представляли себе, какой будет реакция Титовского, когда он обнаружит содеянное нами.

Покидали мы Беломорск без всякого сожаления, скорее с радостью. После войны мне ни разу не пришлось побывать в этом городе. Воспоминания о беломорском периоде моей фронтовой биографии настолько тяжелые, что, откровенно говоря, у меня никогда не возникало никакого желания еще раз посетить это гиблое место.

Продвигаясь с боями...

После успешного окончания курсов мы некоторое время находились в резерве командующего 26-й армией. Затем большинство выпускников направили во вновь формируемую 83-ю стрелковую дивизию. Подразделения этой дивизии комплектовались в основе своей из воинов 85-й морской стрелковой бригады, а также «остатками» кадров 61-й и 67-й морских стрелковых бригад. Употребляю это слово в связи с тем, что многие бойцы из этих бригад попали на формирование 45-й стрелковой дивизии.

Меня назначили командиром взвода 1-й минометной роты 26-го стрелкового полка.

Дивизия, входившая в состав 31-го стрелкового корпуса, занимала позиции в межозерном дефиле (озера Нижнее и Верхнее Черное). Войскам корпуса противостояли части дивизии СС «Норд», опиравшиеся на сильно укрепленную трехэшелонную оборону глубиной около 12 км.

После успешного летнего наступления войск фронта в Южной Карелии противник, учитывая создавшуюся военно-политическую ситу-

ацию, стал готовиться к отводу войск из Северной Карелии в Заполярье, чтобы усилить находящуюся там группировку.

Советскому командованию стали известны намерения немцев. 31-й стрелковый корпус, как и другие соединения 26-й и 19-й армий, получил указания развернуть активные боевые действия на своем (кестенгском) направлении, чтобы сорвать организованный отход немецких войск.

При этом командование армий первоначально ставило задачи не только энергичного преследования, но и окружения и уничтожения отходящих сил противника.

Забегая вперед, скажу, что уже через неделю после начала наступления Ставка Верховного Главнокомандующего 12 сентября 1944 г. дала директиву Карельскому фронту: «В случае отхода немцев – продвигаться вслед за ними, не навязывая противнику больших боев и не изматывая свои войска боями и глубокими обходными маневрами, для того, чтобы лучше сохранить свои силы...»

...На третий день боев главная линия обороны врага была взломана, и наша дивизия вышла к «Бастиону» – так называли немцы свой сильно укрепленный рубеж обороны по реке Софьянге. Арьергарды противника оказали упорное сопротивление нашим войскам. Тогда командование армии решило силами двух полков 83-й дивизии обойти «Бастион» с севера и ударом с фланга овладеть переправами на Софьянге.

Наш 26-й полк получил задачу в облегченной боевой выкладке скрытно совершить марш-бросок по непроходимым местам через топкие болота и заросшие густым лесом скалистые гряды.

1-й батальон, в составе которого была наша минометная рота, шел головным.

Понятие «облегченная выкладка» означало, что все необходимое для боя солдаты несли на себе, сведя до минимума запас продовольствия. Так, минометная рота имела только один взвод 82-мм минометов, а два других (в том числе и мой) были загружены запасом мин. Стрелковые и пулеметная рота были вооружены автоматами, гранатами, ручными и станковыми пулеметами, а весь боезапас находился в «сидорах».

За ночь одолели с большим трудом около 10–12 километров. Не все выдерживали заданный темп, и наша колонна растянулась километра на полтора.

Наше появление в глубине обороны противника была для него полной неожиданностью. В панике фашисты отступили, а мы открыли по ним довольно хаотичную стрельбу. В отрыве от главных сил полка командир батальона, не имея огневой поддержки минометчиков и станковых пулеметов, не решился начать преследование. Дело в том, что на марше взвод с минометами отстал и, по-видимому, еще только

подтягивался к месту боя. Такое же положение было и с частью пулеметной роты.

Поэтому стрелковые роты залегли и начали перестрелку с приходившим в себя врагом. Преимущество в завязавшемся огневом бою постепенно переходило к немцам.

В этих условиях командир батальона, доложив обстановку в штаб полка, приказал начать отход, уступив позиции подходящим из глубины батальонам. Нас выводили в резерв, но уже по другому маршруту.

У немецкого переднего края наша небольшая группа (около 30 человек) вышла к укрепленной высотке. Единственным офицером в группе на тот момент оказался я. Взяв на себя командование, решил атаковать огневые позиции врага с тыла, используя фактор внезапности. Огнем из автоматов и гранатами выбили небольшой гарнизон из укреплений. Заскочив в оставленную немцами землянку, я обнаружил висящий на стене офицерский френч, а на столе – бритву и помазок со свежей мыльной пеной. Видимо, обитатель землянки был застигнут врасплох и недобритым рванул вслед за своими солдатами. В кармане френча оказались личные документы, которые я забрал с собой. Мои ребята собрали трофеи, включая сумку с продуктами, и вся наша группа, благополучно преодолев нейтралку, через полчаса вышла в расположение полка.

Пока остальные подразделения батальона собирались у командного пункта, меня срочно вызвал командир полка. До него уже дошла информация, что мне удалось захватить документы немецкого офицера. На командном пункте уже находился наш комбат. Я неплохо знал немецкий и поэтому бегло перевел содержание документов, в которых были указаны не только должность, звание и фамилия офицера, но и полное наименование части. Все эти сведения тут же передали по радиации в штаб дивизии.

Затем, обратившись к комбату, полковник Мавроди сказал: «Ну, вот тебе и замена Солдатову!» Оказалось, что при отходе батальона погиб командир нашей минометной роты капитан Солдатов, и вот так скоротечно на КП полка состоялось мое новое назначение.

Вскоре после прорыва софьянгского рубежа дивизию вывели из боя и сосредоточили в районе станции Лоухи. С 27 сентября 1944 г. началась переброска частей дивизии на мурманское направление. Последние эшелоны выгрузились на станции Кола в день начала наступления наших войск в Заполярье...

Нашему 26-му полку довелось вести бои в Заполярье в уже апробированном в Северной Карелии облегченном варианте. В полку к этому времени были разработаны специальные нормы вооружения, боеприпасов и продовольствия для подразделений, совершающих обходные маневры по бездорожью. Так, теперь для минометной роты в каждом батальоне было официально узаконено сокращение числа

82-мм минометов до трех, а количество мин к ним увеличивалось за счет того, что к их подножке привлекались не только бойцы моей роты, но и стрелковые роты батальона – каждый стрелок должен был нести на себе по две мины калибра 88-мм. К доставке мин в полк был привлечен выучный транспорт.

...В разгар боя за Никель наш полк из второго эшелона был направлен по тундре с задачей оседлать дорогу Сальмиярви-Наутси в районе дефиле озер Пороярви и не допустить подхода резервов противника с юга и отхода его из района Сальмиярви на юг.

Погода создавала серьезные трудности: небо было затянуто густыми облаками, часто выпадал снег и дул сильный ветер и все это при температуре от нуля до минус пяти градусов. При такой пасмурной погоде сокращался световой день и затруднялось ориентирование на местности.

Этот обходной маневр продолжался три дня, в течение которых мы проплутали по болотистой тундре около семидесяти километров. Вечером 23 октября, наконец, вышли к дороге, но главным силам немцев, как выяснилось позже, удалось проскочить на юг. После ночного привала с утра начали преследование и днем, отбросив небольшие прикрывающие части противника, достигли развалин поселка Питкяярви.

Дальнейшее продвижение полка было остановлено сильным огнем всех видов из укрепленного узла, расположенного на горе Каскома. Эта гора возвышалась над окружающей местностью метров на триста. Для ее штурма требовалось подтянуть артиллерию и тылы дивизии, которые ожидали окончания строительства переправ через реку Шуони-йоки и ремонта дороги до Питкяярви.

Командир полка решил до подхода главных сил утром 25 октября предпринять обходной маневр и отрезать противнику путь отступления южнее горы Каскама. Второй батальон был оставлен с фронта, а третий и наш, первый, батальоны начали обходной марш-маневр вдоль западного берега озера Лауккуярви. Шедший головным третий батальон около часу дня был встречен артиллерийско-пулеметным огнем. Развернув две роты, батальон атаковал и отбросил с занимаемых позиций около взвода противника. Преследуя отступавших немцев, роты вышли на дорогу юго-западнее горы Каскама и стали закрепляться. Противник безуспешно предпринял четыре контратаки, которые были отбиты. Наш батальон, пытаясь обойти противника южнее, оказался изолированным от 3-го батальона труднодоступной болотистой местностью и не смог вовремя поддержать бой. В сумерках немцы предприняли силами двух батальонов и четырех бронемашин новую контратаку. Им удалось отбросить 3-й батальон от дороги и с наступлением темноты начать отход на юго-запад. С утра 26 октября наш полк возобновил преследование по сильно разрушенной дороге.

Противник поспешно отходил, оказывая сопротивление небольшими силами передовому отряду – второму батальону. Менее чем за двадцать часов немцы отступили на сорок километров, оставив аэродром у развалин Маятоло с большим количеством складов и прочего боевого имущества. Главное внимание противник сосредоточивал на разрушении и минировании дорог.

Днем 27 октября передовой батальон нашего полка, неотступно преследовавший противника, был остановлен организованным огнем с западного берега реки Наутси-йоки. Там находился оборудованный оборонительный рубеж с несколькими дзотами, прикрытыми проволочными и минными заграждениями.

Утром 28 октября после короткого артиллерийского налета стрелковые батальоны нашего полка, переправляясь через реку вброд и на подручных средствах вплавь, атаковали противника. После короткого боя немцы, атакованные с фронта и во фланг 46-м полком, начали поспешно отходить, и их преследование повел 46-й полк. С этого дня наш полк продолжал наступление во втором эшелоне дивизии вплоть до перехода к обороне с 3 ноября в районе Мустолы.

За отличные боевые действия в боях по освобождению Петсамской области дивизии четырежды была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего: 15 декабря 1944 г. – за освобождение г. Печенга (Петсамо), 22 октября 1944 г. – района Никелевого производства и поселка Никель, 25 октября 1944 г. – норвежского города Киркенеса и 1 ноября 1944 г. – за полное освобождение Петсамской области. 14 ноября 1944 г. она Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена орденом Красного Знамени.

Вот как в целом характеризовал действия 26-го стрелкового полка командир 31-го стрелкового корпуса генерал-майор М.А. Абсалямов: «...Части корпуса показали образцы мужества и выносливости. Так, например, 26-й стрелковый полк 83-й стрелковой дивизии, начавший в 12 часов 21 октября обходный марш-маневр по тундре, прошел за три дня в район оз. Пороярви не менее 60–80 км, затем с боями преследовал противника по дороге до горы Каскама; 25 октября вновь совершил обход горы Каскама, выдержал жестокий бой южнее горы и до 27 октября неотступно преследовал противника, наступая в авангарде дивизии. И когда 26 октября командир дивизии решил сменить его 46-м полком, последний так и не догнал головного батальона 26-го стрелкового полка, пока тот не был остановлен на рубеже р. Наутси. Таким образом, полк прошел за шесть суток свыше 100 км, из них не менее 80 км по труднодоступной бездорожной тундре...»

15 ноября 1944 г. Карельский фронт был расформирован, а 14-я армия получила статус Отдельной армии, подчиненной непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Наша дивизия несла боевую

службу в составе этой армии до окончания Великой Отечественной войны.

Активные боевые действия продолжались до 3 ноября 1944 г., когда произошло соприкосновение Красной армии с финскими войсками.

Моя служба в этой дивизии в качестве командира минометной роты 1-го стрелкового батальона 26-го стрелкового полка продолжалась вплоть до конца апреля 1945 г., когда я по приказу командующего армией был откомандирован в Ленинград для продолжения учебы в училище имени Дзержинского.

Если бы меня спросили, какое главное впечатление я вынес от четырехлетнего пребывания на фронте, я бы ответил без каких-либо колебаний: «Это, прежде всего, тяжелый труд». При этом боевые эпизоды, связанные с риском для самой жизни, уходят как бы на второй план.

Выпавшие на нашу долю физические испытания совершенно невозможно было выдержать при обычных обстоятельствах. Повседневные трудности войны для нас усугублялись еще и суровыми условиями Севера. Только исключительная мобилизация духовных и физических сил, которая возможна лишь в стрессовых условиях войны, и, конечно, молодость помогали преодолевать поистине нечеловеческие испытания.

За все время пребывания на фронте мне представилась лишь несколько раз возможность ночевать в нормальном человеческом жилье – крестьянской избе или бараке. Большею частью мы ночевали в землянках. Нередко, когда нам становилось известно, что утром марш будет продолжен, мы проводили морозную зимнюю ночь в наспех сооруженном шалаше или просто под открытым небом у костра. Постоянным напоминанием о проведенных у костра ночах были многочисленные рыжие подпалины на наших валенках и шинелях.

На последнем этапе войны в Заполярье, где кроме карликовой березы и мха ничего не росло, мы вынуждены были ночевать под открытым небом. Делалось это так. Сначала разгребался снег до зеленого мха. На образовавшейся площадке расстилалась плащ-накидка, а на ней шинель. Затем мы по двое ложились на шинель и нас плотно с головой укрывали второй шинелью, а сверху еще и плащ-накидкой. В таком укрытии удавалось продержаться несколько часов, достаточных для минимального восстановления сил.

Сейчас можно только изумляться, как после 25–30-километрового марша по лесам, болотам и покрытым мхом скользким булыжникам с короткой передышкой на ужин из полевой кухни мы приступали к строительству очередной землянки. Ломами и лопатами взламывали замерзший грунт, рыли котлован для землянки, пилили бревна и жерди для стен и крыши. Обычно на строительство землянки уходила почти вся ночь. Но бывало и так, что мы не успевали поселиться в постро-

енной с таким трудом землянке, так как утром поступала команда на выдвижение в новый район дислокации.

Никогда не забудется первая ночь на Кольском полуострове, куда нас перебросили из Карелии накануне боев за освобождение Советского Заполярья.

После выгрузки из эшелонов мы совершили 30-километровый марш по заснеженной безлесной тундре и к вечеру остановились на ночлег. Ночь была морозная, дул сильный ветер. Вокруг не видно было никакого подходящего укрытия. После настойчивых поисков мы недалеко обнаружили глубокие расщелины в скалах, в которых и решили укрыться на ночь. Уставшие после длительного марша, мы кое-как расположились и сразу же заснули. Но уже через несколько минут начали просыпаться из-за пронизывающего холода скал и ветра, от которого невозможно было спрятаться в самых укромных уголках этого каменного лабиринта.

Чтобы не замерзнуть окончательно, нам пришлось бодрствовать и двигаться до самого утра, а утром, так и не поспав, мы продолжили свой марш к линии фронта.

И при всем при этом мы не находились в постоянно мрачном и подавленном состоянии, временами жили, как нам казалось, более или менее нормальной жизнью, где находилось место для маленьких фронтовых радостей, шуток и даже песен. Нас очень воодушевляли периодически возникавшие слухи об открытии второго фронта, сообщения об успехах наших войск на фронтах. Родители, особенно мама, мне писали на фронт очень часто, в письмах ощущались глубокие переживания и беспокойство за мою жизнь. До войны мама не отличалась особой набожностью, в церковь не ходила, а в письмах ее я находил постоянные обращения к всевышнему с мольбой о моем благополучии.

Я отвечал на письма родителей, но, конечно, не на все. Письма я писал бодрые, в них я в основном описывал погоду, красоты северной природы. Однако сам факт получения сложенных в форме треугольника фронтовых писем был для родителей каждый раз огромной радостью, потому что они подтверждали, что я жив и у меня все в порядке.

Как-то посланное мне на фронт мамой письмо вернулось с пометкой «адресат выбыл из части». Дома возникла настоящая паника. Мама в глубоком горе и отчаянии несколько дней непрерывно плакала, отказывалась от пищи, не могла спать.

И только после получения очередного моего письма с фронта у моих родных наступило временное успокоение.

В целом же в состоянии духа и настроении моем и моих фронтовых товарищей, безусловно, доминировал оптимизм. Мы были молоды, о

смерти думали мало, верили в окончательную Победу и счастливое будущее.

Чтобы составить полное и систематизированное представление об общем фоне, географии и хронологии моей фронтовой биографии, в последнем очерке этого раздела приводятся основные вехи боевого пути 85-й морской стрелковой бригады и 83-й стрелковой дивизии, в составе которых я воевал на различных направлениях Карельского фронта.

Основные вехи боевого пути 85-й морской бригады

85-я отдельная морская стрелковая бригада под командованием контр-адмирала Д.Д. Вдовиченко и военкома батальонного комиссара Девяшина 10 декабря 1941 г. срочно погрузилась в эшелоны и направилась к Москве.

Дальнейшая фронтовая карьера адмирала Д.Д. Вдовиченко сложилась не лучшим образом. Поэтому здесь уместно сделать небольшое отступление и рассказать о том, как он попал на сухопутный фронт.

В период финской кампании 1939–1940 гг. капитан 2-го ранга Д.Д. Вдовиченко командовал линкором «Октябрьская революция». В начале Великой Отечественной войны он уже в звании контр-адмирала командовал специальным отрядом кораблей, который занимался минированием Финского залива. Эта операция была осуществлена неудачно, отряд потерял несколько кораблей.

В августе 1941 г. он был уже на Черноморском флоте, где участвовал в должности командира отряда кораблей в обороне города. После потери Одессы Д.Д. Вдовиченко в сентябре 1941 г. был выведен в резерв и в середине октября назначен командиром 85-й морской стрелковой бригады.

Прибыв в ближнее Подмосковье, эшелоны более недели стояли на путях в ожидании разгрузки. Из Ставки ВКГ поступила новая команда, и эшелоны двинулись в северном направлении. В Ярославле – кратковременная стоянка, связанная с получением оружия. Затем Озерская и поворот на запад к Беломорску. Бригада поступила в распоряжение командующего Карельским фронтом. Моряков определили в резерв фронта и направили в район боевых действий войск Масельской оперативной группы (МОГ).

12 января 1942 г. части бригады разгрузились на станциях Романцы и Бодряги. Сосредоточились в районе Айталамбы, где находился штаб МОГ. Приступили к оборудованию землянок и укрытий, налаживанию фронтового быта.

21 января 1942 г. крупная диверсионная группа финнов прервала железнодорожное сообщение между Сегежей и Беломорском. Для

ликвидации диверсантов по приказу штаба фронта в район Сегежи были направлены два стрелковых батальона и минометный дивизион бригады. При подходе наших частей противник отступил и батальоны заняли круговую оборону в полосе Сегежа – Майгуба. Движение по дороге было восстановлено. В течение 30 января – 5 февраля в Сегежу были подтянуты остальные части бригады.

В начале февраля 1942 г. финны после тщательной подготовки попытались отвоевать утраченные позиции в районе ст. Масельская. Завязались упорные бои. Финнам удалось потеснить части 289-й дивизии в районе разъезда № 14. Для их усиления по указанию штаба фронта из Сегежи 10 февраля 1942 г. был отправлен 1-й отдельный стрелковый батальон (командир капитан Гончаров) и минометная рота под общим началом командира бригады. Этот бой у разъезда, по сути, стал первым боевым крещением частей бригады. К сожалению, этот дебют оказался неудачным. Подбадриваемые «полундрой», моряки отважно бросались в атаку на пулеметы врага и несли большие потери. На третий день боев батальон отозвали в бригаду, подтянув из второго эшелона полк 289-й дивизии. Не вернулось 224 человека: 77 были убиты, остальные ранены. Погибло несколько «дзержинцев». Командир бригады был отозван на флот. Что касается дальнейшей судьбы контр-адмирала Д.Д. Вдовиченко, мне известно лишь, что после войны он некоторое время командовал научно-исследовательским полигоном ВМФ на Ладожском озере. Новым командиром бригады был назначен опытный сухопутный командир полковник Ф.И. Литвинов.

Находясь в резерве фронта, бригада занимала оборонительные позиции во втором эшелоне войск МОГ. В ходе реорганизации войск Карельского фронта, когда оперативные группы были преобразованы в общевойсковые армии, 85-я МСБр с 1 апреля 1942 г. была включена в состав 32-й армии. В этот период времени части бригады продолжали работы по строительству дорог и оборонительных сооружений. Из состава бригады были отозваны так называемые танкисты, которые так и не получили ожидаемой материальной части. Была ликвидирована и отдельная минометная батарея «РС», а ее личный состав использован для пополнения убыли людей в 1-м ОСБ.

В конце апреля 1942 г. развернулись боевые действия на Кестеньгском направлении Карельского фронта. Наступление 26-й армии развивалось с переменным успехом и командующий фронтом приказал временно перейти к обороне и готовиться к новому наступлению. Была произведена частичная перегруппировка войск. В резерв армии была передана 85-я бригада, которую срочно перебросили из 32-й армии на ст. Лоухи-Кестеньга у оз. Еловое. Возобновить наступление 26-й армии планировалось на 10 мая 1942 г. Однако в канун наступления фронт получил другое указание Ставки ВГК – закрепиться на достигнутых рубежах, зарыться в землю и укрепить свое положение

дзотами и блокгаузами. Связано это было с резким обострением обстановки на южном фланге советско-германского фронта.

Началась новая перегруппировка сил 26-й армии, в ходе которой 85-я бригада очутилась на Ребольском направлении.

17 мая подразделения моряков высадились на ст. Кочкома и проследовали в район на 34–36 км шоссе Кочкома–Реболы. На переднем крае занимали оборону полки 27-й стрелковой дивизии.

Находясь в резерве армии, воины бригады более месяца строили новый аэродром на 19 км шоссе, возводили оборонительные объекты, а на переднем крае 27-й дивизии действовали бригадная и батальонные разведки.

В этот период времени произошла смена командования бригады: полковник Литвинов ушел на повышение командиром 186-й дивизии, а его заменил подполковник Н.К. Солдатов.

Новый командир убедился, что длительное пребывание в резерве пагубно отразилось на положении дел в бригаде. В сознании многих бойцов стало утверждаться пассивное чувство легкой войны, особенно среди тех, кто еще не принимал участия в боевых действиях.

Молодые моряки фактически не умели драться с врагом на суше, но ставили себя выше сверстников, пополнивших бригаду из пехоты. Постепенно забывались запреты на ношение морской формы, превышались пределы «наркомовской» нормы спиртного отдельными бойцами и командирами.

Солдатов начал с того, что передел всех в единую армейскую форму, ввел твердый график проведения боевой подготовки. Но все равно каких-либо особых изменений в прифронтовую жизнь новый комбриг не внес. Война напоминала о себе неожиданными налетами вражеской авиации, после которых моряки выбирались из укрытий, хоронили убитых, восстанавливали землянки и укрепления. Было ясно, что лучшим лекарством в борьбе с растлевающей окопной заразой могут быть активные боевые действия. И комбриг начал вынашивать идею внезапного нападения на какой-нибудь гарнизон врага силами специально подготовленного отряда.

Необходимость проявления боевой активности на любом участке огромного фронта в те дни, как теперь мне представляется, стимулировалась тяжелыми, беспощадными затяжными сражениями второй половины 1942 г. под Сталинградом, где фактически решалась судьба всей войны.

Многие детали Ондозерской операции, о которой будет рассказано ниже, выветрились у меня из памяти. Поэтому я приведу отрывок из воспоминаний моего друга, тоже дзержинца, Володи Коца, с которым вместе мы бок о бок прошли всю войну. Вот уже более 10 лет он со своей женой Эллой уехал в Израиль, чтобы воссоединиться с детьми, но мы продолжаем с ним держать постоянную связь, а изредка даже и

встречаться. Его статья, на которую я ссылаюсь, была опубликована в израильской газете «Русское эхо» (2005, № 5) к 60-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне. Итак, слово моему другу:

«85-я морская бригада в те дни находилась во втором эшелоне войск 26-й армии на Ребольском направлении. Поэтому вполне естественно было желание нового командира бригады зарекомендовать себя боевым успехом, а заодно поднять закисавший на оборонительных работах моральный дух частей. Реализовать замысел и подготовить державшуюся в большом секрете операцию было возложено на начальника разведки бригады капитана Афанасьева. Переднюю линию обороны держала 27-я стрелковая дивизия. Из-за топографических особенностей местности (обилия болот и озер) непрерывной линии фронта здесь не было. На открытых флангах вперед выдвигались боевые охранения, на подходах к ним были беспорядочные минные поля. Промежутки между подразделениями и частями контролировались периодически подвижными дозорами разведчиков, а зимой – контрольными лыжнями.

Неизвестный нам тогда план операции был таков. На противоположном берегу огромного озера, разделявшего нашу и финскую оборону, в северной его части, находился поселок Ондозеро, в котором, считали, располагался гарнизон 14-й пехотной дивизии финнов, державшей здесь оборону против нашей 27-й дивизии. Спецотряд наших бойцов должен был под прикрытием ночи на лодках переплыть озеро и разгромить финский гарнизон. После чего, в зависимости от сложившейся обстановки, либо вернуться на свою сторону на тех же лодках, либо ударить в тыл финнам, обороняющим северную оконечность озера, и выйти в нейтральную зону, где их должны были встретить две наши роты заранее скрытно вышедшие для этого в нейтралку им навстречу и на подмогу.

В июле-августе шло формирование и сплочение специального отряда для выполнения задуманной комбригом операции. В отряд из числа добровольцев отбирали из всей бригады самых крепких, рослых и обстрелянных бойцов. Главным образом, были парни из разведроты, роты автоматчиков, батальонных разведвзводов.

Больше всего в отряде из 125-ти или 150-ти бойцов оказалось бывших черноморцев, списанных с кораблей и флотских экипажей, отслуживших по несколько лет во флоте.

В ходе подготовки еще неизвестной нам операции в район поиска к северному берегу Ондозера отправлялся отряд нашего батальона под командой командира роты лейтенанта Георгия Каурцева (в довоенной жизни – пензенского шофера), которому было лет тридцать, выше среднего роста, со светлым открытым русским лицом (как говорится на идиш – “алихтикер поним”), со сдержанной малословной манерой общения. Через год он стал командиром бригадной роты разведки.

К этому человеку, кстати сказать, моему первому взводному в пехоте, я относился с большой симпатией и безграничным доверием.

Отряд Каурцева ушел в разведку из расположения батальона в середине июля с запасом боеприпасов и сухого пайка на две недели. Двигались в сторону финской обороны в район северной оконечности Ондозера через боевые порядки 27-й дивизии и дальше через нейтралку. Связи с отрядом не было до его возвращения, так как ни рации, ни радиста у них не было. По возвращении мы узнали о двух случившихся у них ЧП. Шедший в боковом дозоре матрос Матекин подорвался на mine. Погиб только он. Второе ЧП того выхода – попытка бегства к врагу матроса Шульги – комсорга роты. Этот услужливый улыбкастый с украинским говорком юнец покинул товарищей в предрассветный час вблизи от расположения финнов. Спohватившись, Каурцев организовал погоню в двух направлениях и перехватил беглеца, когда тот обходил топкое болото. Поняв, что попался, он плакал и кричал: “Я не тикал!”

Второй раз в составе почти всей роты мы вышли во главе с Каурцевым в конце августа по освоенному им маршруту. За пределы боевого охранения Каллио Лахта через минное поле нас опять вывели местные сапёры.

Продвигались медленно и осторожно. Подозрительные мшистые места прощупывали штыком. Пошли дожди. Тяжелые вещмешки и оружие тянуло к земле. Досаждали тучи комаров и особенно мошки. От мошки не спасали ни мазь, ни сетка, ни махорочный дым. Опять был подрыв на mine. Ночью на малом привале связной Каурцева Юрко по нужде сошел с тропы. “Хлопушкой” ему раздробило ступню. При тусклом свете фонарика выше колена наложили жгут, чтобы остановить кровь. Из двух жердей и плащ-палатки соорудили подобие носилок. Восемь человек под командой сержанта Водовозова попеременно тащили грузноватого Юрко около десяти километров до боевого охранения. Периодически распускали жгут, как положено, для восстановления кровообращения. Через сутки ему ампутировали ногу. И все-таки этот молодой, полный жизни и юмора украинец погиб от гангрены.

Утром после ухода группы с раненым Юрко мы возобновили осторожное движение в сторону обороны финнов. Поражало отсутствие следов жилья в этом крае озер, лесов и болот. Только кое-где старые насечки на стволах сосен напоминали о бывших сборщиках живицы.

Лишь в одном месте на высоком берегу над озером стояло несколько покинутых домов да разбитая лодка. Вокруг было много переспелой черники, кустиков утолявшей жажду водяники. А у самых домов мы впервые увидели неизвестные ягоды, мелкие, сладкие и очень душистые. Позже узнали от северян, что это княженика – редкий дар северной природы.

На третьи сутки пути с привалами мы добрались до места, обозначенного на карте треугольничком с точкой. Это – точка господствующей высоты данной местности. На ней стояла старая деревянная вышка с перебитой снарядом бревенчатой ногой. Вблизи от нее на склоне высотки, где в июле располагался первый отряд Каурцева, мы заняли круговую оборону. С вышки, когда рассеивался ночной туман, можно было наблюдать ближние берега двух озер, дальние дымы финской обороны. По вечерам слева, со стороны Ондозера до нас доносились звуки музыки и песни.

В дальнейшем события Ондозерской операции, как выяснилось потом, развивались так.

Отборный отряд моряков в ночь на второе сентября отправился десантом на лодках из Калло-губы к поселку Ондозеро на противоположном берегу. Не обнаружив себя, преодолели водное пространство и в предрассветный час напали на финский гарнизон поселка.

До нас долетали отдаленные звуки короткого боя с автоматными очередями и разрывами гранат. Начало операции было неожиданным и, по-видимому, успешным. После некоторого затишья бой возник с новой силой. Рассвело. Началась непрерывная стрельба со всех сторон. Заработали пулеметы, послышались лающие звуки стреляющих минометов и отдаленные разрывы мин. Взлетели красные ракеты, что служило сигналом нашему отряду ринуться на выручку десанту. По команде Каурцева мы поднялись и бросились вперед. Преодолеть заболоченное мелколесье и топкое дефиле озер нам не удалось. Начался сильный перекрестный огонь финских пулеметов. Рота залегла. Были убитые и раненые. Начался сильный минометный обстрел. Болото частично поглощало осколки мин. Взрывами разбрасывало торфяную кашу. Убитому рядом со мной матросу пуля попала в звезду на каске старого образца. Провалившемуся в топь нашему санинструктору помогла выбраться послужившая опорой винтовка. Помочь далекому десанту прижатая к болоту плотным огнем рота не смогла. Бой в глубине обороны начал затихать и удаляться. Каурцев скомандовал роте отход. Ползком и короткими перебежками мы выходили из-под огня. Выбравшись из болота на сопку, заняли круговую оборону. Оказали помощь раненым и оценили потери. Они оказались меньше, чем можно было ожидать. Кое-кто из потерявшихся бойцов потом нашелся.

Судьба десанта давила неизвестностью и нашей общей невольной виной. Говорилось потом, что они все погибли геройской смертью. Из всего десанта спасся всего один старшина 2-й статьи Мочихин. С его слов, он был в числе оставленных у лодок. Когда финны уничтожали минометным огнем лодки, он, раненый, спрятался в камышах. Ночью на полузатопленной лодке он умудрился догresti до своих. Мочихин был единственным живым свидетелем судьбы десанта. Наш однокурсник (Слава Рудометов), служивший радистом при штабе, принял

последнюю радиogramму десанта. Радист десанта Миша Якушенков (в прошлом черноморский подводник) передал последнюю радиogramму: «Несу потери! Несу потери! Срочно нужна помощь! Второй радист убит! Передачу веду левой рукой!» Больше радиogramм от десанта не поступало.

20 сентября 1942 г. командующий армией отстранил подполковника Солдатова и начальника штаба бригады майора Сергеева от командования, а на их место были назначены полковник А.В. Скловский и подполковник А.К. Лазарев».

Недавно меня посетил один из моих учеников – Владимир Михайлович Коровяков, прошедший большую службу на атомных подводных лодках, а ныне являющийся представителем Карельского губернатора в Москве. Он вручил мне книгу Ю.Д. Дрыгина «Десант в неизвестность» (Петрозаводск, 1991). Эта короткая документальная повесть об Ондозерской операции является плодом очень добросовестного исторического исследования и содержит много ранее мне не известных фактов и данных. Читая эту книгу с большим интересом и волнением, я мысленно возвращался в те, уже ставшие далекими, годы, к перипетиям памятной боевой операции, которая закончилась в один день трагедией для полутора сотен отважных и благородных моряков – моих замечательных фронтовых однополчан.

19–22 ноября 1942 г. бригада снова была переброшена на Кестеньгское направление, где заняла передовую линию обороны, сменив части 67-й морской стрелковой бригады.

1942 г. завершился для бригады активными действиями разведчиков. 8 декабря разведотряд бригады провел успешную операцию по разгрому гарнизона противника в поселке Солмаваара на берегу Топозера.

1943 г. был относительно «мирным» на фронте обороны, занимаемой частями бригады.

9 августа 1943 г. немцы попытались прорвать позиции войск 26-й армии на стыке 205-й стрелковой дивизии и 85-й морской стрелковой бригады. Бои продолжались несколько дней, и гитлеровцы были отброшены на исходные рубежи. Подобные попытки врага повторялись и в начале 1944 г. В этих боях погибли «дзержинцы» В. Усов и К. Шентяков.

В середине февраля 1944 г. в бригаду прибыла комиссия Северного флота, которая отобрала небольшую часть моряков рядового и старшинского состава, в том числе бывших курсантов, для службы на флоте. Я оказался в числе тех, кого оставили в бригаде для продолжения службы в действующей армии.

В феврале – марте 1944 г. проходило формирование частей 83-й стрелковой дивизии. Для этих целей в нее был передан личный состав 61-й и 85-й морских стрелковых бригад.

В сентябре 1944 г. 83-я дивизия (командир полковник Н.И. Никандров) приняла участие в наступлении войск 26-й армии на Кестеньгском направлении. В ходе наступательных действий враг был изгнан из Северной Карелии, соединения армии продвинулись на запад до 120 км и вышли на границу с Финляндией.

В октябре-ноябре 1944 г. 83-я дивизия в составе 31-го стрелкового корпуса была переброшена на север Кольского полуострова и участвовала в Петсамо-Киркенесской наступательной операции войск 14-й армии. Полки, дивизии, преследуя с боями части противника, действовали вдоль дороги Сальмиярви-Наутси. К 3 ноября очистили южную часть Печенгской области и на рубеже залив Патс-вуоно – озеро Каскемярви перешли к обороне.

Академик

СУРКОВ

**Виктор Семенович
(1926–2016)**

В.С. Сурков родился 12 июля 1926 г. в дер. Архангельская Татарской АССР. В 1944 г. окончил Казанское танковое училище, воевал на Втором Белорусском фронте, лейтенант. В 1950 г. закончил геологический факультет Казанского госуниверситета по специальности «геофизика». С 1970 по 2003 г. возглавлял Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья.

Действительный член РАН, доктор геолого-минералогических наук, выдающийся геолог и геофизик, специалист в области нефтяной геологии и разведочной геофизики. Лауреат Государственной премии РФ.

Боевые награды: орден Красной Звезды, а также орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

День Победы (9 мая 1945 года)

В феврале 1945 г. я был тяжело ранен и день Победы встретил в госпитале в г. Ивантеевка Московской области. Раненые, кто хоть как-то мог ходить в этот день, все вышли на улицу. Поздравляли друг друга с Победой, обнимались, пели, смеялись. Закаленные в боях солдаты не могли сдержать слез и не стыдились этого. Сестры, доктора, начальник госпиталя – все были с нами, горячо и сердечно приветствовали нас и поздравляли с окончанием войны.

Вечером этого дня я долго не мог заснуть. В памяти оживали сцены моей жизни. Вот в 9-м классе я оканчиваю курсы трактористов и летом 1942 г. работаю на комбайне и тракторе. В 1943 г. нашу семью постигает большое горе – под Смоленском погиб наш отец, старший сержант, командир расчета 45-мм орудия. В марте 1943 г. после нескольких настойчивых попыток меня зачисляют курсантом Казанского танкового училища и как мобилизованному в армию из 10-го класса выдают аттестат об окончании средней школы. В феврале 1944 г. по завершении учебы в училище меня в звании младшего лейтенанта направляют в распоряжение 23-й гвардейской танковой бригады 2-го Белорусского фронта и назначают командиром экипажа английского танка «Valentine».

Потом наступили суровые военные будни. Принимал участие в боевых действиях на территории Польши и Восточной Пруссии. В одном из боев танк «Valentine» был подбит, и на моих глазах погиб

любимец экипажа заряжающий сержант Боград (грузин). На втором танке, нашем родном Т-34, мне пришлось принять участие в нескольких операциях, в одной из которых и этот танк тоже был подбит, а я тяжело ранен и направлен в госпиталь, где перенес несколько операций. Как раз в канун дня Победы у меня была операция на правой ноге – удалена часть берцовой кости. Впоследствии лечение затянулось и только в августе 1945 г. я был выписан из госпиталя и демобилизован из армии по инвалидности.

Тяжелый солдатский труд Великой Отечественной войны мне запомнился на всю жизнь. Я, видимо, так и остался в ней человеком с характером солдата-танкиста. Несмотря на инвалидность, я в том же году поступил в Казанский государственный университет, в 1950 г. окончил его с отличием, упорно боролся в эти годы с последствиями ранения, занимался спортом. После окончания университета по распределению Государственной комиссии я был направлен на работу в Сибирь и посвятил всю свою жизнь изучению геологического строения, поискам и открытию месторождений нефти, газа и твердых полезных ископаемых в ее недрах.

В первые годы работал в Сибирском геофизическом тресте начальником партии, экспедиции, главным инженером, с 1959 г. – управляющим трестом. В 1962 г. перешел в СНИИГГиМС на должность заместителя директора по науке, с 1970 по 2003 г. был бессменным его директором. В 1962 г. защитил кандидатскую, в 1970 г. докторскую диссертации, в 1973 г. мне присвоено звание профессора, в 1979 г. избран членом-корреспондентом, в 1987 г. – действительным членом Академии наук СССР. В 2005 г. был назначен внештатным советником Руководителя Федерального агентства по недропользованию.

Академик

ТИХВИНСКИЙ
Сергей Леонидович
(1918–2018)

С.Л. Тихвинский родился в Петрограде 1 сентября 1918 г. Окончил четыре курса китайского отделения филологического факультета Ленинградского государственного университета и Московский институт востоковедения. С 1939 г. – на службе в Народном комиссариате иностранных дел СССР (в Китае, Великобритании, Японии и в центральном аппарате НКВД –

МИД). Участник Великой Отечественной войны. Принимал участие в ряде международных дипломатических и научных конференций. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного посла. Заслуженный работник дипломатической службы Российской Федерации. Окончил аспирантуру АН СССР без отрыва от работы. Кандидат исторических наук (1945), доктор исторических наук (1953), профессор (1957), член-корреспондент АН СССР (1968), академик (1981), член Президиума АН СССР, академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1981–1988), советник Президиума АН СССР (РАН), с 1988 г. Председатель Национального комитета российских историков, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. Лауреат Государственных премий СССР и РФ, премии «Триумф». Награжден многими орденами и медалями. Автор 12 монографий и свыше 400 статей по истории Китая, Японии, международных отношений.

С.Л. Тихвинский являлся крупным историком-востоковедом широкого профиля, специализирующимся по новой и новейшей истории Китая, Японии и стран Азии в целом, а также по истории международных отношений на Дальнем Востоке. Им внесен крупный вклад в изучение ряда ключевых проблем новой и новейшей истории Китая, русско-китайских и советско-китайских отношений, внешней политики и международных отношений Китая.

С.Л. Тихвинский уделял большое внимание подготовке аспирантов, из которых несколько десятков успешно защитили кандидатские диссертации.

Кавалер орденов: Октябрьской Революции (1975), Трудового Красного Знамени (1966, 1971), Дружбы народов (1978), Красной Звезды (1953, 1955), «Знак Почета» (1943, 1951), Ленина (1984). Имеет многие медали, а также ряд иностранных наград. Лауреат премии «Триумф» в области науки (2001). Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (2008).

Годы Великой Отечественной войны

В 1941 г. я работал в Народном комиссариате иностранных дел в Дальневосточном отделе. Главная задача советской дипломатии в Китае в тот период заключалась в предотвращении гражданской войны между КПК и Гоминьданом и мобилизации всех сил страны на противостояние японским захватчикам. Обстановка первых двух военных лет, напряженная работа в Наркомате иностранных дел в Москве, около месяца в Куйбышеве и снова в Москве, две командировки на Западный фронт – все это не способствовало успешной подготовке к сдаче кандидатского минимума. В начале марта 1942 г. мне было поручено сопровождать на Западный фронт в 49-ю армию, дислоцированную под Юхновым, делегацию Монгольской Народной Республики, руководимую заместителем премьер-министра Лубсаном, вдовой Сухэ-Батора Янжимой и адъютантом маршала Чойбалсана Шагдарсурэном. Монгольская делегация привезла с собой целый эшелон с мороженым мясом, маслом, полушубками, валенками и другими подарками бойцам и комсоставу Западного фронта. Лубсан и Шагдарсурэн (впоследствии министр иностранных дел МНР) были приняты командующим Западным фронтом генералом Г.К. Жуковым. Он близко познакомился с ними еще под Халхин-Голом летом 1939 г., когда советские и монгольские войска под его командованием успешно вели бои с японскими захватчиками.

Г.К. Жуков тепло вспоминал о своем пребывании в Монголии, рассказал о своей службе после начала войны. Мне особенно запомнился его рассказ о командировке в Ленинград, куда в начале войны его послал Сталин сменить К.Е. Ворошилова, не справившегося с поставленной перед ним задачей остановить немецкое наступление на город. Отдав должное храбрости Ворошилова, пытавшегося лично возглавить контратаку наших войск против наступавшей немецкой пехоты, Г.К. Жуков, тем не менее, признал отсутствие у него конкретного плана обороны города. Прилетев в Ленинград и обнаружив критическую ситуацию, сложившуюся на фронте, Г.К. Жуков принял решение открыть отсечной огонь из всех крепостных орудий, артиллерии кораблей Балтийского флота и армейской артиллерии по участку прорыва немецких войск. Наступление противника было сорвано, но при этом пострадали и наши войска, находившиеся в зоне прорыва. Слушая рассказ Жукова, я думал о своем брате Диме. Часть Народного ополчения, в которой он служил, могла находиться как раз в этом районе.

Вскоре после того как непосредственная угроза Ленинграду была ликвидирована, Сталин отозвал Жукова и назначил командующим Западным фронтом, где создалась угроза Москве. Каждый вечер Сталин звонил ему по телефону, интересуясь обстановкой на фронте, и просил во что бы то ни стало продержаться до прихода резервов с востока

страны. Когда новые войска прибыли, Сталин вызвал Жукова в ставку для разработки плана контрнаступления под Москвой, вскоре блестяще реализованного войсками Западного фронта под командованием все того же Г.К. Жукова.

На беседе Жукова с монгольскими друзьями глубокой ночью в его ставке в Перхушково близ Москвы присутствовали начальник штаба Западного фронта генерал В.Д. Соколовский и член Военного Совета фронта генерал И.С. Хохлов, не проронившие ни единого слова на протяжении всей встречи, проходившей за обильно накрытым обеденным столом. Жуков все это время был в отличном настроении, вел себя как хлебосольный хозяин и, судя по всему, был искренне рад встрече со своими давнишними монгольскими друзьями, напомнившей ему о Халхингольской операции, положившей начало его блистательной военной карьере.

Монгольская делегация привезла с собой в подарок прославленному полководцу большую юрту. Жуков поблагодарил за подарок, но посоветовал вручить юрту командующему 49-й армией генералу Й.Г. Захаркину, войска которого в ближайшие дни должны были освободить город Юхнов Калужской области.

7 марта делегация прибыла в 49-ю армию, и на следующее утро Янжима с несколькими женщинами из состава монгольской делегации при помощи группы бойцов стала собирать каркас юрты неподалеку от деревни Барсуки, в которой остановилась делегация. Стоял ясный солнечный, но морозный день, и на ослепительно белом снегу быстро установили каркас. Уже была подготовлена и обтяжка из белого войлока, как в воздухе появился фашистский разведывательный самолет, который бойцы называли «рамой». Пилот самолета, видимо, обнаружил необычную активность в чистом поле и сообщил по радио в свой штаб. Вскоре прилетели несколько фашистских самолетов, встреченных нашими «ястребками» в районе железнодорожной станции Кондорово. Завязался воздушный бой. Нам недолго довелось быть свидетелями воздушной карусели – боя наших и вражеских самолетов под аккомпанемент пулеметных очередей. Сопровождавшие делегацию представители командования 49-й армии сочли за благо прекратить монтаж юрты и вернуть делегацию в деревню Барсуки. Едва мы успели войти в дом, как немецкий самолет неожиданно на бреющем полете пролетел над нашей избой и пулеметной очередью повредил еще не успевшую отъехать от дома автомашину.

После этого эпизода делегацию переправили в другое место, а под вечер увезли в расположение гаубичного полка, где членам делегации дали возможность подписать мелом на снарядах свои «пожелания» фашистам, которые тотчас же были отправлены несколькими залпами в расположение неприятеля. На позицию артиллеристов делегацию сопровождал комиссар 49-й армии Литвинов, принявший от руковод-

ства делегации в лице Янжимы боевое красное знамя МНР, вышитое заботливыми руками монгольских мастериц.

В начале 1942 г. я получил задание сопровождать на Западный фронт под Гжатск в 5-ю гвардейскую армию генерала И.И. Федюнинского делегацию Тувинской Народной Республики во главе с генеральным секретарем Тувинской Народной партии С. Тока, а на следующий год посла США адмирала У. Стэндли в его краткосрочном полете из Москвы в Сталинград и обратно.

До отъезда на работу в наше посольство в Китае мне довелось участвовать в работе Секретариата советской делегации на состоявшейся в Москве 19–30 октября 1943 г. конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании. В мои обязанности входили протокольные функции. В день открытия конференции я встречал в вестибюле особняка НКВД на улице Алексея Толстого государственного секретаря США К. Хэлла. 70-летний Хэлл, видимо, еще не оправился от длительного перелета из США через Африку и Иран, выглядел уставшим. Когда, проводив госсекретаря в отведенный для него кабинет, через 10–15 минут я по поручению главы нашего секретариата Б.Ф. Подцероба вновь зашел к Хэллу, чтобы узнать, не хотел бы он во время своего пребывания в Москве посетить театры, музеи или концерты, тот буркнул в ответ: «Никаких развлечений».

В отличие от усталого и неразговорчивого Хэлла прибывший вскоре в особняк министр иностранных дел Великобритании А. Иден произвел на пишущего эти строки впечатление бодрого, безукоризненно одетого красивого молодого мужчины. Поднявшись из вестибюля в зал для приемов, Иден, потирая замерзшие руки, подошел к бронзовому вазону с цветущими розами и долго любовался ими. Когда после Хэлла я зашел к Идену, чтобы узнать его пожелания относительно культурной программы в Москве, последний живо воскликнул: «Конечно, русский балет».

30 октября 1943 г. перед самым окончанием конференции, буквально в ее последние минуты, мне было поручено встретить и проводить в зал заседаний конференции посла Китая в СССР Фу Бинчана, которого министры иностранных дел СССР, США и Великобритании пригласили для подписания Декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности. Поставив свою подпись, Фу Бинчан тотчас же удалился из зала и отбыл из особняка. 2 ноября 1943 г. текст декларации был опубликован в «Правде» за подписями Молотова, Хэлла, Идена и Фу Бинчана. То, что одним из подписантов декларации был представитель Китая – страны, с 1937 г. героически отражавшей японскую агрессию, должно было служить серьезным предупреждением милитаристским правителям Японии, однако они не вняли этому предупреждению и еще около двух лет продолжали военные действия в Китае и на Тихом океане.

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании была созвана для подготовки давно назревшей встречи лидеров стран антигитлеровской коалиции. На ней обсуждались вопросы о сокращении срока войны (вопрос об открытии второго фронта против гитлеровских войск в Европе), укреплении сотрудничества между союзниками, о будущем Германии после победы над фашизмом, о послевоенном устройстве Европы и политике в отношении стран, освобождаемых от немецкой оккупации.

По окончании конференции от имени глав правительств трех стран была опубликована декларация «Об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства». Обсудив таким образом многие сложные вопросы послевоенного урегулирования, участники московской конференции подготовили необходимые условия для первой встречи глав правительств антигитлеровской коалиции, которая состоялась в Тегеране с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.

По роду своей работы в Секретариате Московской конференции (он располагался на втором этаже особняка МИД на ул. Алексея Толстого) мне приходилось встречаться с членом советской делегации на конференции, бывшим наркомом иностранных дел, а в то время замнаркома М.М. Литвиновым. Он часто поднимался к нам, особенно в перерывах между заседаниями, снимал пиджак, оставаясь в своем неизменном жилете, ложился отдыхать на диван. Видимо, возраст и состояние здоровья заметно сказывались на его самочувствии. Отдохнув, он надевал пиджак и спускался вниз, присоединяясь к другим участникам конференции.

От подготовки к сдаче «кандидатского минимума» отвлекали и чисто материальные заботы. Как и мои коллеги-китаисты Дальневосточного отдела Наркоминдела В.В. Васьков, Н.Т. Федоренко и ряд китаистов-преподавателей московских вузов, я с признательностью принял предложение известного исследователя и пропагандиста китайской литературы В.Н. Рогова, долгие годы работавшего корреспондентом ТАСС в Китае, и заведующей редакцией стран Востока издательства «Художественная литература» А. Мингулиной перевести за приличный по тем временам гонорар для редактировавшихся ими сборников «Китайские рассказы» и «Избранное Лу Синя», несколько небольших вещей. Летом 1944 г. в разгар Великой Отечественной войны 10-тысячным тиражом был издан сборник рассказов современных китайских писателей с предисловием и примечаниями В.Н. Рогова. Сборник знакомил советскую общественность с творчеством Мао Дуня, Лао Шэ, Чжан Тяньи, Яо Сюэиня и др. В книгу вошел мой перевод рассказа Яо Сюэиня «Легенда о красном фонаре». В 1945 г. то же издательство таким же тиражом выпустило сборник рассказов, статей и писем Лу Синя «Избранное». В этом сборнике был опубликован мой перевод рассказа Лу Синя «В кабачке». (Перевод другого рассказа Лу

Синя, «Дневник сумасшедшего», сделанный мною также в 1943 г., был опубликован в 1954 г. в 1-м томе Собрания сочинений Лу Синя, выпущенного тем же издательством.)

Только по завершении Московской конференции министров иностранных дел, к работе в которой я был привлечен, мне удалось сдать необходимые экзамены по «кандидатскому минимуму». Запомнились экзамены по истории стран Востока, которые у меня принимал академик В.В. Струве, крупнейший в то время специалист по Древнему Востоку, и экзамены по истории Китая у профессора Н.В. Кюнера, известного историка стран Дальнего Востока.

Вскоре после окончания Московской конференции я был назначен вторым секретарем посольства СССР в Чунцине и в начале декабря выехал с семьей через Синьцзян к месту новой работы. Еще 12 апреля 1940 г. я женился на Вере Никитичне Березиной, референте-переводчице немецкого языка, и через год родился наш первенец.

Чунцин военного времени поразил меня огромным скоплением людей на сравнительно небольшой территории скалистого мыса, зажатого между полноводными реками – Янцзы и ее левым притоком Цзялинцзян. Заштатный портовый город, центр провинции Сычуань с населением, насчитывавшим до начала войны с Японией 250 тыс. чел., Чунцин после переноса сюда столицы сражавшегося Китая вместил свыше 2 млн жителей. Сюда же кроме правительственных и военных учреждений и дипкорпуса эвакуировались многие заводы, фабрики, учебные заведения. Город сильно пострадал от бомбардировок японской авиации. Не хватало электроэнергии, воды, практически отсутствовала канализация, и нечистоты по узким крутым улицам, переулкам и ступеням вырубленных в скалистом грунте лестниц стекали прямо в Янцзы и Цзялинцзян. Развелось множество крыс, которые вели себя весьма агрессивно, так что владельцам немногочисленных кошек приходилось на ночь запираать своих подопечных в клетки, дабы те не стали добычей грызунов.

Посольство СССР располагалось на горе Пибашань, по форме напоминавшей китайский щипковый инструмент пибу, по аналогии с которой гора и получила свое название. Поблизости от посольства разместились пункт противовоздушной обороны, оборудованный высокой мачтой, видной со всех частей города. На ней вывешивались в случае воздушной тревоги знаки различной формы: красный треугольник, красные шары, зеленый цилиндр, обозначающие ту или иную степень вероятности появления над городом японских бомбардировщиков. Из окон посольства в ясную погоду открывался чудесный вид на р. Янцзы, но подавляющее число дней в году с сентября по март город был окутан плотным туманом. Зимой стояла сырая, промозглая погода, а летом – душающая влажная жара, от которой не было спасения даже в ночные часы. Неудобство от непривычного для приезжих климата

усугублялось полчищами москитов и комаров, единственным спасением от них по ночам была противомоскитная сетка, которая, однако, затрудняла естественную циркуляцию воздуха и лишь усиливала тяжелое состояние, вызванное жарой.

В Чунцине небольшой коллектив советских людей с 1939 по 1943 г. возглавлял посол Александр Семенович Панюшкин; военным атташе посольства до 1941 г. был генерал В.И. Чуйков (впоследствии прославленный защитник Сталинграда, полководец, войска которого брали Берлин), а в мое время – полковник (в конце войны генерал-майор) Н.В. Рощин (Рузанков), в конце 40-х годов последний советский посол в старом Китае и первый – в КНР.

В трудные для Советского Союза первые годы Великой Отечественной войны гоминьдановское правительство резко ухудшило отношение к нашей стране, почти полностью прекратив торговлю с Советским Союзом через провинцию Синьцзян. В апреле 1943 г. в Синьцзян была переброшена крупная группировка гоминьдановских войск, в провинции развернулась враждебная нашей стране и местным демократическим силам кампания. В это же время, особенно после самороспуска в мае того же года Коммунистического Интернационала, гоминьдановское командование усилило блокаду районов дислокации регулярных частей КПК, 8-й и Новой 4-й армий, сосредоточив против пограничного района Шэньсй-Ганьсу-Нинся 700-тысячную армию. Китайская общественность решительно осудила враждебные Советскому Союзу и Компартии Китая акции гоминьдановского руководства, ставившие под угрозу существование единого антияпонского фронта.

Советская дипломатия в этот период провела большую работу по предотвращению гражданской войны в Китае, укреплению единого фронта борьбы с Японией. Такая политика последовательно проводилась Советским Союзом еще с середины 30-х годов. В этой связи уместно напомнить о твердой позиции нашей страны, стремившейся к мирному разрешению сианьских событий в декабре 1936 г., когда патриотически настроенными офицерами был арестован Чан Кайши, а также о дипломатическом демарше Советского правительства в связи с инцидентом с Новой 4-й армией в начале 1941 г., когда гоминьдановские войска напали на находившуюся на марше штабную колонну подконтрольных компартии частей. Тем же целям были подчинены неоднократные беседы советского посла А.С. Панюшкина с гоминьдановскими руководителями, встреча советских дипломатов с китайскими политическими и военными лидерами, с представителями китайской общественности, дипломатами стран антигитлеровской коалиции.

По прибытии в наше посольство в Чунцине я вошел в состав группы, занимавшейся во главе с 1-м секретарем посольства Е.Ф. Кова-

левым вопросами внутренней политики Китая. Он также курировал производственную практику молодых дипломатов-стажеров.

Несмотря на крайне трудное для нашей страны военное время, Наркоминдел поддержал инициативу посла А.С. Панюшкина о создании при посольстве в Чунцине курсов по изучению китайского языка с целью подготовки молодых дипломатов для работы в Китае. Управление кадров НКВД отобрало из различных вузов гуманитарного профиля, эвакуированных в годы войны в республики Средней Азии, 15 студентов выпускных курсов и направило их с семьями в Чунцин для изучения китайского языка и дипломатической стажировки при посольстве. Многие из числа этих курсантов впоследствии стали известными советскими дипломатами и учеными-востоковедами – среди них М.С. Капица, К.А. Крутиков, И.Г. Калабухов, А.Ф. Малухин, Н.Г. Сенин, А.С. Титов и др.

Старшим преподавателем китайского языка на эти курсы из Москвы был направлен талантливый педагог Б.С. Исаенко, уроженец Харбина, отец которого, железнодорожник, в свое время работал в Управлении Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). С детских лет Б.С. Исаенко воспитывался в китайской языковой среде, в совершенстве знал язык и методику преподавания. Ему помогал уже немолодой профессор Б.И. Панкратов, выпускник Владивостокского военного института, в 20-х годах преподававший в Янь-цзинском университете Пекина, владевший кроме китайского также монгольским, маньчжурским и тибетским языками.

К работе на курсах при посольстве были привлечены и местные китайские преподаватели. Среди них выделялся профессор Цао Цзинхуа, к тому времени широко известный в Китае своими переводами русской и советской литературы, служивший в эвакуации в Чунцине одним из ответственных секретарей Китайско-советского культурного общества. Несмотря на то что деятельность Китайско-советского культурного общества всячески ограничивалась антисоветски настроенными властями, профессор Цао Цзинхуа неустанно трудился над тем, чтобы объективно знакомить китайскую общественность с героической борьбой Советского Союза против фашистской Германии, с тяжелой жизнью советского народа в годы Великой Отечественной войны, с культурой и литературой многонационального Советского Союза. Цао Цзинхуа не прекращал в эти годы и своей переводческой деятельности, публикуя рассказы и статьи советских авторов: К. Федина, К. Симонова, А. Корнейчука, Ванды Василевской и других, ведя оживленную переписку через ВОКС со многими советскими деятелями литературы и культуры.

В то же время он с исключительной добросовестностью относился к своим преподавательским обязанностям. Каждое утро в жару ли, в туман и в дождь или пронизывающую морозь можно было видеть,

как в длинном, до пят, синем традиционном китайском халате, с зонтом из желтой промасленной бумаги на трости из бамбука в одной руке и связкой книг, обернутых куском синей материи, в другой он поднимался в гору Пибашань, на которой было расположено наше посольство, и шел на занятия с молодыми советскими студентами. Большой педагогический опыт, приобретенный Цао Цзинхуа за годы преподавания в стенах Ленинградского Восточного института имени Енукидзе в конце 20-х – начале 30-х годов, глубокое знание русской и советской литературы, в сочетании с общей высокой китайской образованностью и каким-то особым обаянием и доброжелательностью выделяли Цао Цзинхуа из среды других китайских преподавателей и сразу же сделали его кумиром слушателей школы. Не раз и мы, уже самостоятельные дипломаты со стажем, секретари и советники посольства, встречаясь с трудностями языкового или культурно-исторического характера при переводе тех или иных китайских текстов, обращались за консультацией к Цао Цзинхуа и всегда встречали с его стороны неизменно благожелательную помощь и исчерпывающие объяснения.

Вспоминаются встречи с представителями мидовских, правительственных, деловых и общественных кругов Чунцина. Вокруг представительства Компартии Китая в Чунцине, в котором работали такие видные руководители КПК, как Чжоу Эньлай, Дун Биу, Линь Цзухань (Линь Боцзюй), Е Цзяньин, У Юйчжан и другие, постепенно группировались все прогрессивные общественные силы столичного города. На сессиях Национального политического совета они поддерживали линию КПК на борьбу с капитулянтскими элементами в армии и правительстве и осуждали антидемократическую деятельность правящих гоминьдановских кругов. Руководство Гоминьдана, пытаясь создать видимость демократизации режима, поощряло образование всевозможных мелких группировок, широковещательно именовавших себя партиями. Это делалось с целью противопоставления их Компартии Китая и подлинно прогрессивным силам страны.

По поручению посла зимой 1944 г. я посетил лидера одной из таких самозванных «партий» в его поместье близ Чунцина. После полуторачасовой езды, оставив автомашину на проселочной дороге, я вместе с шофером посольства последовал за проводником по узкой, выложенной каменными плитами тропинке, извивавшейся среди обрамленных невысокими дамбами сухих после окончания жатвы рисовых полей. Примерно через полчаса, пробираясь между террасированными холмами, то поднимаясь, то опускаясь, мы добрались до укрывшегося в одной из бамбуковых рощ у подножия очередного холма небольшого белого дома. По соседству с бамбуковой рощей на склоне холма росло около двух десятков невысоких лимонных и апельсиновых деревьев, на которых кое-где оставались еще неубранные плоды.

Встретивший нас хозяин оказался мелким местным помещиком. Он завел разговор о своем желании быть избранным при поддержке нашего посольства в состав будущего парламента страны. Оказалось, что вся его «партия» состоит лишь из нескольких соседей, тоже мелких помещиков. Сам он постоянно жил в Чунцине, а землю сдавал в аренду окрестным крестьянам. Хозяин долго убеждал меня, что ни он, ни его соседи не только не эксплуатируют крестьян, но, наоборот, дают им возможность безбедного существования, а сами довольствуются лишь символической арендной платой за сдаваемую крестьянам землю. В подтверждение своего «бескорыстия», обрекавшего-де его самого на весьма бедственное существование, хозяин заявил, что не может даже позволить себе купить чай и вынужден угощать нас лишь тем, что он производит в своем поместье. Вместо чая нам предложили кипящий бесцветный напиток, оказавшийся соком плодов лимонного дерева. Все поданное нам затем угощение было также приготовлено из домашних продуктов, включая и самогон из лимонов.

Чтобы поближе ознакомиться с местной экономикой, я как-то вызвался в качестве переводчика сопровождать завхоза посольства, закупавшего уголь для отопления посольского здания на одной из небольших угольных шахт неподалеку от Чунцина. Проехав около часа на посольском грузовике, мы оказались в небольшом ущелье. Один из гористых склонов был весь изрыт узкими норами, из которых вниз тянулись черные полосы, заканчивавшиеся горками свежедобытого мелкого угля. Голые по пояс, черные от угольной пыли рабочие стали загружать наш грузовик, предварительно засыпая уголь в железную бадью, которую затем взвешивали на коромысле весов, подвешенном к стволу росшего поблизости старого дерева.

Пока загружали грузовик, я по узкой тропинке поднялся к входу в один из ближайших угольных забоев, и моему взору предстало удручающее зрелище. Из узкого входа-норы на четвереньках, выбиваясь из сил, выполз совершенно голый, весь в угольной пыли, тощий, как скелет, мальчик восьми–десяти лет. Он тащил за собой на перепоясавшей его тельце веревке объемистый плетеный бамбуковый короб, доверху наполненный мелким углем. Опрокинув содержимое короба на склон холма, откуда уголь, оставляя за собой облако черной пыли, скатился вниз, мальчик тут же юркнул в черное отверстие забоя. Как сказал мне подрядчик, отпускавший внизу уголь, на шахте работало около десятка таких несчастных детей, получавших за свой каторжный труд мизерное вознаграждение и живших там же, при шахте в пустых забоях.

Население Чунцина в подавляющей массе испытывало тяжелые последствия затянувшейся войны – безудержную инфляцию и дороговизну, произвол гоминьдановской военщины и спецслужб. К весне 1945 г. инфляция достигла таких масштабов, что бумажные деньги никто не пересчитывал. Они циркулировали в виде плотно упакованных

пачек-кубиков, достоинством по 100 тыс. китайских долларов каждая. На такой бумажный кубик, перевязанный бумажной веревкой, можно было купить не более килограмма риса. Гоминьдановская верхушка, однако, не испытывала никаких тягот военного времени.

Несколько семей сотрудников посольства проживали в представительском доме, расположенном за пределами территории посольства по улице Дасибешу, по соседству с особняком мэра города У Гочжэня и с казармами солдат американской морской пехоты. Выше нашего представительского дома, на вершине холма, за высокими стенами располагалась одна из вилл, принадлежавших Чан Кайши, откуда иногда раздавались звуки, похожие на мычание коровы. Когда мы попытались узнать у нашего привратника-китайца, что может делать корова в резиденции генералиссимуса, привратник под большим секретом поведал, что мадам Чан Кайши очень следит за своей кожей и привыкла по утрам регулярно принимать молочную ванну.

Иностранная колония в Чунцине состояла из сотрудников дипломатических и консульских представительств стран демократической коалиции, довольно значительной группы корреспондентов этих стран, а также сотрудников ряда английских, французских, голландских, бельгийских и американских фирм и компаний, эвакуировавшихся из захваченных японцами портовых городов Китая. Они пережидали в Чунцине окончание войны, проводя время за карточной игрой и выпивкой в клубе, расположенном на южном берегу Янцзы и предназначенном исключительно для иностранцев.

В городе при ставке Чан Кайши, считавшегося командующим китайским театром военных действий против Японии, находилось также значительное число американских солдат и офицеров, прикомандированных к штабу командования американских войск. В апреле 1944 г. после длительного затишья на фронтах началось крупномасштабное наступление японских войск вдоль Пекин-Ханькоуской и Гуанчжоу-Учанской железных дорог. В ноябре японцы овладели городом Гуйлинь, а в декабре их передовые части вышли к границам южной провинции Гуйчжоу. В результате наступательных операций 1944 г. Япония установила сквозное железнодорожное сообщение через всю оккупированную ею на Азиатском материке территорию от Кореи и Маньчжурии на северо-востоке до Индокитая на юго-западе, одновременно создав реальную угрозу вторжения в провинцию Сычуань и захвата Чунцина. Поражение китайских войск, несмотря на их подавляющее численное превосходство над японскими, объяснялось бездарностью и разложением в рядах командования, крайне низким моральным духом гоминьдановской армии и ее ориентацией на гражданскую войну, а не на отпор Японии. Все это создавало среди жителей Чунцина настроения крайнего пессимизма и растущего недовольства гоминьдановской диктатурой.

Изобретательный глава ведомства внешнеполитической пропаганды гоминьдановского правительства, американизированный китаец, журналист Холлингтон Тонг, желая хоть как-то ослабить поток безрадостной информации о положении в Китае, передаваемой работающими в Чунцине иностранными корреспондентами в редакции своих газет и журналов, в конце января 1945 г. подбросил последним сенсационную «новость». Он утверждал, что будто бы в древних китайских книгах найдено упоминание о доселе неизвестном физическом эффекте, наблюдаемом в Китае лишь в период нового года по лунному календарю: в это время талантливым и добропорядочным людям якобы удается поставить в вертикальное положение на гладкой поверхности сырое куриное яйцо, не повредив при этом скорлупы. Вскоре не только среди журналистов, но и среди других членов иностранной колонии города началось повальное увлечение опытами по проверке этой сенсации. Только и было разговоров о том, кому удалось воспроизвести обещанный эффект, но экзерсисы долго не продержались и по-прежнему в корреспонденциях из столицы Китая иностранные журналисты ставили под сомнение способность гоминьдановского правительства продолжать сопротивление Японии и тем самым облегчить союзникам задачу разгрома военной машины японского милитаризма. Еще осенью 1944 г. в Китай в качестве личного представителя президента США Ф. Рузвельта прибыл генерал Патрик Хэрли. Он активно взялся за осуществление посреднических функций между Гоминьданом и КПК с целью их объединения для активизации военных действий против Японии. В его задачу входила также подготовка условий для сотрудничества США с подконтрольными компартии войсками в Северном Китае. Американское командование планировало высадку войск США на побережье Китая, преследуя задачу ведения совместных операций против японской армии. Посреднические усилия П. Хэрли, вскоре назначенного американским послом в Китае, встретили активное противодействие со стороны Чан Кайши, незадолго до этого добившегося от США отзыва из Китая командующего американскими войсками генерала Дж. Стилуэлла, который критиковал Гоминьдан за нежелание воевать с Японией и подготовку гражданской войны.

Американская дипломатия, невзирая на саботаж со стороны Чан Кайши, продолжала свои усилия в направлении примирения двух партий, находя полную поддержку со стороны руководства КПК. Хэрли встречался с представителями КПК в Чунцине, летал в Яньань для переговоров с Мао Цзэдуном, вел переговоры с Чан Кайши и другими руководящими деятелями Гоминьдана о создании коалиционного правительства для активизации военных действий против Японии и обеспечения послевоенного мирного сотрудничества всех политических партий и групп в интересах Соединенных Штатов.

В Яньани еще с лета 1944 г. постоянно находилась американская военная миссия во главе с полковником Дэвидом Барретом, блестящим знатоком китайского языка, установившим широкие контакты с руководством КПК. Гоминьдановцы, крайне отрицательно относившиеся к контактам американцев с китайскими коммунистами, усилили антикоммунистическую пропаганду и преследование демократических сил.

Помню любопытный эпизод, связанный с визитом П. Хэрли в наше посольство в Чунцине в ноябре 1944 г. Посол А.С. Панюшкин в это время находился в Москве, и временный поверенный в делах Т.Ф. Скворцов-Токаринин поручил мне встретить П. Хэрли и провести его в гостиную, расположенную на втором этаже, где по этому случаю был заранее сервирован легкий завтрак. Генерал-майор П. Хэрли, до войны преуспевающий адвокат, миллионер, скотопромышленник из Оклахомы и личный друг президента Ф. Рузвельта, бывший одно время военным министром США, представлял собой весьма колоритную фигуру: высокий, с большими пушистыми седыми усами, он был одет в штатский костюм и держался весьма непринужденно, если не сказать фамильярно. После обмена приветствиями и краткой беседы, в ходе которой П. Хэрли поделился впечатлениями о своем недавнем пребывании в Москве и встречах с советским руководством, Т.Ф. Скворцов-Токаринин пригласил П. Хэрли за стол. Прежде чем сесть на отведенное ему место, гость неожиданно истошно закричал таким пронзительным голосом, что дежуривший внизу комендант посольства стремглав бросился вверх по лестнице и, держась за кобуру, ворвался к нам в гостиную. П. Хэрли, довольный произведенным эффектом, видя наше полное недоумение, пояснил, что в его жилах течет кровь далеких индейских предков, а изданный им возглас не что иное, как дружеский клич индейцев племени чоктав. Т.Ф. Скворцов-Токаринин поспешил успокоить испуганного дежурного коменданта и отправил его назад в приемную.

До приезда в Чунцин П. Хэрли сотрудники нашего посольства поддерживали дружеские отношения с дипломатическим персоналом посольства США, равно как и с дипломатами посольств других стран – союзников по антигитлеровской коалиции. Мы часто встречались с иностранными коллегами в читальном зале американского информационного центра, которым до осени 1943 г. руководил видный американский китаевед Джон Кинг Фэрбэнк, и в клубе «Север–Юг» – месте неформальных встреч при Китайско-британской культурной ассоциации. Частыми посетителями клуба были представитель Британского совета, известный английский биохимик профессор Джозеф Нидэм, голландский дипломат Ван Гулик – китаевед, специалист по китайской музыке и переводчик китайских детективов, секретарь-переводчик посольства США Тони Фрим. Большой любитель южнокитайской оперы, он часто устраивал импровизированные концерты. Секретарем

клуба и заведующей библиотекой была европеизированная китайка Маржери Чэнь, обеспечивавшая музыкальную программу вечеров. На этих встречах царил непринужденная дружественная атмосфера, обсуждалось положение в Китае и в мире. Однако после вступления в должность посла генерала П. Хэрли, известного своими антикоммунистическими убеждениями и подвергнутого гонениям прогрессивно настроенных сотрудников посольства США, наши внеслужебные встречи с американскими коллегами прекратились – отнюдь не по нашей инициативе.

Большую работу по ознакомлению китайской общественности с культурной и повседневной жизнью Советского Союза, сражавшегося до 1944 г. один на один с фашистской Германией, проводило Китайско-советское культурное общество (КСКО), основанное в Нанкине еще в 1935 г. Президентом общества был сын Сунь Ятсена Сунь Фо, а вице-президентом – бывший посол в Москве, левогоминьдановский деятель Шао Лицзы; ответственным секретарем КСКО был профессор русского языка и литературы Чжан Симань и секретарем – профессор Цао Цзинхуа. Общество издавало журнал «Чжун-Су взньхуа» («Культура Китая и СССР»), знакомивший читателей с жизнью советских людей. Библиотека и читальный зал КСКО всегда были полны посетителей.

При обществе имелся и небольшой кинозал, в котором показывались поступавшие через наше посольство советские хроникально-документальные и художественные фильмы, неизменно пользовавшиеся большим успехом. Общество отмечало знаменательные события в культурной жизни обеих стран, памятные даты, связанные с деятелями культуры, науки и искусства СССР и Китая, устраивало выставки фотографий, картин и книг. Несмотря на угрозы и преследования со стороны антисоветских и антикоммунистических элементов в Гоминьдане и правительстве, работники секретариата КСКО проводили в те годы большую работу по укреплению дружбы и взаимопонимания между китайским и советским народами.

От имени ВОКС работу по связям с КСКО осуществлял советник посольства Л.М. Миклашевский, веселый, общительный человек, хорошо владевший разговорным китайским языком. Китайцы называли его «Ми дайбяо», т.е. «представитель Ми», сократив его фамилию для удобства на китайский лад. Он часто привлекал меня к выполнению отдельных поручений, поступавших из Москвы по линии ВОКС в наше посольство в Чунцине. Чтобы не давать пищу для реакционной гоминьдановской пропаганды, обвинявшей Компартию Китая в том, что она-де является «слепым орудием Москвы», а не национальной партией, контакты сотрудников посольства с представительством КПК и 18-й армейской группы в Чунцине были запрещены и только в исключительных случаях осуществлялись лично послом, в то время как сотрудники американского посольства и американские коррес-

понденты повседневно общались с представителями КПК на виду у гоминьдановских спецслужб. Но 7 ноября и 23 февраля работники представительства КПК в Чунцине с женами и детьми, не опасаясь окружавших здание посольства шпииков, приходили, чтобы выразить свою солидарность со страной Октября и с героической борьбой советского народа против фашистской реакции. В эти дни в нашем посольстве бывали товарищи Чжоу Эньлай и его супруга Дэн Инсао, Дун Биу, У Юйчжан, Линь Боцзюй, Е Цзяньин, Бо Гу и другие видные китайские коммунисты.

Свое восхищение героическим единорством Советского Союза с фашизмом открыто выражали видные представители левых, оппозиционных Чан Кайши сил в Гоминьдане – вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, глава Контрольной палаты (юаня) Юй Южэнь, маршал Фэн Юйсян. Последний на Новый год неизменно присылал в посольство пару жирных живых гусей, по традиции окрашенных в красный цвет (белый цвет в Китае считается цветом траура).

Вскоре после приезда в Чунцин мне довелось в качестве переводчика сопровождать посла А.С. Панюшкина на завтрак, устроенный в его честь Шао Лицзы. На завтраке присутствовал также известный общественный деятель, историк и писатель Го Можо. Эта встреча, проходившая в особняке одного крупного сычуаньского финансиста, запомнилась еще и потому, что на ней Го Можо и Шао Лицзы подобрали фонетический и иероглифический аналог моей фамилии на китайском языке – Ци Хэвэнь. Под этой китайской фамилией меня с той поры знают в Китае.

Осенью 1944 г. я вылетел в командировку из Чунцина в Ланьчжоу, где находилось советское консульство, для организации полученной из Москвы от ВОКС фотовыставки, рассказывавшей о военных операциях на советско-германском фронте. Пока выставка демонстрировалась в Ланьчжоу, я узнал, что есть возможность совершить на рейсовом автобусе транспортной компании Северо-Западного Китая поездку в город Синин, центр провинции Цинхай, расположенный около озера Кукунор. В Ланьчжоу в это время находился глава австралийского дипломатического представительства в Китае верховный комиссар (посол) Австралии Кис Офисэр, с которым я был знаком по Чунцину. Он намеревался наряду с Синином посетить и расположенный поблизости монастырь Тайэрсы (Гумбум), святыню ламаистов, вторую после монастыря Потала в Тибете. Кис Офисэр предложил составить ему компанию, и мы отправились в эту отдаленную, давно не посещавшуюся иностранцами провинцию Китая. После весьма утомительной шестичасовой поездки в старом, переполненном пассажирами автобусе и краткого знакомства с Синином мы подъехали к монастырю. Еще издали видно было величественное многоэтажное здание с длинной плоской крышей, на которой четко выделялись несколько небольших позолоченных пагод и изображения баранов. Предупрежденные

о нашем приезде настоятель монастыря – тибетский лама и его советник-китаец – приветливо встретили нас у монастырских ворот и предложили, прежде чем осматривать монастырь, нанести визит недавно избранному панчен-ламе, официальной резиденцией которого и являлся монастырь Тайэрсы. Австралийскому дипломату и мне выдали длинные голубые шелковые полотнища (хадаки): на предстоящей аудиенции мы должны были вручить их панчен-ламе. Нас провели в небольшой холл, где на возвышении, в некотором отдалении от входной двери, стояло высокое кресло-трон, позади него, в глубине, виднелась прикрытая дверь. Спустя некоторое время через эту дверь вошли настоятель монастыря и его советник. Они разместились на подушках, лежавших по обе стороны трона. Еще через некоторое время из той же двери появился здоровенный лама, несший на спине мальчика в желтом монашеском одеянии; он с глубоким поклоном бережно усадил ребенка в кресло. Мальчик, а это был не кто иной, как одиннадцатилетний панчен-лама, пристально, но без малейшего удивления стал рассматривать двух, впервые в жизни увиденных белолицых и светловолосых иностранцев. По знаку настоятеля монастыря Кис Офисэр, а затем и я подошли к креслу панчен-ламы и двумя вытянутыми руками, как нас предварительно проинструктировали, подавали хадак панчен-ламе, тот, не вставая с трона, также двумя руками принимал шелковое полотнище и легким движением надел его нам на шею, как бы благословляя таким образом.

Возвратившись на свои места, мы молча некоторое время смотрели на панчен-ламу, пока здоровенный монах снова бережно не водрузил своего духовного владыку себе на спину и не унес во внутренние покои. Прежде чем отправиться на осмотр монастыря, мы услышали историю избрания нынешнего панчен-ламы. В 1933 г. скончался его предшественник, а по верованию ламаистов, в тот момент, когда сердце умирающего перестает биться, душа его переселяется в тело новорожденного младенца мужского пола, родители которого исповедуют ламаизм.

После длящегося несколько лет сложного ритуала отпевания и похорон скончавшегося панчен-ламы во все стороны ламаистской ойкумены – в Тибет, Бутан, Сикким, Ладак, Синьцзян, Цин-хай, Ганьнью, Нинся, Внутреннюю Монголию, Монгольскую Народную Республику и даже в Бурятскую и Калмыкскую АССР – были посланы специальные уполномоченные представители ламаистской церкви с заданием разыскать и доставить в условленное место детей мужского пола, родившихся точно в тот день и час, когда скончался панчен-лама. Из-за войны с Японией выбор нового панчен-ламы затянулся на 11 лет, наконец, весной 1944 г. из десятка претендентов на второй по значению пост в ламаистской церковной иерархии был избран увиденный нами мальчик, блестяще выдержавший предложенное претендентам испытание. Нам поведали, что, когда его ввели в юрту, где среди прочих

предметов были разложены и вещи, принадлежавшие усопшему, будущий панчен-лама без колебания схватил плетку покойного, заявив: «Это – моя». В 1944 г. в Тибете на пост далай-ламы, главы ламаистской церкви, был избран семилетний тибетец, который после антикитайского восстания в 1959 г. эмигрировал из КНР. На протяжении последних ста с лишним лет на выбор далай-лам решающее влияние, как правило, оказывали сторонники проанглийской ориентации, а на выбор панчен-лам – прокитайской.

Монастырь Тайэрсы поражал колоссальными размерами главного зала, вмещавшего свыше 3600 лам одновременно, располагавшихся во время моления на низких скамейках, покрытых желтой и красной материей и сплошными рядами тянувшихся между высоких столбов, поддерживавших потолок. У входа в зал на террасе стояли три огромных, надраенных до блеска медных позолоченных снаружи и луженых изнутри котла, в каждом из которых могла свободно поместиться туша быка. В дни праздников в этих котлах варили мясо и рис для монахов. На видном месте у главной двери, ведущей в зал, были укреплены «три наказания»: «большое» – здоровенная, с оглоблю толщиной, кожаная плеть, в которую была вплетена серебряная проволока; «среднее» – такая же плеть, но несколько меньшего размера, с вплетенной медной проволокой, и «малое» – внушительная плеть-семихвостка из воловьей кожи. Все «три наказания» служили обитателям монастыря постоянным напоминанием о необходимости смирения и послушания. В соседних с большим залом помещениях расположился целый пантеон изваяний ламаистских божеств, добрых и злых духов, а также бесчисленное множество молитвенных барабанов, в которые верующие опускали купленные у лам бумажные свитки с различными подобающими нужному случаю молитвами.

По возвращении в Ланьчжоу я отправился с фотовыставкой в соседнюю провинцию Шэньси, в город Сиань, на протяжении многих столетий при различных династиях являвшийся столицей Китая. Путь до Сиани на легковой машине нашего ланьчжоуского консульства занял целый день, хотя дорога была значительно лучше, чем из Ланьчжоу в Синин. В Сиани я остановился в единственной современной гостинице, расположенной неподалеку от железнодорожного вокзала. Советская фотовыставка пользовалась в городе большим успехом, что свидетельствовало о симпатиях китайского народа к нашей стране.

В Сиани, как и в Чунцине, я несколько раз попадал под налеты японской авиации. Однажды, в середине сентября 1944 г., около четырех часов дня в Сиани неожиданно была объявлена воздушная тревога и начался яростный огонь китайской зенитной артиллерии. Любому, даже сугубо гражданскому жителю города было ясно, что огонь велся по двум американским бомбардировщикам В-25 («Летающим крепостям»), медленно летевшим над городом с востока на запад на высоте 4–6 км в направлении своей базы в районе Чэнду. За одним из само-

летов тянулся шлейф черного дыма. Через несколько часов, когда уже совсем стемнело, без какого-либо сигнала воздушной тревоги раздались звуки близких разрывов авиабомб. Выбежав во двор гостиницы, я увидел, как в направлении железнодорожной станции из городских кварталов с разных сторон летели красные трассирующие ракеты: это японские агенты указывали своим летчикам цель. Характерно, что на этот раз зенитные пушки безмолвствовали.

За время своей командировки в Сиань я успел ознакомиться с близлежащим курортом Линьтун, где когда-то принимала горячие ванны танская красавица Ян Гуйфэй и где в декабре 1936 г. патриотически настроенные офицеры северо-восточных войск Чжан Сюэяна и местных частей под командованием генерала Ян Хучэна арестовали Чан Кайши. Там же я посетил ряд памятников средневековой архитектуры и познакомился с коллекцией образцов каллиграфии, увековеченных резьбой на каменных стелах, в знаменитом музее Бэйлинь («Лес стел»). Многие экспонаты, о которых нам еще в университете рассказывал академик В.М. Алексеев, были защищены от японских авианалетов и возможных пожаров толстым слоем глиняной обмазки и, к сожалению, были недоступны для обозрения.

Из-за тяжелой болезни сына в апреле 1945 г. через Куньмин, Дарджилинг, Калькутту, Лахор, Персидский залив, Шателъараб, Ахваз и Тегеран я выехал из Чунцина в отпуск в Москву, встретив День Победы в Тегеране, где был свидетелем всеобщего ликования в связи с окончанием войны в Европе и разгромом германского фашизма.

За время, проведенное в Чунцине, мне довелось встречаться со многими китайскими политическими и общественными деятелями, учеными, сотрудниками китайского МИД. Запомнились несколько неофициальных встреч с сыном Чан Кайши – Цзян Цзинго, которого отец в 1944–1945 годах стал активно использовать для установления негласных контактов с нашим посольством в разгар проводившейся в гоминьдановской прессе враждебной Советскому Союзу кампании. Эта кампания была связана с событиями, развернувшимися в Синьцзяне, где население трех пограничных с Советским Союзом областей этой провинции подняло вооруженное восстание против проводившейся дубанем Шэнь Шицаем, а затем и гоминьдановскими властями линии на жестокое подавление любых проявлений недовольства местного некитайского населения великоханьской шовинистической политикой властей.

Меня на эти встречи, проходившие в выбиравшихся Цзян Цзинго городских ресторанах, брали старшие дипломаты посольства для последующего оформления записей бесед. В свою очередь Цзян Цзинго, хотя и владел в совершенстве русским языком, но всегда приводил с собой на встречи с нашими дипломатами начальника русского отдела Военного Совета генерала Пу Дамина, который так же как и Цзян Цзинго в конце 20-х годов учился в Советском Союзе и свободно владел русским язы-

ком. На этих встречах Цзян Цзинго обычно жаловался на действия китайских коммунистов, заверял от имени Чан Кайши, что тот не пойдет на разрыв единого фронта ГМД и КПК и на капитуляцию перед Японией. В свою очередь Цзян Цзинго интересовался у наших дипломатов ходом боев на советско-германском фронте, отношениями Советского Союза с США и Великобританией, усиленно рекомендовал Советскому Союзу вступить в войну против Японии, не дожидаясь окончания войны в Европе. Цзян Цзинго также информировал нас о трениях между Чан Кайши и его американскими советниками.

Внешне Цзян Цзинго несколько не был похож на худощавого, щуплого Чан Кайши. Коренастый, широкоплечий, подвижный, он всячески стремился выдать себя за искреннего сторонника китайско-советской дружбы и открыто осуждал в беседах с нами влияние на отца ряда антисоветски настроенных политических и военных деятелей Гоминьдана. Здесь уместно напомнить читателю, что во время китайской революции 1925–1927 гг. Цзян Цзинго с большой группой представителей китайской молодежи был направлен в Советский Союз для политической и военной учебы. После контрреволюционного переворота Чан Кайши Цзян Цзинго в 1927 г. публично отрекся от отца и отказался возвращаться в Китай. Он был принят в члены ВКП(б), работал на партийной работе в сельской местности, а затем был назначен редактором заводской многотиражки на Уралмаше. В Свердловске на заводе он познакомился со своей будущей женой Фаиной Ипатьевной Вахревой. Они поженились, и у них родилось двое детей. После начала антияпонской войны Чан Кайши обратился к Сталину с просьбой прислать сына с семьей в Китай. По прибытии Цзян Цзинго в Китай Чан Кайши назначил его уездным начальником в провинции Цзянси. Вскоре энергичный Цзян Цзинго сделал свой уезд образцовым, используя приобретенный им в Советском Союзе административный и организационный опыт. Несмотря на сопротивление мачехи Цзян Цзинго Суй Мэйлин, последней жены Чан Кайши, отец перевел сына в Чунцин, военную столицу Китая, и стал давать ему ответственные поручения, в том числе и поддержание неофициальных связей с нашим посольством.

Не забывал я и о работе над кандидатской диссертацией. При содействии вдовы доктора Сунь Ятсена Сун Цинлин мне удалось собрать материалы о жизни и деятельности этого выдающегося китайского революционера-демократа, воспоминания его соратников, познакомиться с некоторыми ветеранами Гоминьдана. Большую помощь в сборе материалов по теме диссертации мне оказали также историки Го Можо и Хоу Вайлу, исследователь и переводчик русской и советской литературы профессор Цао Цзинхуа. В Карачи в ожидании парохода я смог вчерне закончить диссертацию.

Член-корреспондент РАН

УДИНЦЕВ

Глеб Борисович

(1923–2017)

Г.Б. Удинцев родился 19 июня 1923 г. в Москве. В 1941 г. – студент географического факультета Московского государственного университета. Курсант Челябинского военного авиационного училища штурманов авиации дальнего действия (1943). Штурман самолета 44-го полка авиации дальнего действия (1943). Штурман самолета 3-го гвардейского авиаполка авиации дальнего действия (1946).

Заведующий отделом тектоники и геофизики дна океанов (1973) в Институте океанологии АН СССР. Член национального комитета СССР по осуществлению деятельности в Международной Тихоокеанской научной ассоциации (1965). Зав. сектором геофизики дна океана Института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР (1978). Профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (1976). Главный научный сотрудник Геологического института (1989). Заведующий лабораторией Института геохимии и аналитической химии РАН (1990).

Г.Б. Удинцев – крупный отечественный ученый, специалист в области геоморфологии, тектоники и геофизики океанического дна. Участвовал более чем в 30 экспедициях и в 7 из них был начальником, добившись весьма интересных результатов. Им опубликовано около 200 научных работ, в том числе такие капитальные работы, как карта дна Тихого океана и разделы ряда атласов и монографий. Под его руководством разработана методика составления географических карт океана. Среди его учеников 9 кандидатов наук.

Лауреат Государственных премий СССР (1969, 1977). Кавалер орденов: Отечественной войны I степени (1945), Отечественной войны II степени (1985), «Знак Почета» (1967), Трудового Красного Знамени (1975, 1980). Имеет медали за военную службу в Советской армии.

О войне

Начало войны 22 июня застало меня студентом МГУ, окончившим 1-й курс географического факультета. Студентов в армию в тот момент еще не призывали, но я не мог представить себя остающимся в стороне от дела защиты Родины. Утром же 22 июня побежал в военкомат Октябрьского (теперь это Тимирязевский) района Москвы и вместе со сбежавшимися туда мальчишками, стремившимися немедленно пойти служить в армию, подал заявление о зачислении меня добровольцем. Пройдя вскоре после этого медкомиссию, я услышал, что здоровье у меня отличное и что меня пошлют в авиационное училище. Мои товарищи-добровольцы были крепкого здоровья, и нас собралась

довольно большая группа. Вечером 22 июля нас собрали, чтобы отвезти на трамвае на Ярославский вокзал, но в тот вечер немцы совершили первый бомбардировочный налет на Москву, и трамваи из-за воздушной тревоги не ходили всю ночь. Только утром мы смогли добраться на вокзал. Больше недели ехали поездом на восток, пропуская на запад воинские эшелоны, а на восток санитарные поезда с ранеными. В первых числах августа мы прибыли в Челябинск и были зачислены в Челябинское военное авиационное училище стрелков-бомбардиров.

Курс обучения был рассчитан на несколько месяцев, нас готовили для работы во фронтовой авиации на легких самолетах Р-5, знакомых по газетным статьям о героях-летчиках, спасавших на этих самолетах челюскинцев-полярников с погибшего во льдах «Челюскина». Сразу же началась наша учеба в теоретических классах и в полетах с пилотами-инструкторами. Однако осенью учеба стала часто прерываться работой по уборке урожая в колхозах, где мужчины уже ушли в армию. Полеты резко сократились, потому что многих наших инструкторов-летчиков стали направлять на фронт. Впрочем, классные занятия по программе все же продолжались. С тревогой мы следили за событиями на фронтах, особенно на рубежах нашей родной Москвы в октябре–ноябре 1941 г. Мы восхищались героизмом юной Зои Космодемьянской, с волнением слушали по радио песни защитников Москвы. Огромным событием для нас стало сообщение о декабрьском разгроме немцев под Москвой. Стал ясен крах блицкрига – молниеносной войны, вначале вроде бы удававшейся немцам, но в осенние месяцы становившейся, в силу упорного и самоотверженного сопротивления наших армий, неосуществимой.

В начале 1942 г. наше училище было преобразовано в Училище штурманов только что созданной А.Е. Головановым Авиации дальнего действия (АДД). Программа обучения расширилась до полутора-двухлетней, в особенности по всем современным видам навигации, по бомбометанию, метеорологии и синоптике – нас готовили стать «дальниками». К полетам на самолетах Р-5 добавлялись полеты на тяжелых машинах ТБ-3 и Ли-2. В преподавательском составе училища были люди с большим опытом боевых (именно дальних) полетов, и мы сразу же почувствовали, что нас обучают специалисты высокого класса. Часть наших летчиков-инструкторов вернули с фронта, прибыли и новые – лишившиеся в боях своих самолетов, как их называли «безлошадники». Почти половину курсантов по причине недостаточной в новых условиях успеваемости отослали в танковое училище в Нижний Тагил, а для оставшихся повысили требования к усвоению расширенной программы обучения. Мы учились очень напряженно, дни были заняты учебой в классах с утра до вечера. В отведенные полетам дни учебные вылеты шли днем и ночью и также занимали обычно целый день или всю ночь. Подготовка самолетов к вылету и приведение их в

порядок после полетов в помощь мотористам-механикам были также большой нагрузкой, и порой мы здорово уставали. Но всех радовало приближение окончания учебы и перспектива работы в боевых полках АДД, действовавших по распоряжениям Ставки главного командования на самых важных направлениях по глубоким тылам противника. Всех нас восхищали героические удары наших дальних бомбардировщиков по Берлину в первые дни войны, отчаянные вылеты экипажа младшего лейтенанта А.И. Молодчего, наносившего удары по ставке самого Гитлера и ставшего дважды Героем Советского Союза. Мы мечтали следовать этим примерам.

Летом 1942 г. мы вновь переживали трудности на фронтах, теперь были в тревоге за судьбу Сталинграда, истекавшего кровью в жестоких боях против все еще очень сильных немецких войск. Противник вышел уже местами на берег Волги, разрезав ряды защитников и подвергая беспощадным ударам артиллерии и авиации переправы наших пополнений с восточного берега Волги. Безграничное восхищение вызывала героическая оборона горсткой героев объекта «дом сержанта Павлова». Нашим солдатам приходилось сражаться под жестокими налетами немецких пикировщиков Ю-87 штыковыми атаками с озверелым от недостигаемой победы врагом в руинах города. В результате этой жесточайшей схватки многотысячная армия фельдмаршала Паулюса была окружена и огромная часть его войска взята в плен. Зима 1942/43 г. стала свидетельницей наступающего перелома в ходе войны.

В июле–августе 1943 г. была одержана новая великая победа – на Курской дуге, с грандиозной танковой битвой на Прохоровском поле. Стало ясно, что наступательная способность германской армии сломлена и ей теперь предстоит не мечтать о победе, а огрызаясь, отступать.

Летом 1943 г. наша летная подготовка стала особенно напряженной, а осенью начались выпуски по группам с присвоением звания младших лейтенантов. Выпускники направлялись на соединение в экипажи с пилотами и стрелками-радистами из других училищ – в Мары, в Иваново, в Бузулук.

Группа курсантов, в которую входил я, была поздравлена с окончанием учебы 7 ноября 1943 г. Получив новенькое зимнее обмундирование и прикрепив к нему недавно введенные в нашей армии офицерские погоны со звездочками младших лейтенантов, мы отбыли пассажирским поездом до Бузулука. Там в центре АДД нам дали направление в 44-й запасной полк, находящийся вблизи поселка Тоцкое. Туда мы добирались попутным товарным эшелоном на открытой грузовой платформе, договорившись с машинистом, что возле Тоцкого он сбавит ход, и мы спрыгнем в снежные сугробы. По глубокому снегу почти километр добирались на огоньки землянок полкового городка, где нас ждал командир полка майор Волков. Нашу группу определили

на проживание в одной из землянок и назначили программу действий на следующие дни. Началось соединение в экипажи и освоение материальной части еще незнакомого нам самолета-бомбардировщика двухмоторного Ил-4 (ДБ-3ф) с экипажем из 4-х человек, вооружением из 3-х пулеметов (носового ШКАС и двух ДШК – турельного и хвостового), с бомбовой нагрузкой до 3000 кг, с размещением бомб внутри фюзеляжа и под крыльями, имеющего взлетный вес 9,5 т. Скорость самолета составляла 450 км/час при высоте 6000–8000 м, максимально – 9000 м. В течение всей войны он был основной боевой машиной АДД для вылетов в глубокие тылы противника, а также в качестве торпедоносца Морской авиации на Северном, Балтийском и Черноморском флотах. После войны был создан замечательный фильм «Торпедоносцы», один из лучших фильмов о работе наших летчиков во время Великой Отечественной войны.

С первого же дня каждый из нас получил назначение в свой экипаж. Моим пилотом стал младший лейтенант Мефодий Терентьевич Красновский – белорус, родом из деревни под Оршей, окончивший Новосибирское училище пилотов АДД. Застенчивый и милейший Миша Красновский стеснялся своего «деревенского» имени Мефодий и просил называть его Михаилом. Стрелок-радист Саша Гусев и стрелок Иван были здоровенные и очень добродушные деревенские ребята с Южного Урала, фамилию стрелка, по давности лет, к стыду своему, я забыл.

Зимой 1943/44 г. аэродром Тоцкое сильно занесло снегом, чистить его или укатывать до плотного состояния было нелегко. Это требовало использования специальных машин и расхода топлива, которое командир полка полковник Волков предпочитал экономить до наступления весенней погоды. Пока же летная подготовка ограничивалась в основном тренировкой в коротких вылетах пилотов со стрелками-радистами. Майор Волков охотно делился с нами своим опытом в действиях нашей бомбардировочной авиации на стороне Китая против оккупационной японской Квантунской армии. Штурманы занимались наземной навигационной подготовкой – изучали район полетов и осваивали незнакомую нам ранее материальную часть самолета Ил-4, его радионавигационную аппаратуру, новый ночной прицел для бомбометания НКПБ-3. У нас оставалось при этом довольно много свободного времени, которое позволялось использовать на занятия лыжным спортом. Зима стояла очень снежная, и мы проложили лыжни по снегозащитной полосе вдоль железной дороги, по р. Самарке и по склонам Вишневых гор – предгорьев Южного Урала. В полку была довольно хорошая библиотека, а еще лучше библиотека была в селе Тоцком. В Тоцкое мы ходили по субботам в баню, а заодно заходили и в библиотеку.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. проходила Тегеранская конференция руководителей союзных держав. Сталин потребовал от Рузвельта

и Черчилля выполнения обязательств по открытию второго фронта в Европе. Те, по-видимому, уже поняли, что задержка становится им невыгодной – Красная армия стремительно шла на Запад и местами уже входила в Западную Европу. Не позднее лета 1944 г. союзники обещали открыть второй фронт в Европе.

В тяжелейших январских боях 1944 г. наши пехотные полки прошли победным путем по болотам Синявина и освободили 21 января штыковыми ударами станцию и г. Мга. 27 января 1944 г. была окончательно прорвана блокада Ленинграда.

С наступлением весны 1944 г. аэродром Тоцкого очистился от снега и быстро просох. Начались регулярные тренировочные полеты в полном составе экипажей. Мы вырабатывали четкое взаимодействие друг с другом, притирались и сдруживались между собой. Вести с фронтов были все более радостными. Ошеломляющим был успех наших войск в освобождении 10 апреля Одессы, а затем и окруженного нашими войсками Крыма. 9 мая 1944 г. наземными войсками во взаимодействии с Черноморским флотом и при поддержке Авиации дальнего действия был освобожден Севастополь.

В июле наши экипажи покидали Тоцкое и направлялись в боевые полки, но штурманы вылетели в подмосковное Астафьево на месячные курсы усовершенствования методик радио- и астронавигации. Полеты группами слушателей выполнялись на самолете Ли-2 с практикой использования самолетного радиополукомпаса и пеленгатора, с ориентировкой по наземным радиомаякам, пеленгаторам, приводным и широкопередаточным радиостанциям, с определением местоположения по высоте звезд и прокладкой на карте позиционных линий по методу Сомнера. По прибытии сюда москвичам разрешили съездить на день домой, увидеться с родными. Дома я узнал о гибели 25 июня 1944 г. под Витебском моего старшего брата Димы. Пехотный старший лейтенант Дима Удинцев, ведя группу разведчиков, попал в засаду. Все 12 погибли в бою близ деревни Якуши и были похоронены местными жителями в братской могиле у обочины шоссе Витебск–Лепель. 26 июня наши войска освободили Витебск.

Перед вылетом из Астафьева в Борисполь, аэродром под Киевом, в предназначенный мне 3-й гвардейский Смоленско-Берлинский полк АДД 2-й Севастопольской авиадивизии 2-го корпуса, куда из Тоцкого улетел мой экипаж, я успел еще раз побывать дома и проститься с родителями. Моя мама подарила мне на прощание ладанку с зашитой в нее молитвой и попросила: «Почаще вспоминай меня и знай, что материнская молитва даже в бою спасает!»

Прибыв в Борисполь, я вновь соединился с моим экипажем. Первое время нас не выпускали на боевые вылеты, давали задания на освоение обстановки. Боевые полки АДД к этому времени располагались, как правило, на удалении 300–400 км от линии фронта, вне досягае-

мости для немецких бомбардировщиков. От штурманов требовалось хорошо ориентироваться на местности, зная наизусть карту большого пространства и расположение всех наших радиостанций и радиомаяков, быть уверенным в средствах звездной навигации. Вот мы и тренировались. Из Борисполя полк перелетел в Белую Церковь, а потом менял местоположение, продвигаясь дальше на запад. Наши с Мишей боевые вылеты начались, когда полк стоял в селе Красилове, что к югу от городка Проскурова. Это уже район старой российской границы. Полк совершал тогда вылеты по широкому вееру направлений – в Силезию, Венгрию, Чехословакию, Финляндию. Молодые экипажи выпускали на вылеты скупно, подбирая для этого хорошую погоду по маршруту и посылая нас вслед за более опытным экипажем. Понятно, что нам это было обидно, хотелось быть наравне с остальными.

К полетам готовились очень тщательно, по несколько часов отрабатывая действия по маршруту с учетом возможных изменений погоды, воздействия зенитной артиллерии и истребителей противника. Бомбовую нагрузку молодым экипажам давали облегченную, чтобы взлет с полевого аэродрома сделать возможно более безопасным. Случаи гибели перегруженных самолетов на взлете с полевых аэродромов бывали и у опытных экипажей. На боевой вылет самолеты уходили обычно в 18–19 часов, на закате, взлетая один за другим с интервалом в две-три-четыре минуты. Было что-то трагическое в ощущениях провожающих, когда самолеты взмывали в багровое закатное небо и растворялись, удаляясь, в черной пучине ночи. В полете шли без радиосвязи с землей, в полной тьме, словно в космическом пространстве, и над темной землей, где не было ни огонька. Только при проходе над линией фронта взмывали к нам огненные трассы зениток, безопасные для нас, если мы успели набрать высоту более 4000 м. Там они нас не доставали. На цель, освещенную передовым экипажем, выходили по собственному расчету, корректируя его с учетом освещения цели, на высоте 6000–8000 м, где нас меньше доставали прожекторы и даже мощные зенитки.

Некоторые вылеты у нас с Мишей были неудачными. Один раз еще на подходе к линии фронта у нас забарахлил один мотор, отказала масляная помпа. Идти дальше на одном моторе не рекомендовалось, и мы, обескураженные, вернулись домой. В другом вылете в такой же обстановке указатель давления масла в одном моторе показал падение давления. Попытки дать мотору «прочихаться» на высоких оборотах не помогли, давление масла шло к нулю. Обсудив положение, Миша выключил этот мотор, и мы опять вернулись домой. Но оказалось, что масляная помпа на этот раз работала, а просто отказал указатель давления. Уже при вылетах из Красилова мы столкнулись с террористической работой бандеровцев. Завершая один из вылетов на железнодорожные узлы противника в Чехословакии, мы на подходах к дому

оказались над каким-то аэродромом. Там была приветливо освещена огнями посадочная полоса и взлетали ракеты, разрешающие посадку. Я подумал, что (хотя по расчету времени мы еще не дошли до Красиловой), может быть, я плохо учел влияние ветра и ошибся в расчете. Предложил Мише попробовать снижаться, а радисту связаться с нашим аэродромом, проверяя свое положение. Не успели мы снизиться на несколько сотен метров, как на нас обрушили такой густой зенитный огонь, что стало ясно – не туда мы снижаемся. Запрошенный от Красиловой пеленг показал, что мы над Тернополем, занятым бандеровцами. Слава Богу, что не сели там.

Из Красилова мы перелетели в Дубно, что уже в Западной Украине. Дубно – место событий «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя, а в наши дни это были места разгула бандеровщины. Наш аэродром эти борцы «за свободу Украины» не раз обстреливали: приходилось бдительно охранять самолеты. За Дубно последовал Радзивиллов, где на наш экипаж свалилась беда. В поселке, когда мы шли из столовой в казарму, нас обстреляли бандеровцы, и Мише прострелили руку. Рана, забитая шерстью шинели, была плохо очищена при перевязке и долго не зажила. На время я стал «безлошадным» и не летал.

В начале февраля 1945 г., когда боевые действия долгожданного второго фронта наших союзников велись в Арденнах под ударами немецких танков, Черчилль обратился к Сталину с просьбой о помощи. Тогда по решению Ставки началась ранее намеченного срока знаменитая Висло-Одерская операция наших войск. Полки АДД, в том числе и наш, стали перебрасывать в Польшу.

Мы базировались на аэродроме Лабуне неподалеку от старинного городка Замостье. Отсюда начались интенсивные вылеты на Кенигсберг, Данциг и другие портовые города Северной Германии. В сырую слякотную раннюю весну аэродром Лабуне раскис. Самолеты вязли в грязи. В один из дней вылеты из-за этого явно срывались. Помню услышанные нами в землянке КП усиленные динамиком переговоры командира полка с командиром дивизии. «Глазков, почему не поднимаешь самолеты? Надо наносить удар по Кенигсбергу!» – это голос комдива Федорова. «Взлетная полоса раскисла, колеса вязнут, и самолеты не берут разбег, товарищ генерал!» – отвечает командир нашего полка. «А я тебе говорю, подымай самолеты!» – гремит в динамике голос генерала. И так несколько раз. Глазков сдается и говорит: «Молчанов (это пилот, один из надежнейших), веди машину на взлетную полосу! А все кто здесь есть – со мной, будем толкать самолет, чтобы помочь ему начать разбег!» Бежим за Глазковым, облепляем вырвавшийся на взлетную полосу самолет. Взревели моторы, еле тронулась многотонная машина, груженная бомбами и запасом топлива, и проваливаются, вязнут колеса под ее весом. Мы все гурьбой во главе с командиром облепили шасси и хвост и толкаем, толкаем эту махину.

Из-под бешено крутящихся винтов летят брызги воды и комья грязи. Все мы, и полковник наш в том числе, сразу же вымокли и были заляпаны грязью. Но самолет смог начать разбег, набрал скорость, взлетел и пошел на бомбежку Кенигсберга. Так удалось поднять еще несколько машин, и Глазков смог доложить в дивизию, что, несмотря ни на что, полк выполняет боевую работу. Хочется сказать о нашем командире словами Лермонтова – «полковник наш рожден был хватом, слуга – царю, отец – солдатам!»

В один из вылетов на Кенигсберг ходил один из опытных пилотов Юра Комарицкий. Его экипаж погиб осенью 1944 г. во время вылета на Бреслау, когда самолет был сбит ночным истребителем противника. Юра летал с новым штурманом, который допустил ошибки при вылете на Кенигсберг в марте 1945 г., и был заменен мной. Я был счастлив – буду снова летать на войну, да еще с кем – с героическим летчиком Юрой Комарицким! Для меня это была большая честь! Конечно, было неловко мне перед Мишей Красновским – вроде бы изменял я своему верному другу, но на войне, как на войне, и приказ есть приказ. Нельзя же отказаться от боевой работы, сославшись на привязанность к своему другу-пилоту. Началась моя работа в экипаже Юры. Мы благополучно слетали на Пиллау – военно-морскую базу Кенигсберга. Бомбили боевые корабли у причалов, военную технику на косе Фрише-Нерунг. В следующем вылете на Данциг удачно попали бомбами в крупный склад боеприпасов: взрыв был колоссальный. Юра остался доволен моей работой. По докладу штурмана полка меня удостоили личного звания гвардейца. Полк наш уже с 1942 г. был гвардейским, но личное гвардейское звание давали только по результатам работы. Юра давно уже был гвардейцем, а я только теперь получил это звание и был переполнен чувством гордости и собственного достоинства. Увы, за это нам, всему экипажу вскоре пришлось поплатиться. Говорят в народе: «дураков даже в церкви бьют!» Сколько уже лет с тех пор прошло, а все на совести у меня то, к чему привело меня тогдашнее зазнайство и одержимость бесом гордыни.

Один из следующих вылетов был 27 марта на бомбометание по морской крепости Хель, находящейся на окончании длинной песчаной косы, прикрывающей с моря подходы к Данцигу. Полк наш к этому времени уже перебазировался с аэродрома Лабуне на аэродром Щебжешин, находящийся в 25 км западнее Замостья. Там летное поле было просторнее и взлетная полоса прочнее, а в городе легче обустроить жилье для всего личного состава полка и вспомогательных служб. Советская армия в те дни силами 3-го Белорусского фронта начинала штурм окруженного Кенигсберга. Обходя его, войска 2-го Белорусского фронта двигались с боями в направлении к Данцигу. Боевые корабли германского флота уходили из Пиллау на запад, в Данцигскую бухту, на прикрытие Данцига, которому угрожали с моря суда нашего

флота. На море разворачивались ожесточенные столкновения боевых кораблей обеих сторон. Именно здесь в феврале совершил свой подвиг герой-подводник капитан 3-го ранга А.И. Маринеску, потопивший немецкий военный транспорт «Штойбен» (14 600 т) и огромный лайнер «Вильгельм Густлов» (25 484 т), увозивший из Кенигсберга экипажи для новых подводных лодок. Действия наших боевых кораблей близ Данцига сильно мешали дальнобойные орудия Хеля. Полковник Глазков получил приказ подавить крепость. В силу необходимости нанести особенно точный бомбовый удар было приказано осуществить вылет не ночью, как это было в практике АДД, а в еще светлое ранне-вечернее время. При этом прикрытие наших самолетов истребителями не предусматривалось. И тактика полетов оставалась прежней – одиночными экипажами, а не строем звеньев или эскадрилий, что делало бы сосредоточенный огонь бортового оружия группы самолетов более эффективным. Решение диктовалось близостью конца войны, войска спешили к Берлину и к выходу на Эльбу навстречу союзникам, так что все силы без оглядки на возможные потери бросались для ускорения Победы. Потери самолетов не замедлили сказаться, и дневные вылеты в АДД вскоре же отменили. Но нам-то пришлось еще лететь днем.

На подходе к цели встали перед нами облачка зенитных разрывов плотным заграждением, и надо было пробиваться через этот небесный частокол. Юра вел машину уверенно, бросая самолет из стороны в сторону от надвигавшихся разрывов, но возвращаясь на курс для выхода на точку НБП – начала боевого пути, как было намечено. Я держал Хель на визире прицела, открыл бомболюки и приготовился к сбрасыванию, но самолет сильно тряхнуло волной разрыва зенитного снаряда и сбilo с боевого курса... Юра кричит мне: «Бросай! Чего ждешь!» – а я в ответ: «Бросать не прицельно не буду! Повторяй заход на цель!» В ответ кричит Юра: «Дурак, ты что, не видишь, как зенитки нас взяли! Сейчас собьют!» А я со всей верой в его доблесть и летное мастерство и в свой долг бомбить только прицельно ответно отказываюсь бросать бомбы в море, требую повторить заход на цель. Чертыхнулся Юрка на дурака, разворачивает тяжелую машину под градом осколков среди все гуще вспухающих облачков зенитных разрывов и ложится на боевой курс. Кричит: «Есть боевой!» – Я в ответ: «Так держи!» – и когда цель стала на угол прицельного сброса, нажал кнопку сброса всей серии бомб. Кричу Юре с восторгом: «Сброс!» – и слежу за полетом бомб на зловредные батареи. Юра швыряет машину в противозенитный маневр – то вправо, то влево и вниз со скольжением на крыло, уходит от разрывов. И все же достали нас зенитки. Оглушительный взрыв бьет по мозгам, тряхнуло самолет, словно об землю грохнулся, – и нет левой половины оперения хвоста с рулем высоты, как не бывало. Но все же удается Юре бросать машину из стороны в сторону, уходя от разры-

вов – мастер он из мастеров, хвала ему и слава! Уходим от разрывов! Спасаемся! Но не тут-то было.

От зениток ушли, да кричит Иван Ершов – стрелок-радист: «Командир! сзади сверху пара “мессеров” заходит!» Глухо простучал его крупнокалиберный турельный УБТ. Пронесется на вираже над нами пара МЕ-109. Снова заходят, теперь под наше брюхо. Барабанят очереди по фюзеляжу, и кричит Иван: «Хвостового стрелка убило, выпал в люк!» Падает камнем вниз наш стрелок, не раскрыв парашют, в холодное Балтийское море. Опять стучит очередями Иванов УБТ. «Командир, – кричит Иван, – один “мессер” пошел кувыркаться, горит!» – «Молодец, Иван, бей гадов!» – кричим в обе глотки. Атакует оставшийся «мессер». Бьет по нему Иван очередями, глаз у него верный, не мажет. Кричит опять: «Командир! этот тоже задымил, к берегу уходит!» Какой же ты молодец, Иван. Радость-то какая, какой восторг, хоть и жалко стрелка, а радостно, что уходим от гадов.

Но горе-злосчастье было у нас на хвосте. «Командир, – кричит Иван, – сзади сверху пара “фоккеров” заходит!» Это злые звери по наши души пришли – “Фокке-Вульф-190”, мотор и сиденье бронированы, вооружение – по четыре 20-мм пушки, по два крупнокалиберных пулемета. Длинными очередями бьет по ним Иван. Но вот замолк его УБТ. Ни крика, ни стога – убит герой. И вот уже зажгли «фоккеры» наш левый мотор. Но Юра круто скользит на крыло, потоком воздуха срывает пламя, гасит его пеной. Еще работает мотор, но недолго. «Глеб, высунься в астролюк, говори откуда заходят, я назад не вижу!» – кричит Юра. Открыл я астролюк, высунулся чуть не по пояс, вижу летящие на нас «фоккеры» и мчащиеся от них огненными струями трассы снарядов и пуль. Теперь я кричу: «Сверху справа!» – Бросает Юра машину вправо-вниз; «сверху слева!» – скользит на левое крыло. В секунды передышки бормочу: «Господи, спаси нас! Мамочка, спаси нас!» А они все заходят и заходят с нашего хвоста, бьют очередями, разворачиваются прямо возле моей кабины Ф-1, чуть не рядом, в 30–50 м, грозят кулаками и снова заходят с хвоста, бьют огненными трассами. Целят в Юрину спину, в голову. Да крепка броня, только осколки снарядов да рикошетные пули брызжут по сторонам бронеспинки. Бросает Юра машину из стороны в сторону, да с кренами вниз, и не могут «фоккеры» убить нас. Так уходим со снижением высоты, и только бы ни зажгли они наш второй мотор, ведь первый-то уже заглох, не работает. Юра уже чуть ли не в пике вводит машину, чтобы оторваться от атакующих истребителей – у земли нам легче спастись будет. И вдруг в последний раз развернулись возле нас «фоккеры», еще раз погрозили кулаками и почему-то стали уходить. Ага, да это ж с земли по ним зенитка бьет, струсили гады, уходят! Что, мы до линии фронта дотянули что ли? Мы над широкими полями, местами полосы половодья, за ними вдаль над городскими домами тор-

чат острые шпильки киров – чужая немецкая сторона. Над полем проходят на бреющем несколько самолетов – по силуэтам не то немецкие штурмовики Ю-87, не то наши «горбатые» Ил-2, они друг на друга немножко похожи. Юра говорит: «Мотор сдает, управление удерживать не могу, придется садиться на поле». Выпустил шасси, закрылки, классно приземлился, только тяжело задергалась все же машина в пробежке, спотыкается – пневматика колес пробита. Выскочили на землю, оглядываемся. Юра мрачно бросает мне: «Вот так мы и довоевались. А ты все прицельно бомбить хотел. Ребят-то погубили!» Взмолился я: «Юра, прости дурака!» – Тот в ответ: «Я-то прошу, а ты за них Бога моли, они нас с тобой спасли».

Всю оставшуюся жизнь я их поминаю, они – моя незаживающая рана, а себя кляню за дурацкую гордыню – зачем погнал самолет на верную гибель? Впрочем, и оправдываюсь порой – ведь война была, каждый о выполнении воинского долга старался.

Это немецкий аэродром, рядом город Эльбинг. Немцы отсюда день-два назад только спешно откатились к Данцигу, и сюда перебазировались флотские торпедоносцы, тоже Ил-4. Хороним Ивана возле командного пункта. Пытаемся узнать, нельзя ли связаться с нашим начальством – безнадежно. Здесь всем не до нас, войска фронта в наступательном движении, связи с полками АДД нет. У торпедоносцев у самих большие потери, их работа на бреющем над водой, и немцы бьют по воде снарядами, встают водяные столбы, и горе самолету, налетающему на такой столб, – хана! Они нам сочувствуют, но у них напряженнейшая работа. Наша беда – наша забота. Надо ждать, когда связь с глубокими тылами наладится. Ждем день, другой, неделю ждем.

И вдруг – чудо. Как-то ночью садится на здешний аэродром такой же, как мы, бедолага – подбитый Ил-4. А это ходивший на Данциг самолет нашего «братского» полка из той же дивизии. У них авария пустяковая (рулевую тягу осколком снаряда перебило), руль поворотов отказал – пришлось пойти на вынужденную посадку, видя что аэродром нашенский. Их экипаж за нас радуется – у нас говорили, что вы все погибли! Погибли, верно, да не все. Тут же сообразили – их аварийную тягу заменим снятой с нашей машины, она у нас цела. За час-другой все сделали. Подзаправились у торпедоносцев горючим, и – ходу домой, к Замостью, в Щебжешин. Мы с Юрой в бомбовом отсеке разместились пассажирами. В полку нашем и радость, что мы живы, и слезы при встрече, ведь двое-то ребят погибли. День отдышались, отчитались за «подвиги», приняли от Глазкова заслуженные внушения... и приказ – снова в строй, на вылеты, работа идет напряженная.

В последние дни войны бомбим кюстринский плацдарм. Бомбим Зееловские высоты за Одером, в ту ночь 16 апреля, когда по приказу

маршала Жукова ослепили немецкую оборону, обрушив на нее лавину света сотен прожекторов. Бомбим Берлин – целью нам дан Тиргартен со скоплением там бронетанковой техники. В воздухе каша, самолеты на разных высотах кишмя-кишат, словно рой комаров. Берлин горит, пламя и дым столбами в небо на тысячи метров ввысь поднимаются. Сбросив бомбы, чтоб не сбиться с обратного курса в этой небесной толкотне, включаю радио-компас, ишу нашу приводную и натываюсь на немецкую станцию – гремят в шлемофоне зловещие звуки Вагнеровского «Полета валькирий», а наяву под нами гибель «богов» Третьего рейха, рушится Берлинская Вальгалла в грохоте взрывов.

Все кончилось, отгремела война, радуемся Победе, но душа болит о погибших. Должен признаться, что в предшествующие Победе месяцы боевая работа давала мне большое удовлетворение. Сознание возможности выполнять свой долг перед Родиной в годину ее бедствий делало меня счастливым, и это счастье сохраняется в моей душе всю жизнь. Месяцы службы в боевом полку и напряженной летной работы пролетели быстро. Мне кажется, что это время моей жизни едва ли не самое счастливое, столь полным было ощущение своей жизненной значимости и полноты реализации, как состоявшейся личности.

9 мая 1945 г. наступил день Победы. Кончилась боевая работа и началась будничная гарнизонная жизнь. Впечатления от прочитанной в то время повести Куприна «Поединок» полностью соответствовали моим переживаниям из-за спокойной, безмятежной в общем, но скучной жизни в окруженном сосновыми лесами маленьком восточнопольском городке Щебжешине. Стал добиваться возможности вернуться на мой «родной» геофак МГУ и продолжить поиски путей исследования морей и океанов. Мечты уносили меня в далекие плавания по океанским просторам, к тревожащим душу видениям неведомых берегов далеких стран, к манящим огням маяков и незнакомых гаваней. Командир полка П.П. Глазков и штурман дивизии С.П. Чугуев поддержали меня в этом, и в июне 1946 г. решением Главного маршала авиации А.Е. Голованова я был уволен в запас, вернулся на геофак МГУ и поступил на работу в Институт океанологии Академии наук.

Академик

ХАЛАТНИКОВ
Исаак Маркович
(1919–2021)

И.М. Халатников родился 17 октября 1919 г., в Екатеринославе (ныне Днепропетровск, Украина) – советский и российский физик.

Обучался в Днепропетровском государственном университете, который окончил в 1941 г. Доктор физико-математических наук (1952), директор Института теоретической физики им. Л.Д. Ландау с 1965 по 1992 г., профессор МФТИ.

После смерти Ландау, несмотря на загруженность административными делами, Исаак Маркович работал в области общей теории относительности и космологии, где получила известность так называемая сингулярность Белинского – Халатникова – Лифшица.

Армейские университеты*

Я был освобожден в университете от курсов военной подготовки, поэтому у меня не было никаких воинских званий. У нас в университете готовили летчиков, но я для этого не подошел из-за своего довольно хилого сложения.

Вскоре после начала войны я получил из военкомата повестку. В принципе с письмом Ландау¹ я мог бы, наверное, уехать в Москву, но тогда это было как-то... неприлично. Дело даже не в патриотизме, а, наверное, в той примитивной приверженности дисциплине, которая отличала то время в целом и к которой мы все были приучены. Законопослушность и дисциплина. Если бы я, несмотря ни на что, все же поехал бы к Ландау, это не было бы ни дезертирством, ни обманом, но тогда мне это даже в голову не пришло. Я явился в военкомат вместе со всеми своими товарищами, которые, естественно, были туда вызваны тоже.

Днепропетровск начали бомбить с первых же дней войны. В городе была дикая паника. Все боялись парашютистов-десантников, которых немцы вроде как сбрасывали с самолетов. Все ловили шпионов. Хватали, естественно, всех подряд, особенно если кто-то был как-то нестандартно одет.

* Военные главы из книги воспоминаний И.М. Халатникова «Дау, Кентавр и другие (Top nonsecret)». М., 2007.

¹ Л.Д. Ландау в конце 1940 г. пригласил И.М. Халатникова в аспирантуру Института физических проблем АН СССР, о чем написал письмо.

Конечно, это был массовый психоз. Все время распространялись слухи, что диверсанты то тут, то там, то на этом берегу Днепра, то на другом. Когда народ находится в таком напуганно-возбужденном состоянии, любые, даже самые невероятные слухи, ложатся на благодатную почву. Из тех дней запомнился такой эпизод. В Днепропетровске в то время гастролировал Малый театр. И один из артистов, довольно тогда известный, Рыжов, носил бакенбарды. И вот, на главной улице города – проспекте Карла Маркса, толпа людей, стоявших до этого в очереди за эмалированными кастрюлями, побежала за ним и начала бить его этими кастрюлями, приняв за диверсанта. Потому что у кого же еще могли в то время быть бакенбарды?

Военкомат всех нас, окончивших физический факультет, отправил в Москву для обучения в академии им. Дзержинского. Вскоре после моего отъезда эвакуировалась и моя семья. Родители с сестрой уехали в Ташкент.

А я попал в Москву, в академию Дзержинского. Там мне предстояло учиться на артиллерийского воентехника. Но я случайно встретил там своего школьного товарища. Он окончил Московский энергетический институт, и он сказал мне:

– У тебя сейчас будет собеседование с комбригом Березиным, который задает всем один и тот же вопрос: «Знаете ли вы, что такое “сильсин”?»

Сильсин – это слаботочный электрический прибор, который используется для наведения пушек на цель, такой небольшой электрический моторчик. Я тогда не знал, что это, но когда комбриг Березин задал мне свой вопрос, сказал, что знаю. И таким образом я попал в шестой дивизион. В этот дивизион были зачислены в основном физики, окончившие разные университеты, и только один человек был из Мелитопольского пединститута. Про него еще долго думали, можно ли его брать. Но потом он даже стал у нас старшиной, и мне от него изрядно доставалось.

Через несколько дней появилась группа общевоинских полковников. Построили наш шестой дивизион – у нас даже еще не было гимнастерок, брюки и сапоги нам успели выдать, а гимнастерки нет. Нас построили и сказали:

– С этого момента вы слушатели курса «А» Высшей военной школы ПВО.

И повели пешком через всю Москву, по набережной, в академию Фрунзе. Это была общевоинская академия номер один.

Таким образом, я, благодаря своей «небольшой хитрости», не остался в Академии им. Дзержинского и не стал артиллерийским техником, а попал в общевоинскую академию. В этой академии был так называемый Второй факультет, или факультет ПВО, и нас всех на него зачислили.

Жили мы прямо напротив академии, в общежитии на Кропоткинской, через сквер. Этот дом до сих пор там стоит. Нам сразу же вручили винтовки. Преподавателями нашими были общевоинские офицеры, а многие из них были офицерами генштаба еще царской армии. Это были люди очень интеллигентные. В этом смысле мне очень повезло. Они понимали, что из нас, людей сугубо гражданских, нужно за очень короткое время сделать строевых офицеров. Мы должны были много часов подряд маршировать с винтовкой наперевес.

Для меня это время было очень трудным физически. Стояло лето 1941 г., июль месяц. И весь этот июль я целыми днями маршировал с винтовкой в сквере напротив Академии им. Фрунзе. А ночами сбрасывал немецкие «зажигалки» с крыши Академии им. Фрунзе, потому что Москву каждую ночь бомбили.

Но надо сказать, что учили нас очень интересные люди. Многие из преподавателей даже назывались еще комбригами, потому что еще не были произведены в генерал-майоры. Среди них был генерал-майор Богдан Колчигин, который прославился во время войны – он преподавал у нас тактику, а на войне был начальником штаба разных фронтов.

Нас учили тактике так, чтобы мы в случае необходимости могли принимать решения на уровне командира дивизии. Учения, тактические игры происходили по картам Подмосковья.

Вскоре наш Второй факультет переименовали в Высшую военную школу ПВО и перевели на Красноказарменную, 14. Там мы проучились до 14 октября.

14 октября, когда Москву эвакуировали и было неясно, будет она сдана врагу или нет, решался среди прочих вопрос о том, что делать с нашей школой. Будут ли ее бросать на защиту Москвы или вывозить. Наш начальник ВВШ ПВО генерал-майор Кобленц уехал с утра в Генштаб за распоряжениями о судьбе школы. К вечеру он вернулся и объявил, что школа эвакуируется в Пензу.

В Пензе я проучился до апреля 1942 г. Наши преподаватели во внеучебное время вели с нами откровенные, дружеские разговоры, они понимали, что мы такие же люди, с высшим образованием. По вечерам мы часто сидели вместе и разговаривали совершенно на равных. При этом с нами, простыми курсантами, мог сидеть и полковник, и генерал. Они обсуждали с нами любые вопросы – от военных до обычных житейских. Это было необычно, особенно для армии, для военной школы. И я хочу заметить, у нас тогда не было никакой дедовщины. При таком отношении старших с младшим по званию ее просто не могло быть. Мне кажется, если бы в нашей сегодняшней армии офицеры общались с солдатами не только посредством приказов, но и просто по-человечески, то это сильно способствовало бы ее укреплению.

К апрелю мы закончили курс наук. Нас готовили как офицеров, командиров зенитных батарей, чтобы мы могли командовать подразделением такого масштаба. И уже где-то в феврале-марте многие из нас по-

няли, что науку, необходимую для командования взводом, мы выучили, и стали проситься на фронт. Среди них был и я. Я написал заявление, в котором просил отправить меня на фронт. Но в это время создавалось второе, наружное кольцо ПВО Москвы. Первое было создано раньше. И произошло то, что обычно происходит в армии, – человека никогда не посылают туда, куда он просится. Поэтому тех, кто просил отправки на фронт, послали на формирование этого второго кольца, а тех, кто не просил, отправили в Сталинград, где как раз разворачивалась Сталинградская битва. Многие из них оттуда не вернулись.

А я попал в Москву только потому, что просился на фронт. Мне сразу доверили больше, чем взвод, – я был назначен заместителем командира зенитной батареи. Тогда еще на каждой батарее были командир и комиссар. Наша батарея стояла недалеко от штаба 57-й зенитной дивизии, которая в это время там разворачивалась.

Командир и комиссар батареи были кадровыми военными, получившими военное образование еще в мирное время. Первое, что я выучил, что на батарее нужно уметь очень крепко ругаться матом, иначе ничего добиться было невозможно. Мат на батарее стоял невероятный. Пили, конечно, тоже страшно. Спустя какое-то время мои начальники поняли, что я человек надежный. Поэтому они оставляли меня на ночь дежурить на батарее, а сами уходили гулять к местным учительницам. Батарея находилась на Калужской дороге, рядом был поселок Валуево и другие подмосковные поселки.

Командир батареи Гришин был хотя и довольно молодым, но очень жестким по моим представлениям человеком. Однажды произошел такой случай. Один из солдат, который должен был охранять каптерку, т. е. склад продовольствия на батарее, ночью залез на этот склад и наелся там концентратов. После чего целый день валялся больным. А вечером командир батареи созвал личный состав, построил всю батарею и объявил приговор – расстрел за то, что он съел продукты со склада. После чего была произведена имитация этого расстрела. Приговоренный встал на колени, плакал, просил пощады, и его все-таки потом «пожалели». И не расстреляли. Эта история стала известной где-то в штабе, и Гришин был отправлен в штрафной батальон. Потом я слышал, что он прошел штрафбат, вернулся и был неплохим командиром. Правда, жестким.

Все это я считаю своими армейскими университетами.

Начальник штаба

Дальше происходило формирование 5-го полка моей дивизии, и меня после стажировки в штабе дивизии назначили заместителем начальника штаба этого 5-го полка. Полк состоял из нескольких батарей. В этих батареях служили многие мои товарищи по академии, но они были, как правило, командирами взводов. Так что уже на первых

этапах своей армейской карьеры я был на несколько шагов впереди. Я думаю, что здесь сыграла свою роль моя организованность и четкость, начальство видело, что мне можно доверять.

Вскоре начальник штаба этого полка был откомандирован в другую часть, и я стал начальником штаба. И в этой должности я служил с 1943 г. до конца войны.

Штаб полка находился в деревне Лаптево. Это недалеко от Архангельского и Вознесенского. Там тогда были правительственные дачи, а мы стояли на другой стороне реки. Штаб полка располагался в землянках, большие такие землянки с подземными коридорами. Там был командный пункт, и у меня прямо там была небольшая комната.

Напротив деревни Лаптево были правительственные дачи Калинина и Булганина. В связи с этим я вспоминаю одно забавное совпадение. Уполномоченным СМЕРШа в нашем полку был майор П. Дроняев, который до этого работал у Булганина в личной охране. Кстати, потом он стал парторгом Аэрофлота и помогал нашему институту в приобретении авиабилетов за границу.

Стреляли ли мы? В 1942 г. немцы пытались бомбить наши промышленные центры. Теперь-то мы знаем, что у немцев тогда не было дальней авиации, это ошибка вермахта. В начале войны они считали, что авиация им понадобится только против войск, а потом были уже не в состоянии ее создать. И поэтому они могли бомбить только близлежащие к фронту промышленные города европейской части России, такие, как Ярославль, Нижний Новгород. Кроме того, немцы, по-видимому, знали, что вокруг Москвы создано два мощных кольца ПВО. Поэтому, когда они совершали свои налеты на Ярославль и Горький, они старательно облетали нашу зону. Но поскольку наш полк был все-таки в наружном кольце, мы иногда встречали эти самолеты и стреляли по ним. Но они зацепляли нашу зону только краем, поэтому я не могу ни похвастаться, ни рассказать, как я сбивал вражеские самолеты. Мы стреляли, отгоняли их от Москвы, но ни одного самолета я в своей жизни так и не сбил.

Что представлял собой наш полк? Был командир полка, был начальник штаба полка, и штатное расписание в принципе предполагало еще заместителя командира полка, но у нас никогда его не было. По уставу эти трое – командир, заместитель и начштаба – должны были круглосуточно по очереди дежурить на командном пункте, потому что готовность батареи должна была поддерживаться постоянно. Но нас, как я уже сказал, было только двое. Поэтому мы дежурили сутками поочередно, т. е. я не спал каждую вторую ночь, а если и удавалось прилечь, то, естественно, не раздеваясь, с пистолетом и телефонной трубкой под подушкой. И с тех пор у меня появились проблемы со сном – вот уже много лет я не могу засыпать без снотворного. Возможно, это следствие вот этих бессонных ночей с пистолетом под подушкой.

Я вспоминаю, как управлялся наш полк в условиях, когда все-таки надо было стрелять. Мой командир полка довольно быстро усвоил,

что я, как бывший шашист и человек с высшим образованием, сообщаю довольно быстро, поэтому он выучил всего одну уставную команду, которую и применял практически в любой ситуации. Команда была такая: «Начальник штаба, принимайте решение!» Армейский устав предусматривает передачу по этой команде управления войсками от командира начальнику штаба. И он ею очень успешно пользовался. Так что, если кому-то нужно принимать решения, я могу поделиться патентом и подсказать правильные слова, предусмотренные армейским уставом. Это очень хорошая команда – передать кому-то принятие решения.

В 1943 г., после взятия Орла и Белгорода, Сталин решил производить артиллерийские салюты по поводу этих событий. Со всех полков собирали по батарее, и во главе этих батарей я был отправлен от нашего полка командовать первым салютом. Мы расположились на стадионе Гознака в палатках и готовились произвести первый салют. Но произошла задержка. Белгород взяли, а Орел был взят только через две недели. И ровно две недели мы находились на этом стадионе в ожидании взятия Орла. И когда он, наконец, стал нашим, состоялся этот первый салют.

В дальнейшем наши батареи регулярно участвовали во всех салютах, правда, я уже с ними не выезжал. Но все-таки имел к салютам самое непосредственное отношение.

Наш полк находился недалеко от Москвы, всего на расстоянии 30–40 км. К тому же Институт физических проблем, где работал Ландау и где я собирался продолжать свою научную деятельность под его руководством, находился на том же самом Калужском шоссе. Я заезжал туда время от времени, но все равно полноценно заниматься наукой на батарее было проблематично. Так как я был рекомендован в аспирантуру, то в 1944 г. П.Л. Капица через вице-президента Академии наук академика А.И. Байкова добился зачисления меня в аспирантуру к доктору физико-математических наук Л.Д. Ландау. Ему было тогда 36 лет, и за спиной у него был арест. Добиться моего зачисления Петру Леонидовичу было непросто.

Итак, было такое официальное распоряжение по Академии наук, очень серьезный документ. Капица написал об этом письмо в Генштаб, но ответа не получил. А дальше события развивались следующим образом. В начале 1945 г. моего командира полка отправили учиться в академию. Я принял у него полк и до сентября оставался командиром полка. Но Капица никогда не сдавался и не проигрывал. Он не любил, когда ему отказывали и не успокоился, не получив ответа из Генштаба. Летом 1945 г. праздновалось 220-летие Академии наук. Это было уже после бомбардировки Японии и после испытаний американской ядерной бомбы. Капица сидел в президиуме рядом с маршалом Вороновым, командующим артиллерийскими войсками. Капица его поддразнивал тем, что теперь, после создания атомной бомбы, артил-

лерия больше не будет богом войны. И среди прочего назвал меня, как человека, который физике нужнее, чем артиллерии. И вскоре появился приказ маршала Воронова о моей демобилизации. Собственно, раньше меня не отпускали потому, что моя должность уже считалась довольно высокой, и людей с таких должностей в военное время не отпускали. Но теперь, после приказа Воронова, меня освободили.

Так что в начале сентября, как раз в тот день, который был объявлен днем победы над Японией, я демобилизовался с военной службы и начал работать в Институте физических проблем в качестве аспиранта Льва Давидовича Ландау.

Но мои отношения с армией на этом еще не закончились. С ней была связана еще одна смешная история. Уже летом 1946 г. я вдруг получил повестку, вызов к начальнику артиллерии ПВО, генерал-лейтенанту Лавриновичу, в Уланский переулок, где тогда находился штаб ПВО. Я явился туда уже, естественно, в штатском, в летней рубашке. Лавринович принял меня, и по его лицу было видно, что он шокирован. Какой-то капитан смеет являться по его вызову в штатском! Да еще в летнем!

А вызвал он меня вот по какому поводу. Во время службы я как-то пытался придумать что-нибудь полезное для того места, где служил, что-то усовершенствовать. В зенитной артиллерии иногда ведется прицельный огонь, а иногда – заградительный. Это когда конкретной цели нет или ее не видно. Тогда просто выстраивается заградительная огневая «стенка». В определенной зоне для проведения и расчета этой заградительной стрельбы командиры батарей, получив данные, вынуждены были пользоваться толстыми тетрадами вычислительных таблиц, и после сложных расчетов на пушку поступала команда, как поднимать ствол, куда его поворачивать и так далее, чтобы обстрелять нужный квадрат. А я придумал, как стрелять заградительным огнем при помощи данных, поступающих с ПУАЗО, прибора управления артиллерийским зенитным огнем. У нас тогда уже имелись такие приборы, которые были для того времени довольно сложной электроникой. В нашем полку был канадский прибор. У них были антенны, локаторы, они ловили цель, обрабатывали данные и выдавали координаты для пушек, даже передавали их электронным путем прямо на орудие. Моя несложная идея была в том, чтобы использовать данные с ПУАЗО при отсутствии цели. Для ее выполнения эти данные нужно было немного сдвигать, там использовалась некая сложная шкала, линейка, но это уже несущественно. Главное – не нужно было никаких сложных расчетов, каждое орудие могло поворачиваться и наводиться само.

Лавринович вызвал меня как раз в связи с этим изобретением. Но, будучи удивлен моим внешним видом, спросил меня: «Почему в таком виде?» И, получив ответ, что я демобилизован, удивился еще больше. Так эта история для меня и закончилась. Может быть, это мое изобретение используется где-то в войсках даже и сейчас, но я об этом ничего не знаю. А тогда я продолжил свою работу в Институте физических проблем.

Академик

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович
(1921–2020)

Е.П. Чельшев родился 27 октября 1921 г. в Москве. В 1939 г., по окончании средней школы, поступил в Московский институт химического машиностроения. К началу войны окончил школу стрелков-радивов. Фронтовик. Служил стрелком-радивом в бомбардировочной авиации.

В 1949 г. Евгений Петрович окончил Военный институт иностранных языков. После увольнения в запас в звании подполковника работал в Институте востоковедения Академии наук СССР. Заведовал отделом восточной литературы, одновременно руководил кафедрой индийских языков Московского государственного института международных отношений. Специалист в области литературоведения и литературной критики.

Он автор множества книг и сотен статей по проблемам русской культуры, пушкиноведению, о культуре российской эмиграции. 33 года он работал в Институте востоковедения и стал крупнейшим в мире авторитетом в индологии, что признают в самой Индии. Он избран почетным членом Литературной академии Индии, куда приняли за все годы лишь несколько иностранцев. За труды по возрождению России Патриарх Московский и всея Руси наградил его орденом Святого князя Даниила Московского, а в 2007 г. Президент РФ вручил ученому орден «За заслуги перед Отечеством».

Академик Е.П. Чельшев являлся сопредседателем Научного совета по изучению и охране природного и культурного наследия, председателем Совета ветеранов войны Президиума РАН.

Воспоминания о войне

Я храню фотографию, запечатлевшую группу сержантов, окончивших в мае 1940 г. летную школу стрелков-радивов. Многие из них были зачислены в 140-й скоростной бомбардировочный полк (сбп). Вместе с ними в составе этого полка я участвовал в воздушном параде над Москвой 7 ноября 1940 г., ровно за год до исторического парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. Из изображенных на фотографии юношей, вчерашних студентов, каким-то чудом уцелело четверо. Остальные, как напишет потом Григорий Бакланов, остались «навек девятнадцатилетними».

Самолет СБ, состоявший на вооружении полка, казался нам тогда чудом авиационной техники. На самом деле к началу войны он по всем статьям уступал однотипным немецким самолетам. С весны 1941 г. наш полк получал пикирующие бомбардировщики ПЕ-2, однако к

началу войны перевооружение не завершилось. Авиаторов, оставшихся без самолетов, называли тогда «безлошадниками». В их число попал и я, что казалось мне обидным и несправедливым. Моя покойная мама была уверена в том, что Николай Угодник, которого она больше всего почитала, услышал молитвы и сохранил ей единственного сына. Базировался наш полк на аэродроме «Сеща», расположенном между Смоленском и Брянском. Накануне войны здесь ежедневно садились для дозаправки самолеты, направлявшиеся к западной границе. С восхищением рассматривали мы только что поступившие на вооружение ближние бомбардировщики Су-2, Як-4, штурмовик Ил-2, истребитель МиГ-1. Могли ли мы тогда предполагать, что летят они навстречу своей гибели: им было суждено сгореть на земле на рассвете 22 июня 1941 г.

В тот роковой день меня разбудил резкий вой сирены. Учебные тревоги были для нас обычным явлением. «Безлошадники» находились в резерве командира эскадрильи, помогая готовить самолеты к вылету тем, у кого работа не очень спорилась. Комэск капитан Агеев, прекрасный летчик, спокойный, немногословный, подозвал меня и сказал: «Будешь связным. Бегом в штаб дивизии». В приемной начштабдива полковника Дагаева собрались связные из разных частей дивизии. Озабоченные работники штаба входили и выходили из его кабинета. Из-за дверей доносились обрывки разговоров, назывались знакомые мне аэродромы Западного Особого военного округа, упоминалось о бомбовых ударах по ним. «Что бы это могло значить? – размышлял я. – Наверное, начались боевые учения, и речь идет об условном противнике». Наконец, вышел полковник Дагаев¹. Связные доложили, какое подразделение дивизии они представляют. Нам раздали запечатанные пакеты и приказали немедленно вручить их своим командирам.

Получив пакет, я стремглав бросился выполнять приказание. Через несколько минут уже стоял перед комэском. Вскрыв пакет и прочитав его содержание, он нахмурился и спросил меня, нет ли еще каких устных распоряжений. Я рассказал о том, что случайно услышал в приемной начштабдива. Комэск приказал заводить моторы и, согласно полученному приказу, рассредоточить самолеты в редколесье на окраине аэродрома, замаскировав их ветками деревьев. Такого еще не бывало... В 12 час. в кабинах самолетов мы слушали по радиации выступление Молотова.

Лишь к вечеру вернулись в авиагородок. Из-за отсутствия информации городок был переполнен самыми невероятными слухами. Непонятно было, почему полки нашей дивизии медлят, не обрушиваются «непобедимой армадой» на обнаглевших фашистов. Твердо веря в несокрушимую мощь Красной армии, мы не могли дожидаться, когда придет наш черед вступить в бой.

¹ Много лет спустя на приеме в каком-то посольстве в Москве я встретил Дагаева, ставшего генерал-полковником авиации. Подошел к нему и по-военному представился: «Товарищ полковник! Сержант Чельшев, связной 5-й эскадрильи 140-го сбп». Он сначала опешил, а потом рассмеялся, вспомнив первый день войны.

Лишь на третий день войны, утром 24 июня, наш полк поднялся в воздух и взял курс на запад. Техники, мотористы, оружейники и «безлошадники» с завистью смотрели, как парадным строем одна за другой проплывали над нами девятки пикирующих бомбардировщиков. «Разве могут немцы противостоять такой силе?» – думал я. Оставшимся на земле предстояло догнать товарищей по железной дороге.

К вечеру 25 июня наш эшелон остановился на забитой составами станции Орша товарная. Подали команду разгружаться. Почему Орша? Ведь это так далеко от границы! Мы были уверены, что полк наш дислоцируется где-то в районе Гродно и действует на территории Польши. Решили, что нас держат в резерве.

Примирившись с этой мыслью, изрядно проголодавшиеся, мы направились к вагону, оборудованному под походную кухню. Но поужинать мне не удалось, так как прибежал посыльный от начальника эшелона старшего лейтенанта Нечаева. Я был известен ему как единственный в полку «знарок» немецкого языка, потому, видимо, и понадобился. «Поедешь со мной на легковой машине, – сказал он. – Найди военврача Киселева и машинистку Надю. Через полчаса выезжаем!» Куда и зачем ехать? – таких вопросов задавать не полагалось.

Было около 23 час. Мои товарищи устраивались на ночлег на открытом воздухе около вокзала. Все кругом затихло, слышны были только звуки патефона: Шульженко пела «Записку». Вдруг сонную тишину нарушил какой-то странный звук. Несомненно, это был гул моторов самолета, но какой-то необычный, рвано-пульсирующий рокот. Когда самолет приблизился, к его завыванию добавился пронзительный нарастающий свист. Потом совсем рядом взметнулся столб огня. От страшной силы взрыва задрожала земля. Вслед за первым самолетом появился второй, потом третий, четвертый... Словно огненный ураган обрушился на станцию и скопившиеся эшелоны. Я как будто потерял рассудок: не помню, как очутился на земле, потом вскочил и бросился бежать, падал, вскакивал и снова бежал неизвестно куда, лишь бы подальше от этого ада. Вокруг метались и кричали люди.

В летной школе нас учили разным премудростям военного дела, но никто никогда не объяснял, как вести себя в условиях бомбардировки самолетами противника. Видимо, подобного рода ситуация не предусматривалась в наступательной доктрине Красной армии.

Но вот откуда-то застрочил зенитный пулемет. Пунктиры трассирующих пуль потянулись к черным силуэтам низко летящих самолетов. Это был «максим» или «Дегтярев» винтовочного калибра, поэтому огонь его оказался малоэффективным. Тем не менее стрелял пулеметчик довольно метко: мотор одного самолета зачихал, затем взвыл с новой силой. Немецкие стрелки огрызались короткими пулеметными очередями.

Первая волна немецких бомбардировщиков отхлынула. На путях горели вагоны, столбы огня и дыма поднимались над стоящими вблизи строениями. Мы собрались около штабного вагона. К счастью, никто

из нашего полка не пострадал. Подошел Нечаев. Он старался сохранять спокойствие, пробовал шутить: «С боевым вас крещением! В следующий раз не бегать под осколками. Ищите укрытие и носом – в землю». Увидев Киселева, меня и Надю, приказал быстро садиться в «эмку». Машина тронулась. «К сожалению, не удалось узнать, где дислоцируется наш полк. Кругом – неразбериха, никто ничего не знает, телефон работает плохо, – сообщил Нечаев. – Хорошо, что комендант дал свою машину, чтобы съездить на ближайший аэродром. Может быть, там что-нибудь узнаем».

Переехав на другую сторону разбитых железнодорожных путей, машина поднялась по косогору к проселочной дороге, петлявшей по холмистой, поросшей редким кустарником местности. Не успели мы проехать и 10 мин., как над Оршей появилась вторая волна бомбардировщиков. Земля содрогнулась от взрывов. Мы вылезли из машины и поднялись на ближайший холм. Залитый отблесками пожаров и светом осветительных ракет оттуда был хорошо виден Оршанский железнодорожный узел, забитый эшелонами, среди которых рвались бомбы. Словно замороженные, молча, созерцали мы это страшное, казавшееся неправдоподобным зрелище. Как все это было не похоже на начало войны, изображенное в романе Шпанова «Первый удар».

Сколько будет потом написано о психологической травме, которую получили советские люди в первые дни войны. Точнее всех о ней рассказал Константин Симонов в романе «Живые и мертвые». Мне близки и понятны чувства и переживания Синцова, который так же, как и я, не понимал, почему война застала нас врасплох, почему мы должны, дрожа от страха, прятаться от немецких бомб и снарядов. Тем более, что Синцову, как и мне, впервые довелось «понюхать пороха» в Орше. Но мне пришлось увидеть и то, с чем не столкнулся Синцов в первые военные дни.

Как только над станцией появилась вторая волна немецких самолетов, в воздух то тут, то там стали взлетать красные ракеты и, сгорая, оставляли за собой длинные дымовые следы. Мы не сразу поняли, что это такое. «Да ведь это немецкие сигнальщики наводят самолеты на цели», – первым догадался Нечаев. «Но откуда они взялись здесь, в глубоком тылу?» – недоуменно спросил Киселев. Послышалось завывание очередного самолета, и метрах в двухстах от нас с шипением взметнулась ракета и, описав дугу, опустилась за стоящим на запасных путях эшелонном. «Ведь это же эшелон с беженцами из Минска, – воскликнул Нечаев, – мне говорил о нем комендант Орши». «Вот сволочи! – прошептал Киселев. – Там же женщины и дети». «Скорее туда! – крикнул Нечаев. – Шофер с винтовкой пойдет с нами, Надя остается в машине».

Пригибаясь к земле и прячась за кустами, мы побежали к тому месту, откуда взлетела ракета. Неожиданно впереди показались два человека. «Ложись!» – приказал Нечаев. «Да ведь это же наши милиционеры», –

воскликнул военврач, когда незнакомцы повернулись к нам лицом. Мы вышли из кустов и, не таясь, направились им навстречу. «Вы не заметили, как кто-то стрелял здесь из ракетницы?» – спросил Нечаев. «Это немецкие диверсанты, – ответил стоявший впереди капитан. – С группой милиционеров мы прочесываем местность. Не беспокойтесь, от нас они не уйдут». Держался он спокойно, говорил уверенно. Милиционеры пошли по тропинке по направлению к насыпи железнодорожной ветки. Мы же в нерешительности остались на месте. «Надо скорее ехать. И так потеряли много времени, – сказал Нечаев. – Милиционеры и без нас справятся». Но в голосе не было присущей ему решительности. «Вам не показались милиционеры какими-то странными?» – спросил он. «Надо было бы проверить у них документы», – заметил военврач. «А почему они не потребовали документы у нас? – возразил Нечаев. – Ведь они, а не мы здесь представители власти». «Мне показалось, что капитан говорит по-русски с акцентом, – поделился и я своими наблюдениями. – Может, он из Прибалтики?» «Нужно проследить за ними», – решил Нечаев на этот раз без колебаний.

Держа наготове оружие, соблюдая осторожность, мы побежали по тропинке, вслед за «милиционерами». Звуки бомбежки заглушали наши шаги. Вскоре мы их увидели. Они стояли за редкими кустами около насыпи и смотрели в сторону станции. Похоже, они нас не заметили. «Ложись! Приготовить оружие! Стрелять только по команде!» – приказал Нечаев. Послышался гул заходящего на цель очередного самолета. «Милиционеры» пригнулись и спрятались в кустах. Но, вопреки нашему ожиданию, не из-за куста, за которым прятались «милиционеры», а откуда-то сзади и справа от нас взлетело несколько ракет. «Не двигаться! – прошептал Нечаев. – Продолжать наблюдение!» Мы поняли, что диверсанты находятся не только впереди, но и вокруг нас. Наконец, из-за куста, за которым мы вели наблюдение, раздался громкий хлопок и шипение вылетевшей ракеты. Сомнения рассеялись: перед нами немецкие диверсанты, переодетые в милицейскую форму.

Что ощущал я в тот момент? Страх не было. Я уже с избытком испытал это «постыдное чувство» во время недавней бомбежки. Было какое-то восторженно-приподнятое состояние духа, похожее на то, что испытывал Николай Ростов, впервые столкнувшийся с французами в сражении под Аустерлицем, что чувствует, как писал Лев Толстой, «всякий человек, находящийся в виду неприятеля... и чувство это придает особый блеск и радостную резкость впечатлений всему происходящему в эти минуты». «Огонь!» – громким шепотом скомандовал Нечаев. Прозвучал залп из двух винтовок и двух пистолетов.

Не имея возможности подробнее рассказать о всех перипетиях стычки с немецкими диверсантами, скажу лишь, что до сих пор не могу понять, как Бог нас миловал, как мы остались живыми и невредимыми. Ведь мы, необстрелянные, необученные подобного рода боевыми действиями, столкнулись тогда с профессионалами. Нам, правда,

повезло: не успели мы произвести первый залп, как слышали винтовочные выстрелы, разрывы гранат и крики красноармейцев. Под командой бывшего пехотного лейтенанта они прочесывали местность, преследуя немецких диверсантов, сброшенных на парашютах.

Не дождавшись конца боевой операции, мы отправились на аэродром, где от дежурного по части узнали, что здесь базируются только истребители, которые несколько раз вылетали для сопровождения бомбардировщиков и понесли большие потери. «Ищите ваши “пешки” на аэродроме “Балбасово”», – посоветовал он. Рано утром мы вернулись в Оршу. Грузовики с аэродрома прибыли за нами только к полудню 26 июня.

Над аэродромом «Балбасово», заполненным самолетами разных типов, баражировали наши истребители, отгоняя немецкие самолеты-разведчики. Массированным налетам немецкой авиации аэродром еще не подвергался. «Наконец-то прибыли. Мы вас заждались», – приветствовал нас Агеев. В его руках была лопата. В перерывах между боевыми вылетами наши товарищи рыли щели. «Приступайте к работе, – приказал он. – Чем глубже, тем надежней». В истинности этих слов мне потом не раз приходилось убеждаться. С этой минуты лопата стала необходимым предметом нашей экипировки. Рыли щели до кровавых мозолей.

За два дня боевых действий полк понес значительные потери. Больно было слышать имена товарищей, не вернувшихся с боевого задания. Я разыскал своего друга Жору Лазарева. Вместе с ним мы призывались в армию, вместе учились в летной школе и были зачислены в полк. Летал он стрелком-радистом в экипаже комиссара эскадрильи старшего политрука Алимова. На войне я встречал разных комиссаров. Было среди них немало и «попов марксистского прихода», но большинство – таких, как Алимов, воспитывавших подчиненных не политбеседами, а делом – личным примером мужества и преданности Родине. (В 1942 г., уже будучи комиссаром полка, Алимов водил девятку ПЕ-2 бомбить аэродром «Сеща» и был сбит огнем зенитной артиллерии.)

Мы сидели с Жорой в кабине алимовской «пешки», грызли галеты из НЗ и разговаривали. Я поведал ему о наших злоключениях на земле, а он – о первых воздушных боях. «Война будет очень тяжелой, сказал он. – Немецкая авиация превосходит нашу. “Пешки” – неплохие самолеты, но слабо вооружены, а наши истребители – “ишаки”, по всем статьям уступают немецким “мессершмитам”. Взаимодействие бомбардировщиков с истребителями у нас не налажено, да нас этому и не учили. Тяжело смотреть, как гибнут ребята». Мог ли я тогда предположить, что этот разговор с моим другом окажется последним...

Через неделю, 3 июля 1941 г., без сопровождения истребителей Алимов повел группу «пешек» бомбить немецкие переправы на Березине, которые были надежно прикрыты немецкими истребителями. Ценою больших потерь нашим бомбардировщикам удалось прорвать-

ся к цели и сбросить бомбы. Был подбит и самолет Алимова. Он решил посадить горящий самолет на нашей территории, в двух-трех километрах от линии фронта, и приказал Лазареву, который задыхался от дыма в своей кабине в фюзеляже самолета, прыгать с парашютом. Жора прыгнул, но парашют не раскрылся – не хватило высоты. Алимов со штурманом лейтенантом Маточкиным похоронили Жору Лазарева в лесу на берегу Березины около сгоревшего самолета, обозначив могилу стабилизатором «пешки»...

А в тот день, когда мы сидели с Жорой в кабине «пешки», была объявлена боевая тревога, и наш полк в составе трех девяток вылетел на задание. Кто знал тогда, что этот боевой вылет войдет в «Историю Великой Отечественной войны» как один из примеров удачных действий нашей авиации в начальный период. «В результате умелых действий 140-го сбп, – отмечается в этом капитальном исследовании, – было задержано наступление немецких механизированных частей в районе населенного пункта Картуз-Береза, западнее Минска». За этими скупыми словами – стена разрывов зенитных снарядов, вой атакующих немецких истребителей, яростная стрельба пулеметов, падающие на землю горящие самолеты. Но наступление немцев было задержано ненадолго. Через два дня, 28 июня, Минск был занят противником, и нашему полку пришлось «выходить из-под удара», срочно перебазироваться на аэродром «Боровское» под Смоленском. Мы снова отправились догонять наши «пешки». Так завершилась для меня первая неделя войны. До Победы оставалось 1410 дней...

Потом началось длившееся два месяца Смоленское сражение, в результате которого от нашего 140-го сбп остался один самолет-разведчик младшего лейтенанта Глушкова. Пришлось снова пересечь на устаревший СБ, который использовался как ночной бомбардировщик, и на нем я «понюхал пороха» уже не на земле, а в небе...

Всю войну прослужил в авиационных частях. Довелось летать на самых разных самолетах, их сейчас можно увидеть лишь на фотографиях – СБ, Пе-2, Ли-2, Бостон-3, У-2, УТ-2, Р-5... В первый период войны приходилось отступать, иногда, как говорится, «драпать» от немцев. В октябре 1941 г. чуть было не угодил в «Вяземский котел», в 1943 г. участвовал в ликвидации «котла» под Сталинградом...

Летом 1944 г. Красная армия провела успешную операцию «Багратион», в результате которой немецкие войска были разгромлены в Белоруссии и Красная армия вышла к границе Польши и Восточной Пруссии. Одним из соединений, участвовавших в этой операции, была 5-я гвардейская танковая армия, которой командовал маршал бронетанковых войск П. Ротмистров. Действия этой армии поддерживали три авиационных корпуса Резерва Главного командования: истребительный – под командованием генерала-лейтенанта авиации Савицкого, штурмовой – под командованием генерала-лейтенанта авиации Белецкого и бомбардировочный – под командованием генерала-лейте-

нанта авиации Ушакова. Я исполнял тогда обязанности офицера связи 1-го гвардейского бомбардировочного корпуса при штабе танковой армии. Штаб передвигался на «виллисах» и «доджах» в боевых порядках наступавших танков. Мне довелось быть свидетелем боевой мощи прославленных тридцатьчетверок и самоходных орудий ИС, мужества и боевого мастерства наших танкистов, закаленных в сражениях под Сталинградом и на Курской дуге. Я благодарен судьбе, которая свела меня с этими замечательными ребятами, отважными, беззаветно преданными Родине. И это не пустые слова. Впервые я увидел в панике отступавших немцев, исковерканную боевую технику противника, длинные колонны пленных, бредущих на восток, ликующих советских людей, освобожденных из фашистской неволи. Как все это было не похоже на первые дни войны...

Мои военные дороги 1944 г. часто пересекались с дорогами 1941 г. В 1944 г. при форсировании Березины недалеко от Борисова я вспоминал Жору Лазарева, могила которого, обозначенная в 1941 г. стабилизатором «пешки», находилась где-то поблизости. 3 июля 1944 г. 5-я танковая армия освободила Минск, на подступах к которому в ожесточенных воздушных боях в июне 1941 г. погибло немало моих боевых друзей из 140-го сбп. Ранним солнечным утром наши танки и бронетранспортеры вошли в Минск, штаб армии на автомашинах следовал вместе с ними. Колонна двигалась по главной улице города с востока на запад. Отовсюду сбегались люди, восторженно нас приветствовали, что-то кричали, бросали цветы. А в первые дни войны в Орше я видел, как немецкие самолеты бомбили эшелоны с беженцами из Минска... И в 1944 г. я был свидетелем не только триумфа победы, но и испытал горечь потерь: видел, как горят наши танки, как хоронят танкистов. Немцы отчаянно сопротивлялись, понимая, что приближается час расплаты.

От Минска 5-я танковая армия повернула на северо-запад и, освободив Вильнюс и другие города Литвы, вышла на побережье Балтийского моря. Лет 15 тому назад мне довелось побывать в Паланге. Там я увидел мраморный обелиск бойцам и командирам 5-й Гвардейской танковой армии, павшим смертью храбрых в боях за освобождение Литвы от немецких захватчиков. К тому времени, когда армия вошла в Палангу, ею командовал генерал-полковник танковых войск Вольский, сменивший на этом посту маршала Ротмистрова, который чем-то не угодил Сталину и был назначен начальником военной академии. Дай Бог, чтобы этот памятник не постигла участь памятника на могиле генерала армии Черняховского...

Никогда не забыть мне поистине всенародного ликования 9 мая 1945 г. Радость победы смешалась с неутешным горем матерей и вдов, оплакивавших гибель самых близких им людей. Для меня День Победы – это праздник славы русского оружия и день поминовения тех, кто отдал жизнь за победу над фашизмом. Это – праздник всех народов Советского Союза, объединившихся в дни лихолетья в борьбе против

общего врага, посягнувшего на честь, свободу и независимость нашей Родины. «И пусть в душе до дней моих скончания живет, гремит торжественный салют Победы и великого прощанья». Эти слова Александра Твардовского выражают не только мои чувства, но, я уверен, и чувства миллионов моих соотечественников.

А потом был Парад Победы! Это событие, ставшее как бы апофеозом Великой Отечественной, я помню так, словно оно было недавно. Мне посчастливилось быть его участником в составе батальонов военных академий (я тогда был слушателем первого курса одной из них, старшим лейтенантом).

24 июня 1945 г. выдался дождливый день. Колонны войск были построены на Красной площади лицом к Мавзолею Ленина. В 10 час. утра на 403 трибуне появился Сталин. Из Спасских ворот на белом коне выехал принимающий парад маршал Георгий Константинович Жуков. Нет нужды говорить, какой всенародной любовью и уважением пользовался этот прославленный полководец. Вместе с командующим парадом маршалом Константином Константиновичем Рокоссовским он объехал войска и поздравил их с праздником Великой Победы. Затем Жуков поднялся на трибуну Мавзолея и произнес речь. Прозвучали фанфары, прогремел артиллерийский салют. Маршал Рокоссовский отдал команды. Построенные для парада войска их четко выполнили. Торжественным маршем прошли сводные батальоны фронтов. К подножию Мавзолея были брошены знамена армий поверженного врага...

Я благодарю судьбу за то, что мне посчастливилось быть участником Парада Победы. Думаю, не только для меня, но и для всех его участников это событие стало «звездным часом» в жизни. Мы были переполнены гордостью за нашу армию, за наш народ, который, пройдя через множество тяжелейших испытаний, принес великие жертвы, одержал победу в Великой Отечественной войне.

Не могу не сказать, как горько и обидно сегодня слышать разглагольствования различного рода фальсификаторов истории, осквернителей прошлого, которых можно встретить не только за рубежом, но, к большому сожалению и стыду, в нашей стране. Они пытаются извратить истинный характер и цели Великой Отечественной, стремятся преуменьшить значение подвига советского народа, дискредитировать армию, которая призвана выполнять свой долг по защите государственных интересов России. Когда я слышу подобное злопыхательство, выдаваемое за истину, то вспоминаю друзей моей военной молодости, отдавших жизнь за Родину, за ее лучшее будущее, за всех нас, оставшихся в живых.

Чем дальше уходит в прошлое Великая Отечественная война, тем более величественным представляется подвиг советского народа, одержавшего победу в борьбе с фашизмом. Миллионы людей прошли на войне суровую школу испытаний. Чувства высокого патриотизма, беззаветной любви к Родине стали неотъемлемой чертой их характера.

Содержание

Часть I

АКАДЕМИЯ НАУК – ФРОНТУ

Академия наук в первые дни войны	9
Научные учреждения Академии наук в Великой Отечественной войне. Перестройка деятельности, новые формы управления исследованиями, изменение их тематики	19
Институт истории Академии наук СССР в 1941–1942 гг.: эвакуация и работа в новых условиях (<i>М.С. Зинич</i>)	27
Научные деятели в Боровом (<i>О.Д. Лившиц</i>)	40
Два года эвакуации в Казани (<i>Л.Д. Виноградова</i>)	47
Научный фундамент Великой Победы: ученые – фронту	58
Вклад академической науки в Великую Победу	72
Георгий Владимирович Акимов – создатель высокопрочных сталей и основатель советской коррозионной научной школы (<i>Н.Н. Федосеенков</i>)	92
К истории создания танковой колонны «За передовую науку» (по документам Архива РАН) (<i>Д.В. Аносов</i>)	103
Академическое книгоиздание военных лет как отражение достижений фундаментальной и прикладной науки	115
Документы о вкладе ученых в Победу в Великой Отечественной войне в фондах Архива Российской академии наук (<i>Н.М. Осипова</i>)	129

Часть II

НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК –
УЧАСТНИКОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА

Академик РАН <i>Беляев С.Т.</i>	141
Академик РАН <i>Васильев О.Ф.</i>	152
Академик РАН <i>Виноградов В.А.</i>	156
Член-корреспондент РАН <i>Жамойда А.И.</i>	178
Член-корреспондент РАН <i>Зверев В.А.</i>	183
Академик РАН <i>Колесников К.С.</i>	188
Член-корреспондент РАН <i>Королев Л.Н.</i>	190
Академик РАН <i>Митенков Ф.М.</i>	193
Член-корреспондент РАН <i>Можсаева Г.Н.</i>	199
Академик РАН <i>Ойзерман Т.И.</i>	200
Академик РАН <i>Пуцаровский Ю.М.</i>	208
Академик РАН <i>Саркисов А.А.</i>	218
Академик РАН <i>Сурков В.С.</i>	243
Академик РАН <i>Тихвинский С.Л.</i>	245
Член-корреспондент РАН <i>Удинцев Г.Б.</i>	264
Академик РАН <i>Халатников И.М.</i>	276
Академик РАН <i>Чельшиев Е.П.</i>	283

Научное издание

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ
НАУКА – ФРОНТУ**

К 80-летию Победы
в Великой Отечественной войне
1941–1945

Издание второе, дополненное

Редактор *Е.Ю. Федорова*
Художник *П.Э. Палей*
Корректоры: *А.Ю. Обод, С.О. Розанова*

Подписано к печати 21.03.2025
Формат $70 \times 100^{1/16}$. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.-печ.л. 24,05 Уч.-изд.л. 20,0
Тираж 1000 экз. Тип. зак.

ФГБУ Издательство «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

E-mail: info@naukapublishers.ru
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

ISBN 978-5-02-041164-7

9 785020 411647